

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

3/2013

Журнал

«Семь искусств»

Март 2013

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2013

Журнал

«Семь искусств»

Март 2013

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

ISBN 978-1-291-39455-9

Компьютерная вёрстка и техническое
редактирование Изабеллы Побединой

Общество любителей еврейской старины

Ганновер 2013

Содержание

Марк Цайгер	
Размышления о зыбучих песках.....	5
Моисей Каганов	
Эпизоды из жизни физика-теоретика.....	11
Александр Чупров	
Две статьи Публикация Б. Шейнина.....	41
Игорь Чубаров	
Эрнест Борисович Винберг.....	90
Сергей Сапожников	
Пушкинский след.....	102
Артур Штильман	
Гуляя по парку Горького.....	110
Борис Тененбаум	
Последние 292 дня Тысячелетнего Рейха.....	127
Евгений Брейдо	
Жатто.....	152
Семён Талейник	
Несколько картин И.Е. Репина глазами врача.....	163
Михаил Цаленко	
Взгляд назад невидящих глаз.....	183
Владимир Янкелевич	
Осколки.....	221
Алла Цыбульская	
Разрушенное очарование декаданса.....	251
Борис Кушнер	
Уроки осени.....	263
Елена Аксельрод	
Стихи разных лет.....	287
Павел Нерлер	
Високосные круги:.....	296
Александр Матлин	
В доме повешенного говорят о верёвке.....	307
Наум Брод	
Описания пространств Наума Брода.....	315
Лорина Дымова	
Жизнь прожить – не поле перейти.....	328

Александр Богданов	
История с траекторией	333
Надежда Кожевникова	
Быть в одиночестве – красиво	346
Светлана Богданова	
Яков Аронович Костюковский 23.08.1921-11.04.2011	352
Зоя Мастер	
Людмила Улицкая: «Последнее равенство – небытие»	369
Михаил Юдсон	
Кузов звуков. Леонид Иоффе. Четыре сборника	379
Игорь Ефимов	
Приглашение на карнавал	383
Лина Маркова	
Пещера Авраама (Ибрагима) в городе Урфа, Турция	411
Маргарита Бурьянова	
Путешествие в Альпы.....	422
Об авторах	437

Марк Цайгер

Размышления о зыбучих песках

ногие, по-видимому слышали страшные случаи о зыбучих песках: как где-то в пустыне караван верблюдов утонул, провалившись в пески, в аляскинском фьорде легковая машина ехала по отмели и забуксовала, муж сказал жене – выйди, подтолкни, она вышла и так затянуло её ноги в песок, что откопать вовремя не удалось, одну ногу уж откопали, а вторая держит, приливная волна накрыла её с головой и так она и погибла, хотя поздно вызванные водолазы и пытались, ныряя в воду, откопать её. Так вот я скажу: верьте этому, верьте, так на самом деле бывает. И неправда, когда говорят, что в песке утонуть нельзя, т.к. его удельный вес выше, чем средний удельный вес живого существа - можно утонуть, даже полностью погрузившись в песок. И не нужно выдумывать про какие-то особые пески, с примесью глины или ещё чего-то. Всё это враки – самые обычные пески на это способны, лишь бы были условия.

Что мы знаем о песке. Если вы высыплете стакан сухого песка на газету, то образуется конус с пористостью порядка 45-50%. То есть объём пор, занятых воздухом в таком конусе будет составлять 45-50 % от объёма самого конуса. Это – достаточно рыхлый песок.

Когда я учился в Московском Нефтяном институте в середине прошлого века, наши преподаватели подземной гидравлики рассказывали о моделях самой плотной и самой рыхлой упаковок песка. В самой плотной упаковке один шарик песка (для простоты песчинки представляли шариками одинакового диаметра) контактировал с 12 такими же шариками. В самой рыхлой упаковке один шарик контактировал с шестью такими же шариками. И мы всё это принимали на веру. Но в последние пару десятков лет я сильно засомневался в этом. Может ли быть ещё более рыхлый песок? Да, может. В том песке, что насыпан на газете, каждая песчинка контактирует с 6-7 соседними

песчинками. Но возможна структура, при которой каждая песчинка контактирует только с 4-мя соседними песчинками. Я попытался посчитать пористость такой упаковки, это оказалось нетрудно, достаточно было знать стереометрию за 8-9 классы школы. И получилось, что пористость такого «сверхрыхлого» песка равна ~83%, а точнее 82,999..%. (Если кто не верит, может обратиться ко мне, пришлю несложный расчёт).

Без комментариев (<http://dirty.ru/comments/338495/>)

И вот представьте ситуацию: человек, видя перед собой отмель, вступает в неё ногой и проваливается. Почему? Да потому, что там раньше была пористость 83 %, а когда он потревожил структуру песка, песок переупаковался, и его пористость снизилась до 45-50 %. Песок просто осыпался на ногу. Ну и что? Встаньте на пол и пусть вам на ноги насыплют мешок песка. Сможете ли вы выбраться из него? Без проблем! Вы опираетесь на одну ногу и вытаскиваете другую, переставляете на свободное место на полу и то же делаете со второй ногой. Но это на жёстком полу. А на отмели под ногами, погрузившимися в песок, находится рыхлый песок с пористостью 83 % (переупаковалась только самая верхняя часть, потревоженная вашими ногами), и как только вы пытаетесь опереться одной ногой, перенося на неё свой вес, вы тут же проваливаетесь ещё глубже. И вам кажется, что песок напрочь прихватил ноги, «забетонировал» их, как пишут журналисты. И неспроста кажется, на самом деле песок присасывает ваши ноги, как я покажу ниже. Выбраться можно, например, с помощью воздушного шара (знаете, сейчас есть монгольфьеры, в которых горелка нагревает воздух, направляемый в непроницаемую пластиковую оболочку, мы видим фотографии, где такой монгольфьер поднимает в небо человека вместе с его домом), так вот пусть с такого воздушного шара кинут вам

верёвку с петлёй, достаточной, чтобы просунуть в неё голову и руки, и эта верёвка вытянет вас из песка, и никакого бетона на ногах вы не почувствуете. Конечно, где зыбучий песок и где монгольфьер? Но это уже проблема другого рода.

Помню впечатления жительницы Парижа, отдыхавшей на проливе Ла-Манш, опубликовавшей их в своём блоге пару лет назад. Там разница уровней прилива-отлива составляла несколько метров, но меня поразило вот что: во время отлива местные жители забредают в сторону моря на 200-300 м от берега и выковыривают из отливного морского дна моллюсков, из которых потом готовят вкусную еду. А как же зыбучие пески? Их нет там. Потому, что поток приливной воды идёт НАД дном, он не взмучивает донный осадок, песок остаётся в плотном состоянии и по нему можно спокойно гулять.

Совсем другая картина наблюдается там, где приливной воде приходится пробиваться вперёд и назад через длинные узкие заливы или долины рек два раза в сутки, например, р. Кулой, впадающая в Мезенский залив Белого моря, фьорд Тарнэген на Аляске, залив Моркэмбе-Бей в Англии. Фьорд Тарнэген имеет длину 80 километров и весь состоит из зыбучих песков. Приливая вода в Моркэмбе-Бей прибывает стремительно, и уровень воды в заливе быстро поднимается на девять метров. Как поступает эта вода? Частично поверх дна, частично через донные осадки. И сейчас самое время сказать несколько слов относительно проницаемости донных осадков.

Возвращаясь к тем моделям из шариков, о которых нам рассказывали в институте, хочу отметить, что ни в то время, ни сейчас, по прошествии шести десятков лет никто не определил, какова же была проницаемость этих моделей (я имею в виду критериальную проницаемость, когда все параметры, такие, как диаметр шаров, плотность и вязкость жидкости или газа, увязаны в «критерии», безразмерные отношения, и на результат влияет только само расположение шаров по отношению друг к другу). Да если сейчас поставить этот вопрос в каком-нибудь всемирно известном университете, то сразу возникнет встречный вопрос – а кому это нужно. Почему-то все уверены, что наука делается потому, что это кому-то нужно. Опасное заблуждение – наука делается потому, что это любопытно, причем именно тому, кому это любопытно. Недаром академик Арцымович справедливо отметил, что наука – это способ удовлетворять своё любопытство (далее он добавил «за государственный счёт», но бывают случаи, когда эта государственная компенсация отсутствует).

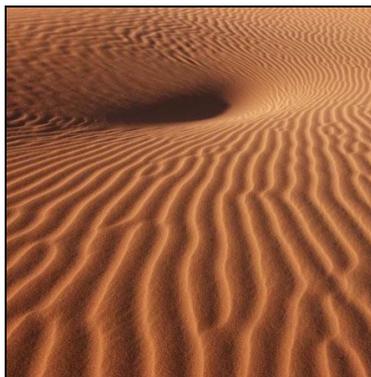
Так вот, что делать, когда нужные исследования не проведены, а они нужны? Правильно, обратиться за помощью к научным соседям, что я и сделал – посмотрел, как в науке была исследована гидравлика шаров. И это направление дало нужный результат. Оказалось, что обтекание шаров жидкостью и газом исследовано очень хорошо, причём не только отдельных шаров, но и групп шаров (даже существует такой термин «стеснённое падение шаров»). Не буду вдаваться в детали, но отмечу, что при прочих равных условиях гидравлическое сопротивление шаров однозначно зависит от пористости, т.е. от соотношения доли пространства, занимаемого обтекающим флюидом к пространству, занимаемому самими шарами. Опять не буду вдаваться в детали (если кого-то интересует, напишите, я всё подробно отвечу), но отмечу, что если проницаемость самой тесной упаковки шаров (контакт с 12 окружающими шарами) принять за единицу, то при снижении числа контактов с соседями до шести проницаемость увеличивается в 8,9 раза, а при снижении числа контактов до четырёх проницаемость увеличивается аж в 143 раза.

И, тем не менее, эта проницаемость оказывается недостаточной, чтобы приливная волна в узких заливах или долинах полностью шла через донные осадки. Тут другие научные соседи, а именно те, которые занимаются гидро- и пневмотранспортом твёрдых материалов в псевдооживленном состоянии, подсказывают, что когда поток флюида бывает слишком велик, то в массе переносимых твёрдых частиц возникают «пузыри», т.е. полости, заполненные одним только флюидом. В переводе на приливно-отливную ситуацию в заливах и каньонах, в разрыхлённых донных осадках могут образовываться туннели, по которым движутся приливно-отливные воды. И если бы можно было с самолёта пролететь над долиной и каким-то геофизическим методом (инфразвуковой акустикой или ещё чем-то подобным) закартировать эти туннели, то мы бы увидели, как они расположены. Поскольку приливы-отливы повторяются каждые шесть часов, вода по эти туннелям движется в ту и другую сторону довольно часто.

Ну, хорошо, примем, как гипотезу, что вода в зонах зыбучих песков движется и поверх донных осадков и по туннелям внутри самих осадков. Но ведь во время отлива вода уходит обратно в море. А кто приходит вместо неё в донные осадки? Воздух. Он просачивается из атмосферы через поры осадка, вытягивает всю влагу с поверхности (вот почему снаружи отмели, в зонах зыбучих песков выглядят такими сухими и привлекательными для туристов). Но это не всё. Уходящая из

туннелей вода создаёт в осадках вакуум, и этот вакуум лишь частично гасится поступлением воздуха из атмосферы. Когда человек попадает в зыбучий песок, то его этот вакуум присасывает. Вот почему создаётся ощущение, что ноги прихватило как бетонным раствором. И если кто-то раскапывает вам ноги в этом песке, то песчинки не отлетают далеко, а с потоком воздуха, всасываемого зыбучими песками, возвращаются на места, откуда они были выкопаны. Вот почему так трудно откопать ноги человека, попавшего в зыбучие пески.

Вакуум в туннелях донных осадков во время отлива способствует сохранению туннелей в часы, когда они свободны от воды – цилиндрическая конструкция из песка обжимается снаружи, и это делает её более устойчивой.

Тут ведь что-то произошло?
(<http://www.realfacts.ru/index.php?newsid=58>)

Отвлечёмся о зоны приливов и отливов и обратим внимание на пустыню. «Ходят слухи, что в Сахаре, по вине зыбучих песков, иногда бесследно исчезают целые караваны. Кочевники из племени туарегов рассказывали о душераздирающих воплях, доносящихся по ночам из-под земли. Они верят, что это стонут души людей, поглощенных алчным чревом пустыни. Недавно российские ученые сделали открытие на основании фотоснимков земной поверхности, полученных со спутника, – под пустыней протекает мощная подземная река» (Зыбучие пески. Что это? - <http://dirty.ru/comments/338495/>).

Конечно, подземная река течёт в одну сторону и не меняет направления каждые 12 часов. Но и у подземной реки бывают периоды весенне-летних повышений расхода в связи с таянием ледников в верховьях реки и осенне-зимних сокращений расхода

воды. И туннели, образовавшиеся в периоды повышенного расхода, не сразу осыпаются после его сокращения. Вот и возможная причина проваливания караванов в пески пустыни.

В целом, зыбучие пески – это интереснейшая и достаточно полезная для человечества в целом область научных исследований, но «кому это нужно?» скажут администраторы от науки, которые распределяют научные деньги - «без этого можно прожить!».

Моисей Каганов

Эпизоды из жизни физика-теоретика (продолжение. Начало в №2/2013)

Памяти Элочки

Дела семейные

Слово *семья* и его производные, по-моему, у подавляющего большинства людей вызывает вполне положительные ассоциации и эмоции. Кроме слова *семейственность*. В словаре Ожегова одно из значений этого слова имеет примечание (*неодобр.*), а пример (*Борьба с семейственностью*) прямо указывает, что надо делать с семейственностью – с ней надо бороться. Поэтому, наверное, никого не удивит, что я скрыл своё руководство дипломной работой своей дочери Инны Кагановой. Было это в конце 60-х, в начале 70-х годов. Официальную роль взял на себя мой коллега по теоретическому отделу УФТИ Лёня (Леонид Викторович) Танатаров. До сих пор я испытываю к нему чувство благодарности. У меня было много дипломников. Мало кто из моих дипломников затратил столько труда на дипломную работу, сколько затратила Инна: работа была очень трудоёмкой, но, по-моему, достаточно поучительной.

Как было принято в Школе И. М. Лифшица, дипломные работы всегда были продолжением, развитием работ, которыми занимались руководители. Так было и в данном случае. По материалам дипломной работы Инны были опубликованы две статьи: “Черенковское излучение звука частицей, движущейся через металл” (ФТТ, 1973, т. 15, стр. 2119) и “К теории генерации звука заряженными частицами. Возбуждение звука Ξ -вспышками” (ФТТ, 1973, т. 15, стр. 1536). Первая, как очевидно, – следствие занятий теоретической электроникой. Но не только: в то время меня интересовало взаимодействие электронов и фононов. К теме второй работы, связанной с Ξ -вспышками, я ещё вернусь.

К сожалению, всякие дела (в основном связанные с переездом из Харькова в Москву) привели к тому, что интереснейшая проблема исследования механизма излучения звуковых волн заряженными частицами, пролетающими через конденсированную среду, “ушла от нас”, хотя, похоже, наша работа была пионерской. Этой проблемой занялись другие. Правда, через какое-то время наши работы заинтересовали, но совсем не тех физиков, которым мы адресовали свои работы. Заинтересовались физики, разрабатывающие методику регистрации нейтрино по следам заряженных частиц в морской воде. Об этом мне рассказал М. И. Подгорецкий¹. Мы оба (и Инна, и я) в то время были так далеки от тех наших работ, что не смогли воспользоваться интересом, проявленным физиками из совершенно другой области. Жаль!

Будучи более бдительным, начальство ещё дважды могло бы обвинить меня в семейственности.

Моей дипломницей была моя двоюродная сестра Ира Скловская². Так как фамилии у нас разные, не было необходимости привлекать к официальной роли кого-нибудь постороннего. Ира заканчивала Отделение механики Механико-математического факультета ХГУ, была студенткой кафедры, которую создал и которой многие годы руководил Вениамин Леонтьевич Герман. На кафедре большое внимание уделяли механике сплошных сред в её теорфизическом аспекте. Именно с этим связано привлечение меня к руководству дипломной работой Иры Скловской. В это время я, насколько помню, изучал только вышедший том Курса теоретической физики Ландау-Лифшица – “Электродинамика сплошных сред” и хотел куда-нибудь применить новые знания. Осознав, что часто поверхностные волны – результат объединения разных волн, я пытался найти новый пример такого подхода. В работе Иры Скловской новая поверхностная волна была найдена. Для её обнаружения, действительно, надо было совместно решить уравнения упругости и электростатики. В результате мы опубликовали краткую статью “О поверхностной волне в пьезоэлектрике” (М. И. Каганов,

---

¹ Михаил Исаакович Подгорецкий – физик-теоретик, до конца своей жизни (1919-1995) работал в ОИЯИ (Дубна). Крупный специалист по физике элементарных частиц. И добавлю: обаятельный человек.

² Очень грустно констатировать: Ира и её муж Юра безвременно рано ушли из жизни, нарушив естественную очерёдность. Произошло это в Израиле. Юра умер в 2000 году, Ира – в 2001.

И. Л. Скловская, ФТТ, 1966, т. 8, с. 3480). Теперь эти волны известны как волны Блюштейна – Гуляева (см. задачу №5 в §17, гл. II второго издания “Электродинамики сплошных сред”, она содержит ссылку: *J. L. Bleustein*, 1968; *Ю. В. Гуляев*, 1969). Справедливо ли то, что наш приоритет не учитывается? Во-первых, в наиболее полных обзорах и монографиях, посвящённых поверхностным волнам, нашу работу упоминают. Во-вторых, для нас открытая нами волна была лишь примером возможности, даже симметричного анализа мы не провели. В работах Блюштейна и особенно Гуляева эта поверхностная волна превратилась в участника и даже в главное действующее лицо акустоэлектроники. Конечно, грустно, что на нас нет ссылки именно в “Электродинамике сплошных сред”, но, возможно, это и справедливо.

В следующем и последнем семейном эпизоде участвуют три поколения: кроме меня, моя дочь Инна и внучка Марина Леонидовна Литинская. Марина была студенткой Физического факультета МГУ, на Кафедры кристаллов. Я был профессором МГУ, работал на Кафедре физики низких температур. В группу будущих физиков-теоретиков, которая существовала под эгидой Кафедры физики низких температур, входили студенты не только Кафедры физики низких температур, но и Кафедры кристаллов. Я должен был быть руководителем дипломной работы Марины. И формально им был. Скажем так: не вполне формально. Тему предложил я, внимательно следил, как у внучки-дипломницы (!) идут дела, но основную роль (и как руководитель, и как соавтор Марины) играла моя дочь Инна Каганова. События, связанные с этим семейным эпизодом, довольно подробно изложены в небольшом цикле из статей, который мы, Шура Гросберг и я, назвали “Вокруг шарика” (А. Ю. Гросберг, М. И. Каганов, “Квант”, 1996, № 2). В цикл входят статьи: М. Каганов, “История задачи – древняя и новая”; А. Гросберг, “Стержни-пружинки, полимеры и метеориты”; А. Гросберг и М. Каганов, “Сколько же энергии уносит звук?” Почему цикл мы назвали “Вокруг шарика”, станет сейчас ясным.

В работах И. М. Лифшица и Л. Н. Розенцвейга конца 40-х годов важное место занимали работы по динамике кристаллической решётки. Одной из таких работ была их работа о кристалле, заполняющем полупространство (ЖЭТФ, 1948, т. 18, стр. 1134). Для Ильи Михайловича это одна из работ важного в его творчестве цикла исследований по теории локальных возмущений. Для меня, для Инны и Марины – завязка некоего сюжета. Когда мы с В. М. Цукерником появились в УФТИ, одна из предложенных

нам И. М. задач была по динамике кристаллической решётки, заполняющей полупространство. Предлагалось вычислить реакцию упругого полупространства на удар сталкивающегося с поверхностью шарика. Задача у нас “не пошла”, И. М. её не вспоминал, и мы её оставили. Аукнулось через много лет. Когда Марина на Физическом факультете Московского университета изучала теорию упругости, я вспомнил о нерешённой задаче и подумал, что она может быть хорошей темой для самостоятельной работы. Сначала речь шла о курсовой работе. Выяснилось, что работа требует много усилий и хорошего владения математическим аппаратом теории упругости. Работала Марина под руководством своей мамы, а я лишь наблюдал. Работы вполне хватило не только на курсовую работу, но и на дипломную. Более того: в результате 1 мая 1995 года появились две хорошие статьи в европейском журнале (I. Kaganova, M. Litinskaia, *Physics Letters A*, 1995, v. 200, p. 365 и p. 375). Признаюсь, появление статей доставило большое удовольствие. Не меньшее (это уж точно!), чем выход из печати собственных статей.

Оказывается, Илья Михайлович о задаче, которую дал мне и Цукернику и о которой никогда нам не напоминал, не забывал. Выяснилось это из рассказа А. Ю. Гросберга, вошедшего в цикл “Вокруг шарика” (см. выше). Вспомнил её И. М. в связи с работами по физике полимеров. Нелишне задуматься: совсем разные задачи нередко связаны между собой. Связаны, правда, в сознании такого опытного и талантливое физика-теоретика, каким был Илья Михайлович.

К семейным делам можно отнести и цикл работ с Инной по теории поликристаллов. Он уже кратко описан в разделе “Импеданс” и упомянут в разделе “Тематика длиной в жизнь”, но кое-что следует, по-моему, добавить.

Я начал заниматься поликристаллами с освоения метода, использованного И. М. Лифшицем и его учениками. Когда исследуются свойства неограниченных поликристаллов, метод математически прост. Простота его связана с возможностью применить метод Фурье, с помощью которого интегральные уравнения превращаются в алгебраические. Позже я вернулся к поликристаллам, работая вместе с Инной. В этих работах метод Ильи Михайловича удалось обобщить на задачи, в которых существенную роль играет граница.

В выборе этого направления весьма важную роль сыграл А. А. Марадудин (Alex Maradudin), с которым к этому времени я уже был хорошо знаком. Подоспела очередная поездка на школу в

Карпаче³, где мы оба были лекторами. Более того, мы жили рядом, много времени проводили вместе. Я рассказал Алексу, чем занималась Инна. В результате наших разговоров мы договорились, что я посоветую Инне заняться теорией рэлеевских волн в поликристаллах, сообщив ей, что Марадудин готов участвовать в решении задачи в качестве соавтора. Я был очень рад согласию Алекса: лучшего соавтора по этому кругу задач рекомендовать Инне было нельзя. Инночка согласилась начать. Начинать всегда трудно. А задача о рэлеевских волнах к тому же очень громоздка, объективно трудна. Мне показалось, что лучше сначала попробовать решить задачу о скин-эффекте в поликристалле. Инна отставила работу по теории рэлеевских волн, и мы вместе (она и я) занялись электродинамической задачей. Сначала нас постигла неудача: мы наткнулись на трудность с выполнением полного набора граничных условий. Инна вернулась к рэлеевским волнам.

Сотрудничество Инны с Марадудиным оказалось очень продуктивным и полезным. За их работой я наблюдал со стороны. Задача была полностью решена. Жаль, отсутствует подробное изложение. Опубликованы только результаты, хотя весьма интересны и вычисления. Переоценить полученные результаты трудно. Ведь до работы Инны Кагановой и Алекса Марадудина (I.M. Kaganova, A.A. Maradudin, Phys. Scr., 1992, v. 44, p. 104) не было известно, как связаны характеристики рэлеевской волны в изотропном поликристалле с упругими модулями кристаллитов поликристалла. Распространение объёмных звуковых волн в поликристаллах было рассмотрено ещё в конце 40-х годов И.М. Лифшицем, Г.Д. Пархомовским (см. Учёные записки Харьковского университета, т. 27. Труды физического отделения физико-математического факультета, 1948, т. 1, стр. 25). Один из важных результатов работы – затухание звуковых волн, обязанное экстинкции волн на кристаллитах. Аналогичное явление имеет место и при распространении электромагнитных волн в диэлектрических поликристаллах (см. цитированную выше статью, ставшую моей дипломной работой). Рэлеевские волны неоднородностями поликристалла, конечно, рассеиваются. Вычисление затухания рэлеевских волн в поликристаллах занимает в работе важное место. Воспользовавшись этими результатами, К.Н. Зиновьевой (ИФП РАН) удалось лучше

---

³ В горном курорте Карпач около Вроцлава (Польша) Вроцлавский университет проводит ежегодно теорфизические конференции, лектором на которых я был несколько раз.

разобраться со значением величины скачка температуры Капицы на границе между поликристаллом и сверхтекучим гелием (так она мне говорила).

После окончания работы по теории рэлеевских волн с Марадудиным Инна (вместе со мной) вернулась к теории скин-эффекта в поликристаллах. Я получал большое удовольствие от того, что опять, после более чем 20-летнего перерыва, работал с дочерью. Мы придерживались апробированной схемы, то есть исходили из малости анизотропии. Мы разобрались, почему не выполнялись граничные условия. Связано это было с тем, что мы не учитывали продольного электрического поля, а без него нельзя добиться выполнения граничного условия для плотности тока. Как распуталась история с выполнением этого граничного условия (см. I.M. Kaganova, M.I. Kaganov, Normal skin effect in polycrystals; Waves in Random Media, 1993, v. 3, p. 177) – несомненно, интересно. Такая ситуация встречается во многих задачах.

В развитии теории высокочастотных свойств металлов традиционен переход от нормального к аномальному скин-эффекта. Возникла естественная мысль построить теорию аномального скин-эффекта поликристаллов. С математической точки зрения это значило распространение метода Лифшица на интегральные уравнения со случайными коэффициентами. Похоже, мы (Инна и я) сделали этот шаг первыми. Правда, результат Дыхне – Кагановой показал, что значительно более продуктивно воспользоваться приближением, основанным на малости импеданса, а не методом И. М. Лифшица (см. выше). Однако, хочется думать, опробованным нами путём удастся решить и другие задачи. Например, несомненно интересно было бы выяснить, каков коэффициент поглощения ультразвука электронами поликристаллического металла в случае, когда длина свободного пробега электронов превышает длину волны звука. Для монокристаллов коэффициент поглощения в этих условиях вычислен А.И. Ахиезером, Г.Я. Любарским и мною (ЖЭТФ, 1957, т. 32, стр. 837).

Привитая первыми работами по фермиологии любовь к геометрии (пояски, сечения и т.п.), естественно, проявилась и в наших работах. Геометрический подход позволил детально разобраться в том, как ведут себя усреднённые характеристики поликристаллов со сложными поверхностями Ферми. Стоит обратить внимание на формулу, согласно которой компонента Фурье проводимости поликристалла при $kl \gg 1$ обратно пропорциональна модулю волнового вектора k и прямо пропорциональна площади поверхности Ферми, сколь бы сложной

формы поверхность Ферми ни была (l – длина свободного пробега электронов). Геометрическое видение позволило рассмотреть два принципиально разных случая малой анизотропии электронных свойств металла: поверхность Ферми – эллипсоид с близкими по величине полуосями и сферическая ферми-поверхность с “прыщиками/оспинками”.

По этой тематике мы (Инна и я) опубликовали три работы [Phys. Lett. A, 1993, v. 173, p. 473; Waves in Random Media, 1993, v. 3, p. 177; J. Low Temp. Phys., 1996, v. 22, p. 712]. Вычисления, описанные в этих статьях, требовали не только опыта и высокой квалификации, но и трудоспособности, и усидчивости. Должен сделать грустное признание: к тому времени, как я с Инной занялись электронными свойствами поликристаллов, подобные вычисления мне уже были не под силу. Моё участие сводилось к совместным обсуждениям постановки задач, приближения и результатов.

Повторю: перечисленные здесь три работы не вышли за пределы идей И.М. Лифшица. Возможность получения строго обоснованных формул для средних модулей базировалась на малой анизотропии кристаллитов. Работа Инны с А.М. Дыхне [А.М. Dykhne and I.M. Kaganova, Physica A, 1997, v. 241, p. 154] кардинально изменила ситуацию (я уже об этом писал). Мы (Инна и я) метод, апробированный Инной и А.М. Дыхне на примере *нормального* скин-эффекта, использовали для вычисления импеданса поликристалла в условиях *аномального* скин-эффекта. Таким образом, мне кажется, теория скин-эффекта получила своё завершение. Не перечисляя все полученные нами результаты (см. Physical Review B, 2001, v. 63, p. 054202), отмечу, что в поликристалле геометрия поверхности Ферми “даёт себя знать”. Даже аномалии, сопровождающие топологический переход (изменение связности поверхности Ферми за счёт внешнего воздействия), не исчезают при усреднении.

Заканчивая описание *семейных дел*, не могу не похвастать: и дочь Инна Каганова, и внучка Марина Литинская – хорошие, квалифицированные физики-теоретики, обе кандидаты наук. Ни в коей мере не претендую на то, что это моя заслуга. Прежде всего, конечно, их самих и тех, с кем они плодотворно работали: Инночка – с Р.Г. Архиповым, А.Л. Ройтбурдом и А.М. Дыхне, а Марина – с Инной и В.М. Аграновичем.

ЯНВАРЬ 1962 ГОДА

Когда мне исполнилось 60, мои ученики и молодые коллеги⁴ сделали мне “королевский” подарок: собрали мои работы, сделали копии, переплели и в виде семи томов преподнесли 4 июня 1981 года. Был благодарен безмерно. И сейчас благодарен. Не умею “заводить архивы”, поиски любого понадобившегося мне оттиска всегда были почти неразрешимой задачей. Нечего говорить, что семь томов перелетели со мной через океан и заняли место на полке в новом жилище.

Закончив (по меньшей мере, временно) с “Делами семейными”, я вспомнил о своей работе “О неупругом рассеянии частиц и черенковском излучении” (ЖЭТФ, 1962, т. 43, стр. 153). Работа, несомненно, принадлежит “переходной” тематике: в ней конденсированная среда не только среда распространения макроскопических волн, но и динамическая система со своим спектром элементарных возбуждений. Прежде чем начать писать, разыскал интересующую меня работу в 3-м томе, перелистал, прочитал благодарно:

“В заключение хочу поблагодарить Л. Д. Ландау за полезные советы, а также И. М. Лифшица и В. М. Цукерника за интерес к работе”.

Задумался, какой полезный совет дал мне Ландау. Не вспомнил. Временно перестал об этом думать, так как обратил внимание на справку: “Поступила в редакцию 14 января 1962 г.”

Меня буквально захлестнул поток воспоминаний.

Дело в том, что автомобильная катастрофа, в которой пострадал Ландау, произошла 7 января 62-го года. Узнал я о происшедшем 8-го, когда в первый раз в этот свой приезд в Москву зашёл в редакцию ЖЭТФа. Возможно, чтобы узнать, поступила ли эта моя статья в редакцию. Но не обязательно был конкретный повод: часто я заходил просто так, поздороваться.

Когда я узнал, что идёт борьба за жизнь Ландау, попытался понять, могу ли быть полезным. Встретившийся Евгений Михайлович Лифшиц сказал, что помочь я не могу: не москвич, знакомых врачей нет, полезных людей не знаю, машины нет и водить не умею. Е. М. посоветовал не идти в больницу: “Зачем вам видеть Дау, обмотанного бинтами?”, – сказал он. “Запомните его таким, каким вы его знали!” Шансов, что Ландау останется в живых, было очень мало. Что мне оставалось? Только узнавать состояние. Этим я и занимался: каждые несколько часов

---

⁴ По-моему, главным зачинщиком и исполнителем была Таня Лисовская. Большое ей спасибо!

звонил в больницу. В больнице у телефона дежурили физики, звонки не мешали тем, кто боролся за жизнь Ландау. Из Москвы в том январе я поехал в Ленинград. Начался период междугородных звонков. Когда вернулся в Харьков, взял на себя оповещение физиков о состоянии Ландау. Дирекция УФТИ выделила служебную телефонную линию. Ею можно было пользоваться из квартиры.

Первый раз после аварии увидел Ландау в Академической больнице. Большой радостью (не только для меня, но для многих) было то, что Ландау меня узнал. Тогда я впервые услышал фразу: “Сегодня болит нога. Когда пройдет, заходите, поговорим!” В течение шести лет я слышал её много раз. То болела нога, то живот. За шесть лет, которые Ландау прожил после аварии, несколько раз мы перебросились отдельными содержательными словами. Но ни разу по-настоящему не говорили, ни по физике, ни на литературные, ни на бытовые темы.

Вернусь к статье. Перечитал её. В одном месте исправил незначительную опечатку. Совершенно очевидно, статья, о которой идёт речь, – последняя работа, которую я обсуждал с Ландау.

ЭЛЕКТРОНЫ, ФОНОНЫ, МАГНОНЫ

Книжка, название которой совпадает с названием этого раздела, написана мною ⁵. В ней я попытался рассказать непрофессионалам о квантовой теории твёрдого тела. Хочется думать, я не ошибаюсь, считая, что книжка имела успех. Что несомненно, так это то, что эту книжку я люблю до сих пор. А ведь издана она была более 30 лет назад (2011г.).

На переплёте нарисована скала, омываемая волнами. Дело в том, что книга имеет эпиграф – две строки из стихотворения Д. С. Самойлова:

“До свидания, камень!

И да будет волна!”), как символ квантовомеханической, то есть волновой природы движения атомных частиц и, одновременно, – моей любви к поэту Давиду Самойлову. Но на скале – странная птица. Когда книжка вышла из печати, многих удивил рисунок на обложке, и мне приходилось объяснять, как на

---

⁵ М. И. Каганов, “Электронны, фононы, магноны”, Москва, “Наука”, 1979. В 2007 году, в издательстве URSS (Москва) вышло второе издание в серии “Шедевры научно-популярной литературы”. Что означает аббревиатура URSS, выяснить мне не удалось. Кое-где встречается и иная аббревиатура (ЛКИ), обозначающая то же издательство.

переплёт “залетела” птица. Птичку поместил художник, оформлявший книжку. Когда мне показали проект обложки, я удивился, попросил убрать, но увидев, как огорчён художник, не смог настаивать. Птичка осталась. Этим дело не кончилось. Года через два издательство “Мир” решило издать перевод книги на английский язык. Однажды ко мне в Институт физических проблем пришёл кто-то из издательства “подписать обложку”. Увлечённый тем, чем я тогда был занят, почти не глядя, подписал. Когда посыльный ушёл, Таня Лисовская (мы с ней работали) спросила: “А вы обратили внимание, что на обложке – рыбка?” Только после этого я сообразил, что было нарисовано на обложке: рыбка из формул и значков, которые художник нашёл в моём тексте. Так и существуют два издания “Электронов, фононов, магнонов” с представителями фауны на переплёте: по-русски – с птичкой, по-английски – с рыбкой.

По-русски было ещё одно издание. И по поводу этого издания должен кое-что сказать.

Московское издательство URSS обратилось ко мне за разрешением переиздать “Электронны, фононы, магноны”. Не без удовольствия я дал согласие. И книга вскоре вышла из печати. Получив моё согласие, издательство URSS совершенно перестало мной интересоваться: не исправило замеченные мною опечатки, не поместило мое коротенькое предисловие. Всё, что нужно было, естественно, я в издательство отправил. Как я понял, второе издание – просто копия первого. Вот только обложка у книги совсем другая. Кроме названия и фамилии автора, сверху на красном фоне большими буквами: “НАУКУ – ВСЕМ!”, внизу: “Шедевры научно-популярной литературы”. Должно быть приятно. И было бы, если бы не типичный советский рисунок: карта несуществующего Советского Союза, знаменитая скульптура В. И. Мухиной “Рабочий и колхозница”. Радует только, что слово “Москва” разместили на фоне здания МГУ на Ленинских горах. Всё же 24 года преподавал там...

Писать научно-популярные статьи я начал очень давно, в те далёкие времена, когда журнал “Наука и жизнь” выходил в старом формате. В журнале “Наука и жизнь” старого формата вышла моя первая научно-популярная статья. Если не путаю, называлась она “Диэлектрики, металлы, полупроводники”, и написана в соавторстве с очень уважаемым мною физиком-теоретиком Александром Соломоновичем Компанейцем. Он принадлежит к тем, кого я числю среди своих друзей-учителей. Хорошо помню, как мы писали и обсуждали написанное в номере гостиницы “Украина”, где я, приехав в командировку из Харькова

в Москву, получил номер. Александр Соломонович – прекрасный популяризатор. После его безвременной смерти я принял участие в переиздании его научно-популярных книг, и очень рад тому, что они обрели вторую жизнь. Несколько лет назад я записал свои воспоминания о А.С. Компанейце. Он был интереснейшим, своеобразным человеком и учёным.

С Ильёй Михайловичем Лифшицем я написал несколько научно-популярных статей и одну книжку “Квазичастицы. Идеи и принципы квантовой физики твёрдого тела”. Она вышла двумя изданиями в издательстве “Наука” (Москва, 1976 и 1989 гг.). Во втором издании “Квазичастиц”, вышедшем в свет через несколько лет после смерти Ильи Михайловича (1982 г.), есть предисловие, важное для понимания роли Ильи Михайловича в моей жизни физика-теоретика.

По моим ощущениям научные работники, пишущие научно-популярные статьи и книги, несколько стесняются этого. Иногда даже оправдываются: “Надо подработать...”. Или: “Меня уговорили...”. Никогда сколько-нибудь серьёзно не обсуждались опубликованные статьи, книги. Поэтому особенно приятно, когда кто-то из тех, к кому ты относишься с почтением, “замечает” твою статью, брошюру, книгу. В своих отрывочных воспоминаниях о М. А. Леонтовиче я писал, как был рад, когда на доске в кабинете в ИФП увидел надпись Михаила Александровича, который хвалил мою статью в журнале “Природа” о магнонах. Не меньшую радость мне доставила фраза Андрея Дмитриевича Сахарова из его дневника ⁶: прочитав в Горьком мою брошюру “Микро... и макро...”, изданную обществом “Знание”, он отметил, что она ему понравилась.

Изданная в Москве книга “Электроны, фононы, магноны” имеет свою предшественницу, вышедшую в 1978 году под тем же названием, но по-польски в Варшаве, в издательстве PWN. Вышла заботами моих друзей – польских (вrocławских) физиков Яцека Ковальского и Тадеуша Пашкевича. С их помощью и с моим участием были отобраны статьи и брошюры, которые, собранные вместе и переведённые ими на польский язык, составили книгу. Книга вышла, и “я понял, что мне хочется иметь подобную книгу на русском языке” (из предисловия к русскому изданию “Электрон, фонон, магнон”).

В 1993 году в Издательстве Вроцлавского университета вышла книга “Этюды о физике твёрдого тела”, в предисловии к

---

⁶ А. Д. Сахаров, Е. Г. Боннэр, Дневники в 3-х томах, Издательский дом “Время”, 2006 г.

которой я, автор, написал: “Эта уже вторая моя книжка, которая выходит раньше на польском языке, чем на моём родном русском”. Инициатор издания, научный редактор и основной переводчик Тадеуш Пашкевич. По-русски эта книга вовсе не вышла.

Оценкой коллегами моих научно-популярных произведений я очень дорожу. Мне приятно вспомнить следующий эпизод. Два месяца я был гостем Берлинского университета, где читал сжатый курс квантовой теории твёрдого тела. В одно из воскресений знакомый профессор пригласил меня с женой на обед. Времяпрепровождение было хорошо продумано: скучное послеобеденное сидение за столом нам заменили прекрасной прогулкой по озеру на пароходике (дом стоял на берегу озера), а перед уходом я получил замечательный подарок. Хозяин увёл меня в свой рабочий кабинет и продемонстрировал мою книгу “Электроны, фононы, магноны” на русском. На полях книги был написан перевод многих терминов на немецкий – так профессор готовился к лекциям.

Многие годы я был просто невыездным (к счастью, этот термин уже многим непонятен). После переезда в Москву (1970) начал выезжать. На Запад редко, но в страны Восточной Европы – сравнительно часто. Особенно часто в Польшу и в ГДР. Поэтому неудивительно, что и в Польше, и в ГДР выходили переводы книг, написанных мною или с моим участием. Несколько книг вышли и в уже объединённой Германии. Особенно меня радует, что одна из них была написана в соавторстве с моим другом Эберхардом Егером: E. Jaeger, M. I. Kaganov, “Grundlagen der Festkoerperphysik” (Verlag Harry Deutsch, 2000). По-немецки название “Основы физики твёрдого тела” звучит особенно торжественно. Свою часть я писал после выхода на пенсию, уже здесь, на окраине Бостона. Книгу эту не вполне законно причислять к научно-популярным. Это учебник для будущих инженеров, которые не могут обойтись без знания основ физики твёрдого тела.

За годы, прожитые в эмиграции на пенсии, большую часть времени я тратил на писание научно-популярных статей и воспоминаний. Несколько статей вышли в журнале “Квант”. С момента создания этого уникального журнала я часто в нём публиковался и горжусь дружбой с “квантовыми” друзьями Лерой Тихомировой и Алёшей Черноуцаном.

В 2005 году вышла из печати книга М. И. Каганова и Г. Я. Любарского “Абстракция в математике и физике” (Москва, “Физматлит”). С большим удовольствием писал свою часть “Абстракции в физике”, но ещё большее удовольствие получал от

обсуждения всех возникавших вопросов со своим соавтором и ближайшим другом Гришей Любарским. То, что мы живём в разных городах (он – близ Чикаго, я – близ Бостона) нам не мешало, как не помешало нашей дружбе то, что, прожив около двадцати лет в одном дворе, нам в 1970 году пришлось разъехаться: я вслед за своим учителем перебрался в Москву. Опыт общения по телефону и письмами у нас накопился. Хочется благодарно подчеркнуть: и Гриша, и его жена Тамара (а мы дружили семьями) оказались лёгкими на подъём. Все годы, благодаря им, мы нередко виделись. До переезда в США, правда, и я довольно часто бывал в Харькове.

О другом.

Многие годы я был связан с Физической редакцией издательства “Советская энциклопедия” (теперь это Научное издательство “Большая Российская энциклопедия”): писал статьи по теории твёрдого тела, числился в консультантах при Редакции физики, помогал в подборе авторов, рецензировал, а иногда и редактировал статьи своих коллег. Работа в Энциклопедии доставляла удовольствие и казалась полезной. С редакцией физики установились вполне дружеские отношения. Особенно существенной была дружеская, одновременно весьма требовательная поддержка опытного редактора – физика по образованию Софьи Матвеевны Шапиро, длившаяся многие годы. По-моему, именно Софья Матвеевна привлекла меня к работе в Советской Энциклопедии.

Плохо помню свои самые первые шаги на этом поприще. Например, какова была первая статья, написанная мною для Энциклопедии, но хорошо запомнил, как вместе с Евгением Станиславовичем Боровиком писалась статья “Металлы” для Физического словаря. Было это в 60-е годы. Это была хорошая школа. Евгений Станиславович относился к нашей работе с предельной серьёзностью. Прекрасно зная экспериментальный материал, накопленный за несколько столетий исследований металлов, он понимал, какие сведения сохранили свою ценность и будут полезны будущим читателям. Работали, как правило, мы на квартире Боровика. Я с удовольствием приходил к нему, так как немедленно попадал в какую-то удивительно рабочую атмосферу. Не было случая, чтобы что-то отвлекло нас от работы. Соавторство – непростое дело. Ни разу, ни по какому поводу не возникала нервность. Это не значит, что мы всегда были согласны друг с другом. Меня тянуло сообщить читателям побольше теоретических результатов, а моему соавтору хотелось наполнить статью экспериментальными данными. Обсуждали,

выбирали, сопоставляли... Всё это спокойно, прислушиваясь к чужому мнению. И, признаюсь, спокойствие – заслуга Евгения Станиславовича.

В современной Физической энциклопедии (её последний, пятый том вышел в 1998 году) статья “Металлы” новая. Она написана В. С. Эдельманом и мною. Это – не единственная статья, написанная мною для Физической энциклопедии. Кроме того, в этом издании довольно много отредактированных мною статей.

На завершение издания Физической энциклопедии (оно длилось 10 лет) я откликнулся статьёй “Завершилось издание Физической Энциклопедии” (УФН, 1999, т. 169, стр. 1283). Не смотрел, были ли какие-либо другие публикации по поводу этого немаловажного события.

Когда я начинал этот раздел, то не предполагал перечислять свои научно-популярные брошюры и книги, а тем более статьи в Энциклопедии. Я хотел, “привязавшись” к слову магнон, перейти к работам по теории магнетизма, но ... не получилось: интерес к научно-популяризаторской деятельности не позволил мне пренебречь своим участием в этом, как мне представляется, необычайно важном деле. Следующий раздел, действительно, посвящён теории магнетизма. Этот раздел хочется закончить упоминанием книги М. И. Каганов, В. М. Цукерник “Природа магнетизма” (Москва, “Наука”, 1982). Она входит в серию Библиотечки “Квант”. Книга мне эта очень дорога. Прежде всего, потому, что написана в соавторстве с Витей Цукерником. У нас много совместных статей, но общая книга одна. Кроме того, написав “Природу магнетизма”, мы осуществили то, что запланировали. “Название книги довольно точно обозначает тему. Мы постарались рассказать о природе магнетизма”, – так начинается Введение. Постарались рассказать и рассказали. Теперь, когда прошло так много лет, можно не скромничать: замысел удался. “Природа магнетизма” тоже переиздана. То же издательство (URSS или ЛКИ?), что переиздало “Электронны, фононы, магноны”, переиздало нашу “Природу магнетизма”, просто скопировав первое издание и не исправив ошибки, о чем мы просили. Книга оформлена так же, как “Электронны, фононы, магноны”. В частности, тоже причислена к шедеврам научно-популярной литературы.

ВЫБОР ТЕМЫ

Моя жизнь физика-теоретика была свободной. И в УФТИ, и в ИФП я мог заниматься тем, чем хотел. Такая ситуация имеет несомненные преимущества. Но надо признаться, не только. Поэт сказал: “Но самое страшное – это инерция стиля”. Относится

сентенция не только к поэзии. Можно годами делать грамотные работы, которые не встречают серьёзных претензий рецензентов, их публикуют достаточно престижные журналы, но если проанализировать, как их цитируют, то выяснится: если и цитируют, то твои коллеги и ученики, а широкой научной общественностью они вовсе не востребованы. Я не сторонник оценки научных работников по индексу цитирования. Знаю, есть много приёмов быть процитированным. Но при самооценке лучше не прибегать к утверждению: "Я не как другие, я не делаю ничего, чтобы меня цитировали". Лучше задуматься: "Почему меня стали мало цитировать?" Важный и непростой вопрос, на который стоит найти ответ.

Сейчас меня волнуют не те работы, которые делаются "по инерции", а то, как возникает тема новой работы. Мой опыт показывает, что нередко это происходит случайно. <...>

Казалось бы, моя жизнь физика-теоретика проходила в тесном контакте с экспериментаторами. Я не только работал в институтах, известных своими работами по экспериментальной физике, но и дружил с физиками-экспериментаторами. Всегда посещал семинары экспериментаторов и, думаю, понимал, чем они заняты, каковы полученные ими результаты. Несомненно, направление экспериментальных работ в УФТИ и в ИФП играло важную роль в выборе мною тем исследований. Но, не знаю почему, всего несколько раз тема работы родилась как реакция на работу кого-нибудь из моих друзей – коллеги-экспериментатора. Сейчас в голову пришли два эпизода.

В конце 1969 года или в начале 1970 на Учёном совете по физике твёрдого тела УФТИ И. А. Гиндин, Б. Г. Лазарев, Я. Д. Стародубов и В. П. Лебедев докладывали работу, в которой авторы убедительно демонстрировали увеличение пластичности металла при переходе в сверхпроводящее состояние (перечислил авторов в том порядке, в котором они указаны в публикациях: ДАН СССР, 1970, т. 188, стр. 803; Письма в ЖЭТФ, 1970, т. 11, стр. 288). Подобные наблюдения в те годы были экзотикой, они привлекали большое внимание: господствовала мысль, что при переходе в сверхпроводящее состояние с кристаллической решеткой практически ничего не происходит, а пластичность, несомненно, одно из свойств кристаллической решётки. Не дождавшись конца доклада, я подошёл к Василию Дмитриевичу Нацки и предложил ему совместно рассмотреть эффект уменьшения трения дислокаций об электроны проводимости при сверхпроводящем переходе. То, что электроны оказывают заметное тормозящее влияние на дислокации, мы знали по

работам В. Я. Кравченко (см., в частности, ФТТ, 1966, т. 8, стр. 927). Вскоре появилась в Письмах в ЖЭТФ наша публикация (М. И. Каганов, В. Д. Нацик; 1970, т. 11, стр. 550), а через несколько лет уже с участием Кравченко мы опубликовали в УФН большой обзор “Электронное торможение дислокаций в металле” (1973, т. 111, стр. 649). Хочу подчеркнуть, что с удовольствием вспоминаю об этих работах не только потому, что считаю их важными, но и потому, что между мной и Васей Нациком возникла дружба, которую я очень ценю.

Если для Нацика работы о влиянии сверхпроводящего перехода на пластичность металла – один из этапов его исследований механических свойств твёрдых тел (поведения дислокаций и других дефектов кристаллической решётки при низких температурах), для меня эти же работы – составная часть изучения электронного ветра. Об электронном ветре расскажу отдельно.

Следующий эпизод непосредственного влияния результатов экспериментов на выбор темы теоретического рассмотрения произошёл уже в Москве, в ИФП. Н. В. Заварицкий изучал акустоэлектрический эффект в олове (Письма в ЖЭТФ, 1977, т. 25, стр. 61) и обнаружил, что анизотропия эффекта не совпадает с анизотропией поглощения звука, хотя было очевидно, что оба эффекта определяются общим механизмом.

Примитивная теория акустоэлектрического эффекта существовала и предсказывала пропорциональность между акустоэлектрической разностью потенциалов и коэффициентом поглощения звука – соотношение Вайнрайха (G. Weinreich, Phys. Rev., 1957, v. 107, p. 317). Мы предположили, что в теории Вайнрайха пропорциональность между двумя коэффициентами – следствие переупрощения модели. Расчёт полностью подтвердил предположение. Первая публикация на эту тему была совместной с сотрудником ИФП Колей Заварицким (Н. В. Заварицкий, М. И. Каганов, Ш. Т. Мевлют, Письма в ЖЭТФ, 1978, т. 28, стр. 223). Шевхи Мевлют – мой аспирант тех лет.

Однако и мы в этом рассмотрении допустили неоправданное переупрощение: пренебрегли приходным членом в интеграле столкновений электронов. На то, что в данном случае так делать нельзя, наше внимание обратил сотрудник ИРЭ АН СССР П. Е. Зильберман. Замечу, это был хороший урок: казалось, пренебрежение оправдано. Никогда нелишне проверить себя. Пока мы обобщали работу, предполагая интеграл столкновений произвольным эрмитовым оператором, выяснилось, что теорией акустоэлектрического эффекта занимаемся не только мы, но и

И.М. Суслов – ученик А.Ф. Андреева. Мы объединили усилия, и появилась работа в ЖЭТФе (М.И. Каганов, Ш.Т. Мевлют, И.М. Суслов, 1980, т. 78, стр. 376). Так как мы включили в рассмотрение влияние постоянного магнитного поля, то, учтя эрмитовость оператора столкновений, нам удалось выразить акустоэлектрические характеристики через функцию, которая описывает гальваномагнитные явления.

Вывод соответствующих соотношений доставил авторам удовольствие. Построенная теория показала, что у поглощения звука и акустоэлектрического эффекта разная анизотропия. Статья в Письмах в ЖЭТФ заканчивается так: “... сравнение теории с экспериментом требует численных расчётов, использующих определённую модель поверхности Ферми”. Стыдно признаваться, но до детального сравнения теории с экспериментом так дело и не дошло.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕТЕР

Термин *электронный ветер* не очень часто употребляется. Но в Физической энциклопедии статья с таким названием есть. Написал её В. Д. Нацик по моей просьбе: С. М. Шапиро – научный редактор Редакции физики – попросила меня, как консультанта, найти автора. Вот я и нашёл.

Почти дословно цитирую определение из статьи Нацика: электронный ветер – эффект “увлечения” током в электронных проводниках собственных ионов и дефектов структуры. Он обязан своим существованием нарушению детального механического равновесия в электрическом поле и пере-распределению импульса между электронами и решёткой. В скобках добавлено: “Примером ещё одного эффекта такого типа является возбуждение звука в металле электромагнитной волной”. Этому “ещё одному эффекту” посвящены работы по электронному ветру, в которых я принимал участие. В ряде случаев работы мною инициированы и сделаны под моим руководством. Кроме того, как отмечалось, электронный ветер вызывает изменение пластичности, когда металл переходит в сверхпроводящее состояние.

Трансформацией электромагнитной энергии в звуковую я начал заниматься под влиянием покойного друга Владимира Борисовича Фикса. Многие годы Володя теретически изучал явления, связанные с электронным ветром. Его докторская диссертация посвящена ионному переносу в электронных проводниках. На её основе им опубликована монография “Ионная проводимость в металлах и полупроводниках (электроперенос)” (Москва, “Наука”, 1969). Автор предисловия И. М. Лифшиц, высоко оценивая монографию, отметил:

“Множество эффектов, обусловленных пространственной неоднородностью силы электронного ветра, рассматриваются автором с единых позиций; благодаря этому обнаруживается внутренняя связь столь далёких на первый взгляд явлений, как миграция ионов и возбуждение звука падающей на металл электромагнитной волной”.

Первая наша совместная работа по возбуждению звука в металле полностью изложена Володей в монографии (гл. IX, параграф 8). Постановка задачи несколько отличается от большинства последующих работ, в которых рассмотрено падение электромагнитной волны на поверхность металла. Источником звука в нашей первой работе (М. И. Каганов, В. Б. Фикс, ФМиМ, 1965, т. 19, стр. 489) служит переменный ток в тонком слое металла на поверхности диэлектрика. Сравнение этой работы с серией работ В. Б. Фикса и Г. Е. Пикуса (ФТТ, 1959, т. 1, стр. 1062; 1960, т. 2, стр. 65), в которых подробно исследованы электрокинетические эффекты, показывает: природа электрокинетических и электроакустических эффектов едина: из-за конечности длины свободного пробега электрон приобретает от электрического поля импульс и отдаёт его кристаллической решётке в разных точках. Лишь в среднем электроны металла движутся с постоянной скоростью, и существует механическое равновесие. Перераспределение по образцу полного импульса, отдаваемого электронами решётке, приводит к возникновению силового диполя. Силовой диполь – причина электрокинетических явлений при постоянном токе и электроакустических – при переменном.

Вспоминаю наши с Володей разговоры. Следует ли изучать столь незначительный эффект? Коэффициент трансформации электромагнитной энергии в звуковую очень мал. “Не бывает маленьких и больших эффектов, бывают наблюдаемые и ненаблюдаемые”, – запальчиво убеждал меня мой друг. И ... нам повезло: в эти же годы эффект был обнаружен (В. Abeles, Phys. Rev., 1969, v. 19, p. 1181), энтузиазм у меня возрос, и трансформация электромагнитной энергии в звуковую стала одной из тех тем, которыми я был занят многие годы. Естественным образом привлекались молодые сотрудники. Для некоторых эта тема стала основной в их научной карьере. Например, для моего дипломника и аспиранта Г. Ивановски, который уже давно вполне самостоятельно делал и делает интересные работы по взаимодействию электромагнитных и звуковых волн в металлах со своими учениками; он создал свою школу в Скопле (Македония).

Физикой электромагнитно-акустического преобразования (ЭМАП) энергично занимались в лаборатории Ю. П. Гайдукова (А. Н. Васильев и др.). Меня с этой лабораторией связывали дружеские отношения. Возникали обсуждения, появились совместные публикации (не только в ЖЭТФе, но и в УФН).

Своеобразный итог работам по ЭМАП подведён в книге “Электромагнитное возбуждение звука в металлах”, которая вышла с моим участием, но после моего отъезда из Москвы в США (Челябинск, 2001, Из-во ЮУрГУ, А.Н. Васильев и др.). Челябинск “возник” не только потому, что один из соавторов, выпускник нашей кафедры В. Д. Бучельников – профессор Южно-Уральского университета, но и потому, что ЭМАП оказалось эффективным методом определения толщины листов металлического проката, использованным на металлургическом заводе в Челябинске. Его преимущество в том, что звук в листе металла возбуждается без контакта с поверхностью.

Причиной возникновения распределённой силы (силового диполя) служит, как говорилось, то, что разнесены два события: электрон приобретает импульс от электрического поля по всей глубине скин-слоя, а отдаёт импульс решётке, переместившись на длину свободного пробега l : там, где он сталкивается с дефектом кристаллической решётки или с фононом. Ясно, что мерой ЭМАП является отношение l/δ . Даже когда $l/\delta \ll 1$ и глубина скин-слоя соответствуют нормальному скин-эффекту, ЭМАП и тогда обусловлен нелокальностью взаимодействия электронов с электрическим полем и решёткой. Эта сторона ЭМАП меня особенно интересовала.

В то время, когда описываемая деятельность была модна, много споров было связано с приоритетом: кто какую форму записи силы, действующей на решётку со стороны электронов, предложил. Мы (В. Б. и я) старались в спорах не принимать участия. Для себя я декларировал, что пользуюсь известными уравнениями для расчёта неизвестных эффектов. Из этого правила есть исключение. В ранее цитированной работе В. М. Цукерника и моей было показано, что в определённых условиях при падении электромагнитной волны на поверхность металла в скин-слое возникают колебания температуры, пропорциональные амплитуде волны (не следует путать с выделением джоулева тепла!). Так как термоупругие силы очень велики, то, возможно, колебания температуры смогут себя проявить как дополнительный механизм трансформации электромагнитной энергии в звуковую? Расчёт был мною проделан в работе, опубликованной в ЖЭТФе (1990, т. 98, стр. 1828). Необходимую анизотропию для возбуждения

колебаний температуры может создать магнитное поле. Теория ЭМАП в этих условиях построена в работе М. И. Каганова и Ф. М. Мааллави “Роль эффекта Нернста в ЭМАП” (ФНТ, 1992, т. 18, стр. 737). В связи с этими расчётами возник вопрос, есть ли аналог аномального скин-эффекта для тепловой волны. Ответ отрицательный: длина свободного пробега l превышает глубину проникновения тепловой волны δ_T лишь при $\omega t \gg 1$, когда понятие переменной температуры теряет смысл. Однако в связи с тем, что в условиях аномального скин-эффекта глубина скин-слоя δ мала по сравнению с длиной затухания тепловой волны δ_T , удаётся сформулировать эффективные граничные условия к уравнению теплопроводности и вывести формулы ЭМАП при высоких частотах. Результат опубликован мною в работе с моими коллегами по Кафедре низких температур А. Н. Васильевым, Ю. П. Гайдуковым и Е. Г. Кругликовым (ЖЭТФ, 1992, т. 101, стр. 671).

Идейно близка к описанным наша (В. Б. Фикса и моя) работа “К теории электромеханических сил в металлах” (ЖЭТФ, 1977, т. 73, стр. 753). В ней рассмотрен механизм возникновения электромеханических сил под действием электронных токов, в основном сконцентрированных у границ кристаллитов. Работа носит предварительный характер, если думать о построении теории электропластических эффектов (для чего она и задумывалась). Наверное, главный результат в ней – предсказание своеобразного рассеяния электронов на межкристаллитной идеальной границе, не содержащей никаких посторонних включений. В работе выбрана простейшая модель: в соседних кристаллитах, по разные стороны от границы ферми-поверхности – эллипсоиды, повернутые друг относительно друга. Показано, что возможно полное внутреннее отражение электронной волны при её падении на границу. Работа может быть полезной при вычислении остаточного сопротивления, особенно, в случае предельно чистых поликристаллов, а также и при исследовании свойств композитных материалов.

СОВМЕСТИТЕЛЬСТВО

В Советском Союзе, в отличие от Америки и большинства европейских стран, научно-исследовательская работа была сосредоточена в научно-исследовательских институтах, а не в университетах. Как правило, институты входили в Академию наук СССР или в академии наук союзных республик. Отсутствие регламентированного общения научных работников со студентами – несомненный недостаток всей организации научной жизни в масштабе страны. Преодолевался он по-разному. Существовало несколько привилегированных высших учебных заведений,

официально формально и фактически связанных с научно-исследовательскими институтами. Из них Московский физико-технический и Московский инженерно-физический институты наиболее известны. Кафедры первого распределены по институтам Академии наук СССР. Базами кафедр второго института служат Институт атомной энергии им. Курчатова и, наверное, какие-то ещё научные учреждения.

Наиболее распространённое участие активно работающих научных работников в обучении студентов осуществлялось с помощью совместительства – явления типично советского. Надо сказать, работа на базовой кафедре чаще всего тоже была совместительством, то есть оплачивалась отдельно. Заработок за преподавание служил дополнением к основному окладу. Порождено совместительство не только желанием повысить уровень образования, но и сравнительно низкой заработной платой даже дипломированных научных работников. Знаю по себе: одной зарплаты в УФТИ или в ИФП мне бы явно не хватало, чтобы содержать семью. При этом мы жили отнюдь не роскошно и не имели накоплений. Не буду прибедняться: по советским нормам жили мы небедно, имели возможность всей семьёй проводить отпуск около моря. А отпуск, оплаченный отпуск (!) – два месяца. Роскошь, ничего не скажешь!

Вскоре после поступления в УФТИ (думаю, в 1951 или 1952 году ⁷) меня пригласили прочесть курс для студентов Кафедры физики низких температур ХГУ. Как точно назывался курс, не помню, но охватывал курс много вопросов, которые можно объединить названием “Теория свойств веществ при

---

⁷ Запомнился следующий эпизод. Начало марта 1953 года, вскоре после смерти Сталина. По всей стране, где только можно, повывести бюсты Сталина и у каждого установили траурный пост. Был такой и в небольшом холле на втором этаже Физфака, от которого шёл длинный коридор – к деканату и аудиториям. Моим средством передвижения тогда был велосипед. Я приезжал на велосипеде, поднимал его на второй этаж, садился на него и доезжал до деканата, оставлял велосипед под присмотром Анастасии Титовны – бессменного секретаря деканата, и шёл на лекцию. Точно так поступил и в тот траурный день. И получил выговор от замдекана, от Кривца. Как я мог перед бюстом вождя вести себя так несолидно! И шапку не снял! А кругом студенты. Каков пример. Короче, получил нагоняй. Чего не помню: наступал кто-то или Кривец сам увидел. Обошлось... Это значит, что в начале 53-го я уж точно преподавал.

низких температурах”. Потом читал курс, посвящённый свойствам магнетиков. Сначала я не был совместителем, то есть не считался сотрудником университета. Я был почасовиком. Почасовик – преподаватель, получающий деньги из расчёта почасовой оплаты, находился на самой низкой ступени табеля о рангах. Получал он такие гроши, заметно меньше совместителя при той же лекционной нагрузке. После защиты кандидатской диссертации (1954 г.) я был принят в штат сотрудником кафедры, которой руководил Илья Михайлович Лифшиц. Многие годы, вплоть до переезда в Москву, был сотрудником именно этой кафедры. Теперь она носит имя академика Ильи Михайловича Лифшица. Занимая должность профессора (с половинным окладом), получил звание профессора⁸.

Читал я, как правило, студентам старших курсов. Иногда читал курс квантовой теории твёрдого тела, чаще – электронной теории металлов. Дважды прочёл курс атомной физики студентам 3-го курса. Так было в Харькове. В Москве был сначала профессором Кафедры квантовой теории, а потом Кафедры физики низких температур. Главная лекционная нагрузка – курс квантовой теории твёрдого тела. И в Харькове, и в Москве имел дипломников. Руководить теми, кто готовился к защите кандидатской диссертации, начал до того, как получил учёную степень доктора физико-математических наук. А вот формально иметь аспирантов, похоже, получил право только после того, как защитил докторскую диссертацию (1959 г.).

С того далёкого времени до выхода на пенсию (1994 г.) всегда работал в двух местах, был совместителем. Мне кажется, в университетах, где я работал по совместительству, меня ценили. Но, бывало, кому-то из более высокого начальства совместительство начинало казаться отрицательным явлением. И высокое начальство, если имело на то право, ограничивало совместительство, или даже запрещало. К счастью, в СССР, как и в России (и в прошлой, и в настоящей) закон можно обойти. Как-то в ХГУ запретили совместительство. Я остался на одну треть безработным. Воспользовавшись этим, заведовавший кафедрой в

---

⁸ В СССР, кроме *учёных степеней* – кандидата и доктора (с указанием какой науки), были ещё *учёные звания* – доцента и профессора. Зачем нужно столько градаций, объяснить не берусь, но в реальной жизни с их наличием приходилось считаться. И отнюдь не из соображений престижа, а по чисто меркантильным: от того, какую научную степень и какое звание ты имеешь, зависела твоя зарплата.

Харьковском политехническом институте, весьма известный физико-химик Лев Самойлович Палатник, пригласил меня прочесть курс квантовой теории твёрдого тела на его кафедре. Помоему, года два я читал лекции студентам Политехнического института. Несколько прослушавших мой курс студентов, по окончании стали хорошими специалистами по физике низких температур. Не знаю, но мне хотелось бы думать, что в этом есть и моя заслуга. По крайней мере, так они утверждали.

Пожалуй, самым удивительным совместительством было сотрудничество с Сухумским физико-техническим институтом. С тем самым, который был создан для вывезенных в 1945 году из побеждённой Германии физиков-атомщиков. Когда я получил приглашение наезжать в качестве консультанта в Сухуми, немецких физиков уже там не было. Но о них помнили. Я узнал, что среди немецких специалистов был Нобелевский лауреат Густав Герц. Его фамилию я знал, так как знал его нобелевскую работу – опыты Франка-Герца. Впервые услышал в Сухуми о бароне-физике Манфреде фон Арденне. Когда стал ездить в ГДР, то с удивлением узнал о существовании в Дрездене принадлежащего Манфреду фон Арденне института, но, хотя в Дрездене бывал многократно, никогда не общался с сотрудниками этого института.

Сухумский институт располагался (судя по Википедии, и располагается) на двух площадках: в Синопе (на окраине Сухуми) и в посёлке Агудзера. И там, и там под институтские помещения использованы здания домов отдыха (возможно, санаториев), вокруг которых выросли жилые дома. Если я не ошибаюсь, в Синопе главным был фон Арденне, а в Агудзере – Густав Герц. Недавно я вычитал, что советская атомная бомба была, в основном, создана в Сухуми немецкими физиками. Возможно, кое-что немецкие физики сделали. Но совершенно очевидно, что если и были какие-то успехи, то не определяющие. Институт не производил впечатления ведущего (хотя бы в прошлом) научного учреждения.

Приглашение в Сухумский институт я получил от Ираклия Григорьевича Гвердцители (1918 – 1991). С ним я познакомился на Совещании по физике низких температур в Москве. Тогда Ираклий Григорьевич, с которым мы вскоре подружились, руководил частью Сухумского института, которая размещалась в Агудзере. Потом он возглавил весь институт. По замыслу Ираклия в Агудзере предполагалось создать Лабораторию низких температур. В этом ему содействовал Борис Георгиевич Лазарев. И УФТИ, и Сухумский институт – оба

находились в подчинении одного и того же ведомства. Поэтому не было столь обычных для тех времён межведомственных осложнений.

Первое, о чём попросил меня Иракий Григорьевич, – прочесть несколько лекций, чтобы познакомить сотрудников с современной на то время низкотемпературной тематикой. Ясно понимая, что за несколько лекций материал годового курса не изложишь, я решил рассказать о Московском совещании по физике низких температур (содержание докладов, обсуждение). И рассказал. С собой у меня был сборник аннотаций. Каждая – не более страницы. И всё... Признаться, до сих пор горжусь: тогда я неплохо знал всю физику низких температур, понимал постановку задач и уровень работ, как теоретических, так и экспериментальных. Прошло всего несколько лет, и ситуация изменилась: число криогенных лабораторий возросло, тематика расширилась, эксперимент и теория усложнились. Я уже не мог охватить всё. Тогда мог...

При первом визите в Сухумский институт я познакомился с сотрудниками, возобновил знакомство с Р. Я. Кучеровым – местным теоретиком (он харьковчанин, учился и окончил ХГУ). Мои посещения участились, меня сделали членом учёного совета, какое-то время я получал половину оклада круглый год. После переезда в Москву связь ослабла и прекратилась, когда Иракий Григорьевич ушёл с директорского поста. Его избрали в Академию наук Грузии, он переехал в Тбилиси, где некое время занимал высокие административно-научные посты.

Была от меня польза? Небольшая, думаю, была. Обсуждали различные проблемы; я знакомил своих коллег с новыми работами, интересовавшими и меня, и их; принимал активное участие в работе учёного совета; искали новые темы; два моих ученика после окончания аспирантуры стали научными сотрудниками Сухумского института.

Но главным считаю другое: при моём участии была сделана теоретическая работа о прямом преобразовании тепловой энергии в электрическую: “К кинетической теории плазменного термоэлемента низкого давления” – одна из первых работ по популярной в те годы тематике (М. И. Каганов, Р. Я. Кучеров, Л. Э. Рикенглаз, ЖТФ, 1961, т. 31, стр. 588). Прямое преобразование тепловой энергии в электрическую было одним из главных направлений деятельности лаборатории в Агудзерах. Меня же, кроме того, привлекало рассмотрение контакта между твёрдым проводником и плазмой. Работа вызвала интерес. Мы её

докладывали, помню, в Обнинске и у космонавтов. И там, и там интересовались, как повысить эффективность. Что-то мы говорили.

Не могу удержаться, чтобы не вспомнить. Доклад у космонавтов был на их территории в Подлипках (по-моему, так называлась станция электрички, куда мы приехали). После доклада, провожая нас, главный из слушателей (фамилий нам не назвали, запомнил, что у него не было одной руки) здоровой рукой полубонял меня и сказал: “Увеличьте эффективность в 10 раз, летим на Марс”, – даже срок какой-то обозначил. Хотя мы не знали, как увеличить эффективность, и можно ли повысить, было ощущение сбывающейся фантастики. К сожалению, не помню, докладывали мы до полёта Гагарина или после. Журнал с нашей статьёй вышел приблизительно через месяц после полёта.

МНЕ ПОВЕЗЛО

Ощущение того, что моей научной работой всю жизнь руководил Илья Михайлович, до сих пор не исчезло, а друга, Ильмеха, Лёли, мне остро не хватает, хотя Илья Михайлович Лифшиц расстался с жизнью около 30 лет назад.

30 лет! Смены научных поколений происходят за более короткий срок. Но сделанное не забывается. Существенные результаты остаются, стимулируя дальнейшие исследования, являясь для них основой. Результаты работ Ильи Михайловича навсегда вошли во многие разделы физики, в молекулярную биологию.

Тем, кто учился у Ильи Михайловича, работал под его руководством, повезло. Это не только моё мнение. Мы все, его ученики, понимаем, что если бы мы не стали учениками Ильи Михайловича, его сотрудниками, то наша жизнь была бы значительно хуже. Именно жизнь. Не карьера. Даже не успех. А именно жизнь. В этом смысле мне особенно повезло. Моя жизнь до 1982 года проходила в непосредственной близости к Илье Михайловичу. Дипломная работа (1949 г.) и большинство работ по теории твёрдого тела выполнены под руководством и при участии Ильи Михайловича. С Ильёй Михайловичем мне (по-моему, не только мне) было совсем не просто работать. Но доставляло наслаждение. Глубина понимания бывает разной. От участия И. М. Лифшица выигрывала не только конкретная работа. Вся область становилась привлекательней, интересней, глубже, объёмней, чем была до того, как Илья Михайлович начал ею заниматься.

Общение Учителя (с большой буквы) с учениками, особенно когда ученики – взрослые люди, – сложный психологический процесс. Как правило, сложный и для учеников,

и для Учителя. В общении с Ильёй Михайловичем была какая-то редкая естественность. Разнося в пух и прах неправильную работу, Илья Михайлович никогда не обижал её автора. Если же, следуя его совету, ученик получал правильный результат, Илья Михайлович не подчеркивал своей роли. У ученика-соавтора всегда было ощущение сотворчества.

День смерти Ильи Михайловича, 23 октября 1982 года, я помню поминутно: от первого утреннего телефонного разговора с почтамта Кишинёва, где проходила Конференция по физике низких температур, до прихода под вечер в квартиру в здании МГУ, в квартиру, где Илья Михайлович прожил последние 14 лет своей жизни. Наверное, я не погрешу против истины, если скажу, что мы дружили, хотя всегда я ощущал себя учеником своего друга – учителя.

***

На письменном столе стоит фотография Ильи Михайловича, на его губах добрая, но чуть-чуть насмешливая улыбка. Чему он улыбается? Как хотелось бы его спросить. Сколько вопросов накопилось у меня за десятилетия, прожитые без учителя и друга...

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство работ написано мною в соавторстве. Мне хочется думать, что в подавляющем большинстве работы действительно были результатом совместного творчества – со-авторства. Всем своим соавторам искренне благодарен. Многих работ попросту не было бы, не работай мы вместе. к соавторству приводила ранее возникшая дружба. Либо – наоборот: в результате соавторства возникала дружба или, по крайней мере, тёплые отношения, которые я очень ценю.

Совместная работа – простое дело.

Вспоминаю историю первого восхождения на Эверест. Первые покорители Хиллари и Тенцинг договорились, что не скажут, кто первым вступил на вершину. Когда речь идёт о мировых достижениях, наверное, надо договариваться. Но и в процессе обычной работы, которая не сулит Нобелевской премии, разве легко не выпячивать свою роль? Брошенное как бы случайно: “Я же говорил, что так должно быть”, – может испортить настроение соавтору, особенно если для получения результата он потратил много усилий. Как уже писал, очень приятно было работать с Ильёй Михайловичем. Он умел сочетать руководство, обучение с уважением к ученику-соавтору. Хотел бы думать, но не уверен, что хоть в какой-то мере перенял от своего учителя манеру поведения.

Доволен своей *судьбой*. Повторю: большую часть жизни занимался делом, которое любил. Не слишком доволен *собой*. Можно было больше и лучше учиться. Учиться решать по-настоящему трудные задачи. Самокритика обусловлена не ощущением, что я что-то не сделал из того, что *должен* был сделать. Никому я ничего не должен, но, несомненно, получал бы очень большое удовольствие, преодолевая по-настоящему серьёзные трудности. Я же старался избегать трудных задач. “Лучше меньше, да лучше”, – правильная мысль. Следовать ей непросто...

Должен в очередной раз признаться: мне повезло. И с учителями и с товарищами по работе. Некоторые учителя и ученики становились друзьями, недоброжелательности никогда не замечал, никто никогда меня не подсиживал. Удивительно, но никогда мне не приходилось бороться за место под солнцем. В те годы, когда я работал, ещё не было конкуренции за гранты между научными группами. Для меня было бы непереносимо находиться во враждебном окружении. Но, к счастью, такого не было...

Хорошо или плохо для науки бюджетное финансирование, мне трудно сказать. *Мне* в тех условиях, в которых прошла моя научная жизнь, было хорошо, вполне удобно. Обычно сетуют на железный занавес, на отсутствие научного общения с зарубежными коллегами. Меня, как и большинство научных работников (и отнюдь не только их), закрытость страны угнетала, раздражала, вызывала, мягко говоря, отрицательные эмоции, воспринималась как существенный элемент несвободы. Понимая свою принадлежность к международному коллективу, который определяется отнюдь не государственными границами, а тематикой исследования, в то же время понимаю, что качество моих работ мало зависело от того, общался я со своими зарубежными коллегами или нет. Думаю, моя научная судьба не слишком бы изменилась, если бы с самых первых лет своей самостоятельной работы я был участником международных семинаров и конференций. Пожалуй, был бы более известен. Но не более того. Огорчался, когда меня в очередной раз куда-то не пускали, но никогда я не страдал от отсутствия научных контактов. Имея возможность заниматься тем, чем мне хочется, я всегда имел полную возможность обсуждать свои результаты и получать советы у специалистов высокой квалификации. Так что сетовать на какую-либо изоляцию было бы совестно ⁹.

---

⁹ Косвенное влияние на меня отчуждённости от зарубежных коллег, конечно, было. И немалое. Что было бы со мной, если бы

Представляю себе читателя этого текста. “Дурачок какой-то, – думает мой читатель-критик, – новый Панглос нашёлся. Ему хорошо было! Всё ему хорошо!” Нет, настроение отнюдь не всегда было хорошим, хотя, пожалуй, я гедонист: умел находить и ощущать простые радости жизни, когда ты сам и те, кого ты любишь, здоровы и благополучны, хотя бы более или менее. Но, к сожалению, настроение зависит не только от того, можешь ты обсудить свою работу с дружески расположенным коллегой высокой квалификации или нет. Поверьте, прекрасно я понимаю, как портится настроение, когда такой возможности нет. Поток сознания увёл меня...

Сформулировать, почему я собой недоволен, непросто. Но, если не вдаваться в подробности, главная мысль проста: дело не во внешних обстоятельствах, а во мне.

В чём же дело? Покопаюсь в своих переживаниях.

Работа доставляла мне удовольствие: и результат, когда получалось нечто интересное, и сам процесс. Результат радовал не потому, что он сможет найти применение или будет использован “для продвижения по службе”, это была чистая радость: нечто было понятно, нечто находило законное место в величественной картине мира, которую за последние 400 с лишним лет создала современная наука. Очевидный мне факт, что речь идёт о деталях, о подробностях, меня не смущал. Уверен был и уверен сейчас, что картина мира должна быть полной и достаточно подробной. Сколько есть примеров, когда подробности, незначительные, казалось бы, мелочи неожиданно обретают важность – из-за нового открытия или развития теории. Продумывая сделанное, я не хочу какие-то работы выбросить из своего списка. Иногда наоборот: вспомнив давно сделанную работу, радуюсь и хвалю себя и своих соавторов¹⁰.

Сказанное должно приводить к удовлетворению. Приводит. Особенно если радость “подтверждают” твои коллеги тем, что результат воспринимается ими как интересный,

---

“железного занавеса” не было, сказать не берусь. Заведомо – знал бы языки. Английский – непременно. Много раз говорил себе, что тогда (!) был бы *другим человеком*. Не могу себя с “ним” сравнивать. “Его” я не знаю.

¹⁰ Приятно сознавать, что у меня немного неправильных работ. Точнее, работ, о которых известно, что они неправильные. Совсем редки работы с непосредственной ошибкой. Одна-две работы не верны, так как исходят из неверных предпосылок предшественников.

достойный внимания. Но и в этом безоблачном случае остаётся некая червоточинка, а “ложка дёгтя портит бочку мёда”.

Простятся в текст три строки Есенина:

...Ведь я мог дать

Не то, что дал,

Что мне давалось ради шутки....

Мною говорит не гордыня, и “мне давалось” не “ради шутки”, но вот что необходимо отметить: выбирая новую тему, я априори был уверен, что смогу с ней совладать, а когда предчувствовал, что тема по серьёзному для меня трудна, за неё не брался. Перечитайте, пожалуйста, главу “Опоздал”.

Вывод с горечью: от решения не слишком сложных задач трудно получить достаточно глубокое удовлетворение.

Это не всё. Есть среди моих работ одна, доставившая мне особую радость (возможно, даже наибольшую): “К теории гальваномагнитных явлений”. У неё три автора: М. Я. Азбель, И. М. Лифшиц и я. Работа, действительно, сделана втроём: у каждого есть свой вклад. Это точно. Мой, возможно, не так и значителен. Но есть. Радость надо делить на троих. И как-то негоже присваивать себе радость своих соавторов. Возможно, у них совсем не то отношение к этой работе, что у меня. Возможно, у них другой выбор... Обращаясь за советом к учителям и к своим коллегам, несомненно, облегчал свою научную жизнь. Однако такой способ существования чреват и потерями. Правда, в будущем. Но теперь-то оно уже настоящее: испытывая удовольствие от сделанных когда-то работах, нет-нет и говорю себе: “Лучшие-то сделаны совместно...”

Боюсь создать ложное впечатление. Я прожил счастливую научную жизнь, занимался любимым и уважаемым другими делом, оно не только доставляло мне удовольствие, но и неплохо меня кормило. Не знаю, имею ли я право предъявлять к себе претензии. С сегодняшней моей точки зрения, имею. Я бы, как мне сегодня представляется, был бы более собой доволен, если бы был несколько другим. Те мои черты, которые сейчас мне не нравятся, я знал, но не был ими недоволен: оценки с возрастом меняются. Никогда не узнаю, когда был прав...

Прав я или не прав, не знаю, но опять не даёт покоя строка Есенина: “Я тем завидую...” Нет, не тем, “кто жизнь провёл в бою...”, а тем, кто до старости лет не потерял юношеского увлечения и уверенности в том, что делал и продолжает делать то, что, по их мнению, нужно, не сомневается, что всегда делал нечто объективно важное. Если не мудрствовать, то надо просто сказать: завидую тем, кто доволен собой. “Доволен собой” и

“самодоволен” несут на себе разную эмоциональную оценку. Самодовольных не люблю, довольным собой, оказалось, даже несколько завидую.

Опасно дать свободу потоку сознания. Куда он увлечёт?

Казалось бы, что может быть лучше решения новой, до тебя нерешённой задачи? Ответ займёт своё место в том, что я только что назвал “величественной картиной мира”. Назвал. Записал. Не раз перечитал написанное. И... засомневался. Да, результат на месте, а картина-то всё та же, вовсе она не изменилась. Сколько свойств, явлений объяснено! Не счесть! Неспециалисту трудно себе представить, какое количество правильных и новых (да, правильных и новых!) результатов похоронено в недрах журналов. Хорошо, если они упоминаются в обзорах, а нередко никогда никто о них не вспоминает. Неужели единственный стимул творчества – знание того, *что* ещё не объяснено? Когда знаешь, где есть на картине место, можешь его заполнить, конечно. Но задумайся: “Заполню. И что?” Нарочито несколько шаржирую. Но всё же: если хочешь в старости избежать грустных мыслей, которыми я поделился, то задумайся и над тем, что я сказал.

Написал и испугался: даю опасный совет. Ограничивая свои желания, как недостаточно престижные, творческий человек может вовсе похоронить свои способности...

Лучше так: “Думайте сами, решайте сами...”

Мне кажется, наконец, я дал разумный совет.

***

Этого издания не было бы, если бы мне не помогли мои близкие. Особенно внучки Машуня (Марина Литинская), Аннечка (Анна Розоноэр) и дочь Инночка (Инна Каганова). Справиться с непослушным компьютером мне помогал мой зять Вовочка (Владимир Розоноэр). Всех их искренне благодарю.

Как видите, вся книжка заслуживает подзаголовка "Дела семейные", совпадающего с названием одного из разделов.

(окончание следует)

Александр Чупров

Две статьи.

Публикация Б. Шейнина

1. Мировой рынок после войны

Современные записки № 13, 1922, с. 191-213

1. Мировой рынок, мировое хозяйство! Сложившиеся до войны понятия прочно держатся в нашем обиходе. Но многие ли из тех, кто продолжает пользоваться ими, дают себе ясный отчет, в какой мере изменились за эти недолгие годы те реальные явления, которые ими покрываются? Перед войной можно было вести речь о мировом рынке, как о чем-то существующем в жизни, а не только в воображении умствующих о жизни экономистов. Можно было говорить о мировом производстве и о мировом потреблении не как об арифметических суммах, подсчитываемых на бумаге досужими статистиками, а как о подлинных итогах, подводимых “мировым хозяйством”.

Пшеница, собираемая в Соед. Штатах и на русском черноземе, в Аргентине и в Канаде составляла запас, из которого невозбранно черпали и свои и чужие, из которого продовольствовались население и Англии, и Германии, и Италии, и других стран. Хлопок, выращиваемый в Соед. Штатах, распределялся между прядильнями Ланкашира и текстильными районами Германии на условиях, мало отличных от тех, на каких он поставлялся отечественным мануфактуристам. Малейшие колебания в цене хлопка или пшеницы в Нью-Йорке сказывались тотчас в Ливерпуле и в Бремене, на лондонской и на берлинской биржах. Даже для таких товаров, которые находились в исключительном обладании одной какой либо страны, но требовались повсюду, мировое хозяйственное общение устанавливало единство рынка. Германия имела естественную монополию на калийные соли; Германия располагала культурными монополиями в области производства красок и лекарств. Это ощутительно сказывалось на образовании цен, на

уровне и на колебаниях их, но сказывалось на ценах и вне и внутри Германии.

Правда, и до войны мировой рынок в том смысле, в каком может о нем идти речь для пшеницы, для хлопка, для меди и т. д., существовал далеко не для всех товаров. Не все были в такой мере вовлечены в мировой товарооборот; между национальными рынками многих товаров не было такого постоянного и свободного от трений сообщения. Если уровень цен на хлопок в Ливерпуле и в Нью-Йорке выравнивался с той же легкостью, с какой устанавливается общий уровень воды в двух хорошо сообщающихся сосудах, то для иных товаров ближе подходящим образом была бы сильно вязкая жидкость в сосудах, сообщающихся узким каналом. Связь между ценами была для них не такая тесная и не столь мгновенная: сравнительно подолгу могли держаться, не выравниваясь, довольно значительные различия уровней.

Таким образом, и перед войной о мировом рынке можно было, собственно, говорить лишь с некоторой оглядкой, – оговариваясь, что, поскольку речь идет не о таких товарах, как пшеница, хлопок и им подобные, следует брать термин в несколько условном смысле, – разуместь не столько достигнутое уже состояние мирового хозяйства, сколько тот предел, к которому устремлено развитие.

Война разбила мировой рынок: нарушилась связь между ценами в отдельных странах; прервался свободный перелив товаров из страны в страну. Мировой рынок распался; на его место стали национальные рынки, оторвавшиеся друг от друга так, что в некоторых отношениях разобщенность их стала мало уступать временам до парового транспорта. Замерла не только торговля между враждующими державами. Изменил свой характер и товарообмен с нейтральными, даже с союзными странами. Забота о том, чтоб внутренний рынок не остался без товара, выдвинулась повсюду на первое место. Внешний товарообмен был поставлен под присмотр государства, а то так даже стал осуществляться самим государством.

До войны государственная власть оказывала воздействие лишь на общее направление внешней торговли посредством ставок таможенного тарифа, самое же осуществление торговых сделок всецело предоставлялось усмотрению импортеров и экспортеров. Теперь круг ее полномочий существенно расширился и начал охватывать чисто коммерческие задачи. Сколько какого товара сбить за границу, куда и по каким ценам; сколько чего ввезти из заграницы, откуда и на каких условиях, – попечение об

этом лежало до войны на отдельных торговцах, действовавших на свой личный страх и руководствовавшихся одним расчетом: закупать, где дешевле, – продавать, где цены выше. Благодаря этому цены и выравнивались повсеместно, устанавливался на мировом рынке общий их уровень, отклонения от которого, как правило, не превышали существенно издержек перевозки и ввозных пошлин (вывозных пошлин двадцатый век до войны, можно сказать, не знал). За годы войны строй внешней торговли подвергся коренной перемене. Быстро обострявшееся безтоварье заставляло держать запасы на учете, расходовать их бережно, следить, чтоб товар не уходил из страны иначе, как в обмен на то, что являлось еще более нужным. Даже золото некоторые страны уклонялись принимать в обмен на свои товары, – Швеция признала, например, необходимым изменить свой Монетный Устав, дабы затруднить оплату заграничным золотом вывозимых из Швеции товаров. Сплошь и рядом правительства начали вступать в прямые соглашения касательно того, сколько какого товара будет дозволено вывезти из одной страны в другую, – Германия соглашалась, например, разрешить вывоз определенного количества угля в Швейцарию под условием, что из Швейцарии поступят в Германию договоренные количества нужных для Германии швейцарских товаров.

За соблюдением таких соглашений был установлен строгий надзор, созданы были ради этого сложные организации. И независимо от межгосударственных соглашений ввоз и вывоз подвергались нередко “контингентировке”, – т. е. допускались лишь в намеченных наперед количествах: как только вывоз доходил до установленного предела и “контингент исчерпывался”, экспорт на время приостанавливался. Вообще вся внешняя торговля была взята под государственную опеку. На вывоз, на ввоз стало обязательным испрашивать правительственные разрешения, – выправлять ввозные и вывозные “лицензии”. Самые условия, на которых товар покупался и продавался, начали при этом подвергаться рассмотрению в выдававших лицензии учреждениях и даже прямо предписываться ими в соответствии с общей линией правительственной политики.

В направлении политики обнаруживались немалые различия между разными странами и по отношению к разным товарам, а нередко и для одного и того же товара в одной и той же стране. Это вносило сильнейшую неуверенность в торговый оборот. Объяснялась же неустойчивость политики тем, что здесь сложно переплетались противоречивые интересы, –

общенародные и частные. Из-за направления политики шла все время напряженная борьба.

Стремление поднять ввоз ради лучшего снабжения внутреннего рынка сталкивалось с заботами о валюте, побуждавшими урезывать всемерно заграничные платежи. Усиливать же вывоз в интересах валюты и ради поддержания отечественной промышленности мешали опасения обострить безтоварье на внутреннем рынке: пожелания экспортной промышленности и занятых в ней рабочих сталкивались с требованиями широких кругов потребителей. Явственный расчет побуждал вводить в границы взаимную конкуренцию отечественных экспортеров и импортеров на внешних рынках, поскольку не сдерживали ее частные между ними соглашения. В этих видах воспрещалось, например, продавать за границу по ценам, ниже указанных властью; из валютных соображений предписывалось иногда назначать цены не в отечественной валюте, а в деньгах страны сбыта. С другой стороны, ради того, чтоб воспрепятствовать импортерам набивать друг перед другом цены, устанавливался предел, выше которого не разрешалось расценивать привозной товар, выпускаемый на внутренний рынок. К этому, помимо прочего, побуждало стремление ввести привозной товар в рамки общего плана снабжения страны в связи с постепенным переходом европейских стран к принудительному выравниванию потребления путем выдачи пайков и к государственной регулировке цен внутреннего рынка, – к широкой замене “вольных” цен на нем “указными”.

Здесь не место всматриваться в те причудливые узоры, в которые сплетались эти пестрые нити в сложной ткани правительственных распоряжений в разных странах за годы войны. Для наших целей существенно лишь отметить, что под действием совокупности этих мотивов повсеместно – где в большей, где в меньшей мере, где раньше, где несколько позже – исчезла былая свобода внешней торговли. Пресекался беспрепятственный ток товаров через границы. А вместе с тем перестал существовать мировой рынок: он рассыпался на почти не связанные между собой национальные рынки, цены на которых начали определяться своими условиями, – местным спросом и местным предложением и характером правительственных мероприятий. Цены даже пограничных государств перестали давить друг на друга так непосредственно, как в довоенную пору; они начали расходиться вне всякого соответствия со стоимостью транспорта. Стали в широких размерах независимыми друг от друга и колебания цен. От единого уровня цен мирового рынка не осталось и подобия.

По окончании войны преграды, воздвигнутые на границах, начали понемногу сниматься. Начал намечаться постепенный возврат к былому строю мировой торговли. Но движение на этом пути идет не быстро. Некоторые из видных участников мирового товарообмена, – например, Германия, – и по сей час не считают возможным обойтись без мер самого придирчивого государственного контроля над ввозом и вывозом. Да и там, где имелись возможность и охота порвать решительнее с порядками “военного хозяйства”, отказались от них все же не сразу, – не без борьбы и не без колебаний. Пережитки окрепшей за войну привычки к государственной опеке над хозяйственной жизнью продолжают держаться почти повсюду – где в более, где в менее ярко выраженных формах, – и до восстановления свободного мирового рынка даже в конце 1922 г. – через четыре года по прекращении военных действий – все еще далеко.

2. К действию стеснений свободы внешнего товарообмена, тормозящих развитие мировой торговли, присоединяется валютный развал, донельзя осложняющий хозяйственное общение между странами с разными денежными единицами, делающий его порой почти невозможным. До войны различие денежных единиц не сказывалось заметным усложнением торгового оборота: необходимость пересчитывать марки в рубли или фунты в доллары затрудняла хозяйственное общение не многим более, нежели переход от пудов к килограммам или от метров к аршинам и ярдам.

В странах, являвшихся руководящими участниками мирового хозяйственного общения, денежные единицы были прислонены к золоту, и этим обеспечивалось устойчивое соотношение между ними: колебания в их взаимных расценках, за редкими исключениями, не выходили из пределов так наз. “золотых точек”, – из тех границ, при уклонении за которые появлялся расчет перевозить золото из одной страны в другую. Для важнейшего из рынков, державшихся за серебро, – для Британской Индии с ее 300-миллионным населением, – удалось, после ряда попыток, установить в более сложном порядке денежную систему, которая с почти той же степенью точности обеспечивала от резких колебаний курс рупии в Лондоне и курс фунта стерлингов в Индии. Таким образом, при построении расчетов в хозяйственном обороте – в частности, при калькуляции цен – можно было почти не заботиться о том, что покупатель считает в иных денежных единицах, нежели продавец.

Так было до войны. Не то сейчас. Ни одной из стран, где денежное обращение оторвалось за годы войны от золотой основы,

не удалось еще восстановить его нормального строя. В Швейцарии золотая монета появилась фактически в обращении, но юридически размен бумажек на золото не сделан еще обязательным. Высокий курс шведской кроны почти позволял бы вернуться к золотому обращению; однако, и Швеция не решается на этот шаг и с месяца на месяц откладывает введение в силу обязательного для Государственного банка размена на золото выпускаемых им в обращение бумажек. Повсюду бездействуют, таким образом, те сдержки, которые в былые времена вводили автоматически колебания валют в пределы “золотых точек”. Нигде не создано им и замены в форме систематических забот государственной власти об удержании курса на более или менее устойчивой высоте. Техническая возможность добиться валютного равновесия без восстановления золотого обращения не только допускается теоретической мыслью, но и доказывается жизненным опытом.

За примерами недалеко ходить: в течение ряда лет державы соглашения [Антанта] удерживали на твердо устойчивых уровнях расценку своих валют на доллары, а вместе с тем и взаимные между ними соотношения. Это требовало, однако, такого напряжения, которое оправдывалось, пока стоял на карте исход войны, но стало не под силу, когда война пришла к концу. В середине марта 1919 г. правительственная поддержка курсов в Нью-Йорке была прекращена, и тотчас же валюты пошли вразброд: фунт стерлингов, который перед тем поддерживался в Нью-Йорке на высоте примерно в 4,76 долларов (при паритете в 4,86 $\frac{2}{3}$ долл.), спускается сразу до 4,56, затем оправляется до 4,66 и довольно устойчиво держится некоторое время около этого уровня. Но с лета 1919 г. начинает неудержимо скользить вниз, спускаясь к середине декабря до расценки в 3,67 долл. После некоторого повышения к концу года, курс фунта стерлингов в 1920 году еще стремительнее падает: 4 февраля достигается низшая точка, – отмечаются сделки по 3,20 и даже на $\frac{3}{4}$ цента ниже. Затем наступает перелом, и в течение немногих недель курс оправляется почти до 4 долларов за фунт. Сходные, но еще более резкие колебания обнаруживает французский франк после того, как отпадает искусственная поддержка его курса.

Английский фунт и даже французский франк принадлежат, однако, к числу сравнительно “благородных” валют; степень их обесценения и размах их колебаний даже в наихудшие периоды – ничто по сравнению с действительно разбитыми валютами. Рекордное для фунта понижение по сравнению с долларом, – $\frac{1}{3}$; рекордное обесценение французского франка по

сравнению с долларом несколько превышает $2/3$, по сравнению с фунтом не достигает $2/3$. Германская же марка, при паритете в 20,43 марок за фунт стерлингов, спускается в начале июля 1922 г. ниже 2000 марок за фунт, а в начале ноября 1922 г. падает ниже 3000 марок за фунт. Австрийская крона (паритет 24,02 кроны за фунт) переходит в конце августа 1922 г. расценку в четыреста тысяч крон за фунт. О советском рубле нечего и говорить.

Резкие скачки валют вверх и вниз делают невозможным правильный расчет в международной торговле, тем более что ни размера, ни хотя бы направления их часто не предусмотреть даже для недалекого будущего. Промышленник и торговец не в состоянии спокойно назначать свои цены; колебания курса сбивают самую осторожную калькуляцию. Против воли всякий, кто принимает участие в международном торговом обороте, становится спекулянтom на валюте. Спекуляция же на валюте, – дело, всегда рискованное, – сопряжена с несообразными рисками для тех, кто вынужден заниматься ей попутно, не имея к ней ни влечения, ни навыка. Обычная торговая прибыль не идет ни в какое сравнение с тем, как сказываются на результатах сделок колебания курсов. При продаже и при покупке в чужой валюте не учесть в таких условиях наперед, останешься ли в накладе или получишь ни с чем не соразмерный барыш: скачок валюты вверх, движение ее вниз могут озолотить, могут и разорить, – равно неожиданно, равно без вины и без заслуги. А так как при каждой сделке в международном товарообмене одна, по крайности, сторона заключает ее в чужой валюте, то международный товарообмен и приобретает в послевоенное время характер азартной игры.

Это отпугивает от участия в нем солидных представителей промышленности и торговли и поддерживает разобщенность рынков, не давая утвердиться прочной связи между ними. Недаром установление золотого обращения в странах, стоящих в тесном хозяйственном общении, уподобляют перешивке их железнодорожной сети на общую колею. Мы видим ныне яснее, чем когда-либо, до чего затрудняется переход товаров через границы отрывом денежных единиц от общей “золотой колеи”.

Биржевая техника знает, правда, возможность освободить от несения спекулятивных рисков тех участников оборота, которые предпочитают небольшую солидную прибыль неверному шансу крупного выигрыша. Механизм сделок на срок позволяет перекладывать спекулятивные риски на специалистов-любителей, которые делают из биржевой игры, построенной на учете будущих

цен, свою профессию. Поскольку ланкаширский мануфактурист, запродающий свои изделия в Индию, располагает возможностью продать немедля на бирже рупии, причитающиеся со временем к получению по известному ему курсу дня, риск понижения рупии снимается с него, и для него отпадают те препятствия к правильной калькуляции цен и к солидному ведению дела, которые сопряжены с работой на внешний рынок в современной обстановке валютного хаоса. Однако, организация торговли валютами на срок представляет, в свою очередь, чрезвычайную трудность в современных условиях: колебания так причудливы и так велики, что трудно подыскать плечи, достаточно мощные, чтоб принять на себя и выдержать риск. В связи с этим биржевой механизм валютных сделок на срок плохо налаживается: он начал воссоздаваться в сколько-нибудь серьезных размерах лишь в самое последнее время и, как ни существенно вносимое им облегчение международных торговых сношений, решить задачу в корне он пока не в состоянии.

При изучении характерных особенностей современного мирового рынка приходится считаться с неустойчивостью валюты и в другом отношении: ей не только тормозится товарообмен, но также нарушается согласованность в движениях цен в разных странах. Колебания валюты определяются в каждой стране своими причинами и не совпадают для разных стран ни по темпу, ни даже часто по направлению, – германская марка падает, в то время как английский фунт идет вверх; норвежская крона понижается, тогда как шведская крона дорожает.

В силу этого даже для таких товаров, как пшеница, хлопок, каучук и т. д. движение цен в разных странах может складываться по-своему, несмотря на то, что для них восстановилось былое единство мирового запаса, из которого черпают все страны-потребительницы: хлопок может дешеветь в Нью-Йорке или в Ливерпуле и в то же время дорожать в Бремене вследствие того, что за доллар или за английский фунт приходится платить больше германских марок. Каучук сильно подешевел в Лондоне против довоенного времени: в январе 1914 г. фунт каучука стоил там 2 шилл. 3 пенса, а в июне 1922 г. за фунт каучука платили лишь 8 пенсов, – почти в три с половиной раза меньше. В Гамбурге же цена каучука поднялась за это время с 5 марок за килограмм до 88 марок. С марта 1922 г. к апрелю цена в Гамбурге скакнула вверх более чем на одну треть, – с 75 марок до 102; в Лондоне же цена держалась без изменения на 8 пенсах. С декабря 1921 г. по январь 1922 г. цена в Гамбурге понизилась со 100 марок до 88 марок, а цена в Лондоне поднялась с 11 пенсов до 11 1/4 пенса.

Такие отраженные колебания товарных цен, обусловленные сдвигами валютных котировок, необходимо тщательно учитывать при попытках составить представление о ценах современного мирового рынка и об их колебаниях.

3. Одно время многие были склонны ожидать больших трудностей для возобновления мирового товарообмена со стороны морского транспорта. Боялись, что гибель судов за годы войны скажется острой нехваткой тоннажа. Думали, что не обойтись без строжайшей регулировки морских перевозок в течение ряда лет, пока не восстановится равновесие между количеством грузов, ожидающих доставки, и вместимостью судов, имеющихся в распоряжении. Вырабатывали заранее планы распределения очередей между грузами в соответствии с остротой нужды в них. Готовились к напряжённейшему соперничеству между всеми странами, ко всеобщей погоне за тем, чтоб получить в свои руки возможно большую долю мирового коммерческого флота, к попыткам перехватить друг у друга и готовые и еще только строящиеся суда и даже очереди на постройку. На рынке судов и фрахтов предвидели небывало благоприятную конъюнктуру на неопределенное множество лет вперед.

Все эти страхи и надежды оказались сильно преувеличенными. Период напряженного спроса на морские перевозки, очень высоких фрахтов и безумно высоких цен на суда длился недолго. Высшая точка была достигнута уже к лету, к осени 1919 г. В начале 1920 г. явственно наметился перелом. Падение фрахтов продолжалось до весны 1921 г. И сменилось тянущимся более года застоём: фрахты колеблются неправильно на крайне пониженном уровне, который опустился бы и еще ниже, если бы на сжавшийся спрос судовладельцы не ответили массовым сжатием предложения, – снятием тоннажа с рынка в небывалых размерах. Миллионы тонн были поставлены в портах на покой.

Своей высшей точки количество судов, временно изъятых из коммерческого оборота, достигает к началу 1922 г., когда вместимость их оценивается более чем в десяток миллионов тонн. К весне 1922 г. оно осозательно сокращается, но все же продолжает исчисляться в цифрах, превышающих все, что когда-либо наблюдалось в годы кризисов до войны. Стоят без движения суда, сидит без работы и обслуживавший их персонал: в три десятка тысяч оценивалось в начале 1922 г. число безработных моряков коммерческого флота в Соед. Королевстве (речь Фр. Льюиса на годичном собрании Chamber of Shipping of the United Kingdom).

Столь резкое расхождение действительного хода конъюнктуры с ожиданиями, складывавшимися к концу войны, обусловлено ошибками в оценке предложения тоннажа, с одной стороны, и спроса на него, с другой. Ущерб, нанесенный подводными лодками, был громаден. Общая убыль тоннажа за годы войны оценивается в добрых полтора десятка миллионов тонн, – в треть, примерно, всего количества, имевшегося перед войной. Но размах, с которым развивалось судостроение, был еще более грандиозным. Уже к середине 1919 г. убыль мирового тоннажа за годы войны была восполнена, и грузоподъемность мирового торгового флота начала превышать наивысший уровень, достигавшийся до войны. Со середины 1921 г. в распоряжении мирового хозяйства имеется на 12 – 13 миллионов тонн более, нежели имелось к началу войны, в середине 1914 г.

Правда, к высоким цифрам послевоенного тоннажа необходимо внести ряд существенных поправок, заметно понижающих оценку его работоспособности. Но все же не подлежит сомнению, что мировой коммерческий флот быстро восстановил свою мощь настолько, чтобы быть в состоянии справиться с очень высокими запросами. Между тем запросы на морские перевозки оказались несравненно ниже, чем ожидалось. Казалось, наголодавшаяся и обтрепанная Европа с жадностью набросится на запасы продовольствия и сырья, накопившиеся в дальних заокеанских странах. Казалось, массами потекут оттуда, засыпая все доступные средства перевозки, и хлеб, и шерсть, и хлопок и т. д. Так поначалу и было.

Но быстро картина переменилась. Вместо того чтобы держаться на небывалой высоте, мировой товарообмен упал ниже довоенного своего уровня. Денежные обороты внешней торговли достигли, действительно, рекордных цифр, но не вследствие того, что оборачивалось и перевозилось много товара, а исключительно из-за чрезвычайной высоты цен. В весовых же и в объемных единицах мировой товарообмен не только не ставит рекордов, но, напротив, далеко отстает от бывшего. Вывоз из Соед. Королевства превышал, например, в 1913 г. 91 млн. тонн, а в 1920 г. измерялся лишь 29,5 миллионами тонн, в 1921 г. достигал лишь 33 млн. тонн. Ввоз в Соед. Королевство с 56 млн. тонн в 1913 г. упал до 45,6 млн. тонн в 1920 г. и до 39 млн. тонн в 1921 г. Общее количество обмениваемых в мировой торговле товаров не превышает в начале 1922 года половины довоенного оборота (оценка Fr. Goodenough в речи на годичном собрании акционеров Barclays Bank 25 января 1922 г.) Размеры морских перевозок в середине 1922 года оцениваются в 70 проц. довоенного (речь Фр. Льюиса на годичном

собрании акционеров The Prince Line 17 октября 1922 г.). Мировой рынок восстанавливается так слабо, что не в состоянии предъявить спроса на морские перевозки даже в размерах довоенного времени. Стеснения хозяйственного общения, валютный развал слишком затрудняли эти годы переброску грузов оттуда, где имеются избытки, туда, где население изнывает от бестоварья.

Но в еще большей мере препятствует росту внешней торговли упавшая покупательная способность населения значительной части земного шара. Со всеми стеснениями оборота мировая торговля сумела бы в конце концов справиться, – устранить их или обойти их. Но раз предъявляющему спрос населению нечем платить за нужные ему товары, торговля становится невозможной, и зерно сжигается по одну сторону океана в то время как по другую его сторону люди умирают от голода. Те, кто, правильно оценивая остроту бестоварья, усматривали в ней источник напряженного спроса, недоучитывали, до какой степени это бестоварье равнозначно малой платежеспособности обнищавших потребителей. Об это препятствие и разбиваются усилия оживить мировой товарообмен. Не в технике перевозок, не в слабосилии транспорта причина той медлительности, с какой восстанавливается мировое хозяйственное общение. Корни лежат глубже: во всеобщем оскудении, в резком понижении трудовой энергии изможденного войной человечества, в сокращении рабочего дня и – быть может, более всего – в нелепых условиях так называемого *мира*, не дающих взяться за починку подточенных основ материального благосостояния со спокойной уверенностью в том, что завтрашний день не принесет новых катастроф и не лишит трудящегося плодов его трудового напряжения.

4. Разобщенность национальных рынков за годы войны оставила следы на строе хозяйства, которые не изгладятся без остатка и после того, как отпадут все преходящие тормозы мирового хозяйственного общения и восстановится мировой рынок в его былой довоенной свободе. Для ряда товаров условия мирового снабжения и образования цен на мировом рынке будут складываться по-новому, вследствие глубоких сдвигов в спросе на них и в их предложении.

Разъединенные войной страны были отрезаны от притока заграничных товаров, к которым население привыкло до войны. Приходилось налаживать отечественное производство их или искать замены. Пошли в ход всяческие суррогаты. Спрос направился в новую сторону. Во множестве случаев замена оказалась настолько низкокачественной, что при первой

возможности потребитель стремится вернуться к былым источникам снабжения: так, например, замена недостававших текстильных материалов в Германии крапивой, как ни похвалялись ей в свое время изобретатели, не явилась прочным приобретением народного хозяйства, и сейчас крапивные ткани не играют на рынке видной роли. Нередко, однако, новые способы покрытия потребностей оказываются живучими; у населения успели сложиться новые привычки и новые вкусы, с которыми придется считаться и бороться поставщикам товаров, покрывавших те же потребности до войны.

Одним из наиболее ярких примеров является оттеснение сливочного масла маргарином. Производство маргарина повсеместно возросло за войну, потребление его чрезвычайно поднялось. Даже в Англии маргарин успел пустить глубокие корни: с 1913 г. по 1918 г. потребление маргарина в Англии выросло вдвое; производство же маргарина поднялось в три с половиной раза, так как сжался, а затем и прекратился, ввоз. Вместе с тем сильно усовершенствовались способы производства, очень улучшилось качество маргарина. Против хорошего сливочного масла маргарин все же, конечно, не выстоит и теперь, но в лучших своих сортах он так мало уже уступает маслу, что при сравнительно не очень большой разнице в цене способен ныне вытеснять масло с рынка. Маслу же не первосортному придется еще более страдать от конкуренции маргарина. Таким образом, на послевоенном мировом рынке движение цен на сливочное масло будет в значительной мере определяться факторами, с которыми до войны не было необходимости считаться в такой степени: ценой маргарина, настроением рынков сырья, из которого вырабатывается маргарин, и т. п.

Другой пример: рост спроса на нефть в связи с широким переходом морского военного и коммерческого флота с угля на мазут. На мировом рынке горючих веществ наблюдаются сдвиги, делающие его, можно сказать, неузнаваемым для того, кто вздумал бы примеряться на недавние, довоенные представления о нем. А тех косвенных отражений, которыми чреваты эти сдвиги, с ясностью и не окинешь пока взором: они налагают печать не только на строй мирового хозяйства, но и на ход мировой политики держав, распоряжающихся судьбами земного шара.

Сходным образом те усилия, которые повсеместно были прилагаемы к тому, чтоб в большей мере покрывать внутренний спрос внутренним производством и сделать внутренний рынок возможно независимым от подвоза из-за границы, далеко не во всех случаях увенчались прочным успехом, но в некоторых

областях привели к результатам, существенно меняющим картину мирового рынка против довоенной поры. Взять хотя бы производство красок: позиция Германии на мировом рынке красок будет теперь во многом иная, нежели до войны; сфера ее монополии значительно сузилась, а вместе с тем испытали существенные перемены и условия образования цен на краски на мировом рынке.

Другой пример: калийные соли. Хотя по части добывания их почти нигде, несмотря на крайние усилия, не достигнуто больших успехов, но вследствие отхода Эльзасских залежей к Франции бывшая монополия Германии все же разбита. В 1913 г. Германия поставила на мировой рынок почти 99% поступившего на него количества калийных солей; в 1921 г. более 1/7, в 1920 г. почти 1/4 приходилось на Францию, Соед. Штаты и Брит. Индию. Если не последует тесного соглашения между французскими и германскими предприятиями, то строй мирового рынка калийных солей, уровень и характер колебаний их цен будут складываться ныне совсем по иному, чем в первом десятилетии двадцатого века.

Еще более глубокие перемены испытал рынок азотистых соединений. Монополия Чили начала колебаться уже до войны; теперь она окончательно разбита: добыча чилийской селитры в 1921 г. не достигает и половины добычи 1913 года, вывоз сократился с 1913 г. к 1921 г. в два с половиной раза; Германия поставляет ныне на мировой рынок почти такие же количества, как Чили; сильно возросло также производство в Соед. Штатах, в Японии. Изменился в корне и самый характер снабжения мирового рынка: человечество становится независимым от залежей, обнаруженных, к счастью предшествовавших поколений, в одном из дальних углов земного шара; благодаря успехам химической технологии оно получает возможность черпать азот в любых количествах из неистощимого запаса его в воздушной атмосфере в порядке фабрично-заводского производства: чем больше будет спрос, тем дешевле будет обходиться продукт.

К переменам в условиях спроса и предложения отдельных товаров следует добавить общее перераспределение хозяйственной мощи между странами, – в первую очередь, сказочный рост веса Соед. Штатов в мировом хозяйственном общении. Да и в хозяйственной структуре отдельных стран произошли перемены, существенно затрагивающие строй мирового рынка: сосредоточение производительных сил в руках немногих распорядителей – концентрация банков, слияние промышленных предприятий в грандиозные *концерны* – сделали поистине ошеломляющие успехи за истекшие годы. Все это,

вместе взятое, так меняет облик начинающего восстанавливаться мирового рынка по сравнению с тем, как он выглядел до войны, что на былые представления становится почти невозможным опираться. Требуется тщательный пересмотр всех условий образования цен для каждой группы товаров, чуть что не для каждого сорта товара. Лишь на такой основе можно разобраться в движении цен, можно сколько-нибудь уверенно предсказывать их грядущие колебания. Самое надежное знание былых путей мировой торговли, былых распорядков мирового рынка теперь обманчиво: без внимательной сверки сложившихся некогда представлений с новыми условиями старый жизненный опыт способен ныне вести к опасным ошибкам, к расчетам, которые жизнь будет опрокидывать самым бедственным образом. Никогда, быть может, не ощущалась так остро, как ныне, потребность в углубленном осмыслении той жизненной среды, в которой торговцу и промышленнику приходится действовать, – заказывать, принимать заказы, продавать, платить. Никогда не были так наглядны преимущества систематического научного знания перед полуинстинктивным здравым смыслом, опирающимся на устарелый жизненный опыт: в обстановке, близкой к той, в которой жизненный опыт сложился, он способен давать надежные указания, но он лишен способности сразу применяться к быстрой смене условий, легко вырождается тут в рутину и начинает предательски обманывать оказываемое ему доверие.

5. Если, вдумавшись в отличия послевоенного мирового рынка от довоенного, мы начнем всматриваться в картину колебаний товарных цен за протекшие с окончания войны годы, то нас не удивит ее пестрота. Скорее покажется удивительным то обстоятельство, что в движении цен в разных странах все же замечается немало сходных черт. За первые месяцы по окончании военных действий цены, сильно поднявшиеся за войну, идут вниз. К весне 1919 г. падение останавливается и – где раньше, где несколько позже – сменяется новым ростом цен, тянущимся около года и круто вздымающим их уровень за этот недолгий срок гораздо выше, чем подняла его повышательная волна четырех лет войны.

С весны, с лета 1920 года намечается новый перелом: цены катятся вниз. Понижительное движение длится в общем около двух лет. Кривая идет вниз почти без перебоев, порой с очень крутым уклоном. Уровень цен падает более чем вдвое, против высшей точки. Движение идет по-разному для разных товаров; цены некоторых приближаются к довоенным, даже спускаются ниже их; цены других, несмотря на сильное

понижение, все же остаются выше довоенных. В Англии, например, американский хлопок уже в начале 1921 г. достигает для некоторых сортов довоенного уровня; джут падает ниже довоенных цен, но лен продолжает держаться сравнительно очень крепко; медь спускается ниже довоенной расценки, на железо же цены стоят сравнительно высокие. К 1922 г. темп движения замедляется, падение приостанавливается, затем цены начинают крепнуть. В середине 1922 г. для ряда руководящих стран мирового хозяйства можно уже с уверенностью утверждать, что волна цен вступила в новую повышательную фазу.

Так складывается картина в Англии, в прочих европейских государствах с не слишком расстроеным денежным обращением, в Соед. Штатах: в подробностях наблюдаются некоторые различия, но общие черты везде те же. В Соед. Штатах, например, первая понижательная волна сказывается позднее и слабее, – 1918 год стоит до конца под знаком не спадающих цен, и лишь январь, февраль 1919 г. обнаруживают вполне явный уклон цен вниз, быстро сменяющийся, как и в Европе, новым повышением. К весне 1920 г. цены круто вздымаются до высоты, невиданной в Соед. Штатах с 1864 года, – для пищевых продуктов превышают даже уровень 1864 г. Высшая точка достигается в мае 1920 г. Затем цены начинают падать. В июле, в августе 1921 г. намечается как будто перелом, но оживление оказывается непрочным, и в сентябре, в октябре цены снова дают уклон вниз. Низшая точка приходится на начало 1922 г. Оправляться цены начинают ранее, чем в Европе; крепнут они вяло и нерешительно, но в целом все же достаточно отчетливо, и к середине 1922 г. первоначальные сомнения в прочности перемены, можно сказать, рассеиваются.

Совсем по-иному складывается движение цен в странах с продолжающей обесцениваться денежной единицей. Здесь колебаниям в расценке валюты принадлежит господствующая роль; ими и определяются ближайшим образом извивы кривой цен. Общий же уклон кривой вверх обуславливается совокупным действием прогрессирующего обесценения денежной единицы и постепенного сближения цен внутреннего рынка с мировыми. Действие последнего момента с большой отчетливостью проступает, например, в Германии, где уровень цен на внутреннем рынке, сдерживаемый нажимом государственной власти, далеко отстает от мирового и даже в середине 1922 г. лишь для немногих продуктов отечественного труда – важнейший из них сталь – достигает этого предела.

На совершенно своеобразной картине движения цен в России я не останавливаюсь, – отчасти за неимением достаточно точных материалов, главнейше же потому, что Советская Россия оставалась эти годы почти наглухо замкнутой для подвоза товаров извне, и русский рынок для мирового хозяйства как бы не существовал. Отмечу лишь одну характерную черту, резко отличающую взаимоотношения между ценами внутреннего рынка и мировыми ценами в России, от того, как обстоит хотя бы в Германии. Германская марка сильнее обесценена на внешних валютных рынках, нежели во внутреннем торговом обороте; товарным цены в Германии, по переводе на золото или в *благородные* валюты, оказываются ниже цен мирового рынка.

Напротив, советский рубль так обесценился внутри России, что русские товарные цены по пересчете хотя бы в германские марки оказываются по большей части выше германских. В силу этого равнение цен внутреннего рынка по мировым, удорожающее жизнь в Германии, было бы сопряжено в России с удешевлением товаров, – в маловероятном, впрочем, предположении, что оно не сопровождалось бы дальнейшим обесценением рубля в обмене на иностранные валюты.

Если оставить в стороне государства с вполне расстроеным денежным обращением, то при беглом взгляде на кривые цен может составить, таким образом, впечатление, будто связь между национальными рынками и теперь недалеко по силе от былой. Впечатление это, однако, обманчиво. Сходство в движении цен в разных странах обуславливается ныне не столько тем, что цены одной страны давят на цены в других странах и, своим уклоном вниз или вверх, непосредственно тянут в ту же сторону уровень цен повсеместно, сколько сходством в общих условиях существования повсюду в послевоенной обстановке.

В годы войны цены, за немногими исключениями, везде возрастали, но не потому, чтоб подъем в Англии вызывал повышение в Германии или наоборот, а потому, что и в Англии, и в Германии, и в прочих странах на ценах сказывалось сходным образом действие войны, – затруднение подвоза, оскудение запасов, обесценение денежной единицы и т. д. Так и в послевоенную пору цены обнаруживают сходные движения, главнейше, потому, что в каждой стране, независимо от других, условия образования цен складываются и изменяются по-сходному.

Углубленное выяснение картины движения цен за послевоенные годы требовало бы подробного рассмотрения отдельных товаров. Средний уровень цен, движения которого

очерчены выше, сглаживает весьма существенные различия при более нормальных условиях хозяйственной жизни. Для рынка же послевоенного чрезвычайная пестрота в движении цен различных товаров является одной из отличительных черт. Средний уровень цен приобретает, в силу этого, еще более условный характер, нежели обычно. Об этом явственно свидетельствует то обстоятельство, что самое представление о движении среднего уровня складывается для любой страны далеко не по-одинаковому в зависимости от того, как мы выводим среднюю, какие группы товаров берем и с каким весом.

Для Англии, например, известные показатели *Statist* и не менее известные показатели журнала *Economist* дают для конца 1918 г. и начала 1919 г. картину явственного понижения, тогда как показатели Board of Trade с января по март 1919 г. идут слегка вверх, но обнаруживают уклон книзу в апреле, мае 1919 г., когда индексы *Стэтиста* и *Экономиста* говорят уже о начавшемся повышении. Сходным образом для Соед. Штатов сводный показатель Bradstreet непрерывно нарастает, начиная с июля 1921 г., тогда как все прочие показатели отмечают осенью 1921 г. новый спад волны.

Этот характерный разницей в движении цен разных товаров является ясным свидетельством того, что волны кривой общего уровня цен в меньшей, нежели обычно, мере отражают на себе влияние тех общих факторов, к действию которых экономическая теория пытается свести наблюдающуюся в хозяйственной жизни смену периодов оживления и застоя. Конъюнктура послевоенного мирового рынка характеризуется не только сравнительной разобщенностью национальных рынков, но и сравнительной оторванностью друг от друга цен на разные товары на внутреннем рынке одного и того же государства.

Всматриваться в колебания цен отдельных товаров и их причины не может входить в задачи настоящей статьи, я позволю себе лишь остановиться на важнейших из тех общих моментов, которым обязан своим происхождением замечательный все же и после войны параллелизм в движении уровня цен на разных, столь плохо сообщающихся между собой, рынках.

О том, чем вызывалась повышательная волна, почти нет надобности распространяться. Европа вышла из войны материально разоренной. Истощены были запасы всего, что могло идти на потребу. Во множестве разрушен и повсеместно изношен мертвый инвентарь народного хозяйства, почти не знавший ремонта в течение четырех лет: пути сообщения, здания, машины и прочее оборудование фабрик и заводов, — вплоть до угольных и

иных копей, разработка которых велась без заботы о завтрашнем дне с единственным помыслом извлечь возможно больше сегодня, – вплоть до плодородия почвы, хуже обычного обрабатывавшейся и много хуже обычного удобрявшейся. Расточен и измотан *живой инвентарь*, – рабочая сила: миллионы трудоспособных мужчин положили жизнь в боях; миллионы вернулись с фронта калеками и полукалеками. Да и те, кому посчастливилось уцелеть на фронте и выдержать, не надорвав здоровья, тяжелые условия существования в тылу, не были способны к полному трудовому напряжению.

Производительность труда потерпела сильный и длительный урон. А в то же время был сокращен рабочий день. Чрезвычайно возросшим потребностям противостояла чрезвычайно повсюду сократившаяся производительная мощь населения. К этому присоединялось вздорожание перевозок, – рост морских фрахтов и железнодорожных тарифов. Продолжавшаяся же инфляция обесценивала денежную единицу. В таких условиях, естественно, приходилось ожидать крутого роста цен.

Почему же, несмотря на все это, цены в конце 1918 г., в начале 1919 г. несколько понижаются? Причины лежат как на стороне предложения, так и на стороне спроса. Внезапное окончание войны облегчило подвоз товаров и освободило значительные их запасы. Правительственными и иными организациями, предусмотрительно принимавшими меры к обеспечению снабжения на случай затяжки войны, произведены были повсюду большие заготовки. Массы товаров выдерживались' владельцами на складах в расчете на дальнейший рост цен под давлением военного спроса. Прекращение военных действий внесло неуверенность в расчеты. Явились охотники спешно реализовать барыши, которые можно было взять при державшихся о ту пору ценах.

В населении же проснулась надежда, что теперь, с переходом на мирное положение, хлынут товары на рынок и цены начнут приближаться к мирным. Поэтому, когда товар, действительно, оказался на рынке, но по ценам далеко не мирным, от покупок воздерживались, как ни была настоятельна потребность: думалось, что, если повременить еще немного, то купишь значительно дешевле. Поскольку так рассуждает единичный покупатель, – воздержание его от покупки не опасно для торговца. Но в конце 1918 г. так рассуждали массы. И владельцы выпущенных на рынок товаров увидели, к своему ужасу, что товар, который перед тем брали нарасхват чуть не по любой цене, теперь не идет с рук.

Наметилась своеобразная *забастовка покупателей* – забастовка, никем не организованная и никем не руководимая, без взаимного сговора, покоящаяся исключительно на том, что у всех одновременно явилась общая мысль: лучше потерпеть с покупателями, – в скором времени достанешь, что нужно, на более выгодных условиях. Рассуждение это было по существу ошибочным, исходило из неверных предпосылок. Но в выводы из этих неверных предпосылок дружно уверовали массы, и покоившиеся на нем расчеты, хотя и не находили достаточного оправдания в действительной конъюнктуре, все же в известной мере оправдались.

Забастовка потребителей произвела такой нажим на товаровладельцев, что цены, действительно, дрогнули. Это подлило масла в огонь. *Забастовщики*, видя, что расчет оправдывается, укрепились в вере в правильность своих соображений и продолжали бастовать, а цены продолжали опускаться. Однако, это тянулось недолго: объективные условия скоро взяли верх. Товаровладельцы изменили линию политики, перестали понижать цены, а затем начали снова поднимать их. И те же потребители, которые перед тем воздерживались от закупок по пониженным ценам, набросились на дорожавшие товары, расхватывая не только то, что было необходимо, но закупая излишки впрок из страха, что, прозевав, будешь потом платить втридорога. Массовая психология переломилась. Спешный спрос погнал цены форсированным темпом в гору и дал возможность вздуть их до высот, которые, в свою очередь, не находили оправдания в объективных условиях снабжения рынка. Картина эта – воздержание публики от покупок в период понижения цен и расхватывание наперебой всего, что ни попало, при начавшемся повышении – наблюдалась за последние годы неоднократно в разных странах при разных местных переломах конъюнктуры. И всякий раз с новой ясностью обнаруживала способность массовых настроений определяюще влиять на цены даже в тех случаях, когда они в основе своей сводятся к иллюзии.

Это свидетельство о чрезвычайной мощи даже неорганизованного потребителя, поскольку индивидуальные решения, складываясь по-сходному, не погашают друг друга, а дружно суммируются в общую равнодействующую, является одним из поучительнейших выводов из наблюдения над судорожными движениями товарных рынков в послевоенную пору.

Таким образом, первая понижительная волна конца 1918 г., начала 1919 г. обязана своим происхождением – почти можно сказать – недоразумению: цены идут вниз, если и не вопреки

рассудку, то все же наперекор стихиям. Отсюда краткосрочность понижения и сравнительно небольшая глубина падения. Иной характер носит вторая понижательная волна, надвинувшаяся в начале 1920 года. Два основных момента создают ее. Непомерно вздувшиеся цены подрезают сбыт; дорогим товарам не противостоит платежеспособного спроса; для обнищавшего за войну человечества они оказываются не по карману. Потребность в них необъятна, но нечем за них платить.

Товара не покупают не потому, чтоб выжидали более выгодных цен, а за неимением средств. Рынок, казавшийся безгранично емким, сжимается. А в то же время энергичная политика дефляции в Соед. Штатах и в Англии и более или менее решительная задержка инфляции в других странах не только останавливают обесценение денежной единицы, но с явственным успехом поднимают ее ценность. Прекращается болезненное подбадривание народно-хозяйственного организма путем выпрыскивания искусственно создаваемой покупательской силы, – в виде бумажных денег, легко открываемых банковских кредитов и т. п. Для хозяйственной жизни намечается возврат к более нормальным условиям. Это позволяет начать вновь сильнее проявлять свою мощь тем общим причинам, которые и перед войной вызвали непрерывную смену периодов подъема и упадка пульса хозяйственной деятельности. Безумно высокий уровень цен 1919 – 20 гг. сменяется угнетенно-понижательным настроением, которое держится почти два года.

6. В интересной статье С.А. Первушина о конъюнктуре современного хозяйства в московском журнале *Вестник Статистики*¹ ставится вопрос об общем характере переживаемой ныне полосы хозяйственной жизни. Из приводимых автором ссылок видно, что вопрос этот подвергается в России оживленному обсуждению. Высказываются самые противоречивые взгляды. Некоторые полагают, что кризис, “постигший в середине 1920 г. мировое хозяйство, – это в сущности обычный капиталистический кризис, запоздалый очередной кризис, появление которого специалисты на основании ряда симптомов предсказывали еще на 1912, на 1914 гг. Мировая война ... отодвинула этот кризис ... но ничуть не изменила его существа, как нормального кризиса, как определенной фазы капиталистического цикла”. “По мнению других, современный

---

¹ С.А. Первушин, Конъюнктура современного мирового хозяйства. *Вестник статистики*, май – август 1921 г. Москва, 1922.

кризис ... наиболее сходен с кризисом 1815 г., с кризисом стихийной хозяйственной ликвидации наполеоновских войн”.

Наконец, третья точка зрения видит в нем “кризис совершенно особого порядка, за которым возврата к прошлому нет, который таит в себе начало коренной перестройки всего социального, хозяйственного и культурного уклада Европы”, причем, “в этой третьей точке зрения сошлись два различных течения, – оптимистическое и пессимистическое. Для первых выход на высшую хозяйственную ступень возможен, но лишь ценой полной перестройки социальных отношений. Последнее течение этого выхода не представляет: в современном длительном кризисе оно видит начало подлинного краха Европы ... возврат к хозяйственному и культурному средневековью и разложение высших хозяйственных форм, – пользуясь термином Шпенглера: *Untergang des Abendlandes*”².

Сам автор сосредоточивается, главнейше, на статистическом анализе цифрового материала, приглашая констатировать, прежде всего, факты. Путь к выяснению вопроса, если и не самый легкий, то в конечном счете все же самый краткий! Ибо факты складываются в отчетливую картину, вводящую умозрение в твердые и сравнительно весьма тесные рамки. Начало нового оживления хозяйственной жизни с конца 1921 г., уловляемое Первушиным не на движении цен, – на ценах тогда еще не сказывалось явственного перелома, – а посредством искусного сопоставления иных рядов показателей конъюнктуры, наглядно обнаруживает несостоятельность той *третьей* группы взглядов, которая усматривала в кризисе 1920-21 гг. начало конца Европы, – крах, за которым нет возврата к прошлому. С другой стороны, факты рассеивают и представление о перескочившей каким-то чудом через годы войны очередной фазе нормального кризиса, надвигавшегося в начале второго десятилетия двадцатого века. Первушин правильно подчеркивает, что “мировой хозяйственный организм после войны еще не совсем выздоровел”, что начавшееся оживление происходит “в условиях продолжающегося разрыва хозяйственных связей”, в обстановке “денежно-валютного хаоса” и перебивается все время “действием фактора политического”. Он заключает: “Температура мирового хозяйства, быть может, уже близка к нормальной, но все еще ненормальная: это все еще те 37 и три, 37 и два по медицинскому термометру, которые хорошо знает врач и которыми он обычно не

---

² Первушин перенял заглавие книги О. Шпенглера (тт. 1- 2, 1918-1922; русский перевод т. 1, *Закат Европы*, 1923). О.Ш.

обольщается”. Эта осторожная характеристика делает честь трезвой логике автора, как делает честь его статистической проницательности, что он со своего далеко не благоприятного наблюдательного поста сумел подметить новый перелом конъюнктуры на самых зачаточных его стадиях.

В ней следует, однако, переставить ударения, дабы освободить ее от налета слегка окрашивающей ее полемики. Температура мирового хозяйства, бесспорно, еще не вполне нормальна, но явственно приближается к норме. Разорванные хозяйственные связи восстановлены далеко еще не в полной мере, но некоторое подобие мирового рынка уже успело сложиться и мировое хозяйственное общение быстро крепнет, не взирая на все помехи, которые “политический фактор” нагромождает на пути хозяйственного возрождения. Вместе с тем и колебания в темпе хозяйственной жизни с все большей силой подпадают под действие тех моментов, которыми обуславливается чередование подъема и депрессии в нормальных условиях современного хозяйственного строя. Полоса депрессии 1920-21 гг. носила на себе уже более явственные следы их, нежели предшествовавший ей подъем и совершенно аномальная понижательная волна конца 1918 г., начала 1919 г. Надвигающаяся ныне полоса оживления выявляет с еще большей отчетливостью знакомые от прежних времен черты этой “фазы капиталистического цикла”. Мировой послевоенный рынок имеет – и во многом удержит – своеобразный облик, отличный от былого; пути мировой торговли лежат – и будут лежать – в иных, кое в чем, направлениях, нежели прежде. Но общий строй мирового хозяйства остается – и долго еще будет оставаться – тем же в основе своей, как до войны. Никакого перехода к неизведанным хозяйственным порядкам переживаемая ныне полоса не несет с собой, никакого переустройства всего уклада жизни Европы не таит в себе. Об этом можно проливать слезы, можно этому радоваться, – смотря по общему мировоззрению. Но трудно оспаривать это, если глядеть фактам в глаза. Капиталистический хозяйственный строй обнаружил способность вынести военное напряжение, равное которому мир доселе не знал. Способен он вынести и то, что государственной мудрости наших дней угодно именовать миром. Внутренние противоречия капитализма велики и глубоки. Но способность справляться с ними пока что еще больше. Нет более пагубной ошибки, как недооценивать приспособляемость и мощь, проявленные капитализмом – неожиданно даже для большинства его апологетов – в пережитую миром годину небывало тяжелых хозяйственных испытаний.

2. Уничтожение сельской общины в России

The break-up of the village community in Russia.

Economic Journal, vol. 22, 1912, pp. 173-197

В сокращённом виде перевод опубликован: *Вопросы экономики*, № 10, 2010, с. 135-146

Предисловие переводчика

Все стороны жизни деревенской общины занимали Чупрова на протяжении многих лет. Еще в 1902 г. он опубликовал книгу на эту тему, за один раздел которой в 1901 г. ему была в Страсбурге присуждена степень доктора государственного управления. Успешно рекомендуя Чупрова в члены-корреспонденты Российской академии наук, Струве и др. (1917/1996) высоко оценили ее и специально отметили, что Чупров не ограничился изучением общины в России. Русскую деревню и, в частности, противоречия точек зрения народников и марксистов по аграрному вопросу изучали и студенты Чупрова (Борткевич и Чупров 2005, Письмо № 71 1903 г.; Шейнин 1990, с. 12). Сам он в 1905 – 1906 гг. опубликовал четыре статьи по этой же теме (Шейнин 1990, с. 128), в 1906 – 1911 гг. – не менее 22 статей, и еще несколько – позже 1912 г. в московской газете *Русские ведомости* (там же, с. 131 – 134); без ссылки на нашу брошюру названия этих статей привел Орлов (1996, с. 39), хотя найти их он нигде больше не смог бы. И, заметив в переводимой ниже статье (конец п. 4), что в 1912 г. “жестокость и несправедливость” по отношению к общинам были “сразу же разоблачены в прессе”, Чупров вполне мог бы сослаться на самого себя.

В своем выступлении, посвященном памяти Чупрова, Розенберг (1926, с. 12 – 13) привел выдержки из его позднейших газетных статей. Точных ссылок он не привел, но по контексту следует, что они были опубликованы в 1913 г. И настроен Чупров был уже не так, как раньше: “Сломить сопротивление тех 130 тысяч, что держат в своих руках судьбы 150-миллионного народа, мы не умеем”.

Мы полагаем, что статья Чупрова интересна и сейчас, в частности потому, что он аккуратно осветил историю русской общины в юридическом плане и насколько возможно использовал в ней статистические материалы. И один из выводов, который напрашивается из его соображений, быть может недостаточно обсуждался. Именно, столыпинская реформа 1912 г., будь она проведена и раньше, не помешала бы успеху революции 1917 г.

В конце своего исследования Чупров обсуждает выходы из общины, число которых резко возросло в результате реформы. По этому поводу см. позднейшую статью Кочаровского (1925).

В 1909 г. Эджуорт, редактор журнала *Economic Journal*, по поручению Королевского экономического общества предложил Чупрову стать корреспондентом общества по России. Чупров согласился лишь представить рукопись статьи об общинах в России, но всё же стал корреспондентом (Шейнин 1990, с. 18). Рукопись (на немецком языке) Чупров действительно послал, но редактором к тому времени стал Кейнс. И вот отрывок из письма Кейнса 1912 г. Чупрову (там же, с. 13, в переводе; с. 125, в оригинале):

В письме, которое я послал Вам несколько раньше в этом году, я предположил, что статья может оказаться [после перевода с немецкого] длинноватой, но, прочтя ее еще раз, я полагаю, что она столь интересна и сжата, что буду рад опубликовать ее в точности в ее нынешнем виде.

На смерть Чупрова Кейнс откликнулся кратким некрологом (1926).

В тексте статьи немало уточняющих вставок в квадратных скобках, либо наших собственных, либо, в основном, Л.Б. Шейнина

О.Б. Шейнин

1. Недавние события в структуре сельского хозяйства в России не привлекли большого внимания за пределами страны, а между тем они очень интересны и для государственных деятелей, и для экономистов. Действительно, никто из тех, кто желает понять борьбу, которая происходит сейчас на территории под владычеством царя, не может позволить себе пренебрегать ими.

Россия – крестьянская страна, и ее крестьянство образует основу ее экономического положения в мире и на него же опирается военная мощь империи. Фабрики, несмотря на их быстрое развитие в течение последних десятилетий, всё еще сравнительно малозначимы. Во время переписи 1897 г. в торговле и промышленности было занято не более шестой части населения и вряд ли восьмая его часть проживала тогда в городах. Крупное землевладение, которые 50 лет назад играли ведущую роль в экономической жизни нации, так и не оправались после потрясения, нанесенного им освобождением крепостных.

Приученная к сонным методам патриархальной системы, основанной на труде крепостных, землевладельческая знать (nobility) не смогла приспособиться к новым условиям. Выкупные,

уплаченные освобожденными крестьянами [за отошедшую им землю], были истрачены непродуктивно, а не инвестированы. Мало кто попытался изменить свои методы управления разумным образом, приспособленным к новому юридическому и коммерческому положению, а большинство тех, кто всё-таки попробовал сделать это, испытали неудачу, потому что у них не было умственных качеств, необходимых для успешной работы в современных промышленных условиях. Большинство землевладельческой знати предпочло доверить пользование оставшейся у нее земли крестьянам. Земля либо использовалась в прежнем обычном порядке окрестными крестьянами которые обрабатывали ее своими лошадьми и своим инвентарем [отработки], либо отдавалась в аренду крестьянам, которые были полны желанием получить ее, потому что при освобождении большинство из них не получило достаточного надела и они рады были платить за нее несоразмерно своей выгоде.

Поместья использовались почти только как источник получения арендной платы, и связи, соединявшие землевладельческую знать с ними, поэтому ослабели во всех своих звеньях и неудивительно, что их легко было разорвать. Чтобы позволить знати после освобождения, когда иссякли капитализированные выкупные платежи, вести прежний образ жизни в соответствии со своим рангом, потребовалось больше, чем земля, остававшаяся у них, могла приносить при традиционных методах возделывания.

Но знать не была в состоянии поднять арендную стоимость своей земли ни разумным изменением управления, ни притоком свежего капитала и лучшим знанием дела. Не оставалось ничего другого, кроме как урезать еще больше стоимость своей собственности. Леса вырубались на обширных площадях, кредит за заложенную землю безответственно расходовался, и тем более свободно, потому что специальный банк, учрежденный правительством к выгоде землевладельческой знати, выдавал деньги под именная дворян на исключительно благоприятных условиях. Но получаемые деньги тратились так же непроизводительно, как раньше выкупные платежи. Разорение представлялось неизбежным, и русское дворянство начало беспримерно быстро распродавать свои земли. Уже в конце 1870-х годов пятая часть земель, удержанных знатью после освобождения [крепостных] в 1861 г., перешла в руки общинников (commoners). Налоговое обложение (levy) 1887 г. выявило дальнейший серьезный упадок, а последующие 20 лет не изменили этой тенденции: сельскохозяйственная статистика за 1905 г. показывает,

что за 45 лет дворянство передало половину своих поместий простонародью.

Затем подоспели годы революции и крестьянских волнений. В чисто русских губерниях насилия над личностью землевладельцев были редкими, но многие дома и сельскохозяйственные постройки сносились бунтующими крестьянами, скот забивался и инвентарь портился. Жизнь в деревне оказалась настолько расстроеной, что многим землевладельцам не хватало мужества вернуться в свои разрушенные дома, чтобы отстроить их заново.

В течение 1906-1907 гг. более 10 миллионов десятин, – добрая пятая часть земель, еще принадлежавшая знати, – была выставлена на продажу в Крестьянский банк. Казалось, что для землевладельцев пробил последний час. Правительство, обеспокоенное судьбой знати, приняло теперь решительные меры. Чтобы ослабить панику, Сельскохозяйственному банку было предложено покупать выставляемую на продажу землю за высокую цену, особенно в районах, наиболее затронутых крестьянскими волнениями. Более трех миллионов десятин, – столько же, сколько сельскохозяйственных земель находится в Саксонии, Вюртемберге и Бадене вместе взятых, – было куплено государством в течение трех лет.

Цель была достигнута: возобладало какое-то спокойствие. Вера, что правительство защитит, восстановилась. Исчезло опасение, что цены сильно снизятся и прекратилась продажа имений в спешке, для предотвращения потери ими всей своей цены. Темп ухода знати от земли постепенно снизился до своего прежнего уровня в несколько сот тысяч десятин ежегодно.

Но знать, экономическая неспособность которой угрожала основам ее собственного существования, удерживала в своих руках реальную власть. Нигде в мире не существует такого выраженного противоположения между политическим верховенством и экономической слабостью класса. И поэтому очевидно, что до тех пор, пока аппарат правительства находится под надзором [помещиков], попытки использовать его с целью продвинуть классовые интересы для достижения какой-то меры их экономической мощи будут продолжаться.

Многое в русском экономическом законодательстве можно понять только в свете этой борьбы политическими средствами за экономическое существование знати. Представление о том, что реально способствует ее интересам, часто изменялось с годами и соответственно менялась государственная политика. Так, длительное время землевладельцы,

нуждающиеся в рабочей силе, считали противным своим интересам отток крестьян из Европейской России в Сибирь и соответственно правительство пыталось препятствовать этому процессу. Но затем начались крестьянские волнения и испуг привел к тому, что показалось желательным вытеснить беспокойных, тем более, что ввиду быстрого роста населения в плодородных [в черноземных] губерниях внутренней России стал заметен не недостаток рабочей силы, а ее избыток.

Мнение в правительственных кругах о значении переселения сразу же изменилось. Не только были отменены прежние к тому препятствия, но его стали непосредственно поощрять всеми способами, особенно в районах, затронутых волнениями. Отсутствие условий для приема столь возрастающей волны переселенцев в тех местах, куда она стремилась, не учитывалось [плохо учитывалось].

Подобным же образом изменения в отношении законодательства к сельской общине могут быть поняты только в связи с преобладающим мнением об интересах знати. До тех пор, пока землевладельцы считали деревенскую общину полезной, ей покровительствовали и поддерживали ее вопреки тенденциям, проявлявшимся в ней самой. Но крестьянские волнения в начале нового века привели к мысли, что община представляет собой благодатный психологический рассадник свойственной лишь русским крестьянам идеи о том, что вся сельскохозяйственная земля должна быть поделена между ними. И, чтобы с корнем выкорчевать эти зловещие понятия, Императорский указ 9 (22) ноября 1906 г. немедленно принял решительные меры по уничтожению общины.

2. Характерные черты русской общины хорошо известны. За исключением дома и полоски прилегающей земли, которые остаются в семье в качестве собственности, переходящей по наследству, общинник не может заявлять права собственности ни на какую землю. Пахотная земля и луг, лес и пустошь, – всё принадлежит общине и отдается каждому крестьянину лишь во временное пользование. Он получает землю не по наследству, а потому, что ее выделяет община, и он владеет землей лишь до тех пор, пока община считает это уместным. Луга, как правило, делятся ежегодно между ее членами непосредственно перед косью.

Пахотная земля обычно передается на более длительный срок, – в соответствии с законом 8 июня 1893 г. не менее, чем на 12 лет, – в многочисленных случайно разбросанных полосках¹. По окончании этого срока земля перераспределяется. Все участки

забираются от своих фактических владельцев и каждому отцу семейства возвращают такую часть общего фонда, на которую он имеет право в соответствии с методом раздела, принятым общиной.

Раздел происходит либо по числу лиц мужского пола в семье, либо по их числу работоспособного возраста в семье, но часто по числу членов семьи без различия пола и возраста. В принципе вся эта система приводит, следовательно, к тому, что семьи, число членов которой за годы, прошедшие с последнего раздела земли, возросло больше, чем в среднем, получают землю за счет тех семей, которые размножились не так быстро.

Это странное взаимное страхование от ущерба, наносимого слишком быстрым ростом семьи, до последнего времени преобладало в большинстве губерний Европейской России. Ему было юридически подвластно около десяти миллионов крестьянских семей со ста миллионами десятин земли, т. е. более чем с 4/5 земли, выделенной крестьянам при освобождении. Фактически, однако, не все общины применяли данные им по закону права одним и тем же образом. Были такие, в которых земля не перераспределялась так давно, что представляется, будто крестьяне там отказались от всех своих прав на подобные переделы. Были и другие общины, в которых право на получение земли ограничивалось членами старых семей, проживавших в деревне во время освобождения, так что их система приобрела своеобразный характер, напоминающий тонтину². Но даже там в соответствии с существующим законом требовалось лишь согласие 2/3 глав семейств для перехода к перераспределению земли по обычным для иных общин принципам.

И поэтому ни длительное пренебрежение переделом, ни выбор для него метода, отличного от обычного, нельзя считать достоверным свидетельством того, что крестьяне отказались от этой странной системы страхования. Часто после многих лет видимого спокойствия в общине появлялось всё растущее недовольство, сохранявшееся до тех пор, пока не удовлетворенные существовавшим распределением земли не побеждали и не добивались более справедливого, по их мнению, раздела. Так, вторая половина 1870-х годов была отмечена многочисленными переделами в тех общинах, в которых подобного исправления не производилось с тех пор, когда они получили землю при освобождении крепостных.

Вместе с этой классической формой общины, которая сохраняет за собой право определять размер наделов ее членов, мы

часто видим в России сельскохозяйственные объединения, в которых власть общины менее обширна. К примеру, в уездах (districts) военного заселения, которое в XVI веке шло от Москвы на юг, преобладает так называемое долевое владение (Anteilsbesitz [этот термин в немецкой рукописи Чупрова был сохранен в ее английском переводе])³. Часть собственности [пашня], которая принадлежит здесь каждой семье, не зависит от решений общины, а определяется по наследству. С другой стороны, расположение [пахотных полос в составе] наделов не закреплено, поскольку община может изменять его по своему усмотрению, например, с целью их объединения.

А в некоторых уездах, особенно ближе к западной границе, в возделывании земли часто имеет место принуждение в той же форме, в которой оно так часто встречается вне России, а именно в форме взаимной зависимости методов культивации и выполнения сельскохозяйственных работ у отдельных хозяйств (cultivators), которая определяется расположением их земель⁴.

На Дальнем Востоке, в редконаселенных степях Сибири и Центральной Азии сельские общины существуют в их самой ранней стадии. Там, где свободной земли сколько угодно, никто не думает о своих соседях или об их наделах и нет никаких общих предписаний для условий владения землей или ее возделывания. Какая-то форма устройства общины постепенно развивается лишь с ростом населения, обычно посредством долгих и часто упорных споров между теми, кто заполучил больше земли и притом лучшего качества, и менее счастливыми остальными. Начиная с уступок, вначале совсем незначительных, со стороны первых, постепенно происходит более серьезное ущемление прав личности, пока, наконец, полномочия общины предписывать условия владения землей и ее возделывания не оказываются общепризнанными⁵. Затем должно пройти еще какое-то время, пока покушения со стороны общины не примут формы обычного периодического перераспределения земли, с которой мы знакомы по Европейской России.

Более тщательное наблюдение за нынешним состоянием общины в России таким образом представляет нам многокрасочную картину. Здесь видны все ее формы, от зародышевой до высшей, некоторые же общины даже находятся в достаточно продвинутых стадиях распада. В одном месте община процветает при всеобщем ее признании довольными крестьянами; в другом, она учреждается лишь после жестоких схваток; в третьих местах вверх берут причины, неблагоприятные для

общины и постепенно ослабеваемый коммунизм переходит к основательному установлению частной собственности [на землю].

3. Ясно, как трудна и насколько ответственна задача законодательного упорядочения таких разнообразных условий с учетом необъятных просторов Российской Империи, существенных различий в образе жизни и методах возделывания земли у населения и возникающих вследствие всего этого различий в структурах общины. Чтобы законодатель достиг цели, но не слишком задел за живое, его меры должны быть тщательно взвешены и точно приспособлены к существующим условиям. Предписание, вполне подходящее определенным условиям жизни и воспринятое теми, кто подпадает под него, как благоприятное, в других случаях не достигнет цели и будет сочтено тягостным. При таких обстоятельствах единообразные и жесткие правила малополезны; те, же, которые определяют жизнь в общине, должны быть так же гибки, как основные установления самого этого объекта.

Трудности, уязвляющие законодателя, усугубляются страстью, с которой общественное мнение в России наблюдает за судьбой общины. Вряд ли есть какая-либо иная проблема экономической политики, которая обсуждается здесь столь упорно и пылко, как выбор между ее упразднением и сохранением. Обладает ли община жизненной силой или нет? Благоотворно или вредно ее влияние на жизнь крестьянина? Эти вопросы горячо обсуждались даже при подготовке к освобождению крепостных и сегодня о них всё еще спорят вряд ли с меньшим жаром. В то время общину поддерживали, с одной стороны, славянофилы, которые отстаивали наделение землей общин, потому что видели в них институт, возникающий из глубочайших корней русского национального духа, равно как и могущественную защиту от распространения прогнившей “западной” цивилизации. С другой стороны, общину защищали “интеллигенты”, сгруппировавшиеся вокруг Чернышевского, влиятельного вождя молодых русских социалистов и видевшие в общине трамплин для своего перехода в царстве социализма.

Что касается противников общины, которые полагали, что благополучие освобожденных крестьян будет обеспечено наделением землей отдельных семей, то они восприняли веру манчестерского либерализма и ненавидели общину как одно из отвратительных ограничений свободы отдельного человека в экономической деятельности. Они, однако, не смогли вполне успешно провести свое мнение в жизнь: у правительства не хватило мужества на коренные меры, как, например, на

запрещение общины, что усилило бы технические трудности реформы [освобождения]. Земля была передана общинам, на которые была возложена дальнейшая задача ее раздела по семьям. Но считалось, что признание общины являлось временной уступкой и что выгоды частной собственности вскоре станут явными и крестьяне стихийно покинут общинную систему.

Соответственно, юридические установления, относящиеся к общине, оказались (частично, правда, ввиду несколько ограниченных сведений) неприспособленными ни в каких отношениях к ее сути и сложности. Сбудься ожидания скорого распада общинной структуры, эти меры могли бы тем не менее облегчить дело. Но община выказала гораздо больше, чем было предвидено, жизненной силы, что привело к усилению борьбы между сторонниками создания благоприятных для нее юридических положений и приверженцами окончательной отмены общинной системы. Эта борьба с переменным успехом и без существенного изменения приводимых доводов продолжается до сегоднешнего дня и даже самая недавняя радикальная реформа, направленная на полное уничтожение общины, оказалась неспособной достичь своей цели.

Полный отчет о доводах, которые каждая сторона уточняла в течение нескольких поколений, увела бы меня слишком далеко. При существующем состоянии наших знаний спокойный обзор причин за и против общинной системы вряд ли приведет к каким-либо выводам кроме как к заключению о том, что и надежды, и страхи, с которыми рассматривалась община, были значительно преувеличены.

Община, говорят ее противники, является почти непреодолимым препятствием техническому прогрессу в сельском хозяйстве, и именно в этом направлении, когда неограниченная частная собственность предоставляет свободный простор творческой предприимчивости отдельного человека, возможен прогресс. Четверть века назад подобных мнений можно было придерживаться с чистой совестью, хотя уже тогда не было недостатка в критиках, которые в подробностях указывали на их пристрастность. Теперь же, когда у нас перед глазами так много примеров необычно быстрых технических усовершенствований, как принятие общинно-принудительного возделывания крестьянами почвоулучшающих культур, и притом именно в тех уездах, в которых наиболее твердо укоренилась общинная система, указанного мнения может придерживаться только тот, кто не понимает или не хочет понять те условия, про которые он судит. Община несомненно *может* при определенных обстоятельствах

оказываться тормозом технического прогресса, но это не обязательно так. Напротив, если люди [члены общины] понимают, как управлять ей, она может фактически служить рычагом, способствующим прогрессу.

В 1892 г. две общины Волоколамского уезда Московской губернии заменили традиционную трехполку, которая, ввиду недостатка лугов и пастбищ, очень заметного в Центральной России, не смогла обеспечить достаточно земли для выпаса скота, восьмипольной системой и возделыванием лугового клевера. Этот пример оказался удачным и его вскоре переняли в соседних уездах. В 1893 г. семь других уездов начали возделывать клевер, в 1894 г. – еще 14, а за следующие пять лет это же нововведение восприняли 127 общин.

Таким образом, благодаря помощи специалистов на службе местных властей, которые понимали, как действительно приспособиться к особенностям общинной структуры, в течение шести или семи лет на половине крестьянских земель уезда была проведена далеко идущая замена методов возделывания земли. Также и в других уездах, если власти обращали достаточно внимания на нужды крестьян (cultivators), дело продвигалось столь же быстро. В Верейском уезде аналогичное движение началось в 1897 г. и за десять лет замена уже произошла более чем на 3/5 крестьянских земель. В настоящее время в пяти уездах Московской губернии клевер постоянно возделывают не менее половины крестьян; в четырех уездах он вошел в севооборот у 1/4 – 1/2 крестьян и лишь в четырех других, относящихся к более индустриализированным, в которых перемены начались всего позже, это отношение менее 1/4. Всего в 1910 г. клевер возделывали 1660 общин, владеющих 522 тысячами десятин пахотной земли, что составляло 32% крестьянских земель губернии. Во многих других губерниях (в Вятской, Тверской, Смоленской, Владимирской, Калужской и др.) достигались столь же хорошие успехи как только техническое обучение (без которого крестьянин, принадлежи он к общине или нет, обойтись не может) было устроено должным образом.

Этот прогресс следует сравнить с распространением возделывания клевера крестьянами в тех странах, в которых нет общин, после чего можно будет судить о приписываемом им неизбежному отсутствию такого продвижения.

Факты таким образом полностью обманули надежды противников общинной системы, однако и ее доброжелатели также не избежали разочарования. Считалось, что община явится достаточным препятствием росту неимущего пролетариата. При

сельскохозяйственной системе, которая обеспечивает каждому одни и те же права на получение земельного надела от общины, каждый работоспособный всегда сможет заработать на жизнь своим собственным трудом (husbandry), потому что средства производства никогда не подведут его. Такова была картина, которую люди были рады нарисовать, но действительность оказалась иной.

С одной стороны, не все общины тем же самым образом используют свои права по распределению земли среди своих членов в соответствии с 2/3 их голосов. Во многих случаях, например, женщин при этом не учитывают, так что семьи, дети которых только девочки, почти ничего не получают. Далее, переделы часто надолго откладываются, а в некоторых случаях принята система распределения, при которой нет и стремления к равенству и, наконец, получение земли еще недостаточно. Крестьянин должен иметь в своем распоряжении достаточное поголовье домашнего скота (livestock)⁶ и инвентаря, которые не принадлежат общине и не делятся поровну время от времени. Таким образом, если член общины потеряет свою скотину ввиду какого-либо несчастья, получение земли, выделенной ему общиной, мало ему поможет. Поскольку он не сможет засеять свою землю, он приходит в состояние, в котором его вряд ли отличишь от пролетария.

Наконец, нельзя забывать, что при традиционных методах возделывания земля, переданная крестьянам при их освобождении, была чаще всего недостаточна для прокорма их семей и крестьяне вынуждены арендовать землю у землевладельцев. Легко понять, что при таких условиях даже самый справедливый раздел общинной земли не спасет всех ее членов от сельскохозяйственного разорения. И статистика показывает, что даже в тех уездах, где общинная система особенно крепка, процент лиц, которых следует фактически причислить к пролетариату, не мал и не убывает.

Представление о том, что община является первым шагом к социализму, основано на таких смутных психологических рассуждениях в умах и восторженных сторонников этой цели, и тех, кому она ненавистна, что оно скорее относится к разряду впечатлений (которые в этом случае, как и в столь многих других, тем не менее имеют большой вес), чем к доводам, которые можно учитывать.

Тот факт, что столь значительная доля народной собственности не переходит по наследству, действительно мог способствовать предотвращению расцвета индивидуализма в

России во всех классах до такой же степени, как в других развитых странах. В этом смысле общину можно, пожалуй, с какой-то долей справедливости назвать благоприятной почвой для социалистических мнений. Но поскольку так много других причин действовало и действует в том же самом [социалистическом] направлении, результат вряд ли изменился бы, не будь даже содействия этого конкретного фактора.

Еще в меньшей степени поддается расчету непосредственное воспитывающее влияние, которое приписывается практике перераспределения земли. В тех случаях, когда передел происходит спокойно и мирно, при общем признании его справедливости, можно вполне предполагать, что эта практика оставляет необходимые следы в образовании определенного чувства солидарности и более глубокого взаимного понимания и доверия. Но большинство в 2/3 голосов, необходимое для осуществления нового раздела, часто основано на самом сложном объединении различающихся друг от друга интересов и навязывается активно сопротивляющемуся меньшинству, что иногда заканчивается драками и даже кровопролитием. И, кроме того, чувство солидарности как правило распространяется лишь на узкий круг членов общины. К посторонним, даже жителям той же деревни, отношение обычно такое же, какое было бы без всякого общинного воспитания. И подобный образ мышления поэтому обеспечивает вряд ли лучшую основу для социалистического государства, чем обычное семейное чувство с присущим ему семейным эгоизмом.

Я не собираюсь рассматривать по порядку все доводы за и против общины, которые были выдвинуты в подробностях при этой литературной вражде на протяжении жизни целого поколения. Подобное исследование мало повлияет на неподвизанный анализ. Нет никаких свидетельств такого осязаемого ущерба, которые, видимо, оправдали бы политику принуждения крестьян к выходу из общины. Но, с другой стороны, преимущества этой системы слишком неопределенны, что не позволяет с достаточной уверенностью прийти к решению в ее пользу, даже если рассматривать ее с точки зрения социалистического идеала. И таким образом в качестве правила поведения государства по отношению к общине явно предписывается нейтральность.

Общинная система не должна навязываться тем, кого она больше не устраивает, но она и не должна насильно уничтожаться в тех местах, где она всё еще приспособлена к склонностям крестьян, которые до сих пор придерживаются ее. Предпочтительно установить такое юридическое положение, при

котором те, кого общинная система больше не устраивает, могли беспрепятственно покинуть ее, но без ущерба для остальных; а те, кто желает придерживаться общины, могли оставаться в ней таким образом, чтобы быть как можно более действенно защищенными от возможных недостатков общественного сельскохозяйственного объединения. Такова проблема законодателя, который отнесся бы к ней *без гнева и пристрастия*.

4. Как же решить эту проблему? Рассмотрим вначале ее главное звено, перераспределение земли. Пусть член общины не желает больше участвовать в этой особой форме страхования и подвергаться риску уступить часть своего надела, если его семья не будет расти достаточно быстро. В соответствии со сказанным выше, нет надлежащих причин для запрещения или затруднения его выхода из общины. Но как тогда можно будет упорядочить его притязания, чтобы не пострадал ни он сам, ни те члены общины, которые остаются в ней?

Если понимать общину как периодически возобновляемое соглашение о [земельном] страховании, то представляется, что от него удобнее всего отказаться при очередном перераспределении, потому что это тот момент, на который прекращается расчет за предшествующий период, после чего соглашение и может быть возобновлено. К этому моменту взаимные обязательства вполне ясны. Если, например, землю по обычаю делят по числу членов семей, то семьи, которые за указанный период удачно выросли быстрее, чем в среднем, получают землю за счет тех семей, чьи надежды на рост не сбылись. После такого мысленного расчета все, будь то выигравшие или оказавшиеся в убытке, могут спокойно считаться свободными либо заключить подобное же соглашение на будущее, либо отказаться от этого.

Дело не так просто, если из общины выходят в период между двумя переделами. И вообще сомнительно, следует ли предоставлять членам общины право выхода из нее в любое время, или же предпочтительнее установить некоторые ограничения. Но если выход разрешен, то и в этом случае легко определить наибольший размер надела, на который имеет право покидающий общину. Ясно, что этот размер не может превышать причитающегося, производись перераспределение в тот же момент. После установления его прав, возникает новая проблема: как их удовлетворить? Если оставить в стороне спорный вопрос об условиях, при которых наделение землей следует заменить денежной выплатой, узы общины могут быть разорваны двумя способами. Либо покидающий ее получает определенные участки, либо его доля в общей собственности только устанавливается раз

навсегда, но община сохраняет при этом право определять действительное положение его участков так же, как и для тех своих членов, которые участвуют в переделе.

Можно несомненно сказать многое в пользу первого решения, если земля передается в едином наделе, который притом расположен удобно и для покидающего общину, и для остальных. Но если он получит свои прежние, случайным образом разбросанные участки, то лишение общины права в случае необходимости обменивать участки вполне может привести к невыгодной системе возделывания. Сохранилась бы нынешняя система взаимозависимости управления сельскохозяйственными работами [принудительный севооборот], а ныне имеющиеся средства для смягчения ощущаемых недостатков случайного распределения земли не смогли бы более применяться.

Назначение разъединенных участков лицу, покидающему общину, может даже немало воспрепятствовать объединению участков ее членов. Поэтому, если невозможно выделить ему его надел в едином участке, было бы намного лучше установить его долю земли. Но наделение землей в едином участке возможно лишь в исключительных случаях, поскольку другие крестьяне не будут участвовать в обмене наделов. А поскольку подобный обмен сопровождается расходами и нарушением производства, то очевидно, что отдельному члену общины не должно быть предоставлено право требовать его в любой момент по своему желанию. Таким образом, выход из общины, если он не совпадает по времени с общим перераспределением, должен, как правило, принимать форму перехода к долевному владению.

Таковы общие черты беспристрастного решения проблемы, основанного на рассмотрении фактов. Но эти черты никогда не были осуществлены в законодательстве, поскольку ни противники, ни сторонники общинной системы не хотят согласиться с таким решением. Действительно, в соответствии с тем, которая из этих сторон временно берет вверх, принимаемое решение всегда уклоняется то в одну, то в другую сторону. Во время освобождения крестьян думали, как это сказано выше, что община долго не удержится и что крестьянин вскоре перейдет в частные собственники, и было желание по возможности облегчить этот переход. Но обойтись без общины не смогли, потому что крепкие путы, наложенные на ее членов, обеспечивали [казне] получение выкупных платежей.

Облегчение для отдельных лиц (the way out) было достигнуто тем, что каждый получал право выхода из общины с выделенными ему на то время [пахотными участками его] надела,

если только он уплатит долю выкупных, приходящуюся на них. Это условие оказалось в сильнейшей степени неблагоприятным для общины, однако длительное время практически никто не воспользовался преимуществом выхода. Выкупные платежи были очень высокими, и мало кто на таких условиях пожелал стать собственником удерживаемой им земли. Но положение постепенно изменилось. Цены на землю выросли, долг по выкупным платежам уменьшился и его остаток сокращался с каждым годом, и наконец пришло время, когда описанная статья закона стала практически значима. Выгода для тех, кто покидал общину, часто была существенной. Одна-единственная небольшая уплата избавляла крестьянина от обязанности отдать часть своей земли при ее перераспределении и позволяла удержать ее у себя. И поэтому число тех, кто в течение 1880 годов воспользовался этой статьёй закона, начало быстро возрастать.

В 1892 г. сумма выкупных, выплаченных таким образом, достигла беспримерного размера 800 тысяч рублей. Не надо было быть горячим приверженцем общинной системы, чтобы признать несостоятельность [невыгодность для общины] подобного юридического положения. Его несправедливость была очевидна и в 1893 г. поклонники общины сумели видоизменить закон. Они, однако, не воспользовались возможностью перехода к устойчивому равновесию, при котором были бы в равной мере защищены интересы и покидающих общину, и остающихся в ней. Напротив, ввиду желания укрепить общину пожертвовали справедливыми притязаниями первых на не слишком обременительный выход из нее. По указу 14 декабря 1893 г. выход из общины допускался с ее разрешения, так что право выхода стало пустой мечтой. С тех пор членство в общине для тех, кто в ней родился, оказалось на деле почти обязательным. Это сразу же выявилось по числу выходов: в 1892 и 1893 гг. суммы, [ежегодно] уплачиваемые при выходе, достигли примерно миллиона рублей, но во второй половине 1890 годов они упали ниже 50 тысяч.

Итак, закон 14 декабря 1893 г. привел к такому же мало приемлемому положению, как и предыдущий. Ибо для мирного развития сельскохозяйственного объединения крестьян существенно, чтобы выход из общины [из него] был возможен желающему без потери права на собственность, в противном же случае община начинает подвергаться слишком сильным и полностью оправданным нападениям. Не прошло и десяти лет, как началась новая реформа. На этот раз дело было подготовлено с размахом. Все законы, затрагивающие положение крестьянства,

должны были быть пересмотрены совместно и сведены в единое уложение.

В 1903 г. был подготовлен и опубликован законопроект с большим разделом, посвященным полному переустройству общинной системы. Выход из общины устанавливался следующим образом. Каждый мог покинуть ее при очередном перераспределении, если только соглашался взять намеченную ему землю в едином наделе⁷. Наделение собственностью в виде случайно разбросанных полосок, равно как и переход к долевому владению явно считались нежелательными. С другой стороны, в период между переделами выход допускался только, если его пожелает одновременно 1/5 часть членов (или, в очень крупных общинах, 50 членов). Степень этого ограничения не проглядели, но она была признана необходимой, потому что, как указывалось в предисловии, право отдельного лица в любое время требовать выделения земли в едином наделе привело бы к невыносимой жизни для остальных ввиду непрерывных нарушений землепользования и заставило бы [также] и их покинуть общину. Принудительной отмены общинной системы законопроект не добивался.

Этому нововведению, разработанному в то время, когда министром [внутренних дел] был Плеве, была уготована печальная судьба. Отложенное ввиду смерти Плеве [убитому при террористическом акте] и последовавших событий, оно так и не было обсуждено, и вначале дела продолжались как шли по указу 14 декабря 1893 г., но затем Императорский указ 9 (22) ноября 1906 г., полностью покровительствующий покидающим общину, всё изменил. Он не только не предоставил никакой защиты интересам остававшихся, но умышленно вредил им, имея в виду нанести смертельный удар общинной системе.

Все общины делились на два разряда. К первому отнесли те, в которых за последние 24 года земля не перераспределялась. Без дальнейших церемоний их посчитали лишившимися жизненной силы, и каждому их члену было разрешено перевести назначенные ему общиной участки земли в свою собственность [одним лишь] прошением в правомочное на то учреждение, притом не заручаясь согласием общины и никак более не озабочиваясь интересами ее членов. Что касается общин второго разряда, правительство не посмело объявить их стихийно распустившимися. Но был найден косвенный путь, который привел бы почти к тому же результату. Каждому члену такой общины было разрешено выйти из нее в любое время и сохранить за собой в качестве собственности все участки земли, назначенные

ему во временное пользование. Покидающий общину был лишь должен в определенных случаях уплатить ей небольшое денежное возмещение за часть своих участков, никак не соответствующее реальной цене земли.

Оплачиваемая часть определялась следующим образом. Покидающий общину безвозмездно сохранял за собой такую долю выделенной ему при последнем переделе земли, на которую он мог притязать, состоись новое перераспределение в момент его выхода. Если еще оставался остаток, он должен был уплатить за него ту цену, которая существовала на момент, когда община была наделена землей во время освобождения крепостных.

Ни одно из этих установлений не выдерживает обдуманной критики. По существу их ни в коей мере не следует рассматривать как попытку разумного решения проблемы; их можно понять лишь как выражение боевого духа, для которого желаемая цель оправдывает принимаемые средства. Утверждение, что общины, в которых в течение 24 лет земля не перераспределялась, не являются более жизненными, ожидалось обществом менее всего, поскольку до тех пор усилия законодателя были направлены на удлинение промежутков времени между переделами, а закон 8 июня 1893 г. даже запретил более частое перераспределение, чем через 12 лет.

Кроме того, предпосылка о том, что общины, в которых длительное время не было общего перераспределения, не обладают более никакой жизненной силой, вовсе не соответствует действительности. Во многих случаях общины считали более подходящим добиваться той цели, к которой были направлены переделы, иными средствами, например, частичным взаимным обменом, который касался не всех членов зараз, а происходил по группам. Подобные частичные перераспределения были, правда, запрещены в 1893 г., но до того времени юридически разрешались, – и часто продолжали происходить даже впоследствии. Итак, было избрано правило для отличия “мертвых” общин от “живых”, никак не соответствующее своей цели и многие общины, в которых жизнь была на самом деле столь же энергична, как и в остальных, были таким образом причислены к “мертвым”.

По отношению к общинам второго разряда следует прежде всего отметить, что цена земли в России очень сильно возросла со времени освобождения крепостных. И поэтому указ, позволявший приобретать излишнюю землю, на которую покидавший общину не имел никаких разумных притязаний, – как сам декрет и признавал, – по старой цене, делал ему подарок за счет его односельчан. Покидавшему общину было оказано

благоволение еще и другим способом: количество земли, получаемое им безвозмездно, не было вычислено должным образом.

Размер надела, который он получил бы при новом переделе, зависел не только от числа паев [например, от числа едоков], на которое он мог притязать, но и от величины пая. Но эта величина, устанавливаемая по числу претендующих, между которыми должна быть поделена полная площадь земель, изменяется со временем и фактически, как правило, понижается с ростом населения. И поэтому, при определении размеров безвозмездно получаемой земли, следует учитывать изменение и знаменателя, и числителя дроби, которая определяла пай покидающего общину, на момент последнего перераспределения. И таким образом указ позволял ему при выходе из общины получать одну часть земельного излишка (one portion of the extra land)⁸, по существу не принадлежащего ему, по чрезвычайно низкой цене, а остальную землю – даром. И если даже быть склонным считать насильственное отчуждение имущества обязательным в тех случаях, когда оно благоприятствует более состоятельным членам общины за счет более бедных, эти установления нежелательны, потому что они столь несправедливо определяют оплату за отчуждаемую у общины землю.

Жесткость и несправедливость нового закона были сразу же разоблачены в прессе, но правительство отказалось внести в него исправления, – так много было поставлено на карту. Справедливость часто приносят в жертву политической целесообразности, которая начала настоятельно требовать быстрого разрушения общин, чего бы это ни стоило. Чтобы добиться этой цели было необходимо всеми способами благоволить покидающим общину членам и заставить придерживающихся общинной системы раскаяться в своем упрямстве. Ибо при беспристрастном обхождении с обеими сторонами следовало ожидать, что общины выдержат новую бурю подобно тому, как они раньше противостояли аналогичным нападениям.

5. Как объяснить неожиданное изменение мнения господствующих классов? Всего два года до того оно было склонно скорее поощрять общины, а не атаковать их. В 1893 г., как мы видели, общинам была дарована преувеличенная защита, чтобы спасти их от угрожавшего распада, а теперь всё сразу изменилось. Для разрушения общины используют все рычаги. Чтобы обойти обычный ход законодательного процесса, предписанный законом, издается императорский указ,

направленный против общин, и чиновникам, выполняющим его, предписано принимать все меры к тому, чтобы новые положения не остались лишь на бумаге.

Административная машина работает под большим [политическим] давлением. Для чиновников, занятых этим, от губернаторов и ниже, отныне нет лучшей рекомендации, чем большое число семей, вышедших из общин. Применяя все законные, равно как и многие незаконные средства, всюду делаются усилия как можно быстрее увеличить эти числа. Что борьба против общин является осью, вокруг которой вращается наша внутренняя политика, открыто объявил Председатель Государственного Совета. Так что же произошло в указанном промежутке времени, вызвавшее эту лихорадочную реакцию? Произошли два события, из-за которых землевладельческая знать, в защиту которого выступило правительство, возненавидело общину и начало бояться ее, – крестьянское восстание 1905-1906 гг. и предложение аграрной реформы Первой Думой.

Крестьянские волнения не имели, правда, прямого отношения к общинам и происходили равным образом и в уездах, в которых их не знали. Но полагали, что существовала психологическая связь между общинной системой и требованиями к правительству, выставленными крестьянами, о наделении их достаточной землей за счет тех землевладельцев, которые не были крестьянами. Крестьяне, приученные к повторяющимся перераспределениям своей собственной земли в соответствии с нуждами различных семей, не могли составить себе никакого верного понятия о частной собственности и ее неприкосновенности. Они не могли усмотреть никакого различия между своими правами на землю, осуществляемыми в общине в ее пределах, и правами крупных землевладельцев на свои имения. То, чего они требовали, было по сути лишь распространением общинной системы на те соседние имения, которые ей сейчас неподвластны. Пока община существует, таким мнениям конца не будет.

И, чтобы истребить их с корнем, крестьян надо отучить от разделения своей земли. Как только они завладеют своей собственной землей, которую никто не сможет отнять у них, и которую они должны будут защищать как свою собственную от покушений извне, они научатся также уважать чужую собственность. Крестьянин-собственник может поддерживать существующий строй, но для этого он, правда, должен иметь достаточно земли, чтобы на ней можно было прокормиться, но в большинстве случаев крестьянских земель на всех недостаточно.

Однако расслоение, которое приводит к образованию энергичного крестьянина с одной стороны, и неимущего пролетария с другой, основано на самой сути вещей. И поэтому, раз в политической битве, говоря словами Столыпина, надо ставить на сильного, необходимо лишь озаботиться тем, чтобы это расслоение поощрять, а не препятствовать ему как до сих пор, и тогда игра будет выиграна благодаря многочисленным энергичным крестьянам-собственникам, которые появятся на развалинах общин.

Вот, грубо говоря, краткая сводка мнений, которые постепенно укрепились в влиятельных кругах землевладельческого дворянства после начала крестьянских волнений. Но кроме того случилось, что Первая Дума усердной рукой набросала схему далеко идущей земельной реформы и высказалась в пользу обширного отчуждения земель, не находящихся у крестьян, и их распределения по общинам. Различные варианты реформы, представленные Думе, действительно указывали на [предусматривали] почти полное исчезновение крупных поместий. Общины имели существенное значение в большинстве этих вариантов, частично из-за расположения к ним, а частично по техническим причинам, поскольку было бы удобно обратиться к ним при пропорциональном распределении земли. И поэтому крупные землевладельцы начали вдвойне ненавидеть общины. Не будь общин, как они были склонны думать, все попытки обеспечить недостаточно наделенных земель за счет землевладельцев провалились бы.

Как только роспуск Первой Думы развязал руки министерству [внутренних дел], начался поход против общин. Начало положил Императорский указ 9 (22) ноября 1906 г., за которым последовал указ 15 (28) ноября 1906 г., который облегчил мобилизацию крестьянских земель. Издание этих указов было основано на статье 87 Основных законов, которая сохранила за царем право решать подобным образом неотложные вопросы, находящиеся в ведении Думы, во время перерывов в ее работе, с оговоркой, что подобные указы должны быть представлены Думе для одобрения в течение двух месяцев после возобновления ее заседаний. Недолго размышляли о том, что именно оправдывало в этом случае неотложность. Помимо желания поскорее отделаться от общин и стремления поставить Думу, которая несомненно не одобрила бы правительственные проекты, перед свершившимся фактом, не было абсолютно никаких иных причин, почему

разрешение этой трудной проблемы, уже затянувшееся на многие годы, нельзя было бы отложить до созыва [следующей] Думы.

Оба указа были представлены Второй Думе. Большинство депутатов, занимавшихся разработкой земельной реформы такого же рода, как и в Первой Думе, были против них. Но до того, как эти указы были официально отклонены, эта дума была также распущена и указы остались на время в силе. Хорошо известно, что после роспуска Второй Думы порядок выборов в думу был изменен государственным переворотом 3 (16) июня 1907 г., и землевладельческая знать получила в ней преобладающее влияние. Тем самым была создана дума, которая по земельному вопросу придерживалась взглядов, аналогичных правительственным и шла почти еще дальше в своей ненависти к общине. Ноябрьские 1906 г. указы были представлены также и Третьей Думе и на этот раз они обсуждались, притом очень долго. Меры против общин, придуманные правительством, были не только одобрены большинством депутатов, но частично ужесточены.

Затем законопроект, составленный думой, был представлен в Государственный Совет, и схватка возобновилась. Центру, представлявшему взгляды правительства, в нем противостояли правые и левые, которые [частично] состояли из представителей университетов. Фракции были почти равны, но в конце концов, хотя только после нескольких месяцев борьбы и с помощью голосов министров, все основные положения указа 9 (22) ноября 1906 г. были приняты. Важнейшей поправкой оказалось изменение границы между “умершими” и еще действующими общинами. К первому разряду следовало теперь относить только те, в которых общего перераспределения не было с момента их наделения землей. Законопроект, исправленный верхней палатой, должен был быть снова представлен Думе и поэтому временные установления указа 9 (22) ноября 1906 г., фактически действовавшие 3½ года, стали законом лишь 14 (27) июня 1910 г., когда законопроект, составленный Думой и Государственным Советом, был одобрен царем.

6. С тех пор, как положения этого указа вошли в силу, прошло пять лет [1907 – 1911]. Каков же был их результат? Внешне он впечатляет. По оценкам официальной статистики до 1 января 1912 г. более двух миллионов семей выразили желание воспользоваться преимуществами этих положений, а полтора миллиона, владеющие 12 миллионами десятин, действительно покинули общины. Есть такие уезды, в которых общинную систему следует теперь считать заброшенной. Преимущества тех, кто покидает общину, так велики, что это можно легко понять:

слишком большая моральная твердость понадобилась бы для сопротивления соблазну. Представим себе, что в какой-то момент был принят закон, позволяющий не отдавать карточные долги или не платить по обязательствам, происшедшим при игре на бирже. Чувство чести наверняка не позволило бы многим [некоторым] должникам воспользоваться этим позволением, поскольку помимо [отмененных] юридических мер общественное мнение также оказывает определенное давление. Но многие ли должники поступили бы так?

Указ 9 (22) ноября 1906 г. поставил членов сельских общин в точности подобное же положение. Члены общины взаимно обязуются после определенного промежутка времени делить землю поровну (*equally*), притом заранее неизвестно, кто из них выиграет, а кто проиграет. Но чем ближе подходит срок подсчетов, тем очевиднее становится каждому, кому придется *платить по счету*. И в этот момент появляется законодатель и говорит проигрывающим: если будете послушны и навсегда отречетесь от ненавидимой мной общины, то сможете сохранить землю, которую иначе вам придется отдать. Нужно ли удивляться, что подобные увещания оказываются действительными? Не следует ли скорее поражаться, что во многих уездах [губерниях] воспротивились подрывающему влиянию подобного закона? Так, в Архангельской губернии, в которой по статистической оценке 1905 г. было более 50 тысяч хозяйств, принадлежащих общинам, ни один человек не заявил о своем выходе. В других северных и северо-восточных губерниях число покидающих общину очень невелико.

Подробное исследование числовых данных к сожалению затруднительно ввиду отсутствия точных сведений. Официальные публикации пристрастны, а потому и не заслуживают доверия. Более того, они очень скудны и в некоторой степени беспорядочны в отношении группировок цифр, правительство же противится любой попытке прояснить дело по неофициальным источникам. Борьба против общины считается политической, и принимаются все меры, чтобы не подпускать ее противников к материалам, необходимым для сопротивления правительству. Но происходящее в деревне разрушение настолько обширно, что многое обнаруживается несмотря ни на что.

При ответе на вопрос, кто из крестьян воспользовался указом, можно разбить [большинство] покидающих общину на две основные группы. Это, во-первых, те, на которых его положения были непосредственно направлены, – которые должны были бы при следующем перераспределении земли лишиться ее части и

которые могут теперь сохранить ее за собой. И, во-вторых, это те члены общины, которые были отдалены от своей родной земли, – промышленные рабочие, проживающие вдалеке от дома и сдающие выделенную им землю в аренду или даже оставляющие ее под паром; переселенцы, которые намереваются уехать на Дальний Восток, и пр. Эта группа покидает общину, чтобы продать свою землю (сделка, при которой их обычно обманывают) и с выгодой вложить полученные деньги в другом месте. Но есть и разоренные крестьяне, которые нетерпеливо пользуются случаем обратить свои права членов общины в деньги и сразу же истратить их, не думая о будущем.

Число тех, кто покидает общину, хотя и не опасается сокращения своего надела при перераспределении земли, незначительно. На некоторых из них влияет непрочность положения остающихся в общине, вызванная беспрестанным выходом из нее, другие, правда, руководствуются сознательным предпочтением частной собственности перед общинной системой, но таких очень мало. Об этом свидетельствует тот факт, что покидающие общину очень редко, несмотря на оказываемое на них давление и на многочисленные сопутствующие преимущества, пользуются предоставляемой им возможностью получить свою землю в едином участке [?]. Полное число тех, кто до 1 июня 1910 г. получил землю в едином участке, не достигало 50 тысяч, что едва составляло 3.8% тех хозяйств, которые фактически покинули общину. Во многих губерниях это число настолько незначительно, что выражается лишь долей процента. Более того, для морального поведения покидающих общину характерно, что возникли случаи, когда они требовали землю на родившихся впоследствии детей⁹. В закон 14 (27) июня 1910 г. была поэтому введена статья, прямо указывающая, что покидающий общину [тем самым] отказывается от всех последующих притязаний.

Ожидание, что новый закон приведет к появлению слоя надежно стоящих на ногах крестьян-собственников, который политически примкнет к землевладельческой знати и образует охранение, которое воспротивится крестьянским нападениям с их лозунгом “Больше земли!” сбылось в общем настолько слабо, что усердие, проявленное в борьбе против общин, в последнее время как будто заметно ослабло. Этому постепенно набирающему силу следствию способствует то, что и другие надежды, связанные с роспуском общин, оправдались лишь в малой степени, и то, что одновременно выявилось многое, заставляющее серьезно задуматься над результатами столь поспешных шагов.

Всегда утверждалось, что роспуск общин облегчит путь для сельскохозяйственного прогресса, – таково было характерное утверждение тех защитников государственной политики, которым было неловко открыто поддерживать политическую сторону дела. Думали даже оправдать переход к частной собственности случайно расположенных полосок земли (см. § 4 [и Прим. 1]), что было разрешено для облегчения роспуска общин. Говорили, что последующее невыносимое положение заставит объединять участки, в противном же случае эта мера надолго задержалась бы и что таким образом указанное разрешение послужит техническим улучшениям.

Но что произошло? Невыносимое положение появилось, но в большинстве случаев оно и сохранилось, потому что второй предположенный шаг, т. е. объединение полосок, не последовал. Существующее положение, правда, не исключает технического прогресса. В настоящее время во многих уездах крестьяне добились успехов, внушающих удовлетворение. За годами политических возмущений и сельскохозяйственных волнений последовала сильная психологическая реакция. Сильное возбуждение того времени до глубины души возбудило сонное крестьянство, и теперь сельскохозяйственные работы извлекают пользу от разбуженной энергии. Свидетельством тому недавние успехи кооперации в России и усердие, с которым воспринимается обучение методам ведения сельского хозяйства. Не будь помех, чинимых обучению реакционерами, руководящими администрацией [министерства] внутренних дел, своим незнанием дела, быстрое улучшение сельского хозяйства можно было бы, как представляется, считать обеспеченным.

Но указ 9 (22) ноября 1906 г. не заслуживает в этом отношении никакой похвалы. Напротив, так много [частнособственнических] полосок земли, принадлежащих бывшим членам общин, теперь разбросаны по общинным полям, что улучшать методы сельского хозяйства оказалось намного труднее. Положительного в этом декрете немного как с экономической, так и с политической точки зрения, зато можно указать в нем серьезные недостатки. Во-первых, следует отметить раздражение и взаимную ненависть, возбужденные у крестьян. Несправедливость по отношению к более бедным членам общины со стороны тех, кто был лучше наделен землей и покидал общину, вызванная условиями, определенными в указе, возбудила горечь, которая усиливается односторонним пристрастием чиновников к “сильным”. При случае чиновники не чураются вмешиваться [в крестьянскую жизнь]. Известно, например, что во многих уездах

более влиятельные противники указа были арестованы и изгнаны [сосланы?] (expelled).

Покидающие общину всеобщие ненавидимы. Прежде всего стараются всеми мыслимыми усилиями предотвратить их уход, а их последующую жизнь делают столь неприятной, что спустя некоторое время они могут даже проситься обратно. Насилие всякого рода, поджоги и пр. стали обычными, и пройдет немало времени, прежде чем раздражение ослабнет. Это положение можно, правда, считать политически удовлетворительным, потому что крестьянская масса разделилась и несомненно, что внутренние раздоры сломили их силу сопротивления землевладельцам. Но мы вряд ли можем похвалить поборников действий правительства за подобную макиавеллиевую политику разделять и властвовать.

Для государственного деятеля, не полностью ослепленного классовыми интересами, одно это следствие указа достаточно, чтобы сожалеть о содеянном. Но следует принять во внимание еще нечто. Расслоение крестьянства ставит на одну сторону сильных, на другую – массу слабых. И тех, и других надо изучить до того, как выносить окончательное суждение. По отношению к тем [из последних], кто остался в общине, сразу же ясно, что они ничего не заимели от указа, потому что лишились части своей земли, а пользование оставшейся частью для них к тому же нарушилось. К разряду слабых относятся и хозяйства, которые покинули общину, а затем продали свою землю. К сожалению, имеющиеся об этом статистические свидетельства особенно неудовлетворительны. Но те сведения, которыми мы располагаем, подводят нас к предположению, что число таких хозяйств весьма значительно, хоть годы после того, как указ вступил в силу и были весьма благоприятны для сельского хозяйства; урожаи оказались хорошими, а в некоторых случаях очень хорошими. Правда, конечно, что с уходом с земли, полученной от общины, не следует финансового разорения всех покинувших общину. Но даже учитывая это, нельзя отрицать, что борьба с общинами уже немало уплотнила ряды неимущего пролетариата и в будущем уплотнит их еще больше. Стоит только подумать о неурожаях, во время которых возможность получить деньги продажей земли приведет к многочисленному исходу из общин.

И где же смогут найти себе занятие большое число людей, которые таким образом добавятся к пролетариату, коль скоро промышленность в России недоразвита. Правительство теперь, правда, пытается поощрить переселение в Сибирь и Среднюю Азию, но возможности принять переселенцев на азиатской части

России ограничены. В 1909 г. было достигнуто наибольшее число переселенцев, 600 тысяч, но в следующем году оно снизилось вдвое, а в 1911 г. оказалось еще меньшим. Но какое значение имеют даже 600 тысяч по сравнению с миллионами, о которых идет речь? Положение становится еще более опасным, потому что в стране нет упорядоченной системы помощи бедноте. В прошлом по отношению к большей части населения помощь зависела от общин. Даже для промышленных рабочих они оказывались прибежищем при безработице и в старости, теперь же всё это должно быть резко изменено. Узлы общинной системы разрезаны, но заменить их чем-нибудь другим позабыли. В нервной горячке, с которой по политическим причинам решили разрушить общины, для обдумывания подобных вопросов времени не было, теперь, однако, постепенно дает о себе знать раздумье.

Страна начинает представлять себе, что дела идут неправильно и можно только надеяться, что неизбежная реакция не будет откладываться слишком надолго и что, когда она произойдет, не будет слишком ожесточенной и не пойдет дальше, чем необходимо для исправления уже происшедшего.

Комментарии

1. Члены общины получали участки пашни в 20 – 30 местах, чтобы уравнивать положение, поскольку земли весьма различны. Есть ближние и дальние, увлажненные и сухие, ровные и склоновые и т. д. Л. Ш.
2. Тонтиной (по имени неаполитанского банкира Лоренцо Тонти) называлась форма взаимного страхования, при которой группа состоятельных людей покупала для себя у государства пожизненную ренту и распределяла поступающие ежегодные платежи между своими членами, еще остающимися в живых. Доживавшим до преклонного возраста доставались весьма значительные суммы. О. Ш.
3. Подворное землевладение? (*Besitz* может означать и владение, и собственность.) Оно, однако, не имело места у бывших служилых людей, так называемых однодворцев, у которых вообще не было общин. Л. Ш.
4. Принудительный севооборот был распространен повсеместно для удобства пастьбы скота. Л. Ш.
5. Осмелюсь отослать тех, кто желает подробнее ознакомиться с эволюцией общины, к моему исследованию (1902). *Чупров*
6. Скот был важен и для унавоживания пашни. И всё-таки лошадей, видимо, следовало упомянуть отдельно. Л. Ш.
7. Причитающаяся земля выделялась единым *отрубом*. Л. Ш.

8. По смыслу всё-таки *получать весь излишек*. О. Ш.

9. Так было всегда. Л. Ш.

Библиография

Борткевич В. И., Чупров А. А. (2005), *Переписка (1895 – 1926)*. Берлин. Также www.sheynin.de

Елисеева И. И., Дмитриев А. Л., Сторчевой М. А., редакторы (1996), *А. А. Чупров. Материалы конференции к 70-летию со дня кончины*. СПб.

Кочаровский К. Р. (1925), Выходы из общины. *Записки Института изучения России* (Прага), вып. 1, с. 45-101.

Орлов А. В. (1996), Общественная деятельность А. А. Чупрова в защиту малоземельного крестьянства в период 1906 – 1910 гг. В книге Елисеева и др. (1996, с. 37 – 40).

Розенберг Вл. А. (1926), Несколько биографических черт [А. А. Чупрова]. *Русск. экономич. сб.*, № 6, с. 5-15. Перепечатка: Шейнин (2007, с. 116-127).

Струве П., Лаппо-Данилевский А., Дьяконов М. (1996), Записка об ученых трудах профессора А. А. Чупрова. Написано в 1917 г. В книге Елисеева и др. (1996, с. 56 – 59).

Чупров А. А., Tschuprow A. A. (1902), *Die Feldgemeinschaft*. Strassburg.

Шейнин О. Б. (1990), *А. А. Чупров. Жизнь, творчество, переписка*. М., составитель и переводчик (2007), *Четвертая хрестоматия по истории теории вероятностей и статистики*. Берлин. Также www.sheynin.de

К. [Keynes] J. M. (1926), Professor A. A. Tschuprow. *Economic Journal*, vol. 36, pp. 517 – 518. Перепечатка в собрании сочинений автора: *Collected Works*, vol. 10. Cambridge, 1972, pp. 321 – 322. Перевод: Шейнин (2007, с. 181).

Игорь Чубаров

Эрнест Борисович Винберг

Предисловие

профессором кафедры «Высшая алгебра» Мехмата МГУ Эрнестом Борисовичем Винбергом интервью провёл также доцент этой кафедры Игорь Андреевич Чубаров, причём, как и с Виктором Николаевичем Латышевым, ещё в апреле 2008 года. Но, по сходным обстоятельствам, и оно не было им опубликовано.

Получив согласие Игоря, я включил в данный выпуск серии «Мехматыне вспоминают» и это его интервью с Эрнестом Борисовичем. Конечно же, я искренне признателен Игорю за его разрешение.

Ниже приводится расшифровка диктофонной записи состоявшегося тогда интервью.

Василий Демидович

Интервью с Эрнестом Борисовичем Винбергом

Ч.: Эрнест Борисович, вся Ваша творческая жизнь неразрывно связана с Мехматом МГУ. И мне хотелось бы, чтобы Вы поделились своими воспоминаниями о нём.

Но сначала расскажите, пожалуйста, немного о себе и своей семье.

В.: Я родился в Москве в 1937 году. Мой отец, Винберг Борис Георгиевич, был инженером, работал на заводе «Динамо» имени Кирова, как он тогда назывался. Моя мать окончила физико-математический факультет второго МГУ, который потом стал Педагогическим институтом имени Ленина, а сейчас он, наверное, называется Педагогическим университетом.

Мою маму звали Похвальнова Вера Евгеньевна. Родилась она в Алексине Тульской губернии. После окончания университета мама некоторое время преподавала в разных местах, потом работала на заводах инженером-расчетчиком.

Через год после моего рождения мой отец перенес тяжелое заболевание, которое дало серьезное осложнение на

мозжечок. У него нарушилась координация движений, и он стал инвалидом. Поэтому его не призвали в армию, и он не участвовал в военных действиях.

Эрнест Борисович Винберг

Во время войны мы всей семьей эвакуировались в Пензенскую область, в деревню, где моя мать работала учительницей математики и физики в местной школе. В 1943 году мы вернулись из эвакуации в Москву. Наш дом был цел, хотя квартира была занята беженкой из Ленинграда. Через некоторое время она уехала к себе домой.

Отец, хотя с трудом ходил и передвигался с палкой, добился того, чтобы его приняли снова на работу на завод «Динамо», куда он и ездил, довольно далеко: мы жили у Никитских ворот в центре Москвы, и ему приходилось ездить туда с пересадками.

В 1946 году родилась моя сестра, и мама не могла больше работать. Она стала подрабатывать репетиторством дома. А я тогда очень много болел, лежал дома и слушал, что она говорила. И таким образом выучил математику. В конце концов, стал даже замечать ошибки моей мамы.

Я поступил в школу сразу во второй класс, потому что весь первый проболел. Но к тому времени я уже умел читать, писать, считать, производить различные арифметические действия. И даже знал логарифмы, которые постиг посредством папиной логарифмической линейки.

С шестого класса я уже участвовал в математических олимпиадах, получал различные премии, вторые и третьи.

Ч.: А были ли тогда какие-нибудь школьные кружки?

В.: Да, были и кружки, в старом здании МГУ на Моховой, недалеко от моего дома.

В шестом классе я получил вторую премию на олимпиаде. Эта вторая премия представляла собой стопку из 20 или более книжек, которые я физически не мог дотащить до дома, так как я был маленький и щуплый после всех перенесенных мной болезней. И тогда мне помогли Николай Николаевич Ченцов и Елена Александровна Морозова, которые в то время были студентами. Они дотащили мою премию до дома.

С самого начала мне было ясно, что я буду заниматься математикой, и после окончания школы я стал поступать на Мехмат МГУ. Я получил золотую медаль, правда, не без проблем: за сочинение мне хотели поставить «четвёрку» в РОНО, поскольку слово «галерея» я написал с двумя «л». Впоследствии я понял, почему: моя грамотность появилась не потому, что я знал много правил, а потому что я читал много книжек и помнил, как пишется слова. Но до реформы слово «галерея» писалось через два «л», и я так и написал. Всё же медаль удалось отстоять, и я поступал без экзаменов через собеседование.

Ч.: В чем оно заключалось?

В.: Оно состояло из двух частей.

Сначала, в математической части, мне были предложены некоторые задачки. Их у меня принимал Сергей Дмитриевич Россинский, который работал на кафедре высшей геометрии и топологии. Задачки мне он дал геометрические, и я их успешно решил.

А потом меня спросили, какие книги я читаю. Мне до сих пор стыдно, что я назвал те книги, которые входили в программу подготовки, хотя я их даже не видел. Не знаю, поняли они это или нет, но вопросов больше не задали.

По собеседованию я получил «пятёрку». И я должен был, по-видимому, уже поступить. Но после собеседования была медицинская комиссия. И первый врач, к которому я попал, была офтальмолог. У меня же с шести лет очень высокая близорукость - к тому моменту уже было где-то «минус десять». А тогда существовали какие-то правила, по которым принимали только тех, у кого «не больше минус семи». И хотя у нас учились и слепые студенты, этот врач меня забрала: видимо, скрывались какие-то другие причины за этим. Вот такое образовалось препятствие, которое казалось непреодолимым.

Мы с мамой стали ходить по разным учреждениям, в том числе, и в министерство здравоохранения. Там они написали мне какую-то бумагу о том, что я всё-таки могу учиться с таким зрением, поскольку в очках я вижу неплохо. Но все это не помогло. А помогло то, что у моего дяди была знакомая, заведовавшая канцелярией Мехмата МГУ - Нина Георгиевна Лагорио. Она была женой математика, который пропал без вести, или был репрессирован, перед войной - его друзья и устроили Нину Георгиевну работать на наш факультет. Кстати, её дед был довольно известным художником (примеч. Д.: имеется в виду художник-маринист Лев Феликсович Лагорио (1827-1905), чьи картины выставлены в Русском музее).

Мой дядя связался с Ниной Георгиевной и попросил её поговорить с деканом. Она пошла к декану, которым в то время был Юрий Николаевич Работнов, принесла ему все мои грамоты за участие в олимпиадах. И он принял меня на Мехмат МГУ.

Я думаю, если бы этого не было, моя судьба сложилась бы совершенно иначе.

Ч.: А как складывалась Ваша жизнь на нашем факультете?

В.: Ну, в то время был очень большой энтузиазм. Все студенты с увлечением учились и хотели что-то узнать сверх программы. Я сразу попал в эту струю.

На первом курсе я со своими товарищами, среди которых были Арнольд, Кириллов, другие известные сейчас математики (примеч. Д.: интервью это состоялось ещё при жизни Владимира Игоревича Арнольда), посещал семинар Анатолия Георгиевича Витушкина по теории множеств. Там мы с большим воодушевлением решали задачи, вроде того, что на плоскости нельзя расположить больше, чем счётное множество букв «Т», или задачи про нигде не дифференцируемые функции и т.д. Я думаю, это потом больше никому сильно не понадобилось, но возбудило интерес и дало толчок нашим занятиям.

А со второго курса уже писались курсовые работы. Не помню, каким образом, я попал к Михаилу Михайловичу Постникову, который поручил мне прочитать статью Райкова о пополнениях топологических групп, что я и сделал. Моя курсовая, в общем, и являла собой изложение этой статьи с некоторыми усовершенствованиями.

В то время я стал посещать также семинар Евгения Борисовича Дынкина по группам Ли. Он был замечательным педагогом, который умел привлекать молодежь. И сама тема была интересной - группы Ли. Это одновременно и алгебра, и

геометрия, и анализ. Это совершенно поражает всякого, кто узнаёт, что можно брать экспоненту от матрицы.

Ч.: Прошу прощения, я вот до сих пор помню, как в какой-то момент на перерыве в коридор вдруг вырвался народ, крича: «Винберг ввёл матричную экспоненту!». Это было в первом семестре моего обучения на Мехмате МГУ.

В.: Мы тоже в своё время были этим поражены.

Многие участники того семинара стали потом непосредственными учениками Дынкина. Некоторые, правда, стали заниматься теорией вероятностей - Михаил Григорьевич Шур, Валерий Николаевич Тутубалин, Марк Иосифович Фрейдлин. Ведь, как известно, специализацией Евгения Борисовича изначально была теория вероятностей. Он же ученик Колмогорова. Лишь потом, под влиянием Гельфанда (примеч. Д.: интервью происходило ещё при жизни Израиля Моисеевича Гельфанда), он стал заниматься группами Ли, сделал по ним замечательные работы. Но через несколько лет снова переключился на теорию вероятностей, хотя семинар по группам Ли ещё продолжался некоторое время.

Я стал работать у Евгения Борисовича, написал под его руководством дипломную работу, был его аспирантом. Но, уже начиная с 5 курса, стал контактировать и с Ильёй Иосифовичем Пятецким-Шапиро, который предложил мне другие задачи, тоже связанные с группами Ли.

Евгений Борисович был замечательным педагогом, но он не предложил мне проблем, которые я мог бы решать. А Илья Иосифович предложил, поэтому фактически он стал моим научным руководителем, хотя формально им оставался Евгений Борисович Дынкин.

В аспирантуре я был всего два года, так как в то время был осуществлен так называемый «колмогоровский» приём сотрудников на факультет - Андрей Николаевич Колмогоров решил, что преподавательский состав факультета нужно омолодить, и так как наш курс был очень сильным, то это омоложение было осуществлено за счет выпускников нашего курса. Я тоже попал в эту обойму. И это было второе обстоятельство, без которого моя жизнь сложилась бы совершенно по-другому. Я перешел в заочную аспирантуру и был зачислен ассистентом на кафедру высшей алгебры.

Ч.: Это был какой год?

В.: Это был 1961-ый год. Но, ещё будучи на втором году аспирантуры, я начал вести занятия по алгебре в группе 1-го курса. Это была группа 104. Она была очень большой, и вскоре её

разделили на две - 104 и 104-а. И я продолжил вести занятия уже в обеих этих группах.

Группа 104-а оказалась необычайно сильной. В ней были многие студенты, ставшие впоследствии известными учеными - Виктор Кац, Борис Кимельфельд, Александр Элашвили, Илья Новиков, Анатолий Каток. Еще ранее, когда я только поступил в аспирантуру, у меня появились два ученика, которые писали курсовые работы. Это случилось следующим образом.

Евгений Борисович Дынкин, как я уже сказал, привлекал много молодежи, и в том году очень многие хотели писать у него курсовую работу. Но так как он просто физически не мог руководить таким количеством, он направил двоих ко мне, и я стал их научным руководителем. Правда, может, первое время формально Дынкин прикрывал меня. Но впоследствии они защитились уже под моим руководством. Это были Дмитрий Алексеевский и Борис Вейсфейлер. Дмитрий Алексеевский стал известным математиком, сейчас работает в Англии, а Вейсфейлер эмигрировал в Америку и через некоторое время трагически погиб, когда путешествовал в одиночестве в Чили. Это были мои первые ученики. С тех пор у меня было много учеников.

Как только я стал работать на кафедре, я стал читать лекции. Первый мой курс, не считая спецкурсов, был курс алгебры, который я читал на потоке вычислителей - это было в 1965 году, через 4 года после моего поступления на кафедру. Александр Геннадьевич Курош доверил мне читать эти лекции.

Ч.: Что было специфического в программе вычислителей?

В.: Ничего специфического не было, обычный курс линейной алгебры и геометрии, инициатором которого на нашем факультете был декан Николай Владимирович Ефимов. Это был мой первый опыт чтения лекций на Мехмате.

Ч.: Вспоминаете ли Вы что-нибудь из факультетской жизни, но не только той, что относилась к математике, а культурной?

В.: Знаете, я никогда активно не участвовал в общественной жизни факультета, только если было необходимо - я, например, был профоргом. Конечно, я участвовал в разных мероприятиях в группе - у нас были встречи в общежитии по поводу разных праздников, мы там даже выпивали. Помню единственный раз в жизни, когда я действительно напился и не отдавал себе в этом отчета. Тогда в коридоре кто-то нас пытался остановить, так как мы себя несколько развязно вели, но, в конечном счёте, всё благополучно закончилось. Были у нас и загородные походы на один-два дня. А на «целину» я не ездил по

медицинским показаниям - из-за высокой близорукости, при которой противопоказаны большие физические нагрузки. Потом, когда я был уже учеником Евгения Борисовича, у нас были загородные прогулки нашего семинара, на которых мы вели беседы на разные нематематические темы. Там были старшие семинаристы, которые хорошо знали историю, литературу. Среди таких был и ныне покойный Феликс Березин.

Помню, был очень забавный случай, когда я сдавал аспирантский отчет по теории игр, поскольку Евгений Борисович занимался теорией вероятностей. Я долго к нему приставал, подготовился, прочитал какие-то книжки. Наконец, он сдался, сказал, что примет этот отчет во время прогулки. И вот, проходит один день - никаких разговоров об отчете, второй день - то же самое. В конце концов, на обратном пути я спросил Евгения Борисовича, собирается ли он принимать мой отчет. Он ответил: «Ладно, будем считать, что вы его сдали».

Ещё вспоминаю, как мы гуляли на крыше. Одно время семинары Евгения Борисовича проходили в аудитории 14-08, а оттуда через окно можно было вылезти на крышу. По крайней мере, тогда. И мы во время перерыва выходили туда и гуляли.

Ч.: Запомнилось ли Вам, кто вёл другие предметы - математический анализ, геометрию?

В.: Математический анализ нам читал Лев Абрамович Тумаркин. Он запомнился тем, что чрезвычайно аккуратно писал то, что необходимо, на доске, каждую фразу повторял дважды, так что записывать за ним не составляло никакого труда. И мне никогда не приходилось читать по этому курсу никаких учебников - все экзамены по математическому анализу я сдал, пользуясь исключительно лекциями.

Семинары же по анализу у нас вела Зоя Михайловна Кишкина. В первом семестре у меня было всё в порядке. А во втором мы занимались интегралами. Это было такое искусство, которое мне не давалось, и потому не нравилось. В результате Зоя Михайловна не поставила мне зачёт автоматом. И это был первый случай в моей жизни, когда мне не поставили зачет автоматом. Пришлось подучить все эти интегралы и их сдать.

Курс аналитической геометрии нам читал Павел Сергеевич Александров. А я всегда сидел в первом ряду, так как плохо видел, и часто просто читал книжку на его лекциях, поскольку материал их мне казался очень лёгким. Павел Сергеевич видел еще хуже, чем я. Но, однажды, он всё-таки заметил, что я читаю книжку. Он подошёл ко мне и книжку

отобрал. Это были, по-моему, рассказы Рабиндраната Тагора. После лекции мне пришлось с ним объясняться.

Алгебру нам читал Евгений Борисович Дынкин. Это было наше первое знакомство с ним. Он всегда старался подать материал каким-нибудь нестандартным образом, давал задачи, ставил проблемы. Например, у моего однокурсника Кириллова первая научная работа - это решение какой-то проблемы про многочлены, которую ему дал Дынкин.

Из других преподавателей мне вспоминается Игорь Владимирович Проскураков, который вёл у нас занятия по алгебре (примеч. Д.: напомним, что Игорь Владимирович Проскураков был незрячим). Должен признаться, что мы на его занятиях вели себя не очень хорошо, очень сильно шумели. То есть, мы, конечно, занимались, но шумели, и мне теперь стыдно за это. Не то чтобы мы к нему плохо относились, но по глупости вели себя не очень хорошо. Правда, решали, в основном всё, что он нам давал, и тщательно готовились к занятиям.

Ч.: А задачник Проскуракова уже существовал?

В.: Да, задачник тогда уже существовал.

Когда я начал работать на кафедре алгебры, Игорь Владимирович считался моим куратором, и перед каждым занятием давал мне список задач, которые студенты должны решить на семинаре и которые они должны решить дома. После этого у меня выработалась методика по всему курсу, так что он мне очень сильно помог. Надо сказать, что Игорь Владимирович помнил наизусть все номера задач из своего задачника. Это производило на меня очень сильное впечатление.

Что же касается курсов дифференциальных уравнений, то обыкновенные дифференциальные уравнения нам читал Лев Семёнович Понтрягин, а уравнения в частных производных - Ольга Арсеньевна Олейник. Меня эта область математики интересовала меньше, и поэтому эти лекции не произвели на меня большого впечатления.

Ч.: Хотелось бы еще узнать про Аркадия Львовича Онищика.

В.: Аркадий Львович был также учеником Дынкина. Но он старше меня и потому является, так сказать, моим «старшим научным братом». Именно на семинаре Дынкина мы с ним и познакомились. Впоследствии Дынкин, когда полностью переключился на теорию вероятностей, инициировал создание нашего с ним спецсеминара, который стал, скажем так, продолжением его спецсеминара. Правда, вначале это был просто спецсеминар по всей математике, начиная чуть ли не с теории

множеств. Но потом он вошёл в более разумные рамки - группы Ли и однородные пространства. В таком виде он работает до сих пор. На нём воспитывались мои ученики и ученики Аркадия Львовича. И это также составило большую часть моей математической жизни.

Ещё из участников семинара Евгения Борисовича надо упомянуть Феликса Александровича Березина, который трагически погиб, довольно молодым, в экспедиции в Магаданской области. А также Фридриха Израилевича Карпелевича, ныне тоже уже покойного, у которого есть замечательные работы как по группам Ли, так и по теории вероятностей. Их влияние на меня, конечно, тоже было значительным.

Александр Александрович Кириллов тоже начинал у Дынкина, но потом он стал учеником Израиля Моисеевича Гельфанда, занявшись линейными представлениями групп Ли. Владимир Игоревич Арнольд сначала был участником семинара Витушкина, потом некоторое время также занимался у Дынкина, но впоследствии стал учеником Колмогорова и его интересы изменились.

Ч.: Когда Вы защитили докторскую диссертацию и было ли это логическим продолжением кандидатской?

В.: Сначала стоит, наверное, сказать несколько слов о моей кандидатской диссертации.

Она была посвящена исследованию однородных выпуклых конусов. Это была задача, поставленная Ильей Иосифовичем Пятецким-Шапиро. Она тесно связана с однородными ограниченными областями, которыми занимался сам Илья Иосифович, а впоследствии и я вместе с ним. Илье Иосифовичу принадлежит знаменитый пример несимметрической области, ответивший на один трудный вопрос, поставленный ещё Эли Картаном. Моя кандидатская диссертация была посвящена той же тематике.

Я защитил свою кандидатскую в 1962 году. Не рано, не поздно - вовремя. Интересно, что в то время нужно было защищаться в другом месте, не там, где вы были аспирантом. Я защищался в институте при МИАН СССР под названием «Отделение прикладной математики», впоследствии ставшем Институтом прикладной математики имени М.В.Келдыша РАН. Мстислав Всеволодович Келдыш был директором этого Института и председателем Учёного совета, где я защищался, так что его подпись стоит у меня на дипломе кандидата наук. Было предложение дать мне докторскую степень за эту диссертацию,

как в случае с Кирилловым, но по каким-то причинам это не прошло. То же самое было предложено Владимиру Игоревичу Арнольду, но он сам отказался от этого предложения и скоро защитил свою докторскую по другой теме.

С моей же докторской диссертацией всё сложилось значительно хуже. Я защищал её, уже на Мехмате МГУ, в 1971 году, по совершенно другой теме - по группам, порожденным отражениями в пространстве Лобачевского. Тогда она с трудом прошла Учёный Совет, так как только за счёт округления дробей результат был признан положительным, хотя никаких отрицательных отзывов не было. После этого она попала в ВАК, где была послана на дополнительные отзывы. Один из них был кисло-положительным, второй отрицательным. Потом была долгая борьба с перипетиями, перезащитой, приглашением меня в Экспертный совет ВАК, что продолжалось шесть лет. Ряд крупных математиков меня защищали, в том числе Сергей Петрович Новиков (я помню, он писал для меня некое письмо в день смерти своей матери). Меня поддерживали Манин, Арнольд, Кириллов. Но, в конце концов, в 1977 году, Экспертным советом ВАК моя диссертация была отклонена. На последнем этапе, когда она должна была проходить через Президиум ВАК. Ректор МГУ Рэм Викторович Хохлов хотел меня поддержать, но именно в этот момент он трагически погиб в горах, и моя диссертация была уже окончательно отклонена (примеч. Д.: физик, академик АН СССР Рем Викторович Хохлов (1926-1977) был ректором МГУ в 1973-1977 годы).

Это была черная полоса в моей жизни. На Мехмате МГУ ко мне изменилось отношение: мне перестали давать читать лекции, а моих учеников перестали принимать в аспирантуру под предлогом, например, того, что на первом курсе у них был утерян студенческий билет. Так продолжалось до начала 1980-х годов.

В 1984 году я защищал свою докторскую диссертацию во второй раз. В той же области, но с новыми результатами. Защита происходила в Ленинграде, где председателем Совета был Дмитрий Константинович Фадеев - он был моим оппонентом на первой защите и переживал, что так случилось с ней. В этот раз всё прошло благополучно, и я стал доктором наук.

Ч.: Да... сложный был период ... в мехматской действительности...

В.: Этот «сложный период» начался в примерно в 1969 году, когда большая группа математиков - 99 человек - подписала письмо в защиту Есенина-Вольпина. Я был в их числе. Были там и Аркадий Львович Онищик, и Александр Геннадьевич Курош.

После этого на Мехмат МГУ было обращено «особое внимание», результатом чего, в частности, явилось то, о чем я только что рассказал.

Но, надо сказать, Мехмат МГУ пострадал всё же меньше, чем другие институты. Например, Исаак Моисеевич Яглом был уволен из Московского пединститута в результате подписания этого письма, после чего он работал лишь в подмосковных пединститутах.

А отношение ко мне на кафедре оставалось хорошим, ведь не всё зависело от кафедры. И я благодарен, что, работая на кафедре, несмотря на все неприятности, я имел возможность читать спецкурсы, руководить студентами и дипломниками, в некоторых случаях удавалось и взять аспирантов. Ситуация коренным образом изменилась только после перестройки. Хотя обычно принято ругать перестройку, но в моём случае она изменила жизнь к лучшему.

Ч.: На моей памяти у Вас всегда было много учеников и хороший контакт с ними.

В.: Да, мне нравится работать с молодежью, и я сам многому у них учусь. Часто, когда я не могу ответить на какие-то вопросы, которые мне задают ученики, мне приходится что-то ещё изучать, либо они сами мне что-то потом объясняют. И я этого совсем не стыжусь, никогда не пытаюсь сделать вид, что всё знаю - надеюсь, мои ученики это понимают.

Действительно, у меня было очень много учеников. Некоторые из них потом перестали заниматься математикой: например, Женя Андреев, который сделал замечательную работу по многогранникам в пространстве Лобачевского, потом добился больших успехов в демографии, работая в Центральном статистическом управлении. Некоторые из моих учеников уехали за рубеж, как, например, Борис Вейсфейлер, о котором я уже говорил, или Виктор Кац, который, видимо, стал наиболее известным из моих учеников. Но многие, к счастью, продолжают работать в России. И двое из них - на нашей кафедре:

Дмитрий Андреевич Тимашёв и Иван Владимирович Аржанцев. Некоторые работают в разных местах в Москве и продолжают поддерживать со мной связь.

Ч.: А Ваша семья связана с математикой?

В.: Моя жена никак не связана с математикой, она химик по образованию. Может, она связана с математикой лишь в том смысле, что работала несколько лет в НИИ имени Г.М. Кржижановского, находящемся на Ленинском проспекте в здании, в котором ранее размещался Математический институт имени

В.А. Стеклова. Кстати, в Институте имени Г.М. Кржижановского некоторое время работали известные математики Олег Карлович Шейнман и Игорь Моисеевич Кричевер.

А мой сын пытался поступить на Мехмат МГУ, но не сумел. И поступил в Институт нефти и газа имени И.М.Губкина («керосинку», в просторечии) на отделение «Прикладная математика», где был очень большой конкурс - больше 10 человек на место. Но он не стал математиком, его больше интересуют компьютеры. Сейчас он работает в некотором академическом институте. Видимо, он не унаследовал любви к теоретической и абстрактной математике. Зато в компьютерах он на голову выше меня и всегда мне помогает - без него я бы не смог овладеть тем, что необходимо в этой области.

Ч.: Спасибо большое, Эрнест Борисович, что Вы согласились на эту беседу. Хотелось бы Вам пожелать, чтобы Вы по-прежнему сохраняли интерес к Вашим занятиям и плодотворный контакт с молодежью.

В.: Спасибо за доброе пожелание. Я очень рад, что работаю в России, а не в Германии, где был бы уже вынужден уйти на пенсию

Ч.: Всего Вам доброго, Эрнест Борисович!

В. Спасибо!

Апрель 2008 года

Сергей Сапожников

Пушкинский след

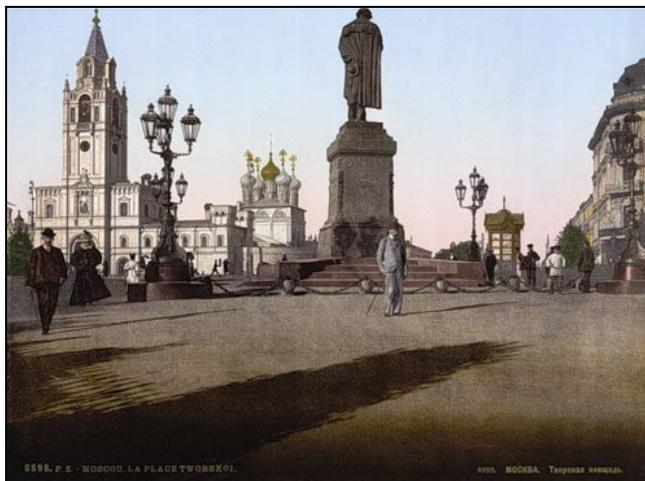
1899 года бронзовый Пушкин с удовольствием взирал в сладких грёзах на женский Страстной монастырь по ту сторону Тверской улицы. Может быть, грезилось ему, как Дон Жуан похищал (по Мольеру) донью Эльвиру из монастыря, дабы жениться на ней, и думалось о том, что женитьба Дон Жуана как технологический приём в скором достижении любовной победы, не хуже вечной лямки семейной жизни, приносящей столько радостей любовникам супруги рогоносца. А может быть, размышлял он (по Байрону) о том, что сердце его способно было любить одновременно всех женщин на земле - мечтал одним разом расцеловать их. И ещё грезилось Пушкину (по Александру Македонскому) о существовании иных миров, где можно было бы после исчерпания своих земных проб и ошибок и впредь продолжать одерживать победы.

Ну и дождался. Другой мир в 1917 году, не отходя от его памятника, построили. С колокольни Страстного монастыря из пулемёта построчили по юнкерам на Никитской. Вот тебе, бабушка, и новый мир! А накануне столетия Пушкина хозяева нового мира Страстной монастырь снесли как «рухлядь минувших веков» (терминология Н. С. Хрущёва). Огорчённому Александру Сергеевичу пришлось употребить всё своё влияние и авторитет, для того чтобы его повернули спиной к осквернённому святому месту, безобразному пепелищу, на котором охально был выстроен кинотеатр, а позже ещё и вертеп-казино, время от времени дающее новым русским шанс выиграть «лимон зеленью».

Как и в прежние времена, на голове у Александра Сергеевича часто мирно греется, не без косметических последствий, голубь, намекающий на события «Гавририады». Но теперь вместо галок, окаймлявших кресты Страстного монастыря и с любопытством глядевших на проезжавшую Татьяну Ларину, в спину Пушкина со щитов рекламы кинотеатра «Пушкинский», уставившись, пучат глаза то Ди Каприо из «Титаника», то

американские бандиты, то корабли-призраки, с мордами монстров из вещего сна Татьяны Лариной.

Чтобы компенсировать потерю монастырского пейзажа, отвернувшегося от разорённого женского гнезда поэту предоставлена возможность созерцать граждан в крылатках пушкинской поры национального новорусского малинового цвета, которые вежливо открывают дверцы «мерседесов», привозящих богатых иноземцев в кафе «Пушкинь».

Памятник Пушкину на фоне Страстного монастыря

Говорят, что мэр Москвы, услышав французскую песенку о влюблённых, встретившихся в Москве в несуществующем кафе «Пушкiнь», слабым манием руки двинул полчища строителей на Пушкинскую площадь. Они штурмом взяли армянскую забегаловку в начале Тверского бульвара и на её месте выстроили самое высокоудойное в Москве кафе, дав ему имя не защищённого за давностью лет авторским правом поэта, и, таким образом, решив наконец проблему всю жизнь его занимавшую, – где найти постоянный источник доходов. Теперь ничто не мешает ему отдаться поэзии. Жаль только, что она будет виртуальной, как кафе «Пушкiнь» для героев французской песенки.

На левом фланге опекушинского монумента несколько лет продержалось кафе «Пушка», в названии которого, очевиден фонетический намёк на территориальную принадлежность кафе к Пушкинской площади. Игривые создатели кафе несомненно вспоминали о шаловливой музе лицейских годов жизни поэта,

поскольку, постояв у витрины или даже стыдливо скользнув взглядом вверх, можно было увидеть исподнее посетительниц кафе в рискованном ракурсе.

Под кафе находится станция метро «Пушкинская», в одном из торцов которой торчит на белой мраморной консоли бронзовая голова, лицом напоминающая одновременно и фоторобот разыскиваемого поэта Пушкина, и молодого еврея с картины «Явление Христа народу», а если присмотреться, то в фас выявляются черты Владимира Владимировича Путина, что воспринимается как интуитивный комплимент-предчувствие скульптора: «...незримый, уж ты был мне мил». Назначение бюста – собирать по субботам участников бизнеса по телефону либо группы поддержки и скандирования (спецкрикунов) различных политических группировок. У подножия постамента часто можно видеть бездомную, всегда спящую сгорбленную старушку, которую кто-то недавно прилично придел. Теперь она - не бомжиха, а как бы образ доброй няни Арины Родионовны, погружённой в воспоминания о буре, которая мглою крыла небо в позапрошлом веке.

Спускаюсь вниз по Большой Дмитровке, носившей полвека имя Пушкина, невольно ставшим то ли лже-Дмитрием, то ли гофмановским узурпатором чужой славы крошкой Цахесом с тех пор, когда угоревшие от революционного пожара главари Москвы стали вдруг в названиях улиц ориентироваться на беспартийных светочей литературы.

По левой стороне ещё один свидетель страстей человеческих - ломбард, почему-то тоже названный «Пушкинский», словно бы захаживал сюда когда-то Пушкин, бледный, как Майкл Джексон, проигравшийся в казино, закладывая заветный перстень, полученный в дар от графини Воронцовой.

Пушкин постепенно сформировался в нашем сознании как нечто нарицательное. Пушкинскими улицами, как Интернетом, опоясана вся Россия. Поэт отмечал своё двухсотлетие в то время, когда коррозия перестройки уже источила постамент стареющего семидесятилетнего государственного колосса и главный конкурент Александра Сергеевича по рейтингу в деле наименования лучших улиц в каждом российском селении начал сдавать свои позиции, хотя и не совсем. Я мог бы и не теребить фамилию, пока ещё знакомую каждому россиянину по мавзолею, своего рода политическому ломбарду, где не только хранится харизматическое мумифицированное тело, но и сданный в залог до следующей революции подпорченный перестройкой социализм.

Конечно, пока ещё не везде в стране устроены пушкинские ломбарды, но по улице его имени можно прогуляться и в Казани, и в Магадане, и в Мышкине. В этом отношении свершилось пророчество поэта: «...И назовёт меня всяк сущий в ней (Руси великой. – С. Р. С.) язык...».

Пушкиномания (не путать с любовью к творчеству поэта тех, кто читал его произведения) родственна поисками устойчивой валюты. Я имею в виду подобие лозунгов: «Пушкин — наше всё» и «доллар — наше всё». Пушкин в объёме школьной программы даёт каждому россиянину сертификат устойчивости: «Вы, товарищ, говорите, ничего святого в стране не осталось. А Пушкин?». И далее уже любой тезис приобретает доказательность.

В этом аспекте Пушкин становится аналогом некоей общероссийской операционной системы, так сказать, Microsoft-Pooschkin (Майкрософт – Пушкин), пригодной для обсуждения любой темы и проблемы. Его имя постепенно утратило биографическую конкретность. Пушкин — это как бы всенародная «идея фикс». Прерывается связь времён, появляется желание создавать анекдоты вроде: «Пушкин любил кидаться камнями...» (Хармс). Сейчас мы пушкинской козырной картой запросто можем покрыть любое событие, произошедшее в России... Держитесь, читатель, автора начинает заносить!

Ну, скажем, революция, атеизм, культ личности, война в Чечне... Всё, всё, товарищи, у Пушкина было прописано и предсказано в сказке *Руслан и Людмила*. Читать только надо внимательно. Доказываю.

Вглядимся в вещи пушкинские числа... «Руслан» начат поэтом в 1817 году, а ровно сто лет спустя злодейство Черномора, отсекающего мечом голову своему брату, было во сто крат ужаснее повторено во время Великой Октябрьской Социалистической Революции: именно в 1917 году церковь была отделена от государства, как голова от туловища куполами и крестами вниз. Чуть живая она грустно моргала глазами, скорбно поглядывая на своё далёкое тело и могла лишь гневно дунуть в сторону брата-мутанта - из Черномора он обратился в Красномора, совершающего коллективизацию, индустриализацию, милитаризацию и прочие казни над телом России, впадшим в как бы креонический сон и ожидающим ельцинской реставрации церковной жизни. Это прорицание Поэта о судьбах России пока что осталось без внимания современных историков. А зря! Пусть это будет нашим «ноу хау».

Кто же он этот Черномор? Пушкин описал его «горбатым карликом»... Может быть и по имени *Карла*? Возможно, что в центре Москвы именно его бюст выставлен на проезжей части, ворон к нему на голову слетается больше, чем к Пушкину... И вред для России начался именно с Карлы. Но похоже, что образ Черномора связан с иным губителем нашей страны. Не карлик, но невысок и чуть горбат был!

Ведь ясно предрекал поэт судьбу России (имя *Руслан* говорит само за себя), зависимость её от некоего злодея с гор близких к Чёрному морю. «Узнай, Руслан, твой оскорбитель волшебник страшный Черномор, красавиц давний похититель, полночных обладатель гор». Каких гор? Кавказ это или Крым? Точный ответ дал другой русский гений — композитор Михаил Иванович Глинка, который в оперу *Руслан и Людмила* ввёл лезгинку — грузинский танец. В вещих словах Пушкина имеются и горное кавказское происхождение, и внешность «вождя народов», и намек на его сожительство в сибирской ссылке с несовершеннолетней... Для понимающего всё сказано.

Непонятно только, почему Руслан проявил такую мягкотелость по отношению к чудовищному оскорбителю своему. К кому Людмила с брачного ложа попала? Сначала к Черномору! Ничего дурного сказать не хочу, но Людмила *спала и проснулась* в садах Черномора. Что это был за сон, Пушкин невнятно помалкивает: «Очнулась, пламенным волненьем и смутным ужасом полна; душой летит за наслаждением, кого-то ищет с упоеньем...». Хотя хорошо рифмуется: «Руслана ищет с упоеньем», Пушкин всё же (как честный художник) пишет: «Кого-то ищет с упоеньем»... Неправ Руслан, такого соперника надо было уничтожить беспощадно! Оставил в живых — отсюда и произошли все неприятности в российской истории XX века.

Пред проснувшейся Людмилой предстаёт «горбатый карлик». Великого Бехтерева в одночасье отравили за то, что товарища Сталина он сгоряча «сухоруким параноиком» назвал (доносчиком был приятель Бехтерева, осведомивший об этих словах кого следует!).

Пушкин даже альянс этого нехорошего кавказского киллера с арабскими инструкторами-террористами в борьбе с русскими прозорливо предсказал: бороду и усы (то есть силовые органы) волшебника Черномора «арабов длинный ряд» несли.

После победы Руслана и взятия безбородого Черномора в плен он хоть и прощён был, и при дворе Владимира принят (Господи! Убереги нас от современных ассоциаций и аллюзий!), но на Руслана и всех русских обиду затаил, решил выждать сто

лет после отрубания ему бороды (период её отрастания). Но усы-то ведь остались! Усы — тоже мощь! Надо было Руслану в его аттракционе не только бороду летающему карлику волшебным мечом срубить, а ещё бы и усы сбрить.

Руслан и Людмила, поживившись, расслабились и думать о Карле не стали. И зря. Ведь он же раньше с нею был, «он эту кашу заварил вполне серьёзно!». И как-то в осень... (как уже мы догадались предрекалась осень 1917 года) Черномор присоединился к браткам, бравшим «Зимний». Подождал несколько лет пока *бугор* (иносказательно — главный инициатор революции) ослабел, срубил ему привычным манером голову и на его могиле на сходке поклялся довести до конца дело (тёмное и мокрое), на которое шли они вместе. Это событие нашло отражение в кантате Сергея Прокофьева к 10-летию Октября в доселе пропускаемом номере «Клятва Сталина». Помните, у Пушкина Руслан голову на холме обнаружил? Холм, бугор...

Для изучившего *Руслана и Людмилу* ясно, что Черномор — это кличка (кликуха), и логично предположить, что убитого Черномором брата (а, вернее, — братанá) звали Беломор, и, видимо, причиной отсекования главы был передел сферы влияния в России - Черномор захотел не только Кавказ, но и всю Россию к рукам прибрать, что и произошло в конце концов, как и предсказал Пушкин.

Мстительный властитель Черномор напустил в России брата на брата и мирян на духовных пастырей своих. Пушкина он тоже читал, изучая русский в церковно-приходской школе и семинарии. Наученный Русланом, от греха подальше не запускал бороду, как у его учителя тёзки-Карла и его друга Фридриха, и даже бородёнки, как у замоченного им бугра-предшественника своего, - он оставил себе только усы. А дурную память об убитом своём братане уже тогда замыслил руками обращенных в рабство детей руслановых увековечить - Беломорско-Балтийский канал протростить...

Поэтому появление у Пушкина в сказке *Руслан и Людмила* финна, близкого к Северным народам, в том числе живущим на Белом море, не случайно, по этому намёку, дешифровав его в соответствующих ведомствах, можно было бы бесславной и кровавой финской войны избежать. С какой стати именно финн в балладе своей откровенничает с Русланом о том, что «любовь его на ненависть сменилась»?

А Найна?... Ну, уж тут прервусь пожалуй. Дальше, друзья мои, сами по проторенной дорожке предсказаний Пушкина пойдите...

Продолжать? Вы уверены, что всё обойдётся? С Пушкиным шутки шутить в России опасно. Он сам является таинственной, сакральной частью Российской истории и «пушкинский след» порой приводит в такие дебри, из которых выход разве только в белых тапочках и с бумажной полоской на голове.

Не верите? Про таинственную часть жизни поэта кое-что напечатано, а раз на-пе-ча-та-но, то надо верить! Этот синдром общественного мнения – вера в напечатанное - сам Пушкин когда-то и обнаружил, а сейчас появилась вера в интернет даже большая, чем печатному слову. Однако, именно в интернете иной раз такое появляется, хоть святых выноси!

К примеру, вполне серьёзные люди напомнили, что в советские времена трое ещё более серьёзных людей собрали неопровержимые доказательства того, что Александр Сергеевич вовсе не внук арапа Петра Великого — Абрама Петровича Ганнибала (как сам Пушкин говаривал), и не эфиопская кровь бурлила в его организме, а индийская, от раджи Висапура! В связи с изменой своей бабушки законному супругу Ганнибалу (сыну великого арапа) по линии своей мамы Пушкин на одну четверть оказался индеем! «Кипит наш разум возмущённый и в смертный бой идти готов!», а против фактов не попрёшь! Сам Пушкин, правда, свернул свою генетику в иное кастовое русло - цыганское, намекая, что он не только романтически-поэтический, но и генетический цыган, что Алеко - это он сам, Александр Сергеевич, собственной персоной и есть.

Кстати сказать, если поиграть ударениями на южный манер, то имя Алеко (небось, изначально Алекó) приоткроет фонетическое родство с именем Александр: Станислав — Славкó, Савелий — Савкó, серая лошадка - Серкó, Суликó... Вы считаете, что уж Сулико-то сюда я приплёл ни к селу, ни к городу? Но ведь, надеюсь, не зря я Вам в пушкинском ключе раскрываю русскую историю. Именно Сулико-то здесь и при чём!

Когда большому любителю песни «Сулико», товарищу Сталину, сообщили, что, благодаря блестящим исследованиям пушкиноведов было установлено в честь празднования 150-летия Пушкина, что он не только первый поэт России, но ещё и великий сын цыганского народа, он попросил эту радостную информацию запереть в архиве (окажись князь Висапурский менгрелом, неизвестно, отделилась бы от нас Грузия?).

Однако, дело этим не кончилось. Пушкиноведы (их было трое), чудом оставшись в живых, воспрянули духом, и, забыв о том, к чему привёл старуху разыгравшийся аппетит в сказке

Пушкина о рыбаке и рыбке, начали дальше копать числа в биографии Пушкина, дабы снискать ещё большую научную славу. Числа говорят о многом не только математикам. Как известно из Ветхого Завета и из открытого нами метода изучения истории по пушкинским числам, числа тяготеют к политике, и числа привели пушкинovedов к тому, что правнуком Александра Сергеевича Пушкина оказался (держитесь за стулья, не упадите!)... Лев Давидович Троцкий!

Нет-нет! Это не то, что вы подумали! - Пушкин индей-иудей и так далее, и так далее! Числа привели к внебрачной связи 17-летнего Пушкина с очаровательной полькой, билетёршей из бродячего цирка. «Тайный плод любви несчастной», то есть дедушку будущего, говоря словами Ленина, «иудушки Троцкого», пристроили в семью некоего Бронштейна. И по версии перегревшихся от социализма пушкинovedов внебрачного дедушку Троцкого к евреям пристраивал ни больше, ни меньше, как полковник Леонтий Васильевич Дубельт (будущий начальник 3-го отделения царской охраны), и, видимо, боясь, что Дубельт один не справится, помогал делу тогдашний начальник Дубельта генерал Раевский, друг семьи Пушкиных.

Ах! Числа, числа, нету в вас здравого смысла! Как известно, товарищ Сталин лично позаботился о том, чтобы его товарищ Троцкий исчез с лица земли. А вот об исчезнувших пушкинovedах сведений мало. Известно только (из Интернета), что когда первого из них ночью задавило машиной, водитель этой машины и его напарник будто бы вспоминали: «Мы гонялись за ним, как за зайцем!». Другой пушкинoved случайно выпал из поезда, третий утонул в море возле Гурзуфа — прекрасный, говорят, был пловец! А ведь предупреждал Пушкин, время обозначил: «...будет вам уже мертвец! Суд наедет - отвечай-ка, век потом не разберусь!».

Так что, хотя и не всякая правда числами измеряется, но пушкинские числа имеют значение магическое, да и сам Пушкин чисел боялся и числам верил. А в нашей сказке в числах есть намёк — добрым молодцам урок:

«Не болтай лишнего, что б чего не вышло бы!».

(2008-2013)

Артур Штильман

Гуляя по парку Горького

Ориазительные возможности открываются сегодня для владельца компьютера в любой точке мира, умеющего им пользоваться даже в минимальной степени. Карты городов мира GOOGL`а в трёхмерном измерении дают нам возможность почти физически ощущать себя гуляющими по улицам и переулкам Парижа, Мадрида, Нью-Йорка, Москвы, Лондона. Можно разглядывать вывески магазинов, знаменитых кафе, ресторанов, больших универсальных магазинов, фасады театров, музеев. Так например при двух посещениях Парижа мне не удалось бросить взгляд на знаменитую Пляс Пигаль. Теперь это можно сделать, не выходя из дома – прямо за своим столом! Не так важно, что там нет ничего, что отличало бы эту площадь от похожих мест района 42-й стрит в Нью-Йорке, чего-то похожего в Мадриде, или Мюнхене. Важно, что это можно видеть, никуда не отлучаясь из дома.

Как-то пришла в голову мысль посмотреть на свой старый дом в Москве, в котором моя семья прожила с 1939 года по 1962-й. В свой единственный приезд в Москву в 2004-м году, пробыв там шесть дней, невозможно было осуществить все планы. Главным было посещение Востряковского кладбища, где похоронены мои дедушка, бабушка, два брата отца, а также кладбища, где похоронена мать жены и её родственники. Нужно было заказать и оплатить на несколько лет вперёд уборку могилы и уход за памятником. На это ушёл почти целый день.

Мой друг - балетмейстер Большого Театра Борис Акимов - организовал нам с женой посещение спектакля «Балеты Баланчина» на сцене Большого Театра, да ещё в центральной, бывшей «царской» ложе. Одним словом - дни были заполнены до отказа и съездить на Большую Калужскую посмотреть на свой старый дом, в котором я провёл 23 года не было никакой возможности. Теперь я смог восполнить этот пробел.

Когда я увидел улицу и свой дом – приближая или удаляя всё, что хотел детально рассмотреть, то нашёл своё окно,

выходящее на улицу (другое выходило во двор – на Нескучный сад). Дом, как и соседние корпуса, построенные в 1938-40 годах, конечно, сильно обветшал. Многие владельцы квартир меняли внешние рамы на современные. А в «нашем» окне рама осталась той же! И к моему удивлению при большом увеличении удалось увидеть след от термометра, прибитого к раме с внешней стороны 72 года назад! Это было совершенно поразительным открытием.

Владельцы квартир (или по-прежнему комнат?), в которых жили наши соседи – семья А.Б.Буше – режиссёра цирка, и другое окно соседа по лестничной площадке знаменитого М.Н.Карандаша-Румянцева – не меняли рамы своих окон и они остались теми же, что служили нам со дня въезда в этот дом в декабре 1939 года.

Восемь новых корпусов жилых домов на Большой Калужской улице. Фото примерно 1940 года

Облик улицы, однако, сильно изменился. Уже во времена Брежнева на Калужской (это название для меня привычней, чем Ленинский проспект) начался постепенный снос всех оград – красивых заборов, соединявших наши дома как бы в единый архитектурный ансамбль. Чем был продиктован этот снос – непонятно и сегодня.

Бросается в глаза обилие маленьких магазинов и кафе в первых этажах всех восьми корпусов. Вот дом №12 – «первый корпус», где жил знаменитый иллюзионист Эмиль Кио. Все годы на первом этаже находилась булочная. Это там отец мне купил (по карточкам!) белую булку, когда мы едва приехали домой из Фрунзе 20 ноября 1942 года. Белые булки лежали прямо за стеклом, да ещё и калачи! Белого хлеба во Фрунзе практически не было. Хотя – и это главное - не было голода. Но эта наша булочная была и большим удобством, и волшебным воспоминанием. В том же доме, ближе к 2-й Градской Больнице находилась аптека. Она тоже обосновалась там с самого начала эксплуатации домов.

Теперь там бары, винные магазинчики, ещё какие-то непонятные маленькие конторы. Кажется в нашем старом доме осталась только детская поликлиника.

Но дом №16 был только одной из частей нашей жизни. Другой частью был двор. И какой! Наверное, в Москве не было похожего двора нигде, ни в одном районе города. Прямо за оградой находится большой свободный сектор в виде треугольника, нисходящего своей вершиной в овраг, ведущий в Нескучный сад и дальше вниз - прямо к Москве-реке. Овраг пересекался тремя мостиками, один из которых шёл из двора Президиума Академии наук и дальше дорога вела прямо к официальному входу в Парк.

За первым мостом через овраг угадывается силуэт нашего дома №16 на Большой Калужской. Таким образом наш двор через этот овраг переходил в Нескучный сад

Этот сектор между бывшим Палеонтологическим музеем и оградой Президиума Академии Наук теперь совершенно неузнаваем – так зарос деревьями и кустарником. Главный, «парадный» вход со стороны Крымского моста, напоминает «Бранденбургские ворота» в Берлине, только гораздо большие по масштабу. Это уже было строительство «хрущёвского времени».

Много раз в послевоенные годы городские власти устанавливали заборы, отделявшие Парк им. Горького и Нескучный сад от наших дворов с целью взимания платы за вход. Естественно, немедленно были организованы «дыры», то есть проходы между прутьями или трубами расширились до размера, необходимого для «протискивания» взрослого человека. Потом через определённое время вход становился бесплатным. Затем всё

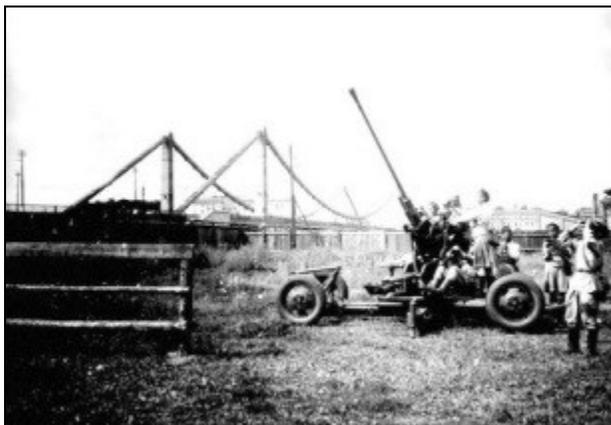
повторялось. Это продолжалось десятилетиями. При Хрущёве плата за вход в Парк снова была отменена, а после 1962 года – не знаю, так как в том году мы переехали в новый дом у Калужской заставы, который тогда именовался, как «Дом тысячи мелочей», то есть по имени большого магазина на первом этаже.

Парк мы начали осваивать ещё зимой 1940 года. Александр Борисович Буше с сыном и я с отцом частенько приходили в Парк со своими деревянными санками – они были тогда большой редкостью в Москве. Эти санки привезли в подарок наши отцы из Ленинграда – только там они в ту зиму и продавались! Мы садились в санки и спускались на них по пешеходной тропинке. Санки летели с большой скоростью по извилистой аллее и доезжали почти до замерзшей Москвы-реки. От такой скорости захватывало дух, было страшновато, но всё равно хотелось повторять этот спуск снова и снова. А лет через двадцать мы уже *поднимались* из парка к нашему дому – с компаниями друзей или со знакомыми девушками. Парк всё ещё играл известную роль – часто садились мы на речной трамвай где-нибудь у Крымской площади и ехали сначала до Воробьёвых Гор, а потом обратно до Зелёного театра и снова в горку - к себе домой.

В войну в Парке и Нескучном саду стояли зенитные батареи. Сколько их было? Наверное пять или шесть. Как-то весенним днём 1943 года, когда мы гуляли в парке у одной из батарей началось большое оживление. Сигналов сирен, то есть воздушной тревоги не было, но активность зенитчиков была совершенно лихорадочной – они быстро начали таскать тяжёлые ящики со снарядами поближе к зенитным орудиям; все зенитчики – среди них были и молодые женщины - быстро занимали свои места, и мы не знали что это – учебная тревога, или реальная опасность воздушного налёта? В таких случаях мы спешили

домой. Но, поскольку сигналов сирен всё же не было, то все мы - компания детей - постепенно успокаивались и продолжали гулять по знакомым аллеям. Зенитчики не позволяли любопытным и детям близко подходить к батареям. Солдаты с винтовками зорко следили за порядком вокруг.

Осень 1941 года. Одна из первых зениток, установленных у Крымского моста

Первый праздничный салют состоялся в Парке рядом с Зелёным театром (и, конечно в других местах Москвы, но видели мы только то, что было рядом). Это было 5 августа 1943 года. Вечер был страшно холодным, мы были одеты в демисезонные пальто, но обилие зенитных орудий, выставленных в *ряд* вдоль набережной Москвы-реки, было чем-то настолько необычным, и нас никто не прогонял подальше от орудий, что мы поняли – происходит что-то совершенно доселе небывалое. Салют в честь освобождения Белгорода и Орла поставил точку – больше авиа налётов на Москву никогда не было.

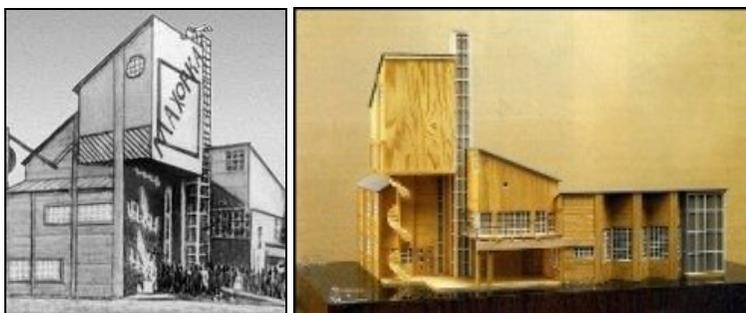
***

Когда в начале 1990-х появилось много иммигрантов, приехавших в США, Израиль или Германию, среди которых были бывшие соученики, а иногда и коллеги, то они нас часто спрашивали: «Не скучаете ли вы по дому? Как вы боролись с ностальгией?» Мы всегда на это отвечали, что с ностальгией никак не боролись, потому что она нам вообще была неведома. Мы распрощались с Москвой раз и навсегда, и если о чём-то и сожалели, так только о том, что не уехали раньше. Мы явно не «попадали в тональность» настроения людей, приехавших после

1991-го года. Оно и понятно – люди теперь приезжали в Америку не теряя своих российских паспортов, квартир, имущества – одним словом они скорее переезжали, чем иммигрировали. Их ностальгия по Москве была продиктована тем, что они, покидая Москву по своим причинам, едва ли думали о том, что покинули город навсегда. Впрочем, у каждой семьи была своя история. Но приходилось видеть людей совсем молодых, действительно потерявших себя, проклинавших своё решение, бывших достаточно долгое время в глубокой депрессии. У нашей «волны» 70-х годов на все эти эмоциональные тревоги не было времени – нужно было работать, вкалывать – да и иммунитет к ностальгии мы получили раз и навсегда при отлёте из Шереметьева.

Но прошли десятилетия. Много раз родственники и друзья приезжали к нам в гости. Только мы никак не могли собраться с духом и посетить, наконец, Москву. А когда собрались сделать тот короткий визит, оказалось, что Москва изменилась так, что хотя вроде бы всё было знакомо, но стало совершенно чужим, как будто мы в Москве и не прожили свои 30-40 лет жизни. Очень это было странное чувство. Может быть, поэтому и не очень хотелось совершать это «путешествие в прошлое»?

Настало время, когда возникли ясные мысли об уходе на пенсию. Появился в нашем обиходе компьютер. И теперь, как-то вполне естественно пришло желание совершить «путешествия в прошлое», но, не выходя за пределы своей комнаты. Это уже роскошь XXI века.

Константин Мельников. Павильон «Махорка» 1924 г. Макет павильона «Махорка»

Постепенно в памяти, как при ручном проявлении плёнки или фотографий, стали проступать адреса друзей детства, соучеников, их бывших квартир. Оказывается, что в большинстве своём дома не изменились, разве что оказались теперь

перекрашенными в другой цвет. Но Парк, или как он тогда назывался ЦПКО – Центральный парк культуры и отдыха имени Горького – Парк сразу очень захотелось «посетить». Ещё перед войной помнились деревянные здания – Летний кинотеатр, находившийся примерно в середине Парка, и рядом с ним летний же эстрадный театр.

Эти строения были остатками выставки 1924 года, а "Шестигранник" – шесть больших выставочных павильонов строили известные архитекторы - И.В. Жолтовский, Н. Колли, В.Д. Кокорин, М.П. Парусников. Когда-то в 20-е стоял там также деревянный павильон «Махорка» по проекту знаменитого Константина Мельникова – широко известный образец русского конструктивизма 20-х годов. Этот павильон даже возили за границу. К 1940- му его уже не было.

После войны довольно долго в других деревянных павильонах размещались экспонаты «Трофейной выставки», а позднее там устраивались выставки Чехословакии, Финляндии, Австрии. В 1957 году в этих постройках разместилась уникальная художественная выставка в рамках московского Фестиваля молодёжи и студентов. А кинотеатр и Эстрадный театр всегда использовались по своему назначению – в Эстрадном каждое лето с 1948 года выступал со своим Театром миниатюр Аркадий Райкин и мы видели там ежегодно все его новые программы. В кинотеатре мы впервые наслаждались в «трофейных фильмах» пением великих певцов – Беньямино Джильи, Яна Кипура, а позднее и итальянскими фильмами с участием Тито Гобби.

Эти два павильона, в которых размещалась выставка «Машиностроение» в 1925 году, в 30-е годы были перестроены. В левом здании был Эстрадный театра, а в правом кинотеатр

Теперь, как оказалось, у Парка Горького есть даже свой историк-энтузиаст – москвич Анатолий Дмитриевич Рублёв. Он на своём сайте рассказывает интересную историю 12-метровой скульптуры, которая в довоенные и многие послевоенные годы

встречала посетителей Парка. В просторечье статую называли довольно грубо – «Баба с веслом»

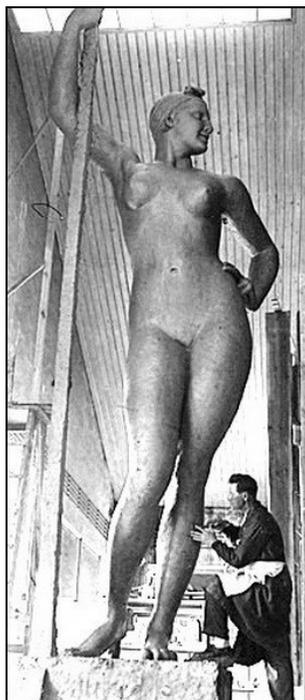

«Девушка с веслом» и парашютная вышка. 1936 год.
Фото Еммануила Евзерихина

Это была скульптура «ню» с веслом – работы скульптора и художника Ивана Шадра (*Шадр – это псевдоним: Иван Дмитриевич Иванов родился в Шадринске в 1887 году в семье столяра, где, кроме него было еще тринадцать детей. Служил у купца мальчишкой на побегушках. В 1901 году без подготовки успешно сдал экзамен по рисунку в художественно-промышленную школу Екатеринбурга. Через шесть лет отправился странствовать по России. После безуспешной попытки поступить в академию художеств подрабатывал уличным пением в столице империи. В 1910-м уехал в Париж и учился у Огюста Родена на муниципальных курсах скульптуры и рисования. Стажировался в Риме*) (по сайту Рублёва – А.Ш).

Статуя была, так сказать, образом «советской Венеры», но с веслом. В газете "Советское искусство" от 17 июля 1935 года, № 33 по поводу этой фотографии говорилось: «Скульптор А.(!) Д. Шадр заканчивает большую монументальную композицию "Девушка с веслом", которая будет установлена в центре фонтана

на главной магистрали Парка им. Горького. Скульптура изображает юную советскую спортсменку во весь рост с веслом в руке. Высота фигуры вместе с бронзовым постаментом около 12 метров».

Скульптор Шадр за работой в своей мастерской

Однако первый парковый вариант был отвергнут, о чем общественности сообщила директор парка Бетти Глан в интервью «Вечерней Москве» 10 мая 1936 г. В том же году первый вариант скульптуры переместили в парк культуры и отдыха Луганска, а в Парке Горького поставили гипсовый вариант и после войны фигуру всё же «одели» в купальный костюм.

О скульптуре "Девушка с веслом" стоит рассказать отдельно, поскольку удивительна не столько история ее создания, сколько судьба девушки, служившей моделью для скульптора. Она оказалась, к сожалению, трагичной.

В 1934 году И.Д. Шадр получает госзаказ на создание серии скульптур для строящегося Парка культуры и отдыха имени Горького в Москве. По легенде основной моделью скульптора для его работы "Девушка с веслом" стала Вера Волошина, студентка

Московского Института физкультуры. Вот небольшой материал о ней, собранный Рублёвым:

«Осенью 1941 года девушка ушла добровольцем на фронт и была зачислена в одну из частей разведотдела штаба Западного фронта для работы в тылу врага. Воевала в том же разведотряде, что и Зоя Космодемьянская.

Вера Волошина позировала для Шадра при создании скульптуры «Девушка с веслом». Это, возможно, её последнее фото.

Октябрь 1941 года

21 ноября 1941 года разведгруппа, где Вера была комсоргом, перешла линию фронта для выполнения задания в районе д. Крюково Наро-Фоминского района. При возвращении из немецкого тыла между деревнями Якшино и Головково **Вера была тяжело ранена, ее не смогли забрать, так как к месту обстрела очень быстро прибыли немецкие солдаты.**

Вернувшись на базу, разведчики рассказали о гибели Веры Волошиной. Здесь же они узнали, что у деревни Петрищеве

попала в плен к фашистам Зоя Космодемьянская. Через несколько дней, когда перешедшие в наступление части Красной Армии освободили Петрицево, весь мир облетела весть о героической гибели Зои. О том, как погибла Вера Волошина, не было никаких известий.

А в феврале 1942 года Клавдия Лукьяновна Волошина (мама Веры) получила с фронта письмо с тревожно сжавшими сердце строками: "...Волошина Вера Даниловна **пропала без вести** при выполнении боевого задания в тылу врага. Майор Спрогис".

Как же действительно погибла Вера? Вот как описывает эти события Геннадий Фролов в своей повести "Вера Волошина":

"...В Головково я узнал, что недалеко, в поселке Скугорово, живет Александра Фёдоровна Звонцова. Оказывается, она оставалась дома, когда пришли немцы, и знает, как погибла Вера. Вот что рассказала Александра Фёдоровна: «Однажды в конце ноября мама куда-то ушла и долго не возвращалась. Я уже начала беспокоиться: не случилось ли с ней что? А немцам ничего не стоило убить человека, хоть малого, хоть старого».

Александра Федоровна задумалась, по лицу ее пробежала тень. Нелегко забыть те далекие, страшные дни. Вздохнув, она продолжала рассказ:

Часа через два вернулась мать. «Ты где это ходишь? - набросилась я на нее, но, увидев ее заплаканные глаза, с тревогой спросила: «Что случилось, мама?» - «О, дочка, что я видела сейчас! На моих глазах немцы только что повесили молоденькую девушку. Привезли ее, бедную, на машине к виселице, а там и петля болтается на ветру. Кругом немцы собрались, много их было. И наших пленных, что работали за мостом, пригнали.

Девушка лежала в машине. Сначала не видно было ее, но когда опустили боковые стенки, я так и ахнула. Лежит она, бедняжка, в одном исподнем белье, да и то оно порвано, и вся в крови. Два немца, толстые такие, с черными крестами на рукавах, залезли на машину, хотели помочь ей подняться. Но девушка оттолкнула немцев и, цепляясь одной рукой за кабину, поднялась. Вторая рука у нее была, видно, перебита - висела как плеть. А потом она начала говорить. Сначала она говорила что-то, видать, по-немецки, а потом стала по-нашему.

Я, говорит, не боюсь смерти. За меня отомстят мои товарищи. Наши все равно победят. Вот увидите!

И девушка запела. И знаешь, какую песню? Ту самую, что каждый раз поют на собраниях и по радио играют утром и поздно вечером».

- «Интернационал?»

Да, эту самую песню. А немцы стоят молча, и слушают. Офицер, что командовал, что-то крикнул солдатам. Они набросили девушке петлю на шею и соскочили с машины.

Офицер подбежал к шоферу и дал команду трогать с места. А тот сидит, побелел весь, видать, не привык еще людей вешать. Офицер выхватил револьвер и кричит что-то шоферу по-своему. Видно, ругался очень. Тот словно проснулся, и машина тронулась с места.

Девушка еще успела крикнуть, да так громко, что у меня кровь застыла в жилах: «Прощайте, товарищи!» Когда я открыла глаза, то увидела, что она уже висит...». Так, смертью героя 29 ноября 1941 года в деревне Головково погибла Вера Волошина».

Вот такую историю извлёк на свет неофициальный историк Парка Рублёв. Теперь поставлены памятники Вере Волошиной, но все послевоенные годы о ней ничего и никто не знал. Впрочем, до недавнего времени было запрещено во всех печатных изданиях в России называть по имени партизанку, которую повесили немцы в Минске (всё зафиксировано на фотографиях) – Машу Брускину. Потому, что она была еврейкой. А официальная идеология не допускала рассказов о героизме евреев, да и существования евреев-партизан. Только недавно запрет был снят. Ну, а Вера Волошина ведь была русской? Да, но какой-то «майор Спрогис» - возможно особист – прислал матери девушки уведомление о том, что она пропала без вести. Эта формулировка тогда, да и после войны была весьма подозрительной – её можно было понимать и так, что «пропавший» вполне мог с оружием перейти к немцам. Хотя этот самый Спрогис наверняка допрашивал всех, кто участвовал в операции и знал о том, что Вера Волошина была оставлена своими товарищами раненой... Мы сегодня не можем судить со всей уверенностью о действиях группы или осуждать её членов, оставивших раненую партизанку немцам (или помощникам?). Нужно было выводить группу из-под огня? Вполне понятная реакция командира. Пожертвовать одним, чтобы спасти всех. Тоже понятно. Но не до конца. Наверное в группе были не одни девушки. Были и мужчины. Но вот, как часто говорят в России – «так уж получилось...». Вот куда привела «компьютерная прогулка» по аллеям Парка Горького...

***

К сожалению, пока нет возможности «пройти» в GOOGL'е по «Ландышевым аллеям», построенным в Парке к его открытию ещё в 20-е годы. Эти аллеи шли параллельно набережной Москвы-реки от Титовского проезда к Зелёному

театру. Там снимались эпизоды многих известных советских фильмов, а фонари на дугообразных конструкциях были как бы «визитной карточкой» самого Парка. По краям аллеи летом действительно высаживались ландыши. Зелёный театр имеет свою самостоятельную историю. Историки Парка пишут, что на этом месте устраивались празднества и представления ещё в начале 19 века. После войны на его сцене выступали Поль Робсон, советские джаз-оркестры Утёсова, Эдди Рознера, шли фильмы, словом театр, как правило, в вечерние часы всегда был хорошо заполнен.

«Ландышевая аллея» недалеко от Зелёного театра. По краям аллеи летом высаживались ландыши

***

Иногда мистика встреч знакомых лиц приводит к неожиданным ситуациям. Часто в разных рассказах и журналистских очерках такие случаи занимали своё место, каждый раз удивляя и завораживая читателя таинственными и поразительными совпадениями. Некоторым из нас приходилось встречать своих «двойников», или людей, удивительно напоминавших близких друзей – дома, в других странах, городах, на улицах. Так моя жена уже в Нью-Йорке из окна нашей первой квартиры на 1-м этаже увидела со спины идущую женщину – точную копию её самой - та же причёска, тот же костюм, тот же рост, та же походка... Такие встречи остаются в памяти с особыми обертонами, вызывая своей загадочностью какую-то неопределённую «неуютность» эмоционального состояния.

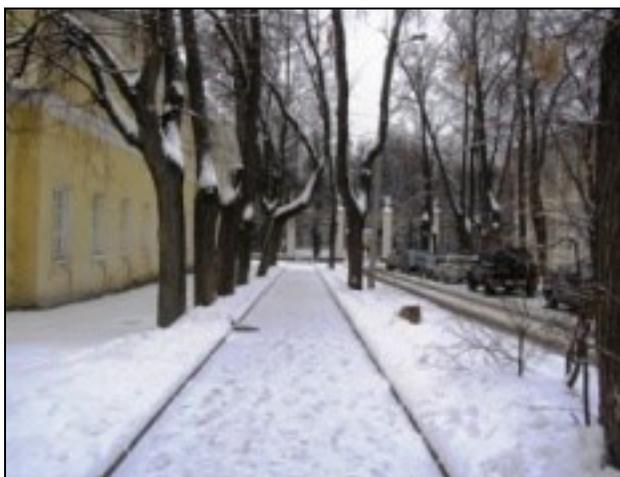
Как-то раз, зимой 1951 года я ехал в троллейбусе из своей Центральной Музыкальной Школы от Библиотеки им. Ленина домой на Большую Калужскую. На остановке перед Большой Якиманкой - за углом Малого Каменного моста - рядом со мной сел человек примерно середины пятидесяти лет. Сев, он сразу стал на меня внимательно смотреть. Сначала я старался не обращать внимания. Потом бросил на него взгляд. Он посмотрел мне в глаза и заговорил со мной: «Извините, пожалуйста, что я вас так внимательно разглядываю, - сказал он, - я знаю, что вы не мой племянник, но вы не представляете себе, до какой степени вы на него похожи! То есть это совершенно поразительно! Ну, просто один человек! И возраст ваш и лицо. Во всех мельчайших деталях – вы просто двойник моего племянника! Можно у вас спросить, где вы учитесь?» Я рассказал ему где, и он снова поразился также сходству тембра моего голоса и голоса его племянника. Он поехал дальше по Калужской в сторону заставы, а я сошёл на своей остановке у Второй Градской больницы. Почему-то я никому не рассказал об этой странной встрече. Но запомнил её хорошо.

***

Теперь, наконец я «подошёл» к длинной аллее, по которой мы когда-то спускались на санках, потом – через много лет - поднимались вверх к своему дому, проходя мимо Палеонтологического музея, располагавшегося в старинных конюшнях. И вот теперь, «поднимаясь» в своём виртуальном путешествии вверх по уже заасфальтированной дорожке, я вдруг увидел на расстоянии полутора-двух десятков метров знакомую фигуру. Это был человек, одиноко и как-то грустно стоявший на краю дорожки, очень сильно напоминавший моего отца. Точно так выглядел на небольшом расстоянии от фотокамеры мой отец в 1989 году, правда в Форт-Трайон Парке в Нью-Йорке. Конечно, я понимал, что мой отец никак не мог «перенестись» во времени в Нескучный сад в 2011-й год – в 1995-м его не стало. Но первое впечатление от стоявшего человека было эмоционально сильным. Потому сильным, что мы гуляли тут с отцом в самое наше трудное время осенью и зимой 1950 года, когда его уволили с работы. Как удивительно действуют знакомые места на нашу память и восприятие прошлого!

Теперь следовало на компьютере «подойти» к этому человеку поближе и убедиться, что это, конечно не мой отец. И хотя лица на трёхмерных фотографиях GOOGL`а большей частью затемнены, но всё же удалось ясно увидеть, что этот человек много моложе моего отца, в похожей куртке и кепке, немного пониже ростом, да и вообще, естественно, не он. А всё же какая-то

мистика сопровождала все мои исследования этой аллеи, на которую я «возвращался» вновь и вновь – сверху вниз и снизу вверх. Наконец я «вышел» из Парка и снова оказался на Большой Калужской сегодняшнего дня – то есть сделанных фотографий улицы в 2011 году.

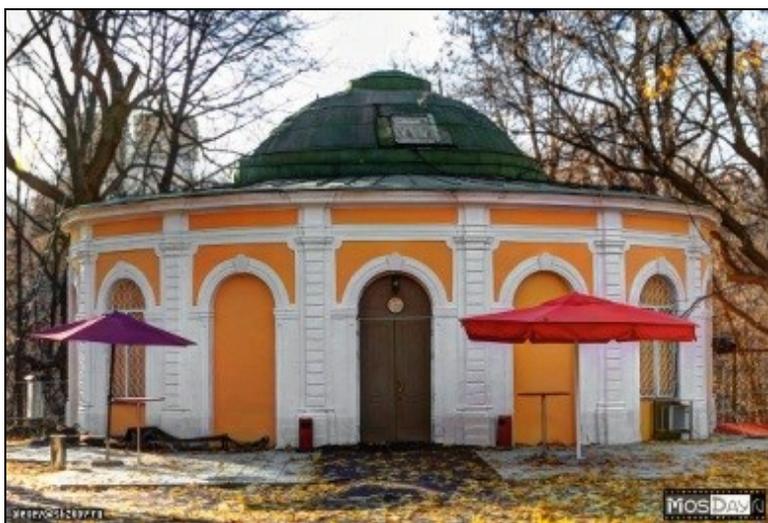
Вход и выход из Нескучного сада, по которому мы возвращались
домой с нашей аллеи

***

Воспоминания иногда вызывают и много раз виденные здания, небольшие домики «Нескучного сада». Так например «Охотничий домик», расположенный почти в самом конце «Нескучного» - близко к бывшей Калужской заставе, легко определяемой сегодня находящимися неподалёку двумя полукруглыми зданиями «Дома Солженицына», о которых рассказано в первом томе «Архипелага ГУЛАГ» - тоже имеет свою маленькую историю.

В «Воспоминаниях» известного писателя Юрия Нагибина есть эпизод – как-то он пришёл к этому домику со своим другом Александром Галичем, узнавшим, что там открылась настоящая чайная. Они пили здесь отличный чай из самовара с белыми калачами. Правда «Чайная посещалась вяло – водка там не продавалась, а любителей почаёвничать оказалось совсем немного. Но это было уже во второй половине 50-х годов. А в 1951 году, когда мы иногда гуляли там с моим безработным отцом, «Охотничий домик» был так сказать «живой газетой». Его стены «украшались» несложными и иногда даже смешными

матерными частушками, и, естественно, антисемитскими надписями. Одна такая надпись почему-то запомнилась: «Евреи украли 2,5 миллиона». Где украли, кто (впрочем, кто - это ясно) и чего именно – рублей или чего-то ещё? Но довольно скоро эта надпись слегка модифицировалась – исчезла запятая и цифра превратилась в 25 а слово - в «миллионов»! Причём украли не «жиды», как бывало в те годы в большинстве случаев, а именно «евреи» - так, вероятно в глазах сочинителей выглядело как-то внушительнее. Мы тогда с отцом ознакомились с «новой редакцией» настенной графики, видя в ней некоторую эволюцию мысли создателей.

«Охотничий домик» вблизи бывшей Калужской заставы.

Слева вверху видны две башни «Дома Солженицына». Арки закованных окон в 1951 году служили местом «живой газеты».

Современное фото

***

В Парке им. Горького кроме Зелёного театра было четыре или пять эстрад для концертных выступлений оркестров, солистов, эстрадных и даже цирковых представлений, встреч с читателями и выступлений писателей и поэтов. Некоторые эстрады сыграли большую роль в карьере ряда молодых музыкантов – именно там, в летнее время состоялись их первые выступления перед широкой публикой. Мне приходилось многократно выступать как на главной Симфонической эстраде – старой «Раковине», так и на

других эстрадах Парка в концертах Московской Филармонии. Та эстрада давно снесена и на её месте стоит теперь более современная, которая хороша и для рок-концертов. Впрочем, тому я уже свидетелем не был. Мои последние выступления на той большой эстраде относятся к лету 1979 года.

Скоро от Центрального Парка им. Горького, судя по информации на Интернете, не останется никаких следов старого, довоенного Парка. Какая-то британская дизайнерская фирма взяла подряд на полную перепланировку и строительство новых зданий, магазинов и всего остального в соответствии с «духом времени». Возможно эта реконструкция приведёт к тому же, к чему привела полная перепланировка Большого Театра – всех его помещений внутри, за сценой, за кулисами, на всех его этажах. Говорят, что Театр вне зрительного зала узнать теперь вообще нельзя. Так что «дух времени» приводит нас к потерям скорее невозможным, о которых люди когда-нибудь, может быть и пожалеют. Да только, как говорят – «прошлого не вернешь». Увы, будет слишком поздно.

Нью-Йорк, декабрь 2012 года

Борис Тененбаум
Последние 292 дня
Тысячелетнего Рейха
(20 июля 1944 – 7 мая 1945)

(окончание. Начало в №2/2013)

XI

перация, придуманная Монтомгери, состояла из двух частей: **“Market”** и **“Garden”**. **“Market”** состоял в выбросе огромного воздушного десанта численностью в 34600 человек в составе трех воздушно-десантных дивизий - двух американских, 82-й и 101-й, и одной английской, 1-й - усиленных еще и отдельной польской парашютной бригадой. Согласно плану, расписанному по минутам, 20011 человек выбрасывались с парашютом, и 14589 человек доставлялось на место планерами. Кроме того, планерами и грузовыми парашютами доставлялось 1736 машин, 263 орудий и 3342 тонны всевозможного снабжения.

Что касается **“Garden”**, то это было обычное наземное наступление в составе английского XXX корпуса и танковой гвардейской дивизии, за которой в качестве резерва шли еще две пехотных дивизии. XXX корпус был старым соединением, которое сражалось под командой Монтомгери в Северной Африке. Целью наступления было соединение с десантом, который должен был к этому моменту захватить мосты.

По плану, наземные части подходили к месту выброски 101-й воздушно-десантной дивизии к концу первого дня движения, 82-й воздушно-десантной дивизии - к концу второго дня, и 1-й английской десантной дивизии - к концу третьего, максимум к концу четвертого для наступления. Англичан выбрасывали дальше всех, у моста в городе Арнхейм. Предполагалось, что XXX корпус, двигаясь по шоссе 89, не встретит серьезного сопротивления -

немецкая 15-я армия отступала в полном беспорядке и танков не имела.

Проблемы с транспортом были решены радикально - у трех вновь прибывших американских дивизий отобрали их грузовики, переброску боеприпасов и прочего для участвующих в наступлении частей выделили в специальную операцию, "**Red Ball**", которые повезли все необходимое по специально выделенной для них дороге, "**Red Lion**".

План перевозок оказался даже перевыполнен - доставлялось 650 тонн в день вместо запланированных 500. Половина грузов предназначалась для американских парашютных дивизий.

Гитлер тем временем вернул на пост командующего Западным Фронтом фельдмаршала фон Рундштета. Он сменил Моделя, которому досталось командование только северной частью фронта, состоявшему теперь буквально из обломков частей, разбитых в Нормандии и Бретани. Рундштет пессимизма своего, за который он и был смещен месяц назад, не избыл.

На растерянный звонок начальника штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии Кейтеля из ставки фюрера, спросившего его: "*Но что же делать?*" он в ответ раздраженно рявкнул: "*Заклучайте мир, дураки!*".

Но дело свое фельдмаршал знал хорошо, а организация дела и качество офицерского состава вермахта по-прежнему отвечали самым высоким стандартам. Приказы из Берлина с обычным призывом: "*Ни шагу назад!*" Рундштет игнорировал. Он сумел вытащить отрезанные было остатки 15-й армии - отрезанные от своих по земле, они все-таки контролировали берег Шельды, и их вытащили из "мешка", буквально в пару дней организовав целую импровизированную флотилию из всего, что могло плавать, от речных судов и барж и до лодок включительно, которая перевезла их по реке Шельде. Получился "Дюнкерк наоборот". В результате Рундштет получил 65 тысяч солдат и две сотни орудий. В ряды обороняющихся влились зенитные части и спешно сформированные пехотные, состоящие из моряков и летного персонала.

Гитлер пообещал прислать 200 новых "Пантер", прямо со сборочных линий. Все "Тигры", не находящиеся на Восточном Фронте, и все наличные 88-мм. пушки были направлены на Западный Фронт.

К 5 сентября в Голландию был переведен танковый корпус, состоящий из 9-й и 10-й танковых дивизий СС. Фельдмаршал Модель приказал отвести корпус в безопасную зону

на переформирование - в нем оставалось 7000 человек, примерно 20% его штатной численности. По стечению обстоятельств безопасной зоной был признан Арнхейм. Первые пополнения были направлены в 10-ю дивизию, которая получила и все уцелевшее тяжелое вооружение из 9-й дивизии. Модель предпочитал иметь одну боеспособную часть вместо двух потрепанных.

Интересно, что немцев подвела разведка - полный набор карт для операции "**Market**" попал немцам в руки, когда они нашли обломки разбившегося планера, но они посчитали это фальшивкой, изготовленной на манер "**Meancemeat**" - испанской истории с подкинутым трупом офицера морской пехоты.

Операция "**Market-Garden**" поначалу развивалась успешно. Союзники, однако, наткнулись на проблемы, которые они в своем планировании не предусмотрели. Наземные части вышли к местам высадки американских парашютных дивизий с запозданием - но до английской добраться не сумели вообще. Английский десант в Арнхейме оказался выброшен слишком близко к расположению эсэсовских танкистов.

Связь с авиацией оказалась потеряна из-за дефектов радиооборудования.

В итоге дело для англичан кончилось болезненным поражением - было много убитых и раненых, кому-то удалось уйти, но многие попали в плен. Ответственность за поражение разделили между Эйзенхауэром и Монтгомери, но виноват, конечно, был Монтгомери. Он начисто отменил все возражения и поправки, которые были предложены американским генералом, Бедделлом Смитом, начальником штаба Эйзенхауэра.

Своей ошибки он не признал. До конца дней своих Монтгомери утверждал, что операция "**Market-Garden**" была на 90% успешной.

XII

Ноябрь 1944 застал Черчилля в Париже. На этот раз он был гостем Де Голля, и генерал сделал решительно все возможное, чтобы принять его по-королевски. Черчилль и Иден были размещены в тех же апартаментах, в которых размещался король Англии во время своего предвоенного визита в Париж. Иден пишет, что Черчилль приглашал его в свой номер, "*... если только вы, Энтони, сможете удержаться от зависти, увидев меня в золотой ванне, а то у вас в номере всего лишь серебряная ...*". Ванна была действительно золотой - ее сделали для Геринга.

12-го ноября, все еще находясь в Париже, Черчилль получил сведения о событии несколько более важном, чем его

экстравагантное купание - английская авиация сумела потопить "Тирпиц". Налет застиг немцев врасплох, бомбардировщики сбросили три десятка огромных бомб, весом в 5 тонн каждая - и 2-3 из них попали в цель. "Тирпиц" был так сильно поврежден, что перевернулся. Удавшаяся воздушная атака была десятой попыткой англичан потопить линкор - они отличались поистине бульдожьим упорством.

Это было настолько большим событием, что Черчилль решил сообщить о нем Сталину специальной телеграммой.

Рузвельту Черчилль написал тоже, но содержание письма касалось главным образом оккупации Германии - он предлагал выделить специальную зону для Франции. Рузвельт, как всегда, отвечал уклончиво. Он вообще не любил фиксировать что-то на бумаге - обстоятельства могли измениться, а Рузвельт был человеком гибким. Однако он написал Черчиллю, что *"... американский народ потребует от меня вернуть армию домой настолько быстро, насколько позволят транспортные возможности ..."*. Так что французская помощь в деле оккупации Германии могла бы пригодиться, и накладывать вето на условия, которые Черчилль мог бы предложить Де Голлю, американский президент не собирался.

Рузвельт и Черчилль обсудили также вопрос об очередной встрече в верхах.

Рузвельт 7-го ноября 1944 выиграл выборы, получив президентские полномочия в четвертый раз подряд - достижение, беспрецедентное в истории США - так что мог теперь отвлечься от вопросов внутренней политики и заняться политикой внешней. Стороны пытались согласовать место встречи.

Предлагались Каир, Мальта, и даже Иерусалим. Черчиллю эта идея особенно импонировала - он писал Рузвельту, что в городе есть первоклассные отели, где можно с удобствами разместить все три делегации, как бы многочисленны они ни были, что безопасность будет обеспечена британской стороной, что Рузвельт сможет прибыть в Палестину со всеми удобствами, на борту военного корабля, и что Сталин, который не любит летать, сможет прибыть специальным поездом, через Иран.

Рузвельт согласился, не споря, но написал, что сможет приехать только после 20 января 1945, Дня Инаугурации, когда он официально вступит в должность.

В Париже Черчилль был объявлен почетным жителем города. На церемонии, связанной с этим событием, он произнес речь на французском - ему бурно аплодировали, в основном за то, что он выбрал именно этот язык для своей речи. *"Мне показалось,*

что речь была произнесена с большим подъемом" - меланхолично замечал присутствовавший английский дипломат - *"не знаю, что поняли местные"*.

Свой 70-й день рождения Черчилль встречал дома, в Лондоне, что было поистине удивительно. Начиная с лета, он успел съездить в Италию, в Канаду, в Москву, а из Москвы полетел кружным маршрутом, через Каир, уже не говоря о ноябрьском путешествии во Францию.

Круг гостей собрался тесный - жена, все три его дочери, брат Черчилля, Джек, сестра Клементины Черчилль, Нелли, зять Черчилля, Дункан Сэндис, Энтони Иден и лорд Бивербрук.

Не приехал только сын, Рэндольф. Его развод с Пэмелой уже состоялся, и он был сердит на отца, который назначил его бывшей жене содержание, даже не спросив мнения Рэндольфа. Впрочем, он прислал телеграмму из Югославии.

В ней говорилось, что на обеде, где были все хорватские генералы, а также главы американской и советской миссий, был предложен тост: *"За здоровье Уинстона Черчилля!"* - все выпили с большим энтузиазмом.

Что думал Черчилль об *"... энтузиазме хорватских генералов ..."*, сказать трудно, но, по-видимому, в день своего семидесятилетия ему хотелось получить от сына что-то более содержательное, чем отчет о банкете в Югославии.

XIII

Прорыв англо-американских войск из Нормандии совершенно потряс весь германский Западный Фронт - потери были огромны. Из миллиона солдат, сражавшихся во Франции летом 1944, 240 тысяч были убиты или ранены, и еще 210 тысяч попали в плен. Из примерно 50 дивизий, принимавших участие в сражении, не больше 10 могли рассматриваться как части, способные к сопротивлению, за три месяца сражений из строя вышло больше солдат вермахта, чем когда-то под Сталинградом. Гитлер настаивал на обороне портов атлантического побережья и Ламанша до последнего солдата, и порты действительно были очень нужны союзному командованию - но те 160 тысяч солдат, которые оказались заперты в этих "крепостях" были еще нужнее Рундштету. Фельдмаршал Модель считал, что из 74 дивизий, оборонявших германский фронт на Западе, от Северного Моря и до швейцарской границы, можно было бы составить 25, имевших реальную ценность. Пополнения наскребали, где только могли. Зенитные части в Рейхе были укомплектованы стариками или подростками.

Был случай, когда группу зенитчиков, отправившихся в увольнение, выгнали из кино - фильм был для взрослых. Две танковых дивизии - 2-я и 2-я дивизия СС - имели на вооружении по три танка, и примерно полсотни орудий всех типов, но без единого снаряда. Одна из лучших танковых дивизий Рейха, так называемая "Учебная" (Panzer-Lehr-Division), попав в ходе англо-американской операции "Cobra" под удар союзной авиации, потеряла половину своего состава, в ней осталось только 20 танков, которые все еще были на ходу.

Тем не менее, фронт немцы сумели удержать. Не слишком умелые и не слишком активные генералы союзных армий не сумели использовать свое большое превосходство в людях и в материале, операция "Market-Garden" провалилась, проблемы со снабжением тормозили продвижение.

Снабжение было главной головной болью Эйзенхауэра. Одна союзная дивизия требовала 700 тонн подвоза каждый день. Для сравнения - немецкой дивизии требовалось 200. И это - дивизии полного состава, а не того, который имелся в наличии осенью 1944. Такая большая разница в требуемых объемах подвоза объяснялась даже не тем, что солдат союзных армий лучше кормили, а тем, что они были очень основательно моторизованы, в их дивизиях было огромное количество автотранспорта. А помимо дивизионных, имелось и немалое число тыловых служб, тоже на машинах. Всем им требовался бензин.

У Эйзенхауэра на попечении было полсотни дивизий, для которых подвижность была важным оружием - для этого, собственно, их и моторизовали в такой высокой степени. Паттон слал радиogramмы в штаб, утверждая, что его люди готовы есть подметки, но танки без горючего двигаться не могут никак. К началу сентября его 3-я армия получала только 7% своего нормального объема снабжения.

К этому добавлялась еще одна проблема - население больших городов вроде Парижа надо было как-то кормить. Что требовало подвоза. Эйзенхауэр не зря не хотел брать Париж - в условиях разрушенной железнодорожной системы Франции ему приходилось изымать столько транспорта из армейских систем, что этого хватило бы на снабжение 8 дивизий.

Кроме этих проблем, имелось еще одно узкое место - один-единственный порт, Шербур, через который снабжение поступало. Остров Валхерен, запиравший вход в порт Антверпена, удалось очистить от немцев только 8 ноября 1944, и то с огромным трудом. Порт, конечно, был разрушен, но была все-таки была надежда привести его в рабочее состояние к концу года.

Тем временем на Лондон стали падать ракеты Фау-2. Черчилль 10-го ноября 1944 объявил об этом в Парламенте, но первый запуск Фау-2 состоялся еще в сентябре - целью был недавно освобожденный Париж. Собственно, Черчилль в своей речи так и сказал "*...атаки на Лондон идут в течение последних нескольких недель...*".

До ноября у него была надежда, что факт ракетных атак удастся не выносить на общественное обсуждение - предполагалось, что немецкие запасы Фау-2 невелики. Первые запуски делались немцами спорадически. Однако дальше они стали делать 10-12 запусков в день, до Лондона долетала примерно половина, ракета летела по баллистической траектории, и за те несколько минут, что ей требовалось до подхода к цели, никакой воздушной тревоги объявлять не успевали. Защиты тоже никакой не было - ни зенитки, ни истребители сделать ничего не могли. Просто время от времени где-то в Лондоне гремел огромный взрыв, подымался столб огня и дыма, и какое-нибудь здание валилось на землю. Так и шло вплоть до середины декабря.

А 16 декабря 1944 года, за неделю до Рождества, немцы начали наступление в Арденнах.

XIV

В США данная операция называется "*Battle of the Bulge*" - "*Битва за Выступ*", а в Великобритании - "*Battle of Ardennes*" - "*Битва в Арденнах*". Попадается и перевод (неправильный) на русский: "*Битва при Бульже*". Немцы называли свое наступление "*Wacht am Rhein*" - "*Стража на Рейне*".

Мало какое событие времен Второй мировой войны обросло таким количеством мифов и легенд, как эта столь многообразно называемая битва. Разумеется, версии окрашены в яркие национальные цвета. Начнем с американской. В своих мемуарах Эйзенхауэр пишет, что никакой опасности не было, и все было под контролем и шло как задумано. Проницательной американской разведке все было известно наперед - из расшифрованных службой Блентчли Парк радиogramм, из результатов воздушного наблюдения, и даже из прямого предупреждения, полученного из штаба 3-й армии, которой командовал Паттон. Приведем цитату из мемуаров Эйзенхауэра:

"... мы не ошибались ни относительно места его нанесения, ни относительно неизбежности такого шага со стороны противника. Более того, что касается общего реагирования на эти действия противника, то в данном случае ... у меня имелся давно согласованный план ответных действий ..."

Мемуары - своеобразный жанр литературы. Мемуарист пишет о том, чему он был свидетелем или участником, и пишет с прицелом на потомство. Соответственно, степень его правдивости под вопросом - примерно в такой же степени, в какой под вопросом находится правдивость показаний любого свидетеля в зале суда. Свидетель может ошибаться. Свидетель может быть пристрастен. Свидетель может сознательно лгать с целью выставить себя в наилучшем возможном свете. И так далее.

Если верить Эйзенхауэру, предполагалось завлечь немцев в ловушку - позволить им наступать и углубиться в американскую оборону, а потом нанести удары по их флангам, отрезать и уничтожить.

Однако поверить генералу довольно трудно, и вот почему: рассказав о своем коварном стратегическом замысле, через несколько страниц он добавляет:

"... немецкие войска пошли в атаку в Арденнах, где союзники намеренно ослабили оборону, а когда немцы прорвались почти на 100 км на запад — американские войска атаковали их своими мобильными группировками ..."

Вот эти вот "... почти 100 километров на запад ..." внушают серьезные сомнения в искренности мемуариста. Как-то трудно представить себе генерала, который добровольно создает у себя дыру в обороне в сотню километров глубиной.

К тому же 3-я армия Паттона начала двигаться к месту прорыва только 22 декабря - и при этом очень торопилась. Будь все готово заранее, уж наверное можно было бы выступить пораньше, и не лететь как на пожар? Даже и при таком темпе, на который в американской армии вообще мало кто, кроме Паттона, был способен, его передовые части подошли к месту прорыва только через 3 дня, 25 декабря, прямо к Рождеству. Это скорее походит не на захлопнувшуюся мышеловку, а на срочную выручку окруженных в Бастони американских парашютистов. Так что версию генерала Эйзенхауэра мы оставим пока под подозрением, и послушаем других "свидетелей".

Советская версия событий рисовала другую картину: американские и английские части оказались застигнуты врасплох и разбиты, и от полного разгрома их спасли только действия Сталина, который по срочной и отчаянной мольбе Черчилля о помощи приказал Красной Армии ускорить начало своего зимнего наступления.

Как всегда в таких случаях, приводится достоверный документ - текст телеграммы Черчилля:

"...я был бы очень признателен Вам, если бы Вы нашли возможным известить меня, следуете ли нам ожидать в январе [1945] крупного русского наступления на Висле, или в каком-то другом месте, которое Вы может быть, могли бы упомянуть? Я сохраню это в строжайшем секрете, и изведу только генерала Эйзенхауэра и генерала Алана Брука. Я рассматриваю это как дело чрезвычайной срочности..."

Сталин немедленно ответил согласием, и действительно советское наступление началось в конце января 1945. Однако и советская версия должна быть по справедливости поставлена в категорию сомнительных.

Дело в том, что телеграмма Черчилля была отправлена 6 января 1945.

А немецкое наступление, согласно всем без исключения источникам, полностью выдохлось через 9 дней после его начала, и к 25 декабря 1944, после подхода к Бастони 3-й армии Паттона, уже никакой опасности не представляло. Погода прояснилась, союзная авиация взялась за бомбежки немецких войск с прежней сокрушительной силой, у немцев кончалось горючее, и им надо было думать не о победе, а о спасении.

Таким образом, у нас есть два свидетельства - и оба сомнительны.

О том, что произошло в Арденнах в середине декабря 1944, мы по-прежнему ничего толком не знаем.

XV

Если "американская" и "русская" версия представляются сомнительными, то мы можем рассмотреть "немецкую". Заключается она в том, что немецкому верховному командованию удалось собрать кое-какие силы и оснастить их танками, с очень недостаточным запасом горючего. Решение об операции было принято без консультации с командующим Западным Фронтом фельдмаршалом фон Рундштетом. Удар предполагалось нанести в южной Бельгии, в Арденнах, то есть именно там, где в счастливом для Германии мае 1940 был прорван фронт англо-французско-бельгийской коалиции.

Сейчас, в декабре 1944, уступая по силам войскам союзников по всем мыслимым категориям, германскому командованию удалось создать локальный перевес сил в этом районе. Предполагалось, что плохая погода поможет укрыться от ударов союзной авиации, что же до недостатка горючего для танков, то горючее предполагалось захватить у врага. Роммель в Африке так и делал - почему же не попробовать повторить его успех? Строить стратегическое наступление на такой шаткой

основе было авантюрой чистой воды, придумать такое можно было только от полного отчаяния.

Йодль показал план наступления фон Рундштету и Моделю, и оба фельдмаршала высказали самые серьезные опасения, что "...план операции отличается значительным оптимизмом...". Они выразались дипломатично - их уведомили, что план уже одобрен самим фюрером, и что вносить в него какие бы то ни было изменения запрещено.

Возможно, самый красноречивый комментарий к плану сформулировал генерал СС Дитрих, командир 6-й танковой армии СС, которому предстояло проводить этот план в жизнь. Он сказал вот что:

"...От меня требовалось совсем немного - я должен был пересечь реку и потом захватить порт Антверпена. Все это - в декабре, январе и феврале, пройдя через Арденны, где снег зимой лежит по пояс, и двигаться можно только по дорогам, где невозможно поставить три-четыре танка в ряд, не говоря уж о 6-и танковых дивизиях, где дневной свет будет доступен только с 8:00 утра и до 4:00 дня, а мои танки не могут драться в темноте, делать это я должен с только что сформированными частями, состоящими из новобранцев - и главное, надо было успеть сделать все это к Рождеству..."

Ирония генерала Дитриха была невеселой.

В операцию было вовлечено 240 тысяч человек и 1200 танков и самоходок. Хуже всего дело обстояло с горючим - в наличии имелось четверть того, что считалось абсолютным минимумом.

Тем не менее, атака состоялась, и поначалу пошла очень успешно. И место, и время оказались выбраны исключительно удачно, в зоне немецкого наступления было не более 80 тысяч солдат союзников, главным образом американцев.

Тем не менее, из графика наступающие выбились довольно быстро, в районе Бастони американские парашютисты из 101-й воздушно-десантной дивизии стояли прочно, несмотря на нехватку противотанкового оружия и прочего.

Уже 22 декабря Рундштет просил Гитлера отозвать наступающие части - тот отказался. К 25-му декабря к месту немецкого прорыва с юга подошли части Паттона, а через полторы недели с севера им на помощь пришли английские войска. В итоге под опасением быть отрезанными немцы начали отступление. Они сумели уйти из мешка, но в течение двух недель их безжалостно молотили с воздуха, и потери были огромны - вернулось не

больше половины из тех 240 тысяч солдат, что участвовали в наступлении, и было потеряно много техники.

В сумме немцы расценили операцию как дорогостоящую неудачу.

Это мы можем принять как “немецкую” версию: “... авантюра, закончившаяся неудачей...”.

“Американскую” версию – “...заранее задуманная засада союзного командования...” - надо отвергнуть как совершенно недостоверную.

“Русская” версия – “...выручка оплошавших союзников из беды...” - не получается по соображениям времени. Советское наступление началось в конце января 1945, к этому времени “Битва в Арденнах” уже окончилась.

Как насчет “английской” версии? Она, пожалуй, оказалась наиболее неожиданной.

Ее попросту нет.

XVI

В мемуарах Черчилля, изданных в одномомном сокращенном варианте, есть глава, которая называется: “Париж и Арденны”. Насчет сокращенного варианта - читателю не следует обольщаться. Эта книга - сокращенная до одного тома версия шеститомника, и содержится в ней ни много ни мало, как 1065 страниц текста, весьма убористо набранного. Глава “Париж и Арденны” занимает в этом увесистом томе всего 7 страниц (со стр. 892 по стр. 899, цитируется по бостонскому изданию 1987 года), включая карту района Арденн, и длинные послания Черчилля Яну Смэтсу и президенту Рузвельту, приведенные дословно.

Им обоим, и Смэтсу и Рузвельту, Черчилль пишет, что “... ожидает упорного сопротивления немцев ...”, а в письме к Рузвельту настаивает на пересмотре “... стратегии наступления на широком фронте ...”, и, разумеется, о том, что надо бы нажать в Италии, и так далее. Разумеется, он получает отказ - на весьма разумном основании того, что “... тщательно подготовленные военные планы не следует пересматривать без достаточных оснований ...” В письме Рузвельта, вполне любезном, сквозит и нотка раздражения - по мнению президента, военных не следует дергать. Он пишет Черчиллю, что “... стратегия наступления на широком фронте ...” была рассмотрена, утверждена ими обоими в качестве верховных главнокомандующих - а остальное следует предоставить генералам.

Рассмотрению собственно немецкого наступления в Арденнах посвящены всего две страницы, там повторяется мысль Эйзенхауэра, что “... все было предусмотрено ...”, но дальше

честно говорится, что размах операции и глубина немецкого прорыва стали неприятным сюрпризом. Нигде в этих двух страницах нет никакой выраженной тревоги по поводу военной ситуации в Арденнах. Нет ни единого слова по поводу обращения к Сталину за помощью - но написано, что войска Монтгомери присоединились к действиям Паттона 5 января. Поскольку мы помним, что Паттону с момента получения приказа (с 22 декабря по 25 декабря), хватило трех дней на то, чтобы примчаться к Бастони, а Монтгомери потребовалось 14 дней (с 22 декабря по 5 января) разницу в стиле их командования мы видим вполне наглядно.

Откуда же взялась знаменитая телеграмма Черчилля Сталину, которую мы цитировали выше?

Если посмотреть на переписку Черчилля за декабрь 1944 года, то видно, что основную часть его внимания в то время занимали дела на Балканах.

"Процентное" соглашение, заключенное им со Сталиным в Москве, в отношении Румынии и Греции держалось на удивление хорошо. Британский посол в Румынии получил строгие указания: *"...не вмешиваться ни во что, и ограничиться ролью наблюдателя..."*.

Русская военно-дипломатическая миссия в Греции, в свою очередь, не вмешивалась даже тогда, когда в Афинах начались бои между английскими войсками и греческим партизанами-коммунистами. Ситуация там изрядно обострилась. Попытка греческого правительства в изгнании вернуться в освобожденные от немцев Афины вызвала военную конфронтацию с вооруженными формированиями левых, и дело дошло до захвата партизанами заложников из числа буржуазии, которых брали тысячами, вместе с семьями, и периодически расстреливали.

Черчилль отдал довольно опрометчивый приказ: подавить беспорядки и в случае нужды - стрелять на поражение. Опрометчивость тут была не столько в сути приказа, сколько в том, что в Афинах на тот момент был всего-навсего один английский батальон численностью в 500 человек, и он довольно быстро оказался в осаде. А текст приказа, в котором говорилось следующее:

"...Действуйте без колебаний, так, как вы бы действовали в завоеванном городе, где идет мятеж..." попал в прессу - его перепечатала газета "Вашингтон Пост".

Дело было в том, что секретарь Черчилля по ошибке послал телеграмму через коммуникационный центр связи союзного командования, которым пользовались сообща и

американцы и англичане. Телеграмма была помечена грифом "*Строго Секретно*", но уточняющего дополнительного обозначения "*Guard*" не имела. А гриф "*Guard*" означал, что шифровка касается дел чисто британских и, соответственно, предназначена только для английских офицеров.

Документ в итоге попался на глаза кому-то из американцев, который и "слил" его в печать. Поскольку трения по греческому вопросу зрели и до этого - командующий американским флотом адмирал Кинг своей властью изъясил у Средиземноморского Командования десантные суда, предназначавшиеся англичанами для высадки войск в Грецию, и Черчиллю, чтобы отменить это распоряжение, пришлось срочно звонить Гарри Гопкинсу (добраться до чувствовавшего себя нездоровым Рузвельта он не смог). Приказ адмирала был отменен, но осадок остался.

Так что скандал, связанный с утечкой, пал на хорошо подготовленную почву. Американские газеты власть поговорили о "*...колониалистских инстинктах Великобритани...*", а в самой Великобритании Черчиллю пришлось отвечать на неприятные вопросы в Парламенте.

В Афинах продолжалась свара между левыми и правительством Папандреу, дело определенно шло либо к коммунистическому перевороту, либо к гражданской войне. В итоге Черчилль – ведь мы уже знаем кое-что о характере и привычках неугомонного премьер-министра Англии - вылетел в Афины.

Первое совещание на месте он провел на аэродроме, прямо в салоне своего самолета. Корпус самолета не отапливался, и в результате промерз так, что секретарша Черчилля, мисс Холмс, та самая, которую он упорно называл "мисс Шерлок", опасалась, что шеф опять схватит воспаление легких.

Однако обошлось без медицинских осложнений. Черчилль буквально самовластно решил вопрос о власти в Греции - тамошний архиепископ был назначен регентом, в Афины вошли уже более значительные по численности английские подразделения, по приказу Черчилля против партизанских баз в окрестностях города была использована английская авиация, и в результате таких пожарных мер волнения вроде бы улеглись. Во всяком случае, встретив в Греции Рождество, Черчилль на борту военного корабля отправился в Неаполь, в штаб английских войск в Италии. Телеграмма Сталину была оттуда и отправлена, и суть ее заключалась не в просьбе о помощи, а в просьбе об информации: английские командиры в Италии хотели знать, хотя

бы в самых общих чертах - следует ли ожидать советского наступления в январе-феврале 1945.

Поскольку миссий связи с советским командованием ни у американцев, ни у англичан не было, Черчилль взял эту задачу на себя. Его письмо было еще и косвенным выражением благодарности Сталину - в Греции советское правительство держалось духа и буквы "процентной" договоренности.

Соглашение между Черчиллем и Сталиным в данном случае оказалось результативным.

XVII

На конференцию в Ялте английская делегация прилетел с Мальты. Место для встречи было выбрано после недолгих споров - Рузвельт согласился с приглашением Сталина приехать в Крым, и дальнейшие дискуссии на эту тему потеряли всякий смысл. Черчилль, однако, уговорил Рузвельта по пути на конференцию встретиться с ним на Мальте - он очень надеялся согласовать английскую и американскую позиции до Ялты - но не слишком в этом преуспел. Президент был болен, и все разговоры старался побыстрее свести к концу.

Английских гостей разместили во дворце Воронцова, американцев - в бывшей царской резиденции в Ливадии. После первой ночи на месте у доктора, лорда Морана, возникли проблемы: во дворце оказалось полно клопов, и для дезинфекции ему пришлось позаимствовать ДДТ у американской миссии. С Черчиллем и Рузвельтом прибыло в общей сложности больше 700 человек, так что многим пришлось жить на походный манер, по 5-6 человек в комнате. Такому спартанскому расквартированию подлежали даже люди в генеральских чинах.

Лорд Моран в своем дневнике замечает, что даже после двух предыдущих визитов в Россию он так и не завел там знакомых: с английскими гостями общались на официальном и не совсем официальном уровне только Сталин и сотрудники МИДа высокого уровня - Молотов, Литвинов, Вышинский.

Из прочих лорд Моран узнал только Павлова, личного переводчика Сталина, и, как ни странно - официантов. На приемах в качестве обслуживающего персонала работали те же самые люди, которых он видел до этого в Москве.

Конференция шла неделю. Обсуждались серьезные вопросы - например, будущие границы Польши и состав ее правительства. СССР признал "люблинский" комитет, который именовался теперь "варшавское правительство Польши" - в противовес "лондонскому правительству". К соглашению так и не пришли - президент Рузвельт был очень вял и явно болен.

Единственное, что он сказал по польскому вопросу, сводилось к тому, что "...Польша создает проблемы в Европе в течение последних 500 лет...".

Обсуждался также вопрос о разделе Германии на оккупационные зоны, в частности, решался вопрос репараций и их распределения между союзниками. Сталин был прекрасно подготовлен.

Некоторое представление о степени его осведомленности может дать следующий документ, обнародованный относительно недавно:

"Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

т. СТАЛИНУ

НКВД СССР т. МОЛОТОВУ В.М.

НКВД СССР тов. БЕРИЯ Л.П.

" " сентября 1944 г.*

НКГБ СССР представляет при этом в переводе на русский язык секретный доклад Бюро Стратегических Служб (разведки США), составленный 6 марта 1944 года: "Военные убытки русских и возможная сумма репараций".

Текст доклада получен в США агентурным путем.

Приложение: По тексту на 25 листах.

*НАРОДНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА ССР*

(В. Меркулов)

Разослано:

1 - экз. т. Сталину

2 - экз. т. Молотов

3 - экз. т. Берия

4 - экз. Секр-т НКГБ

5 - экз. Секр-т I Упр.

6 - в дело".

Конференция прошла относительно гладко - стороны были заинтересованы в максимально возможном сотрудничестве, Польша так или иначе находилась под контролем советских войск, так что и спорить было не о чем - без содействия Рузвельта Черчилль сделать ничего не мог.

Довольно серьезно дискутировался вопрос о послевоенном устройстве мира. Черчилль говорил, что необходимо установить такое согласие между тремя великими

---

* Этот текст взят с веб-сайта российского ФСБ. Точная дата в публикации на сайте не указана (ред.)

державами, СССР, США и Британской Империей, которое исключило бы всякую возможность войны между ними по крайней мере на ближайшие пятьдесят лет. И Сталин и Рузвельт с ним соглашались, но никакого договора о продолжении военного союза и в послевоенное время заключено не было.

Черчилль, Рузвельт и Сталин на Ялтинской Конференции

Во всех остальных отношениях к гостям относились исключительно внимательно - лорд Моран записал в своем дневнике, что когда один из членов английской делегации мимоходом упомянул в разговоре, что в большом и совершенно пустом стеклянном аквариуме во дворце Воронцова хорошо бы смотрелись рыбки, они там появились на следующий день.

Собственно, доктор с такого рода отношением к гостям советского правительства уже был знаком. Во время его визита в Ленинград он выразил желание посмотреть балет. Когда за ужином он взглянул на часы, и заторопился было в театр, его переводчица с царственной невозмутимостью сказала, что беспокоиться не надо - спектакль без него не начнут.

Конференция завершилась 14 февраля 1945 года. Оставалось только провести ее решения в жизнь.

На прощанье Черчилль наградил В.Н.Павлова орденом Британский Империи. На последней своей встрече со Сталиным в Москве он спросил - не будет ли возражений против награждения

британским орденом советского переводчика, столь блестящего в своем деле? По-видимому, разрешение Сталина было получено.

Лорд Моран заметил в своем дневнике, что Рузвельт выглядел плохо - он застывал иногда с открытым ртом, и было видно, что мысли его далеко.

Вот цитата из записок лорда Морана, в оригинале:

"He is a very sick man. He has all the symptoms of hardening of the arteries of the brain in an advanced stage, so that I give him only a few months to live".

"Он [Рузвельт] очень болен. У него все симптомы затвердения артерий мозга в продвинутой стадии, я думаю, что ему осталось жить только несколько месяцев".

XVIII

Черчилля, несмотря на семьдесят лет, по-прежнему носило по свету, и он норовил выбирать места поопаснее.

Во время визита в Афины в декабре 1944-го отвезли с аэродрома в британское посольство на броневике, во втором броневике ехали сопровождающие. Обстановка в городе была такой, что, когда лорд Моран захотел осмотреть Акрополь, ему выделили двух офицеров-парашютистов в качестве сопровождающих. На замечание доктора по поводу того, какой прекрасный вид на Афины открывается сверху, один из парашютистов с энтузиазмом согласился: *"Вид прекрасный. Отсюда можно простреливать весь город!"*. В поездке Черчилль спросил у своего секретаря, есть ли у него пистолет, и, получив отрицательный ответ, с гордостью продемонстрировал свой собственный. Секретарь подумал, и одолжил у водителя его автомат.

Трудно себе представить, что ситуация в Греции, какой бы серьезной она ни была, непременно требовала личного присутствия на месте главы правительства Великобритании. К тому же являвшегося одновременно министром обороны своей страны и неофициальным, пусть и без формально оформленных прав, но фактически главнокомандующим всеми вооруженными силами Британской Империи.

Но, по-видимому, эта игра в войну доставляла ему такое же чувство радостного возбуждения, которое он испытывал в бытность свою юным кавалеристом, когда он кинулся рубиться с "дервишами" под Омдурманом, в Судане.

Едва вернувшись домой с конференции в Ялте, он немедленно отправился на фронт, повидаться с Эйзенхауэром и с Монтгомери - союзные войска подходили к Рейну, и в нескольких местах его уже форсировали. Он даже уговорил Монтгомери

съездить с ним на "*...немецкий берег Рейна...*" - германские войска, собственно, от реки уже отступили, но прочной англо-американской линии на правом берегу еще не было. Монтгомери подозвал какое-то суденышко из паромной службы, и действительно пересек реку, вдвоем с премьером. Поскольку на том берегу еще стреляли, и снаряды иной раз падали в воду, Черчилль был в восторге. Наверное, сейчас сказали бы, что у него адреналиновая зависимость.

Однако, помимо таких совершенно мальчишеских радостей, у него были дела и посерьезнее. Он настойчиво уговаривал Эйзенхауэра поспешить с наступлением, и по возможности выйти к Берлину раньше русских.

Генерал был вежлив, отвечал, что беседа с Черчиллем "*... значительно изменила его приоритеты ...*", но Берлин брать совершенно очевидно не собирался. Перспектива вести сражение в огромном городе, застроенном прочными каменными зданиями, с бесконечным количеством укрытий и подвалов, и где трудно использовать огневую мощь артиллерии и авиации, его совсем не прельщала.

Он сообщил Черчиллю, что "*...Берлин в настоящий момент не имеет военного значения...*", и что наиболее серьезной проблемой может стать консолидация немецкого сопротивления в Альпах, на что указывал ряд признаков - упорная оборона Будапешта, продолжающаяся оккупация части Северной Италии. Так что следует беспокоиться скорее о Мюнхене и обо всей Баварии, чем о Берлине. На просьбу Черчилля посмотреть на вещи пошире, с политической точки зрения, Эйзенхауэр отвечал, что он - простой солдат, и говорить может только как военный.

Честно говоря, в искренности генерала Эйзенхауэра следовало бы усомниться. "*Простой солдат*" не удержался бы долго на своем посту главнокомандующего союзными войсками в Европе, ему надо было точно учитывать не только военные факторы, но и тонкие веяния политики - только вот Черчилль смотрел на ситуацию с точки зрения геополитики, а Эйзенхауэр - с точки зрения политики внутренней, сугубо американской.

Разговор генерала Эйзенхауэра с Черчиллем состоялся в марте 1945 года.

И Эйзенхауэр знал, что президент Рузвельт все военные вопросы решает так, как ему советует генерал Маршалл, который к тому же приходится Эйзенхауэру прямым начальником. Он знал, что генерал Маршалл брать Берлин не хочет, а хочет две вещи: во-первых, окончить войну как можно скорее, во-вторых, свести возможные потери в личном составе к абсолютному минимуму.

Ожесточенная битва на развалинах Берлина в эти политические обстоятельства никак не вписывалась, а что до экспансивного английского премьера, то говорить с ним следует мягко, но следовать его указаниям вовсе не необходимо.

К тому же Сталин известил и Черчилля, и Эйзенхауэра, что с точкой зрения командующего союзными англо-американскими войсками он вполне согласен, и что с его точки зрения, *“...Берлин действительно не имеет больше военного значения...”*.

Если что и сближало бывшего гусара, внука седьмого герцога Мальборо, и бывшего семинариста, сына грузинского сапожника, так это было то, что они оба политические факторы ставили выше чисто военных.

XIX

Дипломатический скандал, разразившийся весной 1945 года, был связан именно с политическими проблемами. Пожалуй, в России он знаком больше всего по фильму *"17 мгновений весны"* - но судить о том, что, собственно, тогда в Швейцарии произошло, используя в качестве источника одну только вдохновенно исполненную В.Тихоновым роль Штирлица, было бы все-таки довольно опрометчиво. Нужна дополнительная информация. Попробуем изложить ее, опираясь только на те факты, которые документально зарегистрированы.

В феврале 1945 года генерал СС Карл Вольф через итальянских посредников установил контакт с американской разведкой, а 8 марта генерал сам встретился в Цюрихе с Алленом Даллесом, главой разведывательного центра Управления Стратегических Служб США в Берне. Официальная версия американцев - весь разговор сводился к тому, что генералу Вольфу было сказано: речь может идти только о безоговорочной капитуляции. Информация о встрече была передана в штаб союзных войск в Италии, с копиями, посланными правительствам США, Англии и СССР.

12 марта английский посол в Москве передал в советский МИД о встрече с германскими представителями, и сказал, что дальнейшие контакты не будут осуществляться без участия советской стороны. Дальше начинаются неясности. Согласно мемуарам Черчилля, была предпринята попытка тайно провезти советского офицера в Швейцарию, но по каким-то непонятным причинам она не удалась.

13 марта англичане официально уведомили советскую сторону, что если переговоры с Вольфом дадут какой-то положительный результат, то они будут продолжены в штабе

союзных войск в Италии, и просили прислать туда советского наблюдателя. Послать специального человека было необходимо, потому что обычная практика в отношениях между союзниками - держать при штабах друг друга постоянных офицеров связи - в отношениях с СССР не практиковалась. Сталин на обмен постоянными военными миссиями не соглашался.

15 марта начальники английского и американского штаба (с липовыми бумагами и в штатском) уже сами приехали в Швейцарию из Италии.

19 марта они встретились там с генералом Вольфом, на этот раз в Берне.

16 марта Молотов направил английскому послу в Москве резкое письмо, в котором требовал предоставить советскому представителю возможность участвовать во встречах с Вольфом. Такое же письмо получил и посол США.

21 марта посол известил Молотова, что цель переговоров в Швейцарии состоит в проверке полномочий генерала Вольфа на сдачу, и что британское и американское правительства приглашают советское правительство прислать своего представителя в Италию, в штаб союзных войск.

22 марта Молотов передал послу письмо, в котором, в частности, говорилось следующее:

“В течение двух недель в Берне за спиной Советского Союза, который несет на себе основную тяжесть борьбы с Германией, идут тайные переговоры между англо-американским и германским командованием”.

Посол сказал, что, по-видимому, имеет место недоразумение - переговоров пока нет, речь идет только о проверке полномочий генерала Вольфа.

На что Молотов ответил:

“...по мнению советского правительства речь идет не о недоразумении, а о чем-то похуже...”.

Черчилль получил копию письма во время своей мартовской поездки на фронт, у Рейна, и решил, что отвечать он не будет. Как он сказал: *“... промолчать лучше, чем начинать состязание в ругани ...”.* Но письмо он показал и Монтгомери, и Эйзенхауэру.

Генералы сказали ему, что они ни на секунду не усомнились бы принять капитуляцию на их фронте - хоть от командующего фронтом, хоть от командира роты - потому что это вопрос чисто военный.

Эйзенхауэр добавил, что сдача войск Кессельринга ему в плен на месте может быть сделана в течение часа, а если сдача в

плен должна быть сделана не ему, а делегации всех трех союзников, то процедура затянется на три-четыре недели. Черчилль тоже думал, что такие вещи должны решать командиры на местах.

В самом начале апреля Сталин направил Рузвельту письмо, в котором (в обратном переводе с английского) говорилось:

"...мои коллеги не имеют ни малейших сомнений в том, что переговоры действительно состоялись, и что их результатом было согласие фельдмаршала Кессельринга открыть фронт английским и американским войскам в обмен на облегчение условий мира для Германии. В результате в настоящий момент немцы прекратили ведение войны на Западном Фронте против Англии и Соединенных Штатов, в то время как на Восточном Фронте Германия продолжает войну против Советского Союза, их союзника..."

5 апреля Рузвельт переслал это письмо Черчиллю, с приложенным ответом на него:

"...с уверенностью в том, что вы верите мне лично, и с решимостью добиваться вместе с вами безоговорочной капитуляции нацистов, я поражен тем, что вы могли поверить в то, что я вступил в соглашение с врагом, не получив сперва на то вашего согласия. Наконец, я хотел бы сказать: было бы одной из величайших трагедий в истории, если бы сейчас, в момент, когда победа так близка, такое недоверие, такое полное неверие в нашу добрую волю определило бы исход огромного дела, после того, как оно стоило стольких неисчислимых человеческих и материальных жертв..."

Во всей этой истории есть непонятные моменты. Что, собственно, делали в Швейцарии начальники штабов английской и американской армий, действующих на итальянском фронте? Рузвельт этого вопроса не касается никак, а объяснение Черчилля - проверяли полномочия генерала Вольфа вести переговоры - звучит как-то неубедительно. Это мог сделать Аллен Даллес, и без всякого содействия двух генералов в столь высоких чинах. Кстати - почему фельдмаршала Кессельринга представлял генерал СС? Уж скорее тогда он должен был говорить от имени Гимmlера?

Коли так, переговоры вряд ли ограничивались только итальянским фронтом.

С другой стороны, не совсем понятны действия советского правительства. Допустим, что все сказанное Молотовым и Сталиным соответствовало правде. Но ведь тогда открытым заявлением такого рода они должны были "спалить"

всю сеть агентов, доставивших им эти сведения? Вроде бы это шаг вредный - хотя бы с точки зрения уничтожения источника важной для них информации? Темная история, и вполне возможно, истинного значения всех этих событий мы не узнаем никогда.

Черчилль между тем пришел к заключению, что письмо Рузвельта написано в куда более твердой форме, чем обычно в его переписке со Сталиным. Он ошибался. Рузвельт его только подписал, а составил письмо генерал Маршалл. Рузвельт был уже слишком плох в то время.

Он умер через неделю.

XX

Весть о смерти президента Рузвельта Черчилль в своих мемуарах назвал "...неожиданной...". Вполне допустимо предположить, что лорд Моран своими соображениями с ним не поделился - доктор к понятиям медицинской этики относился более чем серьезно. Но все-таки глаза у Черчилля были, и Рузвельта в Ялте он видел сам. Возможно, ему просто не пришлось в голову, что человек 62 лет может умереть так внезапно.

Дальше случилась еще одна непонятная история, объяснения которой я нигде не нашел. Черчилль в последнюю минуту раздумал лететь в Америку на похороны Рузвельта. Он послал телеграмму новому президенту, Трумэну, и еще одну - Гарри Гопкинсу. Он спросил обоих - не следует ли ему срочно прилететь? Оба выразили ему самое теплое внимание, и сказали, что его будут ждать. Самолет был уже заказан, стоял на аэродроме - и в последнюю минуту Черчилль передумал и остался в Лондоне.

Почему Черчилль не поехал на похороны? В октябре 1944 он был в Москве. В ноябре 1944 Черчилль был в Париже. В декабре 1944 - съездил в Афины, подавлять революцию. В январе он был 1945 в Италии, у Александера, в общем, без большой надобности. В феврале 1945 Черчилль был в Крыму, на Ялтинской Конференции. На обратном пути он нашел время побывать в Каире, где поговорил, например, с королем Саудовской Аравии и с императором Эфиопии.

А в апреле у него не нашлось времени полететь в Вашингтон, на похороны его "...давнего друга и партнера...", где он мог бы, например, познакомиться с его преемником? Которого он раньше никогда не видел? Почему?

Лорд Моран, источник надежный и честный, об этом не говорит ни слова. Мартин Гилберт, автор классической и огромной по величине книге о деятельности Черчилля в годы Второй мировой войны, "Road To Victory", повторяет то, что сказано в мемуарах самого Черчилля.

А сам Черчилль говорит об этом в мемуарах в точном соответствии с рецептом Наполеона о том, как надо писать Конституцию:

"...пишите коротко и неясно...".

Он говорит, например, что не мог уехать, потому что Идена не было в этот момент в стране. Это очевидная неправда. Иден рассматривался и Черчиллем, и всем его окружением, как "кронпринц", наследник премьера. Именно поэтому он сопровождал премьера во всех важных поездках. Разумная предосторожность - если с 70-летним Черчиллем что-нибудь случится, Иден должен быть полностью в курсе всех дел.

Так что увезти Идена ВМЕСТЕ с собой в Москву или в Квебек, или в Ялту - это можно. А оставить Лондон на три-четыре дня, потому что в Лондоне нет Идена - это нельзя? Трумэну Черчилль написал, что *"...коллеги по кабинету были против того, чтобы он оставил свой пост в такой момент даже ненадолго..."*. Кто эти *"...коллеги..."*? Черчилль их не называет. В чем состояла особенность данного момента? Расписание поездок Черчилля нам известно - он уезжал каждый месяц, и по самым незначительным делам, вроде инспекции войск, которые в его инспекции не нуждались. Мнение неназванных им коллег перевесило его собственное? Но когда Черчилль слушал своих коллег?

Так эта история с отказом приехать в Вашингтон и осталась для меня непроясненной. Как бы то ни было - в Лондоне Черчилль выступил на специальной сессии Парламента, посвященной смерти Рузвельта.

И, конечно, произнес там блестящую речь.

XXI

24 апреля 1945 года генерал Вольф появился в Швейцарии уже со всеми необходимыми полномочиями на руках. 29-го апреля был подписан акт о безоговорочной капитуляции германских войск в Италии.

2 мая оружие положили около миллиона немецких солдат, сражавшихся на этом фронте. Положение на Западном Фронте в самой Германии было похожим. Монтгомери двигался вперед, не встречая большого сопротивления, в плен ему сдавалось по 25-30 тысяч немецких солдат в день. То же самое происходило и в американском секторе наступления.

Список кораблей германского флота, некогда наводивших ужас на конвои, в 1945 году читался как поминальный синодик.

"Лютцов" в сентябре 1944 года вступил в войну на Балтике, помогая артиллерией отступающим войскам вермахта. Англичане достали его с воздуха в апреле 1945 в Свинемюнде, где

он затонул в гавани, сев днищем на дно. Его пушки тем не менее продолжали стрелять, вплоть до мая 1945, когда он был окончательно затоплен своим экипажем.

"Адмирал Шеер" тоже ушел на Балтику, и тоже был потоплен английским авиационным налетом - в мае 1945.

"Адмирал Хиппер", поврежденный в бою с английскими крейсерами еще в конце 1942, как боевой корабль в строй уже не вернулся. Его использовали на Балтике для эвакуации раненых и беженцев. В мае 1945 он был потоплен своим экипажем.

"Принц Ойген", с августа 1944 помогавший своим сухопутным войскам на Балтике, сумел уйти в Копенгаген, где 8 мая 1945 года сдался англичанам.

В конце апреля 1945 американские и советские войска встретились у Торгау, на Эльбе. Третья американская армия под командой Паттона вошла в Чехословакию, заняв Карловы Вары.

Черчилль считал Берлин первостепенной целью:

"...фронт в Европе должен уходить как можно дальше на Восток. Главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин..."

Сталин не соглашался с Черчиллем по многим вопросам, но по поводу важности Берлина они думали одинаково.

Общая численность нацеленных на Берлин советских войск превышала два с половиной миллиона солдат. Штурм начался 25-го апреля, стоил больших жертв, но утром 1 мая над рейхстагом был поднят штурмовой флаг 150-й стрелковой дивизии. Однако бой за рейхстаг продолжался ещё весь день и только в ночь на 2 мая гарнизон капитулировал.

7 мая в 02:41 (по средневропейскому времени) генерал Йодль подписал "Акт капитуляции Германии". Акт о капитуляции приняли: от союзной стороны - генерал Беддел Смит, от СССР — советский генерал-майор Суслопаров (представитель Сталина при союзном командовании).

Документ был написан на 4-х языках, а дата вступления документа в силу стала Днём Победы в Европе.

Самыми первыми словами в Акте от 7 мая 1945 года стали вот эти:

"Only this text in English is authoritative" – "Официальным является только этот текст на английском языке"

9 мая в 02:16 по московскому времени в Берлинском предместье Карлсхорст генерал-фельдмаршал Кейтель подписал ещё один "Акт о безоговорочной капитуляции Германии. Безоговорочную капитуляцию приняли маршал Жуков (от

советской стороны) и заместитель главнокомандующего союзными экспедиционными силами Теддер.

Идея, по-видимому, заключалась в том, чтобы капитуляция была подписана в Берлине, а принимал ее советский маршал.

В результате оказалось, что есть два разных Дня Победы: 7 мая по версии англичан и американцев, и 9 мая - по версии СССР. Незначительное, казалось бы, разногласие.

Но это было только началом.

Евгений Брейдо

Жатто*

аже после официально дарованного прощения Жатто не вернулся во Францию. Его настоящим отечеством была Империя, вызванная к жизни невероятной удачей, волей, смелостью и фантазией одного человека. Эта сказочная Империя растаяла как мираж, ее больше не было на картах, а в головах оставшихся в живых участников вымысел причудливо переплетался с правдой. Трезвый и ироничный, Юзеф Жатто не хотел жить новыми мифами, хотя воспоминания накатывали иногда с невероятной силой. Ему нечего было делать ни в бурбоновской Франции ни, тем более, в императорской Польше. Он решил начать жизнь сначала в новой стране. Доходы от имения и военная пенсия позволяли семье – а Агнешка родила к тому времени мальчика Гийома и девочку Каролину, жить не богато, но достойно.

Они поселились в недавно присоединенной к Штатам Луизиане – там названия и уклад жизни напоминали о Франции. Земля была дешева и Жатто даже купил небольшое поместье. Теперь у него был деревянный дом из 18 комнат с широкой кипарисовой аллеей перед главным входом – по гравию с легким скрипом подъезжали экипажи, десяток черных слуг, хлопковые плантации и время на размышления. Диалог с императором, начатый в горячей Москве, постепенно стал насущной внутренней потребностью.

Великая эпоха кончилась и теперь медленно и нехотя уходила в историю. Стали появляться мемуары врагов, соратников и людей, которым вспомнить было решительно нечего, зато по прошествии времени желание показать свою значительность возрастало прямо пропорционально их ничтожности. Все это мало занимало Жатто. Он пытался представить себе, о чем думал император в момент первого отречения в Фонтенбло, покинутый

---

* Еще один текст автора о Жатто опубликован в №11/2012 "Семи искусств.

всеми, даже лакеем и телохранителем, после Ватерлоо, когда все было окончательно потеряно.

Жатто вспоминал сейчас, как первые же неудачи породили цепную реакцию предательства.

Сделанные Наполеоном короли, князья, владетельные герцоги, сановники, маршалы и генералы – все эти мармоны, ожеро, мюраты, бернадоты, не говоря о фуше и талейранах - вчерашние трактирщики, контрабандисты, мелкие торговцы, священники, сыновья бедных врачей и нотариусов - новая европейская знать, всем обязанная ему и своей храбрости и удаче, предавала его попеременно со старой, спасая свои звания, титулы, богатства.

Неблагодарность шла под руку с изменой там, где раньше сияли доблесть и слава.

Только солдаты никогда ему не изменяли, только они всегда готовы были умирать за него. Они любили своего «Стригунка», «маленького капрала» так беззаветно, как может быть, не любили ни жен ни детей. Были счастливы, когда он просто окликал их по имени, дергал за ухо. Как они обижались, его «ворчуны», во время Ста дней, когда он, торопясь, успевал раньше них войти в Лион или Гренобль, как были недовольны, когда его не было с ними. Они сходились к нему со всей страны. Жатто и сейчас слышал слова, обращенные к Нею, Макдональду и к другим: «Маршал, ведите нас к нашему императору!»

При нем все были героями, все соревновались в отваге. Каждый готов был умереть, только бы Он увидел твой подвиг! А если не увидел, так узнал о нем. Кто не мечтал получить из его рук крест Почетного легиона и дворянство Империи!

Он любил награждать за доблесть, осыпать милостями, не скупясь, делился с каждым гренадером отблесками своей славы.

Может быть, в этом была главная магия – люди при нем распрямлялись, он сам жил на пределе возможностей и от других требовал того же - они совершали подвиги и чувствовали себя титанами.

Конечно, он не задумываясь, посылал на смерть тысячи, десятки тысяч, а кто из них не делал этого – они воевали. Найдется, кому упрекнуть за это императора, но жертвы забудутся, а останется слава. Наполеон понимал это как никто.

Слава пропитывала весь организм его империи, проникала во все поры, становилась духом армии, а дух армии – материальной силой.

Перед Польской войной для охраны императрицы и Римского короля была оставлена горстка солдат с двумя

лейтенантами, все не годились в строй, поскольку толком не оправились от болезней и ран.

Князь Невшательский изумленно спросил: «Кто будет защищать столицу?»

«Моя слава», - ответил Наполеон.

Кажется, он один за пятнадцать лет не устал от войны и мог продолжать сколько угодно, война сама была для него наркотиком, но Франция устала. Она привыкла к победам и они уже не вызывали прежнего восторга, а в поражения верить не хотела.

Он мог быть резок и груб в минуты гнева, мог нагнать страху, люди помнили эти обиды, хотя, как правило, ни гнев его ни опала не длились долго. Но никогда не было ни бессудных расправ, ни казней, чем всегда грешила королевская власть и тем более любая диктатура. Деспотизм императора ограничивался изгнанием.

Поразительно, но Наполеон никогда не привык к виду крови, закрывал глаза при виде страшных ран, объезжая поле сражения, мучился и не спал ночами, как человек, попавший на войну впервые. А как он горевал, безутешно и искренне, когда погибали друзья, такие как Ланн, Бессьер, Дюрок.

После битвы для него не было больше своих и чужих, врачи осматривали всех раненых и лечили за его счет. Он любил вояк, крещенных огнем, независимо от того, кому они служили.

Жатто вспомнил еще один разговор с императором, уже после того, как они ушли из Москвы и стало ясно, что мира не будет и впереди долгий и опасный путь назад.

Наполеон остановился в крестьянской избе, тесной, маленькой, с нависающим, только что на голову не падающим потолком. Золото и блеск мундиров, военная выправка, громкие властные голоса командиров резко контрастировали с нищетой и убожеством окружающей обстановки.

Император был раздражен, метался из угла в угол, сбрасывая на пол немногочисленные попадавшие под руку предметы. Сброшенные, они тотчас топтались ногами.

- «Казаки сожгли заживо четырех моих офицеров» - Наполеон называл казаками всех вооруженных людей, не принадлежавших к регулярной армии, хотя, судя по образу действий, это, скорее всего, были крестьяне – партизаны. Жатто уже слышал об этой истории. Эскадрон польских гусар из войск генерала Себастиани занял деревню, четверо младших офицеров расположились в избе на отшибе, охранения не выставили. Ночью партизаны обложили избу соломой, облили чем-то горючим и

подожгли. Мальчишки задохнулись прежде, чем сообразили, что произошло. Жатто было безумно жаль беззаботных гонористых храбрецов – шляхтичей, но это происходило сейчас повсюду. Наша армия привыкла рвать горло вооруженному врагу и побеждать на поле боя, но совсем не умеет себя охранять и видеть врага в каждом мужике.

- «Они перехватывают мою почту и убивают курьеров», - кричал император. «Ну это и вправду казаки», - подумал Жатто. «Зверски убивают всех отставших, нападают из засады и уничтожают небольшие подразделения. Они берут пленных только, чтобы пытать их и потом убивать. Я сражаюсь с бандитами, палачами, стервятниками. Почему они воюют с такой жестокостью?»

Жатто рассказал в ответ, как гайдамаки сожгли Умань в 1768 году и вырезали всех жителей – сначала евреев, потом поляков. Император содрогнулся при мысли о том, что их, может быть, ожидает. И переменял тему.

«Для меня это только политическая война. Я никогда не собирался завоевывать Россию. Даже восстановление Польши не было моей настоящей целью. Александр мог остановить войну прежде, чем я перешел Неман. Я столько раз писал ему о мире. Ему стоило только начать переговоры. Вместо этого он опустошает свою страну, сжигает города, губит столько людей. Зачем? Какой в этом смысл?»

«Ваше величество не думает, что император Александр просто мстит за свои унижения? Аустерлиц, Фридланд, Тильзит, наконец. Он не привык к этому. Для русской знати народ – быдло. Они положат сколько угодно мужиков, чтобы потешить тщеславие, свою ущемленную гордость. За одну только надежду, что они могут победить Вас, Сир. Эти люди пережили унижения и страх, они стараются подражать Вам как гению, но ненавидят как врага и хотят уничтожить во чтобы то ни стало. Именно так они понимают любовь к своей стране. И потом, их империя – военная. Русские всегда с кем-то воюют. У них даже женщины-императрицы носили мундиры гвардейских полков. Они не могут проигрывать войны. Тогда империя рухнет».

Раздражение императора прошло, он смотрел на Жатто спокойно и печально.

«Я думал об этом. Хм. Не знал, что русские императрицы носили военный мундир. Коленкур ничего такого не рассказывал. Если империя военная, почему армия так плохо организована и генералы ни на что не годны?! Они умеют воевать только с дикарями. Им никогда не победить меня. Не ручаюсь за стихии, но

в сражении я всегда разобью русских. Если только случайная пуля или удар сабли», - Жатто подавил вздох, что не ускользнуло от Наполеона. Он неожиданно больно дернул Жатто за ухо - обычный знак благоволения, но это озорное мальчишеское движение, сопровождаемое улыбкой, резко контрастировало с печальным выражением его лица. «Вижу, Вы любите меня», - император потрепал молодого генерала по щеке. - «Не бойтесь, пуля для меня еще не отлита».

«Но я не могу больше рассчитывать на фортуна», - подумал Наполеон про себя. «В этой компании все против меня».

Дело было в том, что пару дней назад казаки напали на эскорт императора, когда ранним утром он ехал взглянуть на передовые позиции русских у Малоярославца. Среди своей гвардии Наполеон передвигался почти без охраны - с ним были только Бертье, Коленкур, адъютанты, несколько офицеров для поручений и человек десять - двенадцать конных гвардейских егерей.

Конвой императора составлял три эскадрона, но они просто не успевали за его стремительными и всегда внезапными перемещениями.

Отряд казаков в две тысячи сабель в расположении гвардии то ли никем не был обнаружен, то ли на него в суматохе просто не обращали внимания. Это был один из обычных рейдов донцов по тылам. Они напали на гвардейский артиллерийский парк и отбили несколько орудий. В это время мимо проезжал Наполеон со своим небольшим эскортом. В темноте казаков вначале приняли за свою кавалерию. Только когда рядом раздалось громогласное «ура», генерал Рапп, ехавший впереди, подскакал к императору со словами:

- «Остановитесь, государь, это казаки».

- «Возьми егерей из конвоя и пробейся вперед», - ответил ему Наполеон. Полувзвод гвардейской кавалерии вступил в неравный бой с неприятелем. Наполеон, Коленкур и Бертье обнажили шпаги. К счастью, в этот момент подоспел запоздавший конвой, за ним маршал Бессьер с несколькими эскадронами. Захваченные пушки удалось вернуть. Увидев превосходящего противника, донцы рассыпались во все стороны. Регулярной кавалерии, сохранявшей боевой порядок, преследовать их было сложно.

После этого случая Наполеон потребовал у своего личного врача яду и всегда носил его при себе.

Тень неудачи уже легла на решения Наполеона в этой компании. На следующий день вместо марша на Калугу он

приказал отступить по разоренной войной старой смоленской дороге. И отступление стало гибелью.

Жатто никогда не понимал причин похода в Россию, они выглядели для него смешными, неосновательными, несоблюдение блокады можно было решить дипломатически, тем более что ее нарушали все, даже французские министры в исключительных случаях выдавали лицензии «нейтральным» судам, на самом деле перевозившим английские товары. Эта война была чудовищным недоразумением, ошибкой, глупостью, но самое непонятное было в том, почему она не была закончена сразу же, едва начавшись. Наполеон, казалось, хотел только, чтобы его остановили. Жатто мог объяснить это одной безумной гордыней и тщеславием Александра, а также страхом, что его придворные от ущемленной национальной гордости и разорительной блокады покончат с ним той же удавкой, что и с его отцом.

Жатто не мог сказать, что польский поход был подготовлен хуже других походов. По обычным критериям он был подготовлен хорошо, может быть, даже лучше, чем обычно. К войне готовились тщательно. Состояние армии было превосходным. Не было зимней одежды и лошади не были правильно подкованы – но ведь никто и не собирался воевать зимой. В том-то и дело, что готовились к обычной европейской войне. По меркам этой войны они выиграли все сражения, но вместо победы и почетного мира – полный разгром и страшная гибель всей армии. Что их погубило – зима, казаки, озверевшие мужики-партизаны? А все вместе, и еще больше непонимание самой этой войны – ведь та же армия, которая бежала под Аустерлицем и Фридландом, здесь не бежала ни разу. И в плен не сдавалась. Для них это была обычная война, как любая другая, а для русских – все стояло на карте. И даже если французский император так не считал – это было не важно. Так думали русские, они так сражались и так умирали. Жатто чувствовал это всегда, но только сейчас, по прошествии лет, мог сформулировать для себя настолько ясно.

Русским всегда кажется, что соседи их ненавидят и хотят завоевать, таково их сознание, может быть, поэтому они и создали крупнейшую империю, из страха.

Что ж говорить, когда неприятель и правда атакует.

Одновременно с этим они чувствуют себя самыми добрыми и миролюбивыми и вечно спасают мир – черт знает, откуда пришло к ним это мессианство, то ли от евреев, то ли из Византии, «Третий Рим», куда тут денешься. Император Наполеон,

правда, старался возродить у себя первый. Получилось то, что получилось.

Польская война стала самой что ни на есть русской и оказалась самым легкомысленным из всего, что затевал когда-либо император.

Жатто спрашивал себя, а что было бы, если бы русские не сожгли Москву? И анализируя ситуацию с практической военной точки зрения, приходил к выводу, что ровно то же самое. Даже после пожара еды и вина в русской столице хватило бы месяцев на шесть, места для размещения армии было более чем достаточно. Никакого военного смысла в пожаре не было, неудобства, причиненные им французам, были не так уж велики. И русские генералы понимали это не хуже него. Но в этой компании мало что делалось по чисто военной логике. Русским нужна была жертва, кровавая, устрашающая и больше похожая на месть, чтобы всеобщая ненависть, и так уже достаточно воспламененная и самим вторжением и патриотической пропагандой, достигла высшей точки. Одной только сдачи Москвы, без пожара, для этого было недостаточно – то была военная неудача, а нужна была народная трагедия. И режиссеры этой драмы, воспитанные на античных образцах, сделали точно то, что требовалось для максимального эффекта. Результатом стало сплочение всего народа в беспредельной ненависти к французам. По-человечески нельзя было не оценить этой жуткой совершенно безумной решимости.

Но они вовсе не собирались бороться с народом. Французы и русские вели совсем разную войну.

Для нашего отставного генерала это были не столько политические размышления на манер английских «пикейных жилетов», сколько горькие, а иногда и гордые мысли о прожитой жизни, собственной судьбе и о Нем, занявшем в этой жизни главное место, с чем ничего уже нельзя было поделать.

Он был вояка, испытанный всеми видами смерти, переживший такое, что самому не верилось, и навсегда уставший от войны. Америка с ее промышленным расцветом, странными, непохожими на европейские новыми городами и какой-то чужой английской свободой казалась ему непривычно и безнадежно провинциальной после самого блестящего в мире двора и всех европейских столиц, в которые он привык въезжать победителем в колоннах императорских войск. Что было делать ему, случайно выжившему обломку мировой Империи, в чужом, практическом и скучном мире? Промышленность и финансы наводили тоску, торгоя тем более, оставалось размышлять и читать книги.

Трезвость и ясность мысли, настолько всех восхищавшие в первом консуле, изменили императору Наполеону раньше, чем удача, а собственный деспотизм стал худшим врагом, чем армии всех противников. Вокруг него к началу этой злосчастной войны оставались уже только простые исполнители его воли и очень мало людей, осмеливавшихся говорить ему правду, а среди них ни одного, к кому бы он прислушивался.

Если Жатто никогда не подвергал сомнению военный гений императора, то политически Александр и Меттерних его переигрывали, хотя и у них ничего бы не вышло, если бы не предательство. Измена Талейрана была, наверное, самой изощренной и потому самой страшной, а дальше по этой дорожке шло уже столько негодяев, поклонявшихся только успеху, что без толку было и считать. Немногие верные среди них казались скорее неудачниками. Да и среди верных не было согласия. Жатто, сражавшийся при Ватерлоо, никогда не мог простить Груши и тем более принять его версию событий. После первого же разговора с маршалом он выскочил из его дома в Филадельфии, вскочил на коня и мчался почти до Нью-Йорка, пытаясь успокоиться. Он готов был сочувствовать, терзаться вместе с ним ошибкой, стоившей столько жизней и ставшей черной меткой эпохи, но не мог перенести назидательного тона, обвинений в адрес императора и жалоб на неясность его приказаний. Жозефа Бонапарта он не любил за бездарность на войне и в политике и всегдашнюю зависть к младшему брату. Они были так внешне похожи и так различались внутренне. Став чужим в бонапартистской Филадельфии, Жатто не прижился и в Техасе, поскольку не верил ни в коммуны, противоречившую духу Наполеона и его Империи, ни в безумные планы спасения императора.

Со своей природной независимостью и умом ясным и трезвым, чуждым восторженности и совершенно не терпевшим глупости, он был абсолютно одинок, жил безвылазно в своем поместье под Новым Орлеаном, радуясь тому, что дети растут и Агнешка все так же красива. Вопреки обычаям века, он был однолюбом.

Но как же не хватало Его и ушедшей эпохи! Когда Он был с ними, казалось, что нет ничего невозможного. Дух захватывало от побед, а еще больше от замыслов! Теперь стало понятно, что невозможного не было только для Него.

Жатто вспоминал и все чаще записывал их разговоры, но интересовали его сейчас главным образом не военные дела, а редкие моменты всегда неожиданной откровенности, когда человек вдруг отчетливо проступал в императоре. Беседа с ним

как-то в Дрездене во время компании 1813 года, Наполеон вдруг спросил, давно ли Жатто не видел жену и, получив утвердительный ответ, вдруг просто сказал, что очень скучает по императрице и сыну.

«Да, да, я – человек», - ответил император на удивленный взгляд генерала.

- «Что бы ни говорили, у меня есть сердце, но это – сердце монарха. Меня не могут разжалобить слезы светской дамы, но меня трогают горести народов. Я хочу, чтобы они были счастливы, и французы будут счастливыми. Если я проживу еще десять лет, благосостояние будет у нас всеобщим. Неужели вы думаете, что я не люблю доставлять людям радость?»

И тут же добавил с грустью: «Мне так приятно видеть довольные лица, но я вынужден подавлять в себе эту естественную склонность, так как ею стали бы злоупотреблять».

Жатто был поражен простотой и безыскусностью, с какой это было сказано, по контрасту с обязательным придворным лицемерием и демонстрацией римского военного духа. «Может быть, это и есть величие?», - подумал он.

Не то чтобы Жатто верил в сказки, но он не сомневался в искренности императора.

Он чувствовал себя в какой-то странной депрессии не день и не неделю, а, наверное, последние несколько лет, с момента приезда в Луизиану. Человек от природы активный, отважный и предприимчивый, Жатто жил будто на холостом ходу. Он, конечно, делал все, что было необходимо для жизни семьи, благоустраивал дом, входил во все хозяйственные нужды, но это было ничто по сравнению с энергией, которую он выказывал обычно на поле сражения или в заботах по устройству своих войск.

Он жил по инерции. Пятнадцать лет цели указывал император, он был только инструментом их достижения, его заботой было выполнить приказ, что обычно было трудно, иногда почти невозможно, всегда требовало недюжинной храбрости, быстроты ума и предприимчивости, но это была внешняя цель, не им поставленная. Великолепно слаженный когда-то механизм давно распался, но подсознательно он все еще продолжал быть частью несуществующего целого. По-прежнему готов был каждую секунду к выполнению Его приказов, хотя их не было уже много лет. Исчезли цели, а вместе с ними и смысл жизни.

Оставалось смотреть на Миссисипи, катившую свои воды из ниоткуда в никуда, на бескрайние хлопковые поля, длинные бессмысленные аллеи и чувствовать себя затерянным в пустоте.

Какая жуткая тоска понимать, что жизнь, начатая так ярко и столько обещавшая, кончена в сорок лет!

В начале мая двадцать первого года до Жатто дошла весть, что император умер. Пятого числа пятого месяца в пять вечера. В пятьдесят один год. Пятерка - знак Юпитера, его планеты. Наполеон не зря был мистически суверен.

В этот момент Жатто очнулся и понял, что нельзя больше жить прошлым, даже если нет будущего.

Приложение

Ватерлоо

Мыслей не было, только пелена перед глазами, безумная головная боль и полное отсутствие воли. Воли что-нибудь сказать, приказать, двигаться. Это у него – отсутствие воли! У него, кто покорила своей воле Европу, а мог бы и мир!

Он видел, как разбили его Гвардию, слышал страшные слова «Старая гвардия разбита!», бессмысленные пустые слова, потому что этого не могло быть никогда, и он не погиб. Почему? Зачем он живет? Тогда, в Фонтенбло, год назад, он пытался покончить с собой, но яд не подействовал, вызвал только чудовищной силы спазм в желудке и рвоту. Потом он дал себе слово больше никогда не повторять попытки, человек должен быть выше злосчастий жизни. Но почему он не погиб со славой, как Ланн или Бессьер?! Как было бы хорошо пасть в Московской битве! Нет, даже думать так – трусость, он же знает, что было потом, погибнуть там – значило бросить Империю, сына. Все это теперь неважно. Он безумно устал. Год назад он хотел сражаться и мог, еще как мог победить, но его предали. Мармон, Ожеро, обязанные ему всем, а до того глупый Мюрат, уехавший спасти свое королевство, как будто оно когда-нибудь принадлежало ему. Мармон, его адъютант в той, первой, итальянской компании, которому он верил как себе, открыл врагу дорогу на Париж. Даже Бертье, ничего не значащий без него, гениальный штабист, в жизни не командовавший и батальоном, просто ушел, не попрощавшись. Сейчас не было измены, только гибель. Груши, честный туповатый генерал, он был хорош на бригаде. Зачем он сделал его маршалом? А кого? Никого не осталось. Враги понимают его стратегию лучше, чем его генералы. Он сделал ошибку. Нужно было взять с собой Даву, министерство можно было поручить кому-нибудь еще. Даву бы не опоздал, он бы вдребезги разбил Блюхера или хоть успел бы вовремя. Но с ним так трудно ладить, упрям как молодой бычок, и они терпеть друг друга не могут с Неем. Все это неважно больше, не важно, потому

что нет сил, нет воли. У него нет больше армии, она изрублена прусскими саблями, расстреляна английскими пушками, как он когда-то громил их при Маренго, Ульме, Аустерлице, Йене, Фридрихсвальде, Ваграме... несть числа. А все могло бы быть иначе. Случай. Всемогущая фортуна, она служила ему так долго, пока не изменила тогда, в русской компании. Все его победы больше ничего не значат, на них поставлен один грубый жирный росчерк – Ватерлоо.

- «Сир, здесь пруссаки, Вас могут убить. Сир, Вы должны уехать отсюда».

Его куда-то ведут. Зачем? Почему они не оставят его в покое?! Как они не понимают?! Все же кончено. Он все всегда должен понимать раньше всех. Его эпоха кончилась вот здесь, около этой деревушки. Она станет теперь очень знаменитой.

Отчего Бог не дал ему погибнуть в бою, не хотел ему славной смерти? Позавидовал?! Значит, не лавровый, готовит ему тот, другой венец?

Никто никогда не видел императора в таком состоянии, в каком он приехал в Париж. Его ничто не интересовало и не трогало, все как бы проходило мимо него. Он перестал быть тем Наполеоном, которым его знали солдаты, министры, маршалы, иностранные государи, толпы на площадях. Повелителя больше не было, остался страдающий, больной, сломленный человек.

Семён Талейсник

Несколько картин

И.Е. Репина глазами врача

"Искусство я люблю больше всего на этой земле. Даже больше самой добродетели. Люблю тайно, ревниво, неизлечимо - как старый пьяница. Где бы я ни был, чем бы ни развлекался, как бы ни восхищался, чем бы ни наслаждался, - искусство всегда и везде в моей голове, в моих желаниях - лучших, сокровеннейших."

(Репин И.Е.)

Из огромного числа картин, написанных рукою одного из выдающихся русских художников Ильи Ефимовича Репина (1849-1936), посвященных разнообразнейшим темам, лицам и событиям, мне удалось найти всего тринадцать, имеющих отношение к медицине. Пусть даже не прямое, а косвенное. Либо приписанное мною, как автором этого очерка, за что и несу ответственность за самовольство перед читателем.

На этих полотнах: выдающийся хирург, знаменитый невролог, великий композитор, известный писатель в моменты болезни; хирург в момент славы в операционной; исторический персонаж, умирающий от травмы...

Очевидно, что художник – реалист, изображая те или иные характерные черты людей, связанных с врачебной специальностью, не смог не отразить симптомы заболевания, ранения, увечья, умирания и смерти.

Глазами врача, с субъективной точки зрения, мне захотелось оценить эти полотна и понять отношение к ним самого автора, увидеть, как он воплощал свои замыслы. Тем более, что критики и комментаторы этих картин к подобному подходу практически не прибегают.

***

Единственная картина И.Е. Репина, непосредственно посвященная медицинской тематике и изображавшая операционную и операцию, - это картина «Хирург Е.В. Павлов в операционном зале».

Сделаем снисхождение великому живописцу или скидку на давность изображённого им действия. Такое скопление людей вокруг операционного стола, на котором хирург производит ортопедическую операцию, требующую особой стерильности, асептики и антисептики, невольно демонстрирует её многочисленные нарушения. Сам хирург работает без маски, впрочем, их нет ни у кого. Некоторые действующие лица без колпаков. Также не видно резиновых перчаток и почти у всех закатаны рукава по локоть.

«Хирург Е.В.Павлов в операционном зале». 1888 г.
Государственная Третьяковская галерея

Сегодня такого не встретишь - стерильные халаты закрывают всё, а на руках стерильные резиновые перчатки, натянутые на обшлаг рукавов.

Наверное, в 1888 году этого ещё строго не требовали. Ведь только к середине XIX столетия И. Земмельвейс и Н.И.Пирогов начали внедрять важный профилактический метод асептики и антисептики в работу хирургов.

Вернёмся к изображению действия. Хирург ударяет деревянным специальным молотком по металлическому долоту, вставленному в бедро ноги, поддерживаемой санитаром без колпака, а другую ногу держит, судя по одежде, врач или фельдшер. Ноги придерживаются в удобном для действий врача положении.

Лицо врача напряжено и кажется несколько покрасневшим от физического напряжения. Его удары должны быть максимально точны, чтобы долото не соскочило и не повредило соседние с местом операции сосуды и нервы.

По-видимому, операция проводится под масочным наркозом, и медсестра внимательно следит за дыханием и состоянием зрачков пациента. За переливанием крови следят другие сёстры и врачи.

Картина создаёт ощущение динамичности и, даже, некоторой суетливости происходящего.

***

Картина, изображающая лежащего раненого, стоит особняком в Интернете - ни отзывов, ни указаний места её хранения. Под некоторыми репродукциями картины так и пишется: «Комментарии: 0». И пока я нахожусь с этим полотном наедине, как говорится, с глазу на глаз, мне и карты в руки для осмысления и описания её взглядом врача-хирурга.

«Раненый». 1913 г.

Прежде всего, можно констатировать, что каких-либо явных повреждений на видимых частях тела не наблюдается. Это значит, что художник, дав название картине, видел рану или иное повреждение тела, но решил его не показывать. Место ранения, возможно, скрыто границами картины, либо прикрыто яркой красной тканью, свободно лежащей с левой стороны головы и плеча раненого. Далее эта ткань распространяется в виде складок под голову и дальше по постели, напоминая кровь цветом и фактурой. Но занимаемая ею площадь значительно больше, нежели то количество крови, которое может истечь даже из самой большой раны ещё живого человека.

Можно предположить, что красная ткань на картине является уловкой мастера, символизируя кровопотерю, а само

ранение находится на левой руке, прикрытой, как и тело тёмным одеялом или буркой. Но рана могла быть и на других частях тела.

Хотя лицо раненого выражает испуг и страдание, связанное с болью, его слизистые оболочки губ и век красноваты, что говорит об относительной лёгкости ранения либо, что оно не проникало в грудную или брюшную полости и не сопровождалось обильным кровотечением. Возможно, имеются переломы костей и уже произведена их иммобилизация, либо раненый ожидает приезда врача и посему лицо его отражает вопрос, а взгляд направлен в сторону медперсонала с надеждой на быструю получение помощи.

Не исключено, что это офицер с выбритым до синевы лицом и аккуратными усиками, черноволосый серб (такое впечатление производит его облик), один из участников проходившей в середине и конце XIX века национально-освободительной войны, когда русские врачи выезжали на театры военных действий и оказывали помощь пострадавшим. Возможно, что ему трудно общаться с персоналом госпиталя из-за трудностей перевода, хотя славянские языки сходны.

***

Следующая картина И.Е. Репина, запечатлевшая внезапную смерть человека, - «Смерть Фёдора Васильевича Чижова».

Этот неожиданно возникший у Репина замысел был связан с тем, что, посетив однажды холодным ноябрьским утром Фёдора Васильевича Чижова, с которым он подружился, переселившись в 1877 году в Москву, художник застал его мёртвым, полулежавшим в кресле с высокой спинкой, с головой, склонённой на атласную зелёную подушку. Правая полусогнутая рука безжизненно лежала поверх халата. Кисть её сложилась в щепотку, что нередко отмечается у глубоко спящего или умершего человека...

Казалось, он спокойно спал, лицо не было бледным. На нём не было следов страдания, нехватки воздуха или признаков длительного тяжкого заболевания. Очевидно, человек умер от внезапной остановки сердца, вследствие инфаркта, либо паралича дыхательного центра.

В тёмном полумраке комнаты две свечи в подсвечниках скудно освещали всю увиденную художником картину. Придя в себя, Илья Ефимович, в силу своей привычки делать наброски всего необычного или впечатлявшего, тут же занёс рисунок в альбом, а через несколько дней написал картину. Музей приобрёл её в 1871 году.

Так, как умер Чижов, умирают во сне праведники, считают в народе. Такой нарисовал картину смерти большой мастер живописи и знаток человеческого облика в различных его ипостасях.

«Смерть Федора Васильевича Чижова». 1877 г.
Государственное музейное объединение "Художественная
культура русского Севера". (Архангельск)

Ф.В. Чижов, филолог, философ, славянофил, математик и предприниматель слыл неординарной личностью. В сфере его общения назывались имена Н.В. Гоголя, С.Т. Аксакова и дружба с художниками В.Д. Поленовым и И.Е. Репиным.

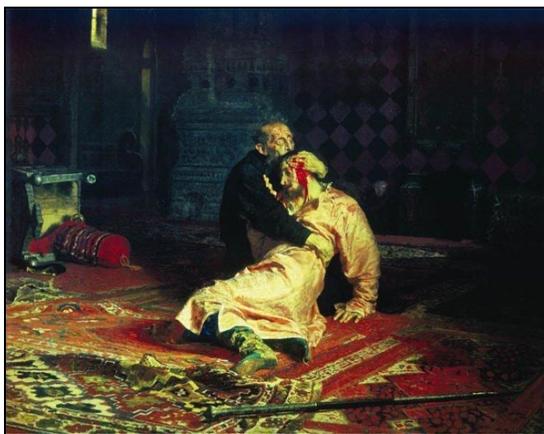
***

Самое трагичное полотно И.Е. Репина – это картина, изображающая сцену убийства Иваном Грозным своего старшего сына и наследника Ивана.

Когда смотришь фильм Павла Лунгина «Царь», где Петру Мамонову – этому выдающемуся и неординарному человеку, самодеятельному актёру, поэту, музыканту, честному и искренне верующему, удалось правдиво показать жестокость и ничем несдерживаемую и необъяснимую ярость царя Ивана Грозного, доступнее и понятнее становится выдающееся полотно Репина.

Сцены фильма, трудно поддаются осмыслению современного нормального человека. Зрители волновались, закрывали глаза и уши, беспокойно оглядывались на соседей в темном зале кинотеатра или у домашних телеэкранов. У иных изменялось выражение лица, учащался пульс, становилось трудно дышать. Кровавые сцены дикой жестокости вызывали у людей стрессовые реакции и редко, кто из них решался смотреть этот фильм второй раз.

Так возникает подоплёка поступка реального царя - изувера, убившего в припадке «бешенства» или ярости и перевозбуждения, а скорее в состоянии психического аффекта, своего старшего сына Ивана в 1581 году. Что и изобразил на своей картине великий художник Е.Репин, писавший это полотно в течение нескольких лет, с 1881 по 1885.

«Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года»,
или «Иван Грозный убивает своего сына». 1881-1885 гг.
Государственная Третьяковская Галерея

Писал тяжело, прерываясь, периодически пряча от себя холст, уходя от мольберта, и снова возвращаясь к нему. Ведь надо было изобразить состояние перевозбуждения и стресса, страдание умирающего и сострадание невольного убийцы. Родного сына - родным отцом...

Поводом к началу создания этой картины называют многие моменты. Это и полученное художником при путешествии по Европе впечатления от кровавого зрелища корриды. И волнующее произведение композитора Римского-Корсакова «Месть».

Как писал сам художник в автобиографической повести «Далёкое – близкое»: - «Его музыкальная трилогия - любовь, власть и месть - так захватила меня, что мне неудержимо захотелось в живописи изобразить что-нибудь подобное по силе его музыки». К перечисленным поводам относят также убийство народолюбцем царя Александра II в 1881 году.

При внимательном взгляде на лица участников изображённой трагедии обращает на себя внимание обилие крови,

истекающей из раны на левом виске царевича, несмотря на прижатую к ней рукой отца белую ткань. Кровь продолжает просачиваться, течь, между пальцами, ибо предполагается глубокая и обширная рана от острого жезла, проникающая через мягкие ткани и кости черепа. Если бы рана была ограничена только повреждением кожных покровов, то прижатие её могло бы остановить кровотечение. Хотя художник и не был хирургом, он хорошо передал характер повреждения, полученного в результате несдержанного по силе и ярости удара тяжёлым металлическим жезлом.

И.Е. Репин, Портрет В.М. Гаршина» 1883 г.

В ужасе от содеянного и уже частично осмысленного раскаяния от нечаянного убийства выпучены глаза царя. Дикий, обречённый взгляд на испуганном побледневшем лице. В жалости, позднем раскаянии и просьбе о прощении он прижался губами к голове сына. Художник Крамской об этой детали в картине написал, что он, мол, «...сам орет...» Этот зверь, воющий от ужаса...» Мне кажется, это не чрезмерная фантазия впечатлительного зрителя – этот вой ещё страшнее оттого, что мы не видим раскрытого рта...

Кроткое, обречённое, даже виноватое лицо умирающего царевича, выражает страдание, прощение и осознание своей слабости и невозможности помочь себе и несчастному отцу.

Лицо царевича Репин писал с писателя В.М.Гаршина. У того было лицо человека, по мнению художника, обреченного погибнуть. И Гаршин вскоре после этого действительно погиб. У

него была наследственная психическая болезнь, и во время очередного приступа безумия он покончил с собой, прыгнув в лестничный пролёт. Вот такое мистическое совпадение...

Однако, продолжаем врачебное освидетельствование изображенной трагедии на полотне художника:

Правая рука отца охватывает и прижимает к себе стан опадающего тела с надеждой удержать его «на этом свете». Левая рука царевича упирается в ковёр, расстеленный на полу, разведенными пальцами кисти, пытаясь подняться или не упасть окончательно. Правая нога в согнутом состоянии не видна под кафтаном, а левая, как и рука сопротивляется падению. Картина настолько естественна, что взгляду и оценке врача представляется вполне реальной в изображенной художником ситуации.

Приведу ещё один интересный факт о случае с картиной, не имеющий отношения к задаче врачебной её оценки, но, возможно, любопытный для читателя. В 1913 году лица царя и царевича были исполосованы ножом фанатичного старообрядца иконописца Балашова. Восстанавливать картину пригласили из Куоккалы автора. И.Е. Репин, с уже изменившимся подходом к рисованию более чем через два десятка лет, внёс свои исправления и уехал. Реставраторы и художники Третьяковки, в частности И.Грбарь, с «заплатой» Репина не согласились, стёрли её и восстановили картину в тех красках и манере, в которой она была первично написана самим И.Е. Репиным. Приехав в галерею через несколько месяцев, художник не заметил «дерзкого поступка» своих коллег.

***

Среди трёх картин с изображением нездоровых людей первой я представляю Репинского «Горбуна», которого он писал несколько раз с 1880 по 1883 год.

При внимательном знакомстве с названной картиной видно, что образ горбуна не соответствует тому юноше, которого художник вставил в свою картину «Крестный ход в Курской губернии», а сам эскиз приводится во всех каталогах, как отдельное произведение. Есть ещё несколько других эскизов-набросков горбуна в различных позах.

Но этот вопрос для нашего исследования не является принципиальным, поэтому рассмотрим картину под углом зрения врача.

На картине изображен молодой человек, почти юноша, стоящий с упором на костыль, здоровый на вид. Он бедно одет в потёртый крестьянский серый зипун, под которым видна нечистая застиранная рубаха без воротника, а под ней более тёмная

поддевка. Длинные рыжеватые волосы гладко причёсаны и собраны в пучок на шее, опускаясь на плечи и слегка видимый под одеждой горб.

«Горбун». (Эскиз к картине «Крестный ход в Курской губернии»)
1881 г. Государственная Третьяковская Галерея

Лицо слегка напряжённое, суровое, сумрачное, отрешённое. Внимательный взгляд слегка прищуренных глаз направлен внутрь себя - идёт процесс обдумывания какой-нибудь жизненной проблемы, которых у него с его убожеством достаточно. Ощущается трагизм и одиночество юноши, чувствующего себя неполноценным изгоем.

Кожа лица чистая, слегка бледноватая, чувственные губы сомкнуты, но не поджаты. Это уже свыкшийся со своим несчастьем, юноша, мало верящий в крестный ход, посещение святых мест и молитвы. А на восстановительное лечение у врачей-специалистов никаких средств, наверняка, не имеет.

Весьма интересен образ горбуна, в описании самого художника: - "Горбун. Монастырский приживалка; он любит большие женские монастыри, и монахини его очень любят, особенно старушки. На монастырской кухне он необходимый помощник; своими длинными руками горбатый с необыкновенной ловкостью и проворством моет тарелки, убирает посуду и прочее. У него тонкий голосок, но много характера и энергии. На крестных ходах с помощью костыля этот молодец несколько раз

успевает обогнать процессию и забежать вперед для собирания милостыни. Он религиозен по-своему и порядочный, честный юноша. На него можно положиться, он не болтлив и сдержит данное слово. Как все почти горбатые, он необыкновенно умен и скрытен". (Цитата из заметки Е. Аникеева "Хотьковский вестник" №12 1992).

Так и художник рисует калеку, но не униженного попрошайку или страдающего морально и физически человека, а сильного и волевого упряма, готового к борьбе за своё человеческое достоинство и самоуважение. Подобные человеческие черты часто можно заметить на портретных картинах И. Е Репина. Как это мы видели уже при обсуждении его трагической картины - убийства Иваном Грозным своего сына.

***

Анализируя картины И.Е. Репина прямо или косвенно касающиеся тех или иных нюансов врачебной науки, нельзя обойти молчанием два портрета больных людей - композитора М.П. Мусоргского и писателя А.Ф. Писемского. Художник настолько выразительно описал кистью симптомы и признаки заболеваний, отразив их в красках и деталях, что трудно с ним не согласиться или подвергнуть врачебному сомнению и критике.

Композитор Модест Петрович Мусоргский умирал от хронического алкоголизма, доведя себя до белой горячки, с которой он и был госпитализирован в Николаевский морской госпиталь Петербурга. Ему было всего 42 года. Об этом его пристрастии знали многоопытные врачи госпиталя. Резкое ухудшение наступило уже в госпитале, когда госпитальный сторож, получив от композитора 25 целковых, ничтоже сумняшеся, приволок ему бутылку вина. Сразу же развился паралич конечностей и началась агония, длившаяся почти двое суток с признаками удушья и нарастающей слабости нерегулярной сердечной деятельности. Якобы, перед кончиной он произнёс слова: - «Все кончено! Ах, я несчастный!»...

Четыре дня писал И.Е. Репин без мольберта в госпитале портрет друга, примостившись у столика.

В эти дни, после выпивки, сам Модест Петрович о плохом не думал. Ему хотелось верить, что судьба и в этот запой подарит ему выздоровление. И он не заметил горькую складку на лбу Репина, писавшего его портрет...

На портрете в кресле сидит изможденный, грузный человек с влажным воспаленным, отекившим, болезненно красноватым лицом и особенно утолщённым ярко окрашенным кончиком носа. Рыжеватые волосы на голове и бороде давно не

чёлки, спутаны, всклокочены. Возбуждённый, отсутствующий, отрешённый взгляд обращен в сторону и куда-то вдаль. Лицо типичного алкоголика с расширенными подкожными сосудами.

«Портрет композитора» М.П.Мусоргского. 1881, холст, масло, 71,8x58,5 см, Государственная Третьяковская галерея, Москва

Сколько невыразимой, невысказанной, нечеловеческой тоски отражено в тяжелом взгляде помутневших от болезни глаз, полных глубокого страдания. Пациент, закутан в оливково-зелёный небрежно запахнутый халат с малиновыми бархатными мятыми отворотами. Под ним расшитая белая рубашка.

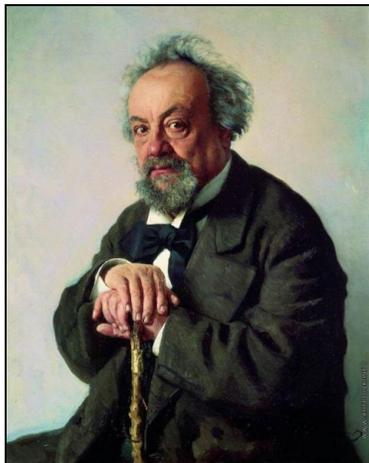
Портретируемому было безразлично происходящее в силу снижения у него критики и психической подавленностью, характерными для проявлений хронической алкогольной интоксикации. Это был последний портрет великого русского композитора Модеста Петровича Мусоргского.

Таков диагностический врачебный подход к изображённому на портрете больному человеку, с симптомами страдания, подмеченными художником реалистом и воплощёнными на его полотне.

Не могу обойти молчанием грустный факт небрежного, кощунственного отношения к могиле и останкам композитора. Его тело было захоронено на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. При расширении площади перед лаврой в 1935-1937 годах надгробия были перенесены, а могилы закатаны

асфальтом. В том числе и могила М.П. Мусоргского. Над ней ныне автобусная остановка...

***

Портрет Писателя А.Ф.Писемского. 1880
Государственная Третьяковская галерея

Портрет писателя Алексея Феофилактовича Писемского принадлежит к лучшим картинам И.Е. Репина, предельно реалистически отражающим физическое и психологическое состояние персонажа.

Так же, как и на картине Мусоргского, обращает на себя внимание возбуждённое лицо пациента... Да, по выражению лица я, как врач, вижу, что с человеком не всё в порядке, что есть признаки нездоровья, плохого самочувствия:

Утомлённое обрюзгшее лицо, «мешки» под глазами. Взгляд болезненный, напряжённый, недобрый, озлобленный, хотя некоторые описывают при этом умные, выразительные глаза». Очевидно, автор этих слов видел Писемского в лучшем состоянии. Я бы сказал, что глаза несколько затуманены. Кожа лица красновата. Углы рта под неухоженными усами кажутся опущенными, скорбное положение губ. Волосы на голове всклокочены, их сегодня расчёска не касалась... На лбу признаки увлажнения с прилипшими волосами.

Писатель сидит грузно, тяжело опираясь руками на крючковатую палку. Весь облик его выражает тревожное состояние, испуг. Писемский с детства был не очень здоровым мальчиком. Слишком впечатлительным, трусливым,

необоснованно боявшимся собак, опасавшимся, что дом его может сгореть при подходе к нему...

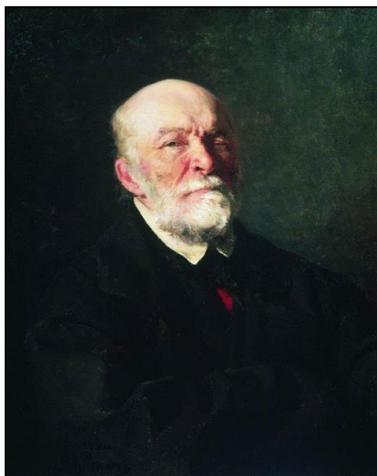
Позже в течение жизни периодически страдал приступами необъяснимой хандры с отвращением к писательству. Постепенно, постарев, пристрастился к алкоголю. Особенно перед сном, так как не мог заснуть без дозы спиртного и испытывал галлюцинации в виде преследования персонажами его произведений.

Значительную часть этих симптомов удалось отразить художнику-реалисту в великолепной по мастерству картине. Глядя на портрет, можно предположить диагноз заболевания - неврастения, психопатия на фоне тревожно-мнительного характера.

***

ПОРТРЕТЫ ВРАЧЕЙ НА КАРТИНАХ И.Е. РЕПИНА

И.Е. Репин написал много портретов выдающихся, но также и пару-тройку малоизвестных врачей. Он создал как народные типажи, так и образы деятелей науки, культуры и представителей власти. Среди них несколько учёных медиков, академиков и рядовых врачей.

Портрет хирурга Н.И. Пирогова. 1881 г.
Государственная Третьяковская Галерея

«Ах, как я люблю учёных!» — восклицал Репин и оставил нам, выраженное в живописи, свидетельство этой любви и почитания. В числе них портреты профессоров: невропатолога и психиатра В.М. Бехтерева, физиолога И.М. Сеченова, хирурга

Н.И. Пирогова, академика физиолога И.П. Павлова, доктора медицины военного врача К.Ф. Яницкого, доктора А.Г. Кострова.

В каждом из этих портретов художник стремился отразить и подчеркнуть индивидуальные черты каждого из своих персонажей. Хотя они были выхвачены из жизни в разные её периоды или даже мгновения, но для Репина важно было сохранить не только портретное сходство с человеком, но и ухватить наиболее типичный взгляд, выражение лица, манеру, позу в момент написания портрета. Не менее важно для художника было стремление отразить в портретах характер, мироощущение, волевые качества персонажа. Хотя многое зависело и от субъективной оценки художником выражения лица, позы и впечатления от портретируемого персонажа в период работы над картиной. Ему это было по плечу. Но оценка видимого на портрете человека зрителем, в частности мною – врачом, так же может оказаться субъективной и читатель вправе не соглашаться со мной. А иметь своё мнение.

***

Находясь под впечатлением торжественной и эмоциональной встречи на московском вокзале великого хирурга Николая Ивановича Пирогова, приехавшего в мае 1881 года на свой 50-летний юбилей научной и практической деятельности, И.Е. Репин нарисовал картину этой встречи. Н.И. Пирогов изображен здесь стоящим на площадке вагона, без головного убора, в очках.

Репин специально приехал на вокзал, чтобы потом запечатлеть на полотне всё увиденное, а после решил написать свой знаменитый портрет Пирогова. Пирогов позировал на трёх сеансах по просьбе Третьякова и Репина.

Репин очень гордился этим портретом и считал его лучшим своим произведением даже в сравнении с портретом писателя А.Ф. Писемского.

Портрет весьма психологично раскрывает образ великого хирурга, учёного, практика, труженика, педагога-гуманиста, военно-полевого хирурга, как теперь бы его назвали, участника русско-турецкой войны.

На портрете изображён благообразный семидесятилетний старик с чуть нахмуренным лбом, спокойным суровым лицом, испещрённым морщинами. Рот замкнут плотно сжатыми губами, прищуренным больным глазом, которым он хуже видел, и сложенными, как пишут (но на репродукции не видно), на груди руками.

Живой взгляд мудрого старца отражает его решительный характер и горячий темперамент, острый ум и целеустремлённость, на чём сходятся во мнениях его ученики, современники, друзья и биографы.

Склеп с телом Н.И. Пирогова в часовне имения «Вишня» на территории Музея Н.И. Пирогова

Мне, жителю Винницы и студенту-выпускнику медицинского института его имени, посчастливилось не только посещать музей Пирогова в его имении «Вишня», но и увидеть сохраняющееся в склепе (с 1910 года!) тело хирурга.

***

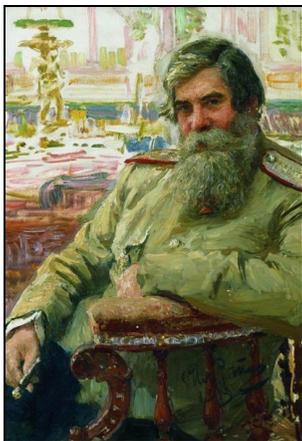
В.М. Бехтерев... Прекрасный портрет добродушного военного врача, красивого и благородного человека, смелого и талантливого учёного невропатолога и психиатра был написан И.Е. Репиным в 1913 г. Они дружили около трёх десятков лет. Они встречались в «Пенатах», в доме Репина, куда из Санкт-Петербурга в числе других гостей приезжали к художнику В.М. Бехтерев и И.П. Павлов. К 80-летнему юбилею Репина Бехтерев прислал ему нежное, дружеское письмо, заканчивавшееся словами: - «Ваш преданный друг и всегда Вас глубоко почитавший Вл. Бехтерев»

Бехтерев вёл здоровый образ жизни, что видно на портрете по его лицу и позе. Скрытая добродушная улыбка, розовый цвет лица, ухоженные мягкие усы и борода. Спокойная поза с удобно положенными руками.

Он никогда не пил и не курил. Спал у открытого в сторону моря окна. Вегетарианец, любил и молочное. Предпочитал листья салата без приправ, овсяный кисель с молоком. Этакой добрый сказочный дедушка, если бы не военный

мундир. И честный принципиальный взгляд на жизнь и профессию врача.

Это ему принадлежит заключение о невинности Менделя Бейлиса, обвинявшегося в ритуальном убийстве православного мальчика. Это он выступил в печати к врачам всего мира с протестом против продовольственной блокады России, организованной странами Антанты. Он активно протестовал против проводившегося в США обезьяньего процесса, откликнувшись статьёй «Борьба за науку».

Портрет невропатолога и психиатра В.М. Бехтерева. 1913 г.
Русский музей Санкт-Петербург

И, наконец, это он не побоялся произнести вслух диагноз больному Джугашвили, после его осмотра. Что бы ни писали после и теперь сатрапы и чинуши от медицины, трусливо не согласившиеся с этим диагнозом, вряд ли кто сейчас сомневается в психической ущербности тирана Сталина, погубившего миллионы советских людей, своих вчерашних соратников и друзей, родственников и всех несогласных с ним.

Да, настоящий «сухорукий параноик», подтвердивший всей своей деятельностью и поступками диагноз В.М Бехтерева – «паранойя».

24 декабря того же года во время Первого Всесоюзного съезда невропатологов и психиатров, на котором он получил звание заслуженного деятеля науки, В.М. Бехтерев скоропостижно скончался. Поспешная кремация после вскрытия только головного мозга для сокрытия возможного отравления и 30-летнее забвение.

Вторая жена Бехтерева, присутствовавшая при его кончине, была репрессирована в 1937 году и через месяц расстреляна. Сын Пётр сгинул в ГУЛАГе.

Только в 1970 году урна с прахом Бехтерева была изъята из мемориального музея и захоронена на Литераторских мостках. Памятник на надгробии работы известного скульптора М.К. Аникушина. Психоневрологический институт носит его имя, а директором долгое время была его внучка Наталья Петровна Бехтерева.

***

Портрет физиолога И.М. Сеченова. 1889. Третьяковская галерея

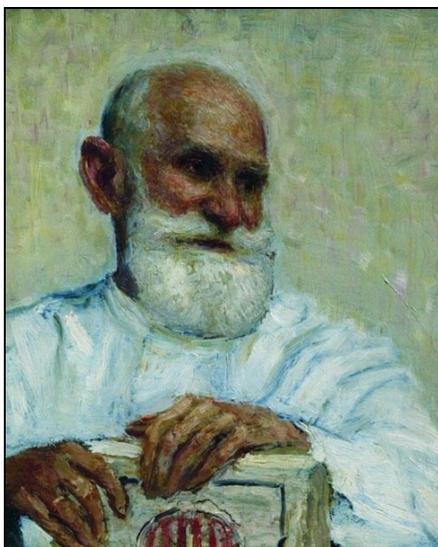
В портрете физиолога И.М. Сеченова обращают на себя внимание его внимательные глаза, их острый, осмысленный, любопытствующий взгляд в сторону собеседника (возможно работающего над портретом Репина), подвижное лицо, застывшее на мгновение.

Современники писали, что глаза и взгляд Сеченова невозможно выразить словами. И что это удалось Репину на портрете. Та же остановленная активность видна в его руках, казалось бы, продолжающих двигаться и в покое. На портрете изображен вполне здоровый, активный, подвижный мужчина.

В 1863 г. И.М. Сеченов написал свой выдающийся труд «Рефлексы головного мозга». Независимое поведение и прогрессивные взгляды физиолога, очевидно, не зря привлекали негласный надзор полиции... Тем не менее, его выдающиеся заслуги перед русской и мировой физиологической наукой отмечены присвоением первому Московскому медицинскому институту (ныне академии) его имени.

***

Более добродушного, доброго, доброжелательного лица, нежели на портрете академика И.П. Павлова, созданном И.Е. Репиным, нельзя себе и представить. Даже в лице Бехтерева, с его улыбкой, не было столько душевности, сколько вложено художником в изображение старейшего академика России, лауреата Нобелевской премии по физиологии. В 1935 на 15-м Международном конгрессе физиологов ученые всего мира назвали Павлова "Старейшиной физиологов Мира".

Портрет академика И.П. Павлова. 1924 г.
Государственная Третьяковская галерея

Старейший физиолог страны и мира нарисован И.Е. Репиным в халате, настолько светлого бело-голубого цвета, что делает всю картину сияющей, самого Павлова – таким добрым дедом Морозом из детских сказок...

Помимо глубоко посаженных глаз учёного и его улыбки нельзя пройти мимо его рабочих рук учёного, многое сделавших для подготовки и проведения своих оригинальных экспериментов, давших возможность многое найти, обобщить и обосновать по вопросам физиологии пищеварения и высшей нервной деятельности животных и человека.

Это не руки кабинетного учёного теоретика. Даже на портрете немолодой уже учёный (ему было 67 лет) в рабочем

лабораторном или врачебном халате, держит в руках предмет, имеющий, возможно, отношение к продолжающимся исследованиям, остановленным просьбой художника.

С 1918 года И.П. Павлов немало времени проводил в психиатрической больнице, а с 1931 он организовал в нервной и психиатрической клиниках научные заседания: так называемые, «клинические среды», которые продолжаются и по сей день.

***

Портрет врача Константина Францевича Яницкого 1865 г.
Государственная Третьяковская Галерея

Мне не удалось обнаружить, когда и при каких обстоятельствах И.Е. Репин писал портрет доктора медицины Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, флагманского доктора Балтийского флота К.Ф. Яницкого.

Его яркий и красочный портрет отражает мужественное лицо красивого и статного офицера, настоящего военного врача. Выразительный, устремлённый, спокойный взгляд. Здоровое молодое лицо, чисто выбритая кожа, аккуратно подстриженные виски и закрученные книзу усы, глубокие морщины над переносицей и от крыльев носа придают ему облик серьёзного и ответственного человека. Прослужил он врачом на флоте до 1872 года, после чего вышел в отставку.

Об этом портрете ничего не могу сказать, ибо никаких данных не нашёл. Однако не показать его также нет оснований.

Портрет доктора Г. Кострова
Львовская государственная картинная галерея

***

Таковы картины и портреты И.Е. Репина. Некоторые из них называют «смертельными картинами» из-за отражения в них лиц и событий, запечатлённых художником незадолго до смерти персонажей. Оставляя в стороне картину с констатацией смерти Чижова и сцену убийства Иваном Грозным царевича Ивана, следует отметить, что портреты Пирогова и Мусоргского Репин закончил писать буквально за день до их кончины. Писатель Гаршин тоже погиб через небольшой промежуток времени после сеанса позирования. Столыпин, портрет, которого Репин писал, был застрелен на следующий день после его завершения. Эти совпадения, конечно, надуманы и случайны, но факты такие отмечены и их мистическое воздействие на непосвящённых оставляет неприятный осадок. Не зря же я нашёл только чёртову дюжину картин И.Е. Репина, вызвавших у меня профессиональный интерес, среди их огромного числа...

Михаил Цаленко

Взгляд назад невидящих глаз

Разговор с предполагаемым читателем

не трагик в провинции,
Не герой, не злодей,
Я родившийся в Виннице
Старый еврей,

И не драму шекспирову
Я ташу за собой.
Просто я эмигрировал,
Унесенный судьбой,

И ташу с собой родину
От гребенок до ног,
Только жить в ней уродливо
Я до смерти не смог.

В жизни каждого человека есть только три времени – Весна, Лето и Осень. Зимы нет, зимой под холодным белым покровом, под завывание вьюг, под ярким негреющим солнцем, в длинных темных ночах зарождается надежда на продолжение жизни, на новый расцвет, на дыхание Весны. У человека нет возможности заново пройти свой путь, но у него остается потомство, которому он хочет передать свой опыт, чтобы, движимый родительской любовью, подготовить своих детей и внуков к преодолению непредсказуемых и подчас трагических реалий жизни.

Сделать это сложно, так как условия существования и функционирования человеческих сообществ меняются очень быстро. Значительная часть индивидуального жизненного опыта определяется местом обитания и временем в истории. Новое время по существу положило конец передаче традиций от поколения к поколению по крайней мере в западной цивилизации. Через сто

лет внуки зачастую не имеют ни малейшего представления об образе жизни и деятельности своих предков, а миллионы людей мигрируют по всему миру, довольно быстро приспосабливаясь к новым условиям существования.

Однако пять тысяч лет развития цивилизации не изменили основных положительных и отрицательных мотивов человеческой деятельности, придав им неизмеримо большую силу. В частности, стремление к доминированию, господству, захвату отдельных личностей, социальных групп и целых народов по-прежнему играет важную роль в истории, ставя под угрозу само существование человечества.

Одна из глав "Сестры Керри" Т. Драйзера начинается следующим утверждением: "Человечество находится на середине своего пути - мы уже не звери, но мы еще не люди". Мне кажется, что эта середина передвигается в истории, поскольку размах бессмысленного насилия и безжалостное убийство миллионов людей пропорциональны размеру человеческой популяции. Только ненависть ко всем проповедникам насилия, усвоенная нашими потомками как единственная заповедь сможет остановить передвижение этой середины. Ненависть порождает силу, и эта сила должна быть направлена на спасение человеческих жизней.

В современном мире тоталитаризм, религиозный или идеологический, порождает непрерывную цепь насилий и убийств, и, уходя со сцены, мы должны научить наших потомков ненавидеть тоталитаризм во всех его проявлениях. Это можно делать по-разному, в том числе оставив им на память истории погибших или погибающих семейных кланов. Ребенок, выросший в тепле и уюте семейного гнезда, подсознательно сохраняет привязанность к своему прошлому, забытому или неизвестному, и трагедии предков не могут оставить его равнодушным.

Я не люблю мемуарную литературу по двум причинам. Во-первых, мемуары зачастую рассматривают как исторический источник, хотя достоверность описываемых событий практически невозможно проверить. Во-вторых, авторы мемуаров вольно или невольно не могут быть объективными в своих оценках описываемых людей и событий, поскольку их взгляд на окружающий мир чрезвычайно ограничен индивидуальным жизненным опытом, собственной психологией и унаследованной или воспринятой идеологией. Однако моей судьбе было угодно распорядиться таким образом, что после пятидесяти лет напряженной, трудной, радостной, грустной, успешной и безуспешной жизни в Москве, после постоянного общения с выдающимися учеными, общественными деятелями,

профессиональными литераторами, музыкантами, художниками я заканчиваю "свой поход на Тихом океане", в прекрасном, эклектичном, непредсказуемом Сан-Франциско, ведя праздную жизнь и имея много свободного времени для размышлений о прожитом, о траектории моей жизни, похожей на траектории многих знакомых и незнакомых людей моего поколения, пытаюсь понять уроки истории, преподанные человечеству двадцатым веком. Я неожиданно осознал, что в моей биографии имена людей, точные даты, названия географических мест, даже отдельные события не имеют особого значения, они только позволяют придать наглядность фрагменту социальной истории – истории целого поколения людей, родившихся в западных областях бывшего Советского Союза накануне Второй мировой войны и чудом уцелевших, потеряв в братских могилах, в концентрационных лагерях, в печах Освенцима свои корни, своих родных и близких. Закономерности истории проявляются в изменении социальной структуры человеческих сообществ, которые могут быть выявлены только в схожести многих человеческих судеб. Эти соображения заставили меня оглянуться назад. Я обнаружил, что мой личный "круг общения", состоявший из благородных, умных, добрых и интеллигентных людей, долго позволял мне игнорировать и бессмысленность официальной навязываемой идеологии, и существующее беззаконие, и собственное бесправие, и экономические проблемы, не выражая социального протеста. Но тоталитарное государство рано или поздно вторгается в частную жизнь своих граждан, ломая и разрушая ее в силу собственных внутренних законов. Оно вторглось и в мою личную жизнь, и я, как и многие мои сверстники, был вынужден вступить в борьбу за свои права и права моих детей. Тоталитаризм во всех формах его проявления служит серьезным предупреждением нашим потомкам.

ВЕСНА

Происхождение

Я появился на свет в феврале 1939 года в небольшом провинциальном западноукраинском городе Виннице и остался единственным ребенком своих родителей, выросших в многодетных еврейских семьях. До революции они жили в маленьких местечках неподалеку от Винницы, но их семьи вынуждены были переселиться в город, спасаясь от петлюровских погромов.

Мой отец Шамшон Львович Цаленко родился в 1912 году в местечке Дзюньков, по-видимому, исчезнувшем с

географической карты. Там жила большая семья моего прадеда. У прадеда было 14 детей, многие из которых умерли в раннем возрасте, однако к началу революции у него осталось шесть взрослых детей и много внуков. Прадед владел бакалейной лавкой и обеспечивал немногочисленное население Дзюнькова, состоявшее в основном из семей рабочих местного сахарного завода, необходимыми для повседневной жизни товарами: керосином, спичками, мукой, сахаром и т.п. Часто товары отпускались в долг, и для расчетов с клиентами велась специальная ведомость. Не исключено, что фамилия Цаленко произошла от немецкого слова zahlen (считать), перешедшего в идиш без изменений. Прабабушка была энергичной женщиной, обеспечивавшей лавку мужа товарами, и, несмотря на обилие детей, много разъезжала.

Прадед был расстрелян петлюровскими бандитами в 1918 году, когда ворвавшиеся в местечко петлюровцы собрали местных евреев и потребовали от них денег и золота. Вместе с прадедом погиб его старший сын, а мой дед чудом уцелел, накрытый телом своего отца. В соседней деревне погибла вся семья старшего сына: его жена и четверо детей были заживо сожжены петлюровцами. Как утверждал Шимон Маркиш, ссылаясь на Василия Гроссмана, за три года с 1915 по 1918 в результате погромов погибла десятая часть еврейского населения Украины: 150 тысяч из полутора миллионов.

Спустя десять лет младший из сыновей прадеда Янкель приехал в родные места и не нашел знакомого с детства дома, на его месте стояло новое здание сельсовета. Соседи рассказали Янкелю, что при сносе дома прадеда из стен высыпались царские золотые десятирублевки, и на эти средства построили сельсовет. Лейтмотив "Двенадцати стульев" оказался не вымыслом, а реальностью.

Моя мать Бенета Моисеевна Мильман родилась в 1914 году в местечке Янов, тоже расположенном вблизи Винницы. Ее отец умер вскоре после ее рождения, но его фамилию она сохранила до конца своих дней. Мама была третьим ребенком, старший брат Гриша родился в 1909 году, а сестра Соня - в 1912 году. Бабушка Хава довольно быстро снова вышла замуж, и ее второй муж тоже имел троих детей. Поэтому в первые послереволюционные годы в доме было много детской суеты.

Я не знаю, в каком доме бабушкина семья жила после переезда в Винницу, но дом, в котором я прожил первые два с половиной года, был большим одноэтажным кирпичным, с множеством комнат, а семья была достаточно обеспеченной,

поскольку ее глава работал управляющим Винницкого сахарного треста. По маминым воспоминаниям бабушка не любила заниматься домашней работой, но твердо управляла своим большим семейством, требуя от детей соблюдения порядка и дисциплины. Она обладала светлым умом, и соседи постоянно обращались к ней за советами.

В начале тридцатых годов бабушкины дети стали разлетаться из родного гнезда. Мамина сестра Соня, моя любимая тетя, уехала в Москву, а брат Гриша уехал учиться в Харьков. Мама окончила сельскохозяйственный техникум, но в голодные годы на Украине работать в деревне было очень трудно, и она вернулась домой, где стала бухгалтером. Когда она познакомилась с моим папой, тот работал на механическом заводе и одновременно учился на рабфаке. Папина семья жила очень бедно, дед был сапожником, его вторая жена тяжело болела, вместе с ними жили трое детей: папа, его младший брат Миша и их сестра Поля.

Через три месяца после моего рождения врачи обнаружили у меня врожденную глаукому, болезнь, встречающуюся чрезвычайно редко у новорожденных. В те далекие времена не были известны лекарства, восстанавливающие нормальное глазное давление, а операции были очень сложными, делались под общим наркозом, длились часа четыре и обычно не приводили к успеху. Первая сделанная мне в Киеве операция оказалась безуспешной. Но на заре моей жизни судьба оказалась благосклонной. Моя бабушка Хава была знакома с ассистенткой знаменитого Владимира Петровича Филатова, и благодаря этому знакомству я попал в его руки. Летом 1940 года Филатов сделал повторную операцию на правом худшем глазу. Он сам не верил в успех операции и с грустью сказал маме: "Капайте, не капайте, Вашему мальчику ничего не поможет". Филатов ошибся, сделанная им операция спасла правый глаз. Спустя семьдесят лет американские офтальмологи не перестают воспринимать проделанную им работу как чудо.

Нам было велено приехать через год, чтобы оперировать левый глаз. Но через год началась война с Германией.

Эвакуация

Папа был призван в армию 23 июня, на следующий день после начала войны, через несколько дней ушел в армию его младший брат Миша. Вскоре в Виннице остались женщины с детьми, старики и инвалиды. События развивались стремительно, в городе царили неразбериха и паника, началась стихийная

эвакуация, но десятки тысяч людей оказались ни физически, ни морально неподготовленными к тому, чтобы бросить свои дома и отправиться в неизвестность на восток. Связанные пактом Молотова – Риббентропа советские власти не публиковали информацию о концентрационных лагерях в Германии, о бесчинствах фашистов в Польше и Чехословакии, о массовых расстрелах евреев на оккупированных территориях. В эти страшные дни поведение людей не поддавалось рациональному объяснению, решения принимались импульсивно, а их последствия с равным успехом могли привести к гибели или к спасению.

Моя семья - наглядное подтверждение сказанного: половина семьи погибла, половина пережила войну.

Мама уехала со мной из Винницы за десять дней до того, как немцы вступили в город, присоединившись к семье своей старшей сводной сестры. Проведя около двух месяцев в вагонах поездов в разгар жаркого лета 1941 года при постоянной нехватке еды и питья, при полном непонимании того, что происходит вокруг тебя и в мире, куда несет нас рок событий, мы с мамой оказались в Янги-Юле, в то время небольшом узбекском городе в сорока километрах от Ташкента. По дороге мама едва не потеряла меня. Однажды, когда поезд очередной раз остановился посреди раскаленной казахстанской степи, она отправилась на поиски воды, оставив меня в вагоне. Вернувшись, она не обнаружила поезда и бросилась бежать вслед по шпалам под обжигающим солнцем. На ее и мое счастье поезд проехал немного и снова встал, и мама смогла его догнать.

В Янги-Юле мы прожили более трех с половиной лет, снимая проходную комнату с земляным полом у узбекских хозяев. Сначала вместе с нами в этой комнате жила супружеская пара из Винницы, опекавшая меня, так как мама очень быстро нашла работу – бухгалтеры требовались всегда. Через несколько месяцев меня отправили в детский сад, а наши компаньоны нашли себе отдельную комнату, и началась наша обыденная узбекская жизнь, наполненная неизвестностью, страхами, ожиданиями и надеждами.

Детская память – удивительная вещь, почти невозможно предвидеть, что в ней сохранится на всю жизнь. Мы уехали из Узбекистана, когда мне было пять лет и три месяца, но я отчетливо помню наше жилище. Одноэтажный дом был отгорожен от улицы высоким глинобитным забором, от калитки направо к нему вела неширокая дорожка, вход в нашу комнату был прямо со двора. Направо от двери на стене висело небольшое небольшое прямоугольное зеркало, под которым стояла фанерная тумбочка.

Каждый день перед нашим выходом из дома мама причесывалась перед зеркалом, дожевывая кусок черного хлеба с луком. На той же стене за зеркалом было единственное окно. Оно находилось в углу, поэтому хорошо освещалась только правая часть комнаты. Напротив входной двери в углу стоял какой-то обогревательный прибор, не помню, что именно стояло, перпендикулярно окну вдоль стены стояла железная кровать, на которой мы спали вдвоем, а под ней в чемоданах и сумках хранилась наша одежда. Еще одна картина врезалась в память: под проливным дождем вечером кто-то лежал под забором и рыдал на всю улицу. Два чувства – страх и жалость – остались в памяти на всю жизнь. В годы войны было много слез. Последняя картина, сохранившаяся в памяти и похожая на кинокадры – это наш отъезд из Ташкента в Москву в мае 1944 года, но об этом чуть позже.

Обосновавшись в Янги – Юле, мама отправила письмо в Москву своей сестре Соне. С этого момента моя тетя стала регулярно отправлять нам посылки с продуктами и одеждой. Хотя во время войны посылки шли очень долго, они все-таки приходили и всегда были приятным сюрпризом. Через десять месяцев после начала войны отыскался папа. В волховских болотах он схватил болезнь Боткина и попал в госпиталь. Возвращаясь на фронт, он проездом оказался в Москве и пришел к тете Соне. Узнав наш адрес, он прислал свое первое письмо, и переписка с ним никогда не прерывалась. Его военная карьера сложилась удивительным образом. Оказавшись в армии с самого начала войны, он прослужил пятнадцать лет до 1956 года. Поскольку у него был каллиграфический почерк, и он мог писать без ошибок, папа всю войну находился в действующей армии, занимаясь оформлением и обеспечением сохранности партийных документов, что по тем временам считалось ответственной работой. В конце войны, когда советские войска уже находились в Польше, папа чудом остался жив: ночью в дом, где спали офицеры, угодил немецкий снаряд, разрушивший три стены, но часть дома, в которой спали офицеры, уцелела.

Жизнь родных, оставшихся в Виннице, закончилась трагически – все они были расстреляны в конце сентября 1941 года в винницком Бабьем Яру. Бабушка Хава и ее муж решились на выезд из города в тот момент, когда мост через Буг, соединявший западный берег с восточным, был практически разрушен. Оставались только стропила, по которым еще можно было перебраться на восточный берег, где находился железнодорожный вокзал. Бабушка смогла перейти мост, а ее муж не смог преодолеть страх, и она вернулась. В моей комнате висит

портрет бабушки, нарисованный неизвестным художником после войны с небольшой сохранившейся фотографии. С портрета на меня смотрит строгим не улыбочивым взглядом незнакомая женщина, чем-то напоминая маму, и эта женщина всегда была и остается для меня символом мужества и преданности. В один день погибли восемь членов моей семьи: бабушка с ее мужем и двумя его детьми, дедушка с отцовской стороны, его дочь и две его сестры. Младший папин брат Миша погиб в 1942 году под Харьковом во время летней катастрофы советских войск.

Весной 1944 года тетя Соня сумела получить для нас разрешение переехать к ней в Москву. Наша жизнь в Узбекистане подошла к концу. Перед отъездом маме удалось снова показать меня Филатову, работавшему тогда в военном госпитале в Ташкенте. Филатов сказал, что нужна немедленная операция на левом глазу и написал рекомендательное письмо своей бывшей ассистентке Анне Зиновьевне Гольденберг, заведовавшей микробиологической лабораторией в известном глазном институте им. Гельмгольца.

И снова детская память навсегда зафиксировала красочные эпизоды нашего переезда в Москву. Из Ташкента мы уезжали поздней ночью, перрон слабо освещался горевшими в полсилы фонарями, в полутьме мелькали отъезжающие, провожающие, грузчики, проводники и, по-видимому, много воров. Мама уложила меня на верхнюю полку и велела руками и ногами ощупывать вещи, которые она принимала через открытое окно. Нас провожали две сводные бабушкины сестры, специально приехавшие из Самарканда, и нанятый грузчик – узбек. Все трое на разные голоса кричали: "Бebка, Бebка", подавая вещи в окно. Маму родные называли Бebка. Операция "Посадка" прошла успешно, и мы покатали в Москву.

Ехали целую неделю, была поздняя теплая солнечная весна со свежей листвой на деревьях и разлившимися реками. Переезд через Волгу потряс меня, казавшееся бесконечным пространство колыхающейся, волнистой, журчащей воды, ослепляющей отраженными лучами висящего над головой раскаленного солнца, заморозило настолько, что ощущение бесконечности осталось у меня навсегда.

Наконец, 29 мая 1944 года мы прибыли в столицу. Деревянная платформа Казанского вокзала, залитая солнцем, быстро заполнилась приехавшими и встречающими. Мы попали в объятия двух полных женщин – моей тети Сони и ее подруги Нины Григорьевны Алексеевой. Обе работали начальниками карамельных цехов кондитерской фабрики им. П.А. Бабаева.

Женщины подхватили наш багаж, и мы радостно зашагали по платформе.

Два дошкольных года

Следующие пять с половиной лет мы прожили втроем в маленькой девятиметровой комнате на втором этаже полукирпичного, полудеревянного дома, стоявшего во дворе фабрики и принадлежавшего ей. Во второй большой комнате двухкомнатной квартиры жила семья Солнцева: Антонина Степановна, начальник шоколадного цеха, ее муж Алексей Васильевич, мастер на той же фабрике, и Дарья Никифоровна, мать Антонины Степановны. Между двумя комнатами находилась кухня с печью, топившейся дровами. Во дворе каждая квартира имела сарай, в котором хранились заготавливаемые на зиму дрова. Чтобы войти в квартиру, надо было пройти через коридор, где находился туалет и хранились мешки с картофелем и бочки с квашеной капустой.

Справа от входа в нашу комнату располагались два окна, между ними стоял небольшой дощатый квадратный стол с приставленными к нему тремя стульями. За столом вдоль противоположной стены располагался диван, на котором спала тетя Соня. Слева от двери стоял двухстворчатый гардероб, левым боком упиравшийся в прямоугольный выступ, закрывавший трубу печного отопления. Этот выступ образовывал нишу для маминой кровати, а между кроватью и диваном помещалась небольшая крашеная тумбочка. У меня не было места для ночлега, и первое время я спал вместе с мамой. Когда я подрос, три стула выставлялись перед гардеробом вдоль выступа, а их спинки ограждали меня с другой стороны. На такой импровизированной кровати я проспал до тех пор, пока, начитавшись "Молодой гвардии", ночью не поднялся и не пошел в атаку на врага. Хотя смелая атака окончилась лишь шумным падением без травм, но с моей "кроватью" пришлось расстаться.

Вскоре после нашего приезда Алексея Васильевича призвали в армию, и я остался в окружении четырех женщин.

Тетя Соня проводила на фабрике 14-16 часов и приходила домой только спать. Фабрика во время войны работала круглые сутки, готовя продукты для действующей армии. Мама снова быстро нашла работу напротив нашего дома. Во время обеденного перерыва она приходила кормить меня.

Конечно, в первые же после приезда дни она передала Анне Зиновьевне письмо Филатова. С этого момента я обрел ангела – хранителя, на протяжении тридцати лет делавшего все возможное для спасения моего зрения. В конце сороковых годов

Анна Зиновьевна изобрела пилокарпин, но ее национальность не позволила ей стать сразу доктором наук, ей присвоили только степень кандидата. В течение десятилетий она была Ученым секретарем института им. Гельмгольца.

Я не знаю, сколько врачей смотрели меня перед моей третьей операцией, но первый прием у академика М.М.Авербаха тоже навсегда остался в памяти. По-видимому, я впервые видел перед собой такого старого человека с черной шапочкой на голове, с трясущимися руками, неспособного самостоятельно одеть очки. Очки ему надевала Анна Зиновьевна. Вердикт был неутешителен: левый лучший глаз за время войны практически потерял, чтобы спасти остаток зрения нужна срочная операция. Авербах скончался через три недели после приема, и операцию мне сделал новый директор глазного института профессор Колэн. Вновь вопреки неутешительной статистике операция оказалась успешной, на протяжении многих лет на глазу сохранялось 10 процентов зрения, а давление до сих пор остается в норме.

Послеоперационный период прошел без осложнений, и тетя Соня устроила меня в детский сад фабрики, где нас хорошо кормили, получая продукты непосредственно с фабрики. В это же время мама стала учить меня читать. Ей удалось быстро научить этому искусству: на сохранившихся фотографиях, сделанных в детском саду, я читаю для детей из моей группы книжку о маленьком Ленине.

Тем временем война кончилась, и мои родители узнали о гибели своих родных. Но этим трагическим известиям предшествовало подлинно всеобщее ликование 9 мая 1945 года. Праздничный салют мы наблюдали в самом центре Москвы на Охотном ряду около гостиницы "Москва". Меня водрузили на внешний подоконник гостиницы, чтобы я не оказался раздавленным в невиданном скоплении народа. Небо ярко освещалось прожекторами, и когда в небе появился портрет Сталина, от громоподобного ура я не мог слышать голосов стоявших рядом мамы и тети Сони. Шестилетний ребенок не мог понять историческое значение произошедшего, но смог увидеть момент всеобщей радости, облегчения и надежды. Я запомнил, что многие люди плакали. Они плакали не только от радости, они вспоминали тех, кто погиб в немыслимой, небывалой человеческой бойне.

Война породила невероятную волну жестокости, подлости и предательств. На ее фоне проявления благородства, человеческой солидарности и самопожертвования всегда кажутся невообразимым чудом. Такое чудо произошло с одним из сыновей

моего прадеда Гришей. Он и его будущая жена были спасены в одной из деревень Западной Украины русской попадшей. Она скрывала Гришу и молодую девушку Симу в своем погребе более трех лет. Когда немецкие солдаты приближались к ее дому, она выходила к ним с иконами, и поэтому ее дом никогда не обыскивали. Однако когда Гриша и Сима покинули наконец свое убежище, то местные жители кричали им вслед: "Вот идут недобитые жиды!"

В феврале 1946 года в Москву приехал на несколько дней папа. Он привез избирательные бюллетени офицеров и солдат своей части после первых послевоенных выборов. Перед его приходом меня спрашивали, как я узнаю папу, а я отвечал, что спою песенку "Капитан, капитан, улыбнитесь" и проверю, есть ли у него золотой зуб. У него с молодости была золотая коронка, и мама мне об этом рассказывала. Папа в те дни действительно был капитаном. Воссоединение нашей семьи окончательно произошло лишь в начале пятидесятого года, когда папу перевели в Москву. В течение четырех лет он служил в танковых частях на Украине, а мама считала, что я должен оставаться в Москве под наблюдением выдающихся глазных врачей. Когда я пошел в школу, она быстро привыкла к моим пятеркам, и я не помню, чтобы она когда-нибудь меня хвалила за отметки. Мое зрение волновало ее больше, и она регулярно отпрашивалась с работы, чтобы попасть на очередной прием к Анне Зиновьевне. Очень часто приема приходилось ждать долго, так как Анну Зиновьевну постоянно отрывали по институтским делам. Сам прием тоже продолжался долго, первые годы мне было трудно измерять глазное давление тогдашними приборами, и Анна Зиновьевна подолгу стояла передо мной на коленях, пока ей удавалось добиться результата.

Школьные годы

Первого сентября 1946 года я впервые переступил порог средней школы #317 Железнодорожного района Москвы. Район назывался Железнодорожным, так как в него входила Комсомольская площадь с прилегающими тремя вокзалами. В то далекое время школа находилась на Верхней Красносельской улице между станцией метро "Красносельская" и Проезжей улицей. Красносельская была застроена в основном одно- и двухэтажными деревянными домами с печным отоплением, окруженными грязными дворами. Большинство жителей этих домов работали на заводах и фабриках, расположенных вдоль Красносельской: кондитерская фабрика, хлебозавод, фабрика – кухня, станкостроительный завод имени Маленкова и т.п. Но

напротив школы #317 располагались главные органы управления районом: райком партии и райисполком, отделенные от улицы металлическим забором и небольшим зеленым газоном, а во дворе школы ютились все те же убогие одноэтажные дома.

В моей зрительной памяти сохранились синева-серые лица моих одноклассников в первые послевоенные годы. Наша серая униформа вполне соответствовала цвету их лиц. Но только много лет спустя я понял, что серость лиц была следствием того нищенского полуголодного существования основной массы жителей Красносельской и прилегающих к ней улиц. Многие сверстники жили в густонаселенных коммунальных квартирах, где мат был неотъемлемой частью русского языка, где раздоры между соседями были нормальной формой сосуществования, где пьянство было повседневным явлением. Можно лишь удивляться тому, что в школе ссоры, драки, воровство были довольно редки. Можно лишь удивляться тому, что в моем классе за десять лет меня никто не обозвал жидом, хотя я был единственным еврейским учеником, а в других классах случалось, что еврейских детей били. Только в девятом классе, когда мальчики и девочки стали учиться в общих школах, две девочки по дороге из школы поинтересовались, являюсь ли я евреем. Получив утвердительный ответ, они к этой теме больше не возвращались.

Наша коммунальная квартира была одним из немногочисленных исключений, соседи жили дружно, постоянно обсуждали семейные и производственные новости, и каждый по-своему уделял мне внимание. Часто Солнцева играла со мной в домино, и вся квартира потешалась, когда я утирал слезы в случае проигрыша. Когда я выходил во двор

погулять, Дарья Никифоровна, которую все звали "баба Дарья", не отходила от окна, наблюдая за мной: не дай бог кто-то захочет меня обидеть.

В первых четырех классах нашей учительницей была Зинаида Владимировна Князева, русоволосая, стройная женщина, без крика и шума управлявшая классом. Она запомнилась в вязаной кофточке с разноцветными горизонтальными полосками, которую носила в холодное время года. Учителя получали нищенскую зарплату и не могли часто менять одежду. К сожалению, и в настоящее время во многих странах мира учителя получают низкую зарплату. Например, в США мужчину – учителя принято считать неудачником, не способным заработать достаточно денег.

В реальной жизни иногда в самых обиденных ситуациях, при самых лучших намерениях могут произойти несчастные

случаи. Подобный случай произошел со мной в четвертом классе. Я всегда сидел в среднем ряду на первой парте справа перед столом учителя. Однажды во время урока Зинаида Владимировна попросила меня отнести классный журнал в учительскую. Я отнес журнал и, подойдя к двери класса, как примерный ученик, постучал в дверь, ожидая разрешения войти. Вместо ответа учительница резко открыла дверь и дверной ручкой попала в верхний угол правого глаза. Сила удара была ослаблена очками, но тем не менее произошло небольшое отслоение сетчатки, и если глаз устает, то в месте удара до сих пор появляется боль.

В пятом классе нашим классным руководителем стала Мария Владимировна Казакова, одинокая грустная женщина с рыжеватыми волосами, асимметричным лицом и печальной улыбкой. Она побывала на фронте, но никогда не рассказывала о войне. Ее доброта подкупала, и класс ее любил. Мария Владимировна преподавала математику и умела ясно излагать доказательства геометрических теорем, следуя учебнику Киселева. Мне редко приходилось подходить к доске, чтобы рассмотреть чертеж.

С удовольствием я стал учить немецкий язык, может потому, что он напоминал мне идиш. Родители и тетя Соня переходили на него, если хотели что-то скрыть от меня. Другим любимым предметом была история, которую с искренним или наигранным энтузиазмом преподавала Клавдия Ивановна. Мне нравилось ее слушать, но после событий января 1953 года я ее возненавидел. В январе появилось известное сообщение советского руководства о разоблачении группы убийц в белых халатах, собиравшихся покончить с руководителями Советского Союза. Большинство заговорщиков были врачи – евреи, занимавшие высокое положение и лечившие главных лиц страны. В тот день в школе царило странное затишье, на первых уроках никто из учителей ничего не сказал о случившемся. Но когда в классе появилась Клавдия Ивановна, все изменилось. С присущим ей пафосом она обрушилась на злодейский замысел еврейских врачей, разукрашивая свою речь вымыслами о гибели новорожденных детей в родильных домах, об отравлениях больных в больницах вследствие преступной деятельности медицинского персонала определенной национальности. С первых ее слов я почувствовал себя испуганным и затравленным, не верящим ни одному слову, но не способным противостоять потоку чудовищной лжи. В классе стояла напряженная тишина, но никто из моих одноклассников не упомянул о том, что я еврей. Однако в соседнем классе еврейского мальчика избили. С того дня на

протяжении полутора лет уроки истории стали для меня тяжелым испытанием.

В моей семье никто не занимался музыкой, хотя в винницком доме стояло пианино. Но в Москве я стал слушать радио, и мне очень понравилась скрипичная музыка в исполнении Давида Ойстраха. Понравилась настолько, что я стал повторять: "Хочу играть как Ойстрах". Трудно сказать, что побудило маму отвести меня в районную музыкальную школу на прослушивание, но там нашли, что у меня абсолютный слух и приняли в класс скрипки к Валерию Яковлевичу Чернышову. Мне он казался крупным, высоким, погруженным в себя и безразличным к своим ученикам. Однако первые полгода наших занятий оказались столь успешными, что, играя "Сурок" Бетховена, я выиграл московский конкурс юных музыкантов, и маме предложили перевести меня в Центральную музыкальную школу. Наверное, у многих родителей от такого предложения "в зубу дыханье сперло" бы, но мама проявила спокойствие и мудрость, сказав, что я сам со временем должен выбрать свою специальность.

По-моему, человек со слабым зрением от рождения не может быть профессиональным музыкантом хотя бы потому, что он не может играть с листа. Прежде, чем что-либо сыграть, я учил ноты наизусть, не притрагиваясь к инструменту. Юрий Файер, почти потеряв зрение, мог дирижировать оркестром Большого театра потому, что знал все балеты наизусть. Во втором классе музыкальной школы начинался новый предмет – общее фортепиано, но у нас не было пианино, да и ставить его было некуда. Поэтому я учил ноты наизусть, одновременно стуча пальцами по столу. На уроке я воспроизводил запомненное на реальном рояле и сносно демонстрировал домашнее задание. На следующий год мои мучения кончились. В нашем дворе находился клуб фабрики, и на сцене большого зала стоял рояль. Тетя Соня договорилась с уборщицами клуба, что они будут пускать меня в зал для занятий музыкой. Меня впускали в темный зал и запирали. В полной темноте я добирался до сцены, там включал свет, зубрил ноты, наконец-то имея возможность воспроизвести выученное. Чтобы выбраться из зала, я снова в темноте добирался до двери и звонком сообщал уборщице, что меня пора выпустить.

К сожалению, мои преподаватели скрипки довольно часто менялись. Чернышова сменил новый директор музыкальной школы Ян Михайлович Плисков, вечно улыбающийся, с рыжеватыми вьющимися волосами, всегда довольный и поэтому мало чему научивший, и наконец в пятом классе появился Анатолий Густавович Ширвиндт, отец знаменитого Александра

Ширвиндта. Первое время он казался мне человеком из другого мира, может быть, от того, что всегда носил вместо галстука бабочку, и всегда говорил негромко, не повышая голоса. Анатолий Густавович, окончив юридический факультет Ленинградского университета, затем окончил Ленинградскую консерваторию по классу знаменитого профессора Леопольда Ауэра и стал скрипачом. Во время войны он часто в составе бригады артистов выезжал в действующую армию. Уже в конце войны в машину с музыкальными инструментами попал снаряд, и Ширвиндт остался без скрипки. Но по приказу Жукова артистам немедленно доставили на выбор коллекцию конфискованных инструментов, и в руках у Анатолия Густавовича оказалась скрипка, сделанная известным итальянским мастером Гварнери. Впоследствии скрипка попала в руки Владимира Спивакова, а ее история подробно описана в книге воспоминаний Александра Ширвиндта.

Анатолий Густавович занимался со мной шесть лет: три года в музыкальной школе и три года как частный педагог у себя дома. Он жил на Старом Арбате в Скатертном переулке, где его семья занимала две небольшие смежные комнаты в большой коммунальной квартире. Попадая в неосвещенную прихожую с освещенной лестничной клетки, я ощущу отыскивал нужную мне дверь и попадал в необычный мир с полированной мебелью, со сверкающим хрусталем за стеклянными дверцами шкафов, с картинами и фотографиями на стенах. Жена Ширвиндта была актрисой Художественного театра, но по болезни была вынуждена оставить сцену. На стене висел портрет К.С. Станиславского с дарственной надписью хозяйке дома. Она была очень красивой женщиной, и сын унаследовал ее красоту и артистические способности, а музыкой заниматься не захотел.

За шесть лет занятий мы прошли обширный скрипичный репертуар от чакон Баха и Витали до концерта Мендельсона и мазурок Венявского. Не помню, чтобы мой учитель хвалил меня, но все-таки в какой-то момент он решил показать меня в училище при консерватории. Однако перед окончанием школы я уже больше занимался математикой, чем игрой на скрипке, и мое выступление не было успешным.

В 1947-1949 годах мы уезжали летом на Украину к папе. Сначала мы с мамой приехали в Харьков, где меня поразило обилие разрушенных домов с выбитыми окнами. Тогда мне никто не объяснил, что дома были разрушены во время войны и их не успели восстановить. Но, проходя мимо таких домов, я всегда испытывал необъяснимый страх - от них веяло холодом и запустением. Ровно через двадцать лет я оказался в Дрездене, где

уже не было разрушенных домов, но среди застроенных кварталов постоянно встречались расчищенные пустыри на месте уничтоженных в 1945 году районов города. И тогда я вдруг отчетливо почувствовал, что цивилизация не смогла вытравить варварство, если люди с возрастающей жестокостью способны убивать себе подобных и безжалостно уничтожать результаты человеческого труда. С тех пор прошло почти пятьдесят лет, и с горечью можно констатировать, что варварству на нашей маленькой планете не положен конец.

В 1948 и 1949 годах мы провели лето в Черкассах. У папы была отдельная комната в новом доме, построенном для офицеров штаба танковой дивизии. Дом находился на окраине города и отделялся от штаба большим полигоном, на котором офицеры время от времени сдавали зачеты по стрельбе. Как ни странно, папа всегда показывал хорошие результаты. Иногда инструкторы давали детям пострелять из винтовки, лежа на траве. Мне, конечно, было завидно, и однажды я решился попробовать, надеясь хотя бы попасть в мишень. Но пуля пролетела мимо, и мои попытки на этом прекратились. В памяти сохранился широкий Днепр, очень мелкий у берега, но не осталось никаких воспоминаний о месяце, проведенном в пионерском лагере.

Конец 1949 года ознаменовался большими переменами в нашей жизни. В декабре тетя Соня в возрасте 37 лет вышла замуж. Ее муж Александр Иосифович Заливанский родился в Москве в семье врача. До войны он успел получить высшее образование, всю войну прослужил на Дальнем Востоке, и к моменту женитьбы работал главным инженером проектного мелиоративного института. Он жил в двухкомнатной квартире вместе со своей матерью и семьей своей сестры, так что приводить молодую жену ему было некуда. В том же декабре стало известно, что папу переводят на работу в Москву, и нам пришлось срочно искать жилище. Сначала родителям удалось снять восьмиметровую комнату на той же Проезжей улице, но до школы мне надо было проехать несколько остановок на автобусе. Через год пришлось снова искать жилье, так как нашу комнату надо было освободить для сына хозяйки, отслужившего в армии. На этот раз поиски оказались менее успешными: родителям пришлось снять угол, разделив комнату площадью в четырнадцать квадратных метров со старой хозяйкой в одном из старых домов на Красносельской улице. В этой комнате размещались только две кровати, для меня на ночь ставилась раскладушка. Напротив входа в комнату в углу над кроватью хозяйки Матрены Степановны висела икона и горела лампада. В этом странном жилище мы прожили около года, когда

папе наконец выделили комнату в двухэтажном доме на Хорошевском шоссе, принадлежавшем Военно-строительному управлению Москвы и построенном немецкими военнопленными. С этим домом связано тридцать лет моей жизни.

Трудно описать возбуждение моих родителей после получения своей собственной комнаты. Сразу же была куплена новая мебель: кровать, диван, стол, стулья, гардероб, и мой первый небольшой письменный стол. В квартире имелись еще две смежные комнаты, в них жила молодая разведенная женщина с двумя детьми, с ее младшей дочкой Галочкой, моей сверстницей, я быстро подружился, а мама стала регулярно угощать ее всякими вкусностями домашнего производства.

Квартира находилась на первом этаже, и под окном был большой участок земли, где можно было сажать кусты и цветы. Мама с энтузиазмом занялась садоводством, и перед моими глазами всегда было много цветов, так как письменный стол стоял перед окном.

Но наше новоселье произошло в конце 1951 года, а в мае того же года появилась на свет моя двоюродная сестра Лена. Утром 23 мая в нашей комнате у Матрены Степановны появился Александр Иосифович и громогласно объявил: "Родилась здоровая девочка - кесарка". Я не понял слова кесарка и решил, что он сказал цесарка. Весь день меня мучил вопрос, как у моей тети Сони могла родиться цесарка, и своим недоуменным вопросом я довел родителей до слез от смеха. С трудом они объяснили мне, что Лена появилась на свет в результате операции. Естественно, что новый человечек, появившийся в доме на Проезжей улице, оказался в центре внимания родных и друзей, а Антонина Степановна стала для Лены мамой Тоней.

Летом 1951 года я впервые попал на свою родину, приехав с родителями в Винницу. К тому времени в город вернулись многие оставшиеся в живых родственники и друзья моих родителей. Мне было всего двенадцать лет, и я не испытывал волнения, попав на родину. На отдаленных от центра улицах, где жили семьи сводных бабушкиных сестер, не было асфальтированных тротуаров, вдоль обочин дорог вместо зеленой травы лежала солома, во многих дворах держали лошадей и коров, на улицах пахло навозом, и я часто повторял услышанное в пионерском лагере двустийше:

"Хорошо в краю родном,
Пахнет сеном и г...".

Глядя на бабушкиных сводных сестер Розу и Сару, очень не похожих друг на друга во всем, я мог приблизительно представить, как выглядела моя бабушка, как обсуждались семейные дела и последние новости с базара и из квартир соседей.

Только центр Винницы походил на современный город с асфальтированными прямыми улицами и с современными зданиями. Там тоже жили старые друзья родителей, и мы каждый день ходили к незнакомым мне людям в гости, и я был вынужден ежедневно выслушивать рассказы о пережитом во время войны вперемешку с воспоминаниями о прошлом. Став чуть постарше, я вдруг понял, что всех этих людей роднило и объединяло одно общее горе – все они потеряли родных и близких в чудовищной военной катастрофе, которую человечество не смогло предотвратить. Все папины сверстники провели войну на фронте, наглядно опровергая антисемитские утверждения о том, что евреи отсиживались в тылу. Многие из них были ранены, некоторые закончили войну, будучи старшими офицерами, и у всех на груди были колодки с ленточками орденов и медалей.

Родители показали мне и большой дом в Братском переулке, где прошли первые годы жизни, и запущенный пыльный дворик с облупившимися от времени двухэтажными небольшими домами, где жил мой дед – сапожник и две его сестры, по вечерам развлекавшие соседей исполнением русских романсов и еврейских песен. Их жизни оборвались в один сентябрьский день 1941 года.

1953 год вошел в историю как год смерти Сталина и начала фундаментальных перемен в мире, затянувшихся на десятилетия и закончившихся развалом Советского Союза. В моей жизни, независимо от мировых событий, он тоже оставил заметный след. В тот год я стал старшеклассником, закончил музыкальную школу, получил первые уроки инакомыслия и нашел друга на всю жизнь.

Первые уроки инакомыслия в широком смысле, инакомыслия как умения воспринимать историю, политику, культуру не так, как навязывается тоталитарным государством или массовым сознанием, формирующимся под влиянием устаревших традиций, религиозных догм и современных средств масс-медиа, а во всеобщей взаимосвязи и взаимодействии многочисленных факторов, определяющих направление развития цивилизации, я получил в коридорах музыкальной школы, когда в перерывах между сольфеджио и музыкальной литературой мои музыкальные одноклассники Андрей Сахаров, Эрик Вологдин, Алла Немцова, бывшие на три года старше меня, кончавшие десятилетку и жившие в других районах Москвы, обсуждали стихи Брюсова,

Волошина, Пастернака. Эти имена не звучали по радио и не упоминались дома. Спустя два года, когда в книжных магазинах появился двухтомник Брюсова, я немедленно купил его и выучил много его стихотворений, а брюсовские литературно-критические статьи научили меня вслушиваться в музыку стиха. Этот двухтомник до сих пор стоит на моей книжной полке.

Однако в семейном кругу никогда не обсуждались критически те новости, которые сообщала советская пресса и советское радио. Тетя Соня руководила политкружком на фабрике, а папа, готовясь к политсеминарам, добросовестно читал газету "Правда" и подчеркивал важные, по его мнению, положения.

В разговорах дома на Проезжей улице определенный диссонанс наметился только с появлением в нем Александра Иосифовича, или дяди Саши. Например, придя домой, он мог громогласно заявить: "Сонечка, эти подтяжки я купил по личному распоряжению товарища Сталина", и немедленно получал предложение закрыть свой рот. Но десятилетний мальчик не мог оценить ни опасности подобных шуток, ни их глубокого смысла.

Лето 1953 года я провел на даче в Малаховке. На общем участке снимали помещение семья тети Сони, семья Гольдштейнов и мои родители для меня. Я жил в отдельном маленьком домике с открытой террасой. У Гольдштейнов было два сына. Старший из братьев Роберт был на год младше меня, и с ним я подружился на всю жизнь. Вокруг нас образовалась небольшая компания сверстников, и мы весело проводили время, купаясь в озере, играя в карты и танцуя по вечерам. В нашей компании оказался еще один Миша, симпатичный, веселый и добрый, и мы оба сразу почувствовали взаимную симпатию. Однако наше знакомство странно оборвалось осенью.

В сентябре Миша пригласил меня в гости. Он жил в многоэтажном доме недалеко от станции метро "Маяковская". Первый раз в жизни я попал в дом, где в вестибюле сидела охрана и где меня спросили, к кому я иду. Получив ответ, меня пропустили, и я вошел в казавшуюся огромной квартиру с высокими потолками, большими окнами, красивой мебелью, в которой царил напряженная тишина. Мишина мама мельком взглянула на меня и больше не показывалась. Не помню, о чем мы болтали и во что мы играли, но и между нами возникла необъяснимая напряженность. Только после моего визита я узнал, что Мишин отец был генерал – лейтенантом КГБ, наша дружба оборвалась, и я до сих пор не знаю, чем закончился 1953 год для Мишиной семьи.

В восьмом классе у нас появились новые учителя. Математику стал преподавать Леонид Михайлович Волков, бывший завучем школы. Невысокого роста, лысый, округлый, в постоянном сером костюме и с добродушным лицом, он без видимых усилий добивался тишины в классе, заставляя слушать себя во время объяснения нового материала. Заметив мои математические способности, он стал предлагать мне более трудные задачи. По-видимому, он считал меня слишком худым и поэтому часто говорил: "Миша, чтобы стать математиком, надо много есть и много спать".

Литературу нам преподавала жена Леонида Михайловича Анна Степановна, высокая полная блондинка с косой вокруг головы. Она не считала нужным перегружать нас сведениями, не содержащимися в учебнике, поэтому мои литературные познания были результатом дополнительного домашнего чтения литературно-критических статей, опубликованных в подписных собраниях сочинений. Так как папа всегда работал в политотделах военных учреждений, то он имел возможность получать подписные издания и старался выполнять все мои просьбы. В результате в доме появились собрания сочинений многих классиков русской и мировой литературы. Тогда мое зрение позволяло мне читать как угодно долго, и я читал все свободное время.

После смерти Сталина и расстрела Берия в стране началась оттепель, и учителя стали чувствовать себя более раскованными, позволяя себе шутки, от которых раньше воздерживались. Учитель химии Константин Петрович Синявский, пожилой, худой, язвительный, объектом своих шуток избрал качество продуктов питания. Входя в класс, он мог сказать: "Физики утверждают, что все тела при нагревании расширяются. Однако вчера я купил в магазине большие Московские котлеты, положил их на горячую сковородку, и они в два раза уменьшились". Он любил демонстрировать свою беспристрастность и однажды вклеил мне кол за подсказки отвечавшим одноклассникам. Пришлось приложить много усилий, чтобы получить за четверть пятерку.

В 1954 году в нашем классе появился новый учитель истории Феликс Наумович Арский. После окончания исторического факультета МГУ его направили на работу в краеведческий музей в Крым, но руководству музея не понравилась его национальность, и его не взяли на работу. Вернувшись домой в Москву, он стал преподавать историю в нашей школе и в каком-то медицинском техникуме. Феликс

Наумович был одним из интеллектуальных лидеров своего курса, специализировался по древней истории и знал латынь и греческий в дополнение к европейским языкам. Его появление в нашем классе стало одним из событий моей жизни, последствия которого остаются навсегда: он научил меня критическому восприятию действительности.

Невысокий, сухощавый, с черными крупными глазами и с постоянно ироничным взглядом, он впервые стал задавать вопросы о причинно-следственных связях исторических событий, рисуя яркую панораму истории, сильно отличавшуюся от монотонной серости учебника. Неудивительно, что некоторые девочки стали смотреть на него влюбленными глазами, а на его уроках всегда царили оживление и веселье.

В девятом классе я не занимался всерьез математикой, хотя ходил на математический кружок в МГУ, одним из руководителей которого был ныне всемирно известный математик Яков Григорьевич Синай. Меня больше увлекали художественная литература, особенно поэзия, и история, я выучил наизусть много стихотворений и любил писать длинные сочинения по литературе. Меня привлекал смысл слова философия как любовь к мудрости, но, разумеется, ничего о философии не знал – философские проблемы были далеко за пределами интересов моего домашнего окружения.

Феликс Наумович заметил мои гуманитарные интересы и стал руководить моим чтением философских работ К. Маркса и Ф. Энгельса, не без основания полагая, что опосредованно я познакомлюсь с основными проблемами, обсуждавшимися в классических работах Гегеля и Канта. Новые книги действительно оказались интересными для меня, и с тех пор я усвоил, что абсолютных истин не бывает и что на логическом уровне невозможно обосновать адекватность отражения реального мира человеческим сознанием. Я получал домашние задания и писал ответы на поставленные вопросы, которые затем подвергались критическому разбору. Однако мой учитель твердо сказал мне, что в этой стране нельзя заниматься философией и что я должен стать математиком, поскольку мое зрение не оставляет другого выбора.

Обычно я разговаривал с Феликсом Наумовичем после уроков, но несколько раз он приглашал меня к себе в гости. Жил он в центре Москвы в переулке, выходящим на улицу Горького недалеко от ресторана "Баку". В коммунальной квартире с полутемной прихожей, размеры которой я не смог оценить, я так и не научился ориентироваться. В большой комнате Феликса Наумовича были высокие потолки, и вдоль стен стояли высокие

стеллажи с книгами. Я впервые увидел такое обилие книг в одной комнате, и стал быстро изучать названия книг. Сама комната показалась мне запущенной и неопрятной: после маминых белых накрахмаленных салфеточек все вещи казались сероватыми.

Лето 1955 года я провел в Виннице у тети Сары. Ее маленькая семья из трех человек снимала квартиру у украинских хозяев. Вокруг дома был довольно большой участок с яблонями и зеленой лужайкой перед домом. На этой лужайке я читал по многу часов подряд или играл в карты с дочерью Сары Павой и с хозяйской дочкой Валей. Иногда мы втроем отправлялись на Буг купаться. Как обычно на Украине, летом было много овощей и фруктов, но за хлебом надо было рано утром идти в булочную и долго стоять в очереди. Хлеб привозили в основном черный, что после московской жизни было непривычно. В доме тети Сары часто звучал идиш, и я многое стал понимать, чему немало способствовало изучение немецкого языка в школе. Проведя несколько недель в Виннице в шестнадцатилетнем возрасте, я получил представление о стиле жизни, нравах, интересах, мире еврейских жителей провинциального украинского города, и я до сих пор чувствую себя заглянувшим в жизнь моих предков.

В десятом классе я стал решать много подготовительных задач и читать книги по математике, среди которых наиболее полезной оказалась известная книга Робинса и Куранта "Что такое математика". За свой результат на Московской математической олимпиаде вместо третьей премии я получил только похвальный отзыв, допустив в одной задаче при правильном ходе решения нелепую ошибку при раскрытии скобок.

В июне школьные годы закончились, я получил золотую медаль, хотя судьба выпускного сочинения заставила поволноваться моих учителей. Среди предложенных тем я выбрал тему "Я лиру посвятил народу своему". Две другие темы были казенно-патриотическими, и у меня не осталось выбора, хотя Некрасов не относился к числу моих любимых поэтов. В моем сочинении было приведено так много некрасовских цитат, что инспектор районного отдела народного образования заявил о невозможности написать такое сочинение, не списывая цитаты. Директору школы пришлось объяснять, что при моем зрении списывание невозможно.

1956 год, по-видимому, был апогеем политической "оттепели", наступившей после смерти Сталина. В течение последующих восьми лет на механико-математический факультет МГУ было принято много еврейских детей, а в предшествующие годы их практически не принимали. Я поступил на мехмат после

собеседования для золотых медалистов. Однако впервые в жизни я узнал, что такое волнение на экзамене. Правильно рисуя график предложенной функции, я трясущимися руками нарисовал оси координат под косым углом, и проводивший собеседование известный геометр профессор П.К. Рашевский с удивлением спросил, почему оси координат не перпендикулярны.

До сих пор хорошо помню день объявления результатов собеседований. Был жаркий июльский день, объявление результатов задерживалось, "золотые" абитуриенты тут же заводили знакомства, делились впечатлениями, возбужденно галдели от нервного напряжения – этот день определял всю будущую жизнь. Я познакомился с киевлянином Мишей Кармазиным, высоким светловолосым жизнерадостным победителем украинских математических олимпиад и хорошим шахматистом, и с москвичом Борей Гуревичем, на всю жизнь оставшимся сухощавым и сдержанным. Мы несколько раз обошли Главный корпус МГУ, обсуждая все сразу.

Наконец часа в три дня нас стали вызывать по одному в приемную комиссию и сообщать результаты собеседования. Когда очередь дошла до меня и представительница комиссии усталым механическим голосом произнесла: "Зачислен без предоставления общежития", я автоматически произнес глупую фразу: "А я об этом не просил" и вышел, еще не вполне осознавая происшедшее. Миша и Боря тоже были приняты. Через восемь лет жизнь Миши трагически оборвалась – он умер от рака мозга. Боря через много лет стал профессором МГУ.

По дороге домой я постепенно осознал случившееся. Выйдя из автобуса, я помчался к маме на работу. Она увидела меня в окне, выбежала на улицу и, узнав, что ее сын стал студентом университета, на мгновение потеряла дар речи. Не сказав ни единого слова, она побежала в контору, чтобы поделиться своей новостью с сотрудницами. Ее тут же отпустили домой, и мы стали ждать возвращения папы с работы. Его реакция поразила меня. Он стал прыгать, сидя на диване, и из глаз катились слезы. Мое поступление в университет они восприняли как их успех в жизни и даже не поздравили меня, но сразу же помчались к тете Соне сообщить последние новости. Телефон в квартирах у рядовых советских граждан тогда был роскошью. В тот день меня поздравила только моя подруга Таня, подарившая огромную белую розу.

Привилегии медалистов, принятых в университет в июле, завершались отправкой на сельскохозяйственные работы в подмосковные колхозы и совхозы. Там новоиспеченные студенты

устанавливали новые дружеские связи, лучше узнавали друг друга и возвращались к началу занятий в университете, имея много знакомых и друзей. Опять-таки из-за моего зрения я был сразу освобожден и от трудового фронта, и от занятий физкультурой. Поэтому первого сентября 1956 года мне нужно было освоить не только то жизненное пространство, которое занимал механико-математический факультет в Главном корпусе МГУ, изучить нумерацию аудиторий, расположение лифтов, туалетов, библиотеки, учебной части, деканата и т.п., но и окунуться в новую человеческую среду обитания, в которой предстояло жить много лет.

Университет

Первого сентября 1956 года я впервые приехал ранним утром на конечную остановку автобуса #119 около здания Киевского вокзала и увидел длинную очередь студентов, стремившихся успеть на первую лекцию. Автобусы подходили часто, но все равно отъезжали переполненные, и много нетерпеливых студентов висело на подножках. Я оказался среди нетерпеливых, и первые два года часто висел на подножке. Начиная с третьего курса, я занимался по индивидуальному плану и добирался до университета уже более комфортно.

Первая прослушанная мною лекция полностью предопределила всю мою научную деятельность и стала судьбоносной. Лекцию по высшей алгебре прочел всемирно известный профессор Александр Геннадиевич Курош, имя которого носит одна из важных теорем теории групп. Курош входил в аудиторию как артист, выходящий на сцену, и читал лекции артистически, каждое слово было отчетливо слышно в огромной спускавшейся амфитеатром аудитории, каждый написанный на доске символ произносился, изменяющиеся позы, риторические паузы создавали ощущение театра. Внешность артиста тоже была необычной: наголо выбритая голова, пронзительный взгляд небольших глаз, птичий нос, заостренный подбородок, и все это покоилось на плотном достаточно крупном теле. Я понимал его сразу, и мне не нужно было смотреть на доску, поскольку было сказано, что на ней написано. Опубликованные им монографии "Теория групп", "Лекции по общей алгебре" и учебник для университетов "Курс высшей алгебры" были переведены на многие иностранные языки и разошлись по всему миру. В тридцатые годы Куроша исключили из комсомола, но тем не менее он остался в университете. Думаю, что это стало возможным только благодаря вмешательству академика Отто

Юльевича Шмидта, который тогда заведовал кафедрой высшей алгебры, а Александр Геннадиевич был его заместителем. В 1948 году Курош стал заведующим кафедрой и оставался на этом посту до своей смерти в 1971 году.

Опять-таки моей судьбе было угодно распорядиться таким образом, что и второй наш лектор профессор Лев Абрамович Тумаркин тоже сыграл важную роль в моей жизни. Он преподавал математический анализ, используя свое оригинальное введение в анализ. Лекции Тумаркина было легко слушать и понимать, но в них отсутствовал артистизм Куроша. Взглянув на Льва Абрамовича в первый раз, я сказал своим соседям, что у него, наверно, язва желудка, и угадал. Тумаркин был среднего роста, подтянут, но желтизна его лица указывала на проблемы со здоровьем. В молодости он решил трудную топологическую проблему, и в 1938 году организовал и стал заведовать кафедрой математики Военной артиллерийской (ныне инженерной) академии им. Ф.Э. Дзержинского, оставаясь профессором МГУ.

Третьим нашим лектором оказался заведующий отделением математики академик Павел Сергеевич Александров. Он по неизвестным мне причинам решил написать новый учебник по аналитической геометрии, хотя уже был издан объемный двухтомник Б.Н. Делоне и Д.А. Райкова. Александров показался мне очень старым, говорил он скрипучим негромким голосом, и не всегда было ясно, что он пишет на доске. Его лекции были скучными, а материал был простой. Экзаменов Александрову я не сдавал, и хотя в течение последующих двадцати лет я был связан с мехматом, встречался с ним только по особым случаям.

Практические занятия (семинары) у нас вели доценты М.И. Ельшин (математический анализ), И.В. Проскураков (высшая алгебра), А.С. Пархоменко (аналитическая геометрия). Михаил Иванович Ельшин использовал на занятиях известный задачник Б.П. Демидовича, не перегружая ни себя, ни нас трудными задачами. Спокойный и слегка саркастичный, он выглядел как человек, уставший от многолетнего преподавания одного и того же. Ходя по аудитории и шаркая ногами, Ельшин любил произносить нравоучительные сентенции. Когда осенью 1956 года разразились венгерские события, а на мехмате студенты забастовали, Михаил Иванович без акцента и привычно шаркая, произнес: "Глупые, разве стенку лбом прошибешь?"

В четвертом весеннем семестре 1958 года Ельшина заменила Зоя Михайловна Кишкина, жена Куроша. Она обладала удивительной энергией, заставляла решать много задач и была очень требовательной на экзаменах. Контрольные работы я по-

прежнему писал легко, а последний экзамен по математическому анализу я сдавал Тумаркину, не попав к Кишкиной.

Игорь Владимирович Проскураков и Алексей Серапионович Пархоменко были полностью лишены зрения, во время занятий они не садились за стол, а проводили занятия стоя, используя сделанные заранее записи в системе Брайля и делая записи об ответах студентов. Их повседневный труд поистине был героическим, они были также авторами сборников задач, которыми мы пользовались. Конечно, им иногда требовалась помощь, например, при проверке контрольных работ, но передо мной был наглядный пример того, что человек способен преодолевать физические недостатки благодаря своим способностям и воле.

Осень 1956 года ознаменовалась всплеском общественного сознания, вызванным двадцатым съездом КПСС и последовавшей за ним массовой реабилитацией политических заключенных. На страницах газет и журналов замелькали запрещенные для упоминания имена политических и военных руководителей и деятелей культуры, вокруг романа В. Дудинцева "Не хлебом единым" развернулись бурные дискуссии, одна из которых прошла в доме культуры МГУ на Моховой, где Вера Кетлинская сказала, что роман звучит как набат, предупреждающий о том, что в этом доме опасно жить. Владимир Луговской писал, что "...путь весны на север, на север, как всегда", на книжных полках появилась книга Джона Рида "Десять дней, которые потрясли мир", где подчеркивалась роль Троцкого в организации и проведении Октябрьской революции. Отголоском происходящего стал "Литературный бюллетень", появившийся на мехмате. В нем был помещен отчет о дискуссии в клубе МГУ, похвальная рецензия на книгу Рида, статья Ю. Манина о Марселе Прусте, а среди рисунков выделялись руки, разрывающие цепи. К несчастью, бюллетень появился в разгар венгерских событий, и руководство мехмата приняло решение отчислить членов редколлегии бюллетеня из университета. В ответ студенты факультета забастовали.

После нескольких дней растерянности администрация и партбюро решили провести встречу с представителями студентов. Каждая студенческая группа получила право избрать своих представителей, и их было избрано так много, что аудитория 102, одна из самых больших аудиторий МГУ, оказалась забитой до отказа. Меня избрали одним из представителей своей группы. Мы заседали два дня с утра до вечера, в президиуме сидели представители партийного и комсомольского бюро мехмата и

МГУ, райкомов партии и комсомола, а администрацию факультета представлял тогдашний декан академик Андрей Николаевич Колмогоров. Членов редколлегии обвиняли и в антипартийности, и в антипатриотизме, и в поддержке контрреволюционных сил, развязавших мятеж в Венгрии. Еще пять лет назад за подобные преступления людей отправляли в концлагеря, а теперь аудитория не желала слушать представителей бюро и комитетов, заглушая их выступления шумом, возмущенными возгласами и свистом. Слушали внимательно только защитников членов редколлегии и Колмогорова, отдавая должное его выдающемуся вкладу в науку. Очень ярко в защиту своего дипломника Михаила Белецкого выступил тогда еще совсем молодой ассистент Роланд Львович Добрушин, который быстро стал доктором наук, но его долго не делали доцентом в наказание.

В конце концов администрация отменила приказ об отчислении, и занятия возобновились. Однако через несколько месяцев членов редколлегии вынудили уйти из МГУ, не дав возможности пятикурсникам защитить дипломные работы. В частности, Белецкий перевелся в Ереванский университет. Как видно из воспоминаний Ю.Ф. Орлова, примерно в то же время и его приютили в Ереване. Много лет спустя я познакомился с удивительно мягким и приветливым Мишей Белецким. Это произошло в конце восьмидесятых годов, когда я был приглашен в Киев в Институт кибернетики им. В.М. Глушкова для доклада о моей модели баз данных. В то время Миша жил в Киеве, а его жена Ира, доктор филологических наук, работала в Институте кибернетики. После моего доклада Ира пригласила меня в гости, и за ужином мы смогли поговорить о многом, словно были старыми знакомыми.

Студенческая среда, в которую я попал, сильно отличалась от моего школьного окружения: общеобразовательная подготовка моих сокурсников была значительно выше среднего уровня, поскольку большинство окончило школу с медалью, многие дополнительно занимались музыкой, а некоторые впоследствии добились успеха в области литературы. Достаточно быстро у меня установились дружеские отношения с многими моими новыми знакомыми, и со многими эти отношения сохранились до сих пор. Спустя полвека с удивлением констатирую, что все мои университетские друзья добились подчас выдающихся успехов, оставшись в России или покинув ее.

Первые два года учебы в университете не потребовали от меня особых дополнительных усилий, в школе я привык выполнять все домашние задания, а моей предварительной

подготовки оказалось достаточно для быстрого усвоения начальных университетских курсов. Без труда сдал первые четыре экзаменационных сессии на "отлично" и получая повышенную стипендию, я по-прежнему много читал, ходил на концерты в консерваторию, многократно с моими новыми друзьями попадал правдой и неправдой на выступления пианистов и скрипачей во время Первого конкурса имени П.И. Чайковского. Летом 1957 года после окончания первого курса я впервые побывал на Рижском взморье в студенческом доме отдыха МГУ. С того времени я обожаю Рижское взморье, его бесконечные песчаные дюны, ласковое нежаркое солнце, обилие ягод в прибрежных лесах, мягкое шуршание волн и всегда бодрящий воздух. Тогда в 1957 году обилие черники меня поразило – даже я смог участвовать в сборе ягод вместе с моими соседями по двухкомнатному номеру. Вечером после танцев мы с удовольствием уплетали чернику, посыпанную сахаром. В доме отдыха, разумеется, жили студенты разных факультетов и поэтому заводились новые знакомства. Среди новых знакомых оказалась веселая, жизнерадостная веснущатая Алла Йошпе, ставшая известной эстрадной певицей. Последний раз я встретился с Аллой после ее выступления в Доме культуры МГУ на Ленинских горах. Тогда она еще не была женой Стахана Рахимова.

В том же 1957 году в жизни нашей небольшой семьи произошло важное событие – мы переехали в маленькую однокомнатную квартиру на втором этаже нашего дома. При переезде отдельную кухню размером в 4,5 квадратных метра преобразовали в спальню – кабинет для меня, соорудив большой стеллаж для книг, а кухню оборудовали в прихожей. В этих комфортных условиях я прожил четыре года до окончания университета.

Мое безоблачное существование было нарушено несчастным случаем – летом 1958 года, снова собираясь в дом отдыха, я попал под машину и вместо дома отдыха оказался в Боткинской больнице с сотрясением мозга, переломом ключицы и трещиной в тазобедренной кости. К счастью, зрение не пострадало, а кости зажили достаточно быстро, так что первого сентября я снова начал ездить в университет.

Однако мой привычный уклад жизни резко изменился. Я стал заниматься по индивидуальному плану и поэтому мог ходить на лекции и семинары по своему желанию. Исключением из правила были лекции и семинары по общественным дисциплинам. Тем не менее эти лекции я тоже пропускал, а иногда во время редких случайных проверок меня заменял мой друг Роберт,

поступивший на отделение механики мехмата на год позже. Мои сокурсники его быстро отыскивали.

На третьем курсе нужно было выбрать узкую специализацию, найти научного руководителя и посещать специальные курсы и спецсеминары. На втором курсе Курош объявил, что собирается читать спецкурс по теории групп, и я сразу решил выбрать его в качестве руководителя и слушать его спецкурс. Но осенью он поменял свои планы, а я нет. Поэтому моим научным руководителем стал Олег Николаевич Головин, который стал читать спецкурс и вести спецсеминар по теории групп. Одновременно я стал слушать лекции Куроша по общей алгебре, легшие в основу его монографии "Лекции по общей алгебре". В конце третьего курса полагалось представить курсовую работу, и с этого момента я стал постигать всю сложность творческой работы в области математики, где только новые идеи в сочетании с техническими навыками могут привести к новым результатам. Свободное расписание оказалось очень удобным для меня, поскольку пик моей умственной активности достигался вечером, а утром я мог поспать подольше, почитать художественную литературу и просмотреть газету. В итоге мне удалось усилить некоторые теоремы Головина, что вместе с отличными оценками позволило получить мою первую именную стипендию им. Н.Е. Жуковского. Однако только через четыре года мне действительно удалось настолько продвинуться в решении поставленной задачи, что полученные результаты были опубликованы в одном из основных математических журналов "Известия АН СССР. Математика".

На четвертом курсе мои математические интересы сместились в сторону совсем новой теории, зародившейся после окончания войны в работах известных американских математиков С. Маклейна и С. Эйленберга и получившей широкое распространение в пятидесятые годы благодаря работам всемирно известных математиков А. Гротендика, А. Картана и М. Атья. А.Г. Курош всегда поддерживал появление новых направлений исследований в современной алгебре и поэтому в 1959 году стал читать спецкурс по теории категорий, на основе которого им, совместно с А.Х. Лившицем и Е.Г. Шульгейфером, была написана обзорная статья "Основы теории категорий", опубликованная в 1960 году в журнале "Успехи математических наук".

Моя первая научная публикация появилась в том же журнале в качестве дополнения к упомянутой обзорной статье. Случилось невероятное – первая по существу ученическая заметка оказалась опубликованной сразу в разделе обзоров, быстро была

переведена на немецкий язык вместе с обзором, а мне даже заплатили гонорар - только за публикации в разделе "Обзоры" платили гонорары. Все это стало возможным благодаря удивительным человеческим качествам Александра Геннадиевича: его уважению ко всем людям, с которыми он общался, независимо от их возраста и положения, исключительной научной честности и принципиальности и постоянной поддержке способных молодых математиков. В перерыве одной из его лекций по теории категорий я сформулировал несколько утверждений, заинтересовавших Куроша. Он попросил принести ему написанный текст. Через неделю я принес несколько страничек с моими соображениями, не придавая им особого значения. Еще через неделю Курош разнес в пух и прах представленный текст за небрежность оформления, за неуважение к читателю, за эскизность доказательств и т.п. Он потребовал, чтобы я представил связный текст. Требование было выполнено, хотя я по-прежнему не придавал тексту особого значения. Через пару недель Курош сказал мне следующее: "Конечно, Ваш текст следовало бы включить в текст нашей обзорной статьи, но Вы человек молодой, и Вам нужны собственные публикации. Я посоветовался с Лившицем и Шульгейфером, и мы решили поместить Ваш текст в качестве добавления к обзору". Так я нежданно – негаданно попал в науку, и только через несколько лет я смог утешиться тем, что известные математики Б. Экман и П. Хилтон сочли полезным опубликовать свой пример, подтверждающий одно из моих утверждений.

С этого момента А.Г. Курош стал моим вторым научным руководителем: работы по теории групп я относил Головину, работы по теории категорий Курошу. После окончания МГУ в 1961 году я активно сотрудничал с Абрамом Хаймовичем Лившицем и Ефимом Григорьевичем Шульгейфером. Оба были исключены из МГУ за три месяца до окончания в 1951 году. Тогда целую группу студентов обвинили в создании сионистской организации. Лившицу пришлось несколько лет проработать, и только после начала оттепели он смог поступить в заочную аспирантуру и при активной поддержке Куроша защитить сначала кандидатскую, а в 1970 году и докторскую диссертацию. Получив научные степени, он стал преподавать математику в Московском химико-технологическом институте им. Д.И. Менделеева, где много лет заведовал кафедрой математики. В молодости Лившиц увлекался театром, участвовал в спектаклях театральной студии МГУ под руководством С. Юткевича, и мне довелось его увидеть в спектакле "Карьера Артура Уи". В театре – студии тогда

занимались многие ставшие знаменитыми артисты. Среди гостей, приглашенных на празднование успешной защиты докторской диссертации, была недавно скончавшаяся Ия Савина.

После перенесенного в детстве полиомиелита Ефим Григорьевич Шульгейфер стал инвалидом, ему было трудно передвигаться, писать, говорить, но у него сохранились математические способности и невероятная трудоспособность. Как только появилась возможность, Курош придумал для него должность младшего научного сотрудника, и Шульгейфер постоянно находился на кафедре алгебры, помогая членам кафедры в подготовке к печати их работ, руководил студентами при написании курсовых и дипломных работ. Он был фактическим научным руководителем нескольких аспирантов, среди которых оказался необыкновенно талантливый Сергей Полин.

Моя курсовая работа четвертого курса все еще была ученической, хотя в ней я выявил неожиданную связь между алгебраическими работами Головина и топологическими работами известных математиков Н.Я. Виленкина и М.И. Граева. Курош с присущим ему энтузиазмом стал рекламировать этот результат, в том числе и в переписке с зарубежными алгебраистами. В начале шестидесятых годов чрезвычайно высокий уровень абстракции теории категорий вызывал скептицизм консервативно настроенных математиков. Спустя пятьдесят лет современную математику нельзя представить без теории категорий, как ее нельзя представить без теории множеств.

В тот же год мне удалось доказать две действительно интересные теоремы о бесконечных простых группах. Впервые я почувствовал важность научных обсуждений с творчески и результативно работавшими сокурсниками. Мой приятель Фред Шмелькин, обсуждая со мной теорему, которую я пытался доказать, указал мне на работу из другого раздела теории групп, результат которой быстро привел к успеху. Вскоре после окончания аспирантуры Фред защитил докторскую диссертацию и стал профессором кафедры алгебры.

Таким образом, в научном плане четвертый курс оказался для меня успешным, и меня выдвинули на получение Ленинской стипендии. Она была учреждена именно в 1960 году и ее могли получить только сто лучших студентов Советского Союза. Оттепель еще не закончилась, и я попал в число кандидатов, не выполняющих никакой общественной работы. Но тут начались серьезные неприятности. Сначала папа перенес тяжелую операцию на поджелудочной железе, следствием которой стал

диабет. Когда он находился в больнице, я неожиданно получил четверку по диалектическому материализму. Н.А. Киселева, которая вела в нашей группе семинарские занятия, явно не любила меня за то, что я втягивал ее в дискуссии по сложным философским вопросам. На экзамене она обнаружила, что мои знания о чешском гуманисте XVI века Яне Коменском ограничиваются статьей в Большой Советской Энциклопедии и поставила мне "хорошо", заставив меня срочно пересдавать диамат. Конечно, от папы все было скрыто – после операции он долго находился в состоянии "средней тяжести". Ленинская стипендия в 80 рублей была больше маминой зарплаты старшего бухгалтера и внесла существенный вклад в бюджет семьи.

Последний год учебы в университете начался с поездки на Второй Всесоюзный алгебраический коллоквиум в Свердловске. Из нашей алгебраической группы на коллоквиум поехало несколько человек, и поэтому мы не чувствовали себя одинокими среди большого скопления математиков, уже получивших известность. Мы не очень много гуляли по городу, оставившего ощущение серости и сырости. Вернувшись в Москву, я пригласил Фреда и Алика Михалева, самых близких моих приятелей, в ресторан "София", чтобы отметить мой необычный гонорар. Как далеко разошлись наши дороги! Пока мы учились в университете, Алик очень трогательно заботился обо мне, не позволяя носить тяжелые вещи. Ныне Александр Васильевич Михалев, профессор и один из проректоров МГУ, разделяет с ректором В.А. Садовничьим ответственность за антисемитскую политику, проводившуюся в МГУ на протяжении десятилетий. Но об этом позже.

Пятый курс заканчивался не только получением дипломов и распределением на работу или в аспирантуру, но и большим количеством свадеб. Фред женился на Зое Липкиной, дочке известного поэта и переводчика Семена Израйлевича Липкина, учившейся с нами в одной группе, Алик женился на нашей однокурснице Люде Володкиной, а я нашел себе жену летом 1961 года в Ленинграде у подножия Исаакиевского собора.

В конце июня 1961 года в Ленинграде проходил Второй всесоюзный математический съезд, в котором участвовали и некоторые выпускники мехмата: Боря Гуревич, Миша Кармазин, Марина Ратнер, я и другие, а также аспиранты московских институтов. Жили мы в общежитии большой шумной и веселой компанией, много гуляли по городу, наслаждаясь теплой солнечной погодой и белыми ночами. В один из этих замечательных дней я условился о встрече около собора с

Гуревичем и с Марком Фрейдлиным, очень красивым и вечно улыбающимся аспирантом профессора Е.Б.Дынкина. Марк пришел на встречу не один, а в сопровождении своей знакомой Маши Вагуртовой. Когда я протянул руку Маше, в голове мелькнула мысль: "Эта встреча тебе даром не пройдет". И действительно, с этого дня в течение последующих пятидесяти лет мы расстанемся только в исключительных особых случаях, наша свадьба состоялась через четыре месяца, но могла бы состояться и через четыре дня. Маша завораживала меня, и в ее присутствии я не мог отвести от нее глаз. Маша была похожа на какую-то английскую актрису, и не я один обалдевал при первой встрече с ней. На Машином юбилее в этом признался всемирно известный академик Григорий Исаакович Баренблат.

Маша была аспиранткой заведующего кафедрой дифференциальной геометрии МГУ профессора С.П. Финикова, по совместительству работавшего в Центральном педагогическом институте им. В.И. Ленина. Закончив институт, Маша осталась там в аспирантуре, но часто бывала на мехмате на спецкурсах и спецсеминарах. Родители Маши родились в Одессе, но после революции значительная часть семьи переехала в Москву, где ее отец окончил мехмат, а муж ее тети Раи, сестры отца, был вторым секретарем ЦК комсомола и редактором Крупской. По злой иронии судьбы его партийная фамилия тоже была Киров. Его арестовали в январе 1935 года через месяц после убийства С.М. Кирова, а расстреляли в 1942 году.

В самом начале войны Машин отец Михаил Семенович Вагуртов попал в состав московского ополчения и очень быстро оказался в плену вместе с тысячами москвичей. Немцы отправили его в лагерь для военнопленных в Норвегии, откуда ему удалось сбежать при помощи норвежских партизан. С оружием в руках он вышел к англичанам, освободившим Норвегию, и был передан представителям Красной армии. Поскольку случай был исключительный, Михаила Семеновича проверяли недолго и вернули в действующую армию, а после окончания войны демобилизовали. Много лет спустя ему вручили норвежский орден.

Вернувшись в Москву, он снова стал преподавать математику в средней школе. Казалось бы, наступило какое-то облегчение для семьи, хотя девять человек жили в двух маленьких смежных комнатах. Однако мирная жизнь продолжалась недолго: ночью 27 апреля 1948 года Михаила Семеновича арестовали. В этот день Маше исполнилось десять лет. Вагуртова осудили на десять лет за антисоветскую пропаганду по статье 58-10. Его отправили в концлагерь под Ухтой, и через шесть лет выпустили

там же на поселение. В 1954 и 1955 годах во время зимних каникул Маша навещала отца и оказалась в числе первых, подавших прошение о реабилитации. Тогда она еще училась в школе.

Спустя тридцать лет, уже после смерти Машиных родителей, нам позвонил майор КГБ Миронов и сообщил, что Маша может ознакомиться с делом своего отца. Он деликатно предупредил о том, что чтение может вызвать психологический стресс. Тем не менее Маша отправилась в КГБ и обнаружила скрывавшуюся ее отцом страшную семейную драму: Михаил Семенович получил десять лет лагерей только на основании данных в 1935 году показаний мужа своей сестры. В показаниях утверждалось, что Вагуртов выполнял в 1929 году какие-то поручения троцкистской оппозиции. Машина тетя Рая очень любила брата, посылала ему в лагерь посылки, хотя сама страдала дистрофией и кормила троих детей, и Маша скрыла от нее причину ареста ее брата.

В 1955 году Маша окончила школу и поступила в Московский городской педагогический институт им. В.П. Потемкина на математический факультет. Профессия математика была наследственной в ее семье: ее прадед был известным преподавателем математики в Одессе, получил титул почетного гражданина, а его потомки получили право учиться в гимназии. К тому же родной брат репрессированного мужа Машиной тети Раи Дмитрий Абрамович Райков был известным профессором математики, с которым я в конце его жизни много и плодотворно сотрудничал. В 1956 году Машин отец вернулся снова в Москву, снова стал преподавать математику, и их семья наконец получила отдельную комнату в семикомнатной коммунальной квартире в центре Москвы на Якиманке. Когда мы познакомились с Машей, в этой комнате жили ее родители, Маша и ее младшая сестра Наташа, родившаяся в 1940 году.

Через два месяца после начала войны Машина мама Любовь Моисеевна Верникова осталась с двумя маленькими детьми - трехлетней Машей и ее сестрой годовалой Наташей. В эвакуацию она не поехала, так как осенью девочки заболели. Окончание войны и возвращение мужа облегчило их нищенское существование, но не надолго.

После ареста мужа Любовь Моисеевна Верникова осталась снова с двумя дочерьми десятилетней Машей и восьмилетней Наташей, и ей долго не удавалось найти работу: ее не брали на работу, так как она честно писала, что ее муж репрессирован. Но на протяжении многих лет сталинской

диктатуры всегда находились люди, осознававшие несправедливость происходящего и готовые оказать помощь нуждающемуся. В одном из строительных управлений Любове Моисеевне наконец повезло. Начальник отдела кадров, просмотрев ее анкету, позвал ее в кабинет, закрыл за собой дверь и велел переписать анкету, не указывая, что муж репрессирован. Получив новую анкету, он подготовил приказ о приеме на работу в качестве машинистки. На этой должности она оказалась очень востребованной, так как умела печатать без ошибок, а за многолетнюю работу через год после нашей свадьбы Любовь Моисеевна получила небольшую трехкомнатную квартиру на проспекте Вернадского, и наша первая дочь Лиля из роддома сразу попала в новую квартиру.

Многие Машины родственники остались после революции в Одессе, и все они погибли после захвата города немцами, среди них отец Любове Моисеевны и две ее сестры. В живых остались только те члены большой семьи, которых успели призвать в армию.

В течение первого года нашей семейной жизни мы жили в восьмиметровой комнате в одной из хрущевских блочных пятиэтажек на улице Дмитрия Ульянова, которую мы сняли у Коли и Насти Романовых. Настя работала дворником, а Коля плотником. Хотя Коля любил выпить, но жену очень любил и слушался, поэтому в квартире всегда было тихо и чисто, а Коля ходил на цыпочках, демонстрируя уважение к нашим интеллектуальным занятиям. Их сын Женя в результате родовой травмы плохо передвигался и с трудом говорил, но голова у него оказалась хорошая, и Маша стала учить его чтению и арифметике. Ребенок очень привязался к ней и всегда ждал разрешения зайти в нашу комнату, а я воочию убедился в педагогическом таланте моей жены.

Первый год нашей совместной жизни пролетел без забот и волнений, двух стипендий хватало на повседневные расходы, тем более что обе мамы еженедельно снабжали нас приготовленными домашними блюдами, дабы мы не умерли с голоду. Обычно мы обедали в университете в профессорской столовой, не слишком занимаясь дома приготовлением пищи. К сдаче своих аспирантских отчетов мы готовились либо за моим маленьким письменным столом, усаживаясь друг напротив друга, либо в библиотеке мехмата на четырнадцатом этаже. Весной мы съездили в Киев, где я участвовал в очередном алгебраическом коллоквиуме, а оттуда поехали в Чернигов, чтобы повидать моих тамошних родственников. Чернигов мне не запомнился, несмотря на

старания хозяев показать нам его достопримечательности. Мой дядя был десятки лет руководителем областного коммунального хозяйства и поэтому, гуляя с нами по городу, он постоянно с кем-то здоровался. Занимая важный областной пост, он, разумеется, избирался депутатом областного совета, и на древних улицах Чернигова среди прочих красовался плакат с призывом голосовать за неиграющего сына украинского народа Григория Моисеевича Меломана. В большой Москве подобные забавные детали можно было и не заметить.

16 октября 1962 года родилась наша первая дочь Лиля. Мы ждали девочку, имя ей было заготовлено заранее, и, узнав о ее рождении, я отправился в университет на семинар по теории групп, где с гордостью сообщил о рождении дочери. Только на следующий день я узнал, что роды были трудными и прошли с осложнениями для матери, и Маше пришлось пробыть больше трех недель в родильном доме. Лиля родилась с длинными черными волосами, которые у нее сохранились на всю жизнь, и недели через две после рождения медсестры показывали мне дочку через окно с огромным бантом на голове.

Новый маленький очень симпатичный человечек въехал в новую квартиру, но наша беззаботная жизнь кончилась. Ребенок стал плакать много и долго, особенно по вечерам, и, вернувшись из университета, я часами носил Лилу на руках, чтобы Маша смогла отдохнуть. Только через три месяца выяснилось, что наш ребенок просто голоден, так как у мамы мало молока. Тогда в 1962 году за нашим домом заканчивалась Москва, и за всем необходимым надо было либо куда-то ехать, либо идти пешком к концу Ленинского проспекта, пробираясь через сугробы или через непролазную грязь. Каждое утро я отправлялся на Ленинский проспект за кефиром и молоком, чтобы избавить ребенка от голода, и вскоре девочка, получая достаточно еды, прекратила плакать, стала поправляться и крепко спать.

В 1963 году в моей жизни произошли два события, последствия которых нельзя было предвидеть. Сначала я перевел для сборника "Математика" интересную статью Д. Пуппе, продолжившего исследования С. Маклейна. За перевод я взялся, чтобы получить гонорар, но в статье была сформулирована интересная гипотеза, которую я смог подтвердить. Короткое сообщение быстро появилось в Докладах Академии наук СССР по представлению академика А.И. Мальцева, затем полное доказательство было опубликовано в "Математическом сборнике", новое доказательство, написанное Бринкманом и Пуппе, заняло

том 80 "Lecture Notes in Mathematics". Последняя публикация принесла мне международную известность.

Осенью того же года я подружился с Николаем Николаевичем Вильямсом, внуком знаменитого академика Р.Э. Вильямса. Коля учился в заочной аспирантуре у Головина, и мы были знакомы, так как он достаточно регулярно приходил на еженедельные заседания семинара по теории групп. Но по-настоящему мы стали регулярно общаться после поездки в Новосибирск на очередной алгебраический коллоквиум. Добирались мы до Новосибирска поездом, ехали долго, и Коля ошеломил меня своей памятью, с любого места начиная читать стихи Волошина, Мандельштама, Пастернака и других поэтов. Выиграть у него игру в составление новых слов из букв выбранного слова не удалось компании попутчиков ни разу, позже оказалось, что он тонко чувствовал психологию отдельных людей, сделав ряд сбывшихся предсказаний. Спустя двенадцать лет выяснилось, что Коля выучил наизусть словарь английского языка и свободно читает по-английски, не умея произносить слова.

В 1945 году, когда он заканчивал второй курс университета, его арестовали вместе с другими студентами за чтение поэмы А.С. Есенина-Вольхина "Весенний лист" и осудили на пять лет. Сам Есенин-Вольпин, сын Есенина и специалист по математической логике, был признан психически больным и сослан в Казахстан. Его поэма еще через шестнадцать лет рассматривалась как антисоветское произведение и в этом качестве упоминалась в докладе секретаря ЦК КПСС Ильичева, положившему начало гонениям на новые направления в искусстве и литературе в хрущевские времена. В 1968 году за свои диссидентские выступления Есенин-Вольпин был принудительно помещен в психиатрическую больницу. В его защиту выступили сотрудники московских академических институтов и преподаватели вузов. Реакция советских властей не заставила себя долго ждать. Многих заставили уйти с работы, известные профессора были сняты с административных должностей, последовала серия инфарктов, а идеологический контроль в научных и учебных учреждениях резко усилился.

Имя знаменитого деда Коле не помогло, и он отсидел пять лет. Выйдя на свободу, он попытался получить высшее образование в Тартуском университете, изменив фамилию Вильямс на Вильяс, звучащую по-эстонски. Однако через год подделку обнаружили, и из университета его исключили. Только после смерти Сталина Коля смог закончить университет и поступить в заочную аспирантуру.

После возвращения из Новосибирска Коля познакомил меня и Машу со своей женой Людмилой Михайловной Алексеевой, ставшей известной на весь мир правозащитницей. Люда была очень веселой и гостеприимной, и первое время приемы организовывались в доме академика Вильямса на территории Тимирязевской академии. Этот дом был подарен академику Сталиным, и в доме хранилась подписанная вождем народов дарственная. Размеры домашней библиотеки меня поразили, толстые дореволюционные фолианты размещались на высоченных стеллажах вдоль стен, многие книги, по-видимому, десятилетиями не открывались и были покрыты толстым слоем пыли, поскольку хозяева были не в состоянии производить регулярную уборку библиотеки.

Коля обожал кошек, и в доме иногда жило до десяти кошек. Различные фотографии с кошками висели повсюду, и на протяжении многих лет мы тоже вносили посильный вклад в эту коллекцию.

1964-й год – это конец весны нашей жизни. Учеба кончилась, и вместе с ней закончился привычный уклад жизни, надо было искать места работы, устанавливать новые производственные отношения с незнакомыми людьми, обретать новые обязанности и научиться преодолевать неизбежные трудности, к чему мы явно не были готовы.

(продолжение следует)

Владимир Янкелевич

Осколки

*Я в жизни ничего не понимаю –
запутана, изменчива, темна,
но рюмку ежедневно поднимаю
за то, чтобы продолжилась она*

как-то неожиданно для себя стал все чаще возвращаться в прошедшие годы. Вернее не я стал возвращаться, а память вдруг, как-то сама по себе, подбрасывает совершенно неожиданно казалось уже давным-давно забытое. «Но когда по ночам бессонница...», а она, к сожалению, стала постоянной спутницей, «мне на память приходит» не что-то цельное, а так, осколки прошлого. Иногда – это странный сон из далекого детства, а иногда просто мысли убегают в прошлое, не то, чтобы с сожалением – эх, не так нужно было сделать – а вроде смотришь фильм о собственной жизни.

І. Баку

Самое раннее воспоминание относится, как мне кажется, к возрасту лет четырех. Мне тогда прочитали небольшую статью «Девочка, которую продали». Смысл ее был такой, что в мире, где не подарили детям «счастливое детство» родители были вынуждены продать свою дочь. – Как это продали?! Разве детей продают?! - Впечатление было очень сильное. Настолько, что я многократно видел повторяющийся сон, в котором продали меня. Уже продали, вот-вот должны прийти покупатели, и мама привязывает меня во дворе за руку к двери... Покупатели во сне не приходили, но я стоял и плакал, привязанный к двери в ожидании покупателя... Почему это вспоминается сейчас? Кто знает...

Жили мы в старом одноэтажном бакинском доме, где все квартиры выходили во внутренний квадратный двор. Он был просто огромным, целый мир, где мы играли в прятки, а когда стали постарше, то в настольный теннис. Спустя лет сорок я там побывал. До чего же он уменьшился, наш огромный двор. Где тут

можно было прятаться? А тогда в этом дворе бурлила наша жизнь, кипучая, как у всех детей.

Этого я не помню, все-таки еще нет и года. На заднем плане музей Низами. А справа – этот музей сегодня.

Во дворе у дверей квартир стояли деревянные ящики, лари, на которых спали в жаркие летние ночи. В противоположном углу двора храпел Андроник, мне казалось, что его храп слышен примерно улицы на три. Куда сегодня делась его семья, когда в Баку уже не осталось армян, неизвестно, но известно, что сосед, Славка Погосов, продал свою квартиру и пытался уехать. Его ограбили, убили и выбросили из поезда.

Но это было намного позже, а пока жилось в Баку очень не плохо.

А еще вдруг вернулся сон, как «я от бабушки ушел». Бабушка, мама отца, Мария, жила недалеко, в еврейском районе, рядом синагогой на ул. Кецховели. (Был такой соратник «великого вождя», занимавшийся революцией, организовавший подпольную типографию в Баку, там же, в тюремной камере и завершивший свою революционную деятельность. Сейчас такой улицы уже нет, Шамиль Азизбеков независимому Азербайджану подходит больше).

А дело было так. Родители отвели меня к бабушке, и я играл с соседскими детьми во дворе. Кто-то из детей сказал мне, что я маленький и даже не знаю дороги домой. Я обиделся:

- Как это я не знаю?! Вот сейчас нужно направо и потом...

Я говорил это и для убедительности пошел. Минут через 15 я был дома, где не очень удивились, думали, что меня привели. А через час к нам вбежала бабушка, седые волосы стояли дыбом, она еле дышала, бежать пришлось в гору, а ей это было не по годам, да и как сказать, что пропал внук? А этот внук-паршивец

уже и забыл, что ушел без спроса, спокойно ездил по двору на трехколесном велосипеде.

Вообще-то скучать родителям я не давал с детства. По рассказам я знаю, что в полугодовалом возрасте, я, замотанный в пеленки, крутился на кровати, упал, закатился под кровать и там спокойно уснул. Нашли меня далеко не сразу. Про эмоции родителей, разыскивающих исчезнувшего младенца, мне не рассказали, но представить не сложно. А где-то в годовалом (или чуть больше) возрасте я стоял в детской кровати с ограждением, видимо бегство под кровать повлияло, и звал родителей из соседней комнаты. Родители все не шли. Тогда я сбросил подушку с кровати, причем не куда-нибудь, а на электроплитку, ею обогревалась комната, и очень обрадовался красивому яркому пламени. Тогда я с удовольствием бросил туда и одеяло. Ну что сказать – родители пришли очень быстро.

Родные пенаты. Фото Сергея Саркисяна, и дом не тот, но он не далеко и очень похож. А дворик – тот

Всего на моем счету три пожара, но все эти огненные приключения закончились дошкольном возрасте.

А еще был такой случай – за какое-то прегрешение мне мама сказала:

– Все! Хватит! Будешь спать у входа на половике!

Я, понимая, что это — такое решение, неприятное, но какое уж есть, и что нравится мне это или нет, но уж ничего не поделаешь, пошел к входной двери и свернулся на половике калачиком. Как-то этот конфликт разрешился, а спустя сорок лет мне мама рассказывала, какая у нее была серьезная проблема: как вернуть меня в постель не теряя лица. Как она вышла из этого затруднения я не помню.

Вообще-то затруднения бывали всякие. Как-то раз лет в 13 мне мама говорит:

– Что сидишь без дела, почитай что-нибудь.

– А что именно?

– Ну, хоть бы Лермонтова...

И дает мне томик, открывшийся на поэме «Сашка». Я в ответ хихикнул. Спустя многие годы, проверяя карточки разысканий и поощрений матросов я обнаружил там уникальное разыскание – «Выговор за ехидные подхихикивания».

Дед Соломон и бабушка Мария. Отец еще не родился.
Это произойдет только через семь лет

Мама выговор за ехидные подхихикивания мне объявлять не стала, а забрала томик и пошла в свою спальню. Как оказалось, она, в отличие от меня, эту поэму не читала. Назавтра она педагогично объясняла мне про то, что Лермонтов великий поэт, но нравы того времени, особенно в гусарской среде... И так далее. А вот «Юнкерские поэмы», как оказалось, она читала. Когда я процитировал:

Друзья! вы помните, конечно,
Наш Петергофский гошпиталь;

И многим, знаю я, сердечно
С ним расставаться было жаль.
Там, антресоли занимая,
Старушка дряхлая, слепая
Жила с усастым ямщиком...
Но дело вовсе не о том!
Ее служанка молодая
Нескромной бойкостью слов,
Огнем очей своих лазурных
Пленила наших грозных, бурных,
Неумолимых юнкеров.

То она текст узнала сразу. А позже еще была сложность с книгой «Один день Ивана Денисовича». Мама мне дала ее почитать, так как тогда это было почти обязательно. Великое произведение! А через два дня – разгромная статья в центральной прессе, и пришлось отвечать на мой неудобный вопрос, как это то, что вчера было великим, сегодня становится бесталанной клеветой, как это понять?

В бакинском дворе. 1948 год. Этот медвежонок и сейчас живет в моем кабинете. Правда, постарел, пообтерся, но от этого он не менее уважаемый член семьи. Не он один постарел

Сестра отца, тетя Люба тогда еще не вернулась с поселения в Воркуте, где отсиживал срок ее муж, репрессированный за диспут с троцкистами. Что интересно – он с ними спорил, а не поддерживал, но кого это интересует, когда «щепки летят». Когда его, дядю Петю, арестовали, то она никуда не могла устроиться на работу. К примеру, в домоуправлении ей объяснили, есть у них, в домоуправлении, есть секретные документы, а она «Член семьи изменника Родины – ЧСИР, ст. 58-8 УК РСФСР 1926 года». И так далее. Чем кормить двоих детей – не

объясняли. Так что в семье от прямых разъяснений сути передовиц в «Правде» воздерживались, мало ли где и что будет потом болтать разговорчивый сын.

Но рассказы об этих «веселых» временах все же были. Дед был управдомом в доме на Кецховели, где они жили. Дом двухэтажный, все квартиры, как и положено, выходили во внутренний двор, а по внутреннему периметру дома шла галерея, из которой, собственно, и заходили в квартиры. И вот, с наступлением темноты, начинали тревожно прислушиваться, куда едет машина, у какого дома остановится - по вечерам иных машин не было, только воронки. Периодически к деду стучали, жестко, требовательно. От управдома требовали отвести их в такую-то квартиру. Так и жили - к тебе или сегодня пронесло? Для дяди Пети – не пронесло, но вот что я никогда не мог понять, так это то, что его преданность «делу КПСС» в угольном забое не пострадала.

Бабушка Роза. Примерно 1900 год

И у брата моего другого деда, Исаия, «не пронесло». В дореволюционные времена мой дед поспорил со своей Розой, осерчал и с братом уехал в Париж. Жил там, вроде, неплохо, участвовал в велогонках. А в конкурсе закройщиков получил даже, как победитель, приз — масштабный циркуль. Брат его в Париже женился. А все это время бабушка Роза очень просила деда вернуться. Дед с братом засобирались, но французская жена отказалась наотрез. Ну что делать, наотрез, так наотрез, поехали пока без нее. Думали, что это временно, но потом возможности приехать к мужу у нее просто не стало. Однако наличие жены за границей предопределило его судьбу – в 37-м его «перетерли в

лагерную пыль». О существовании этого брата, сгинувшего в ГУЛАГе, я узнал совсем недавно, но имя его так и не установил, уже некого было спрашивать. Вот так получилось, что стерли не только человека, но посеяли такой страх, что и имя его стерлось. Страшный смысл произошедшего становится особенно понятен в музее Яд ва-Шем. «...дам ему вечное имя, которое не истребится» (Исаия), но так получилось, что имя уже не восстановить.

Когда начинаешь ворошить старое, то время от времени появляются, если не скелеты в шкафу, то какие-то удивительные истории. Вот дядя Пиня... Я его практически не знал, а запомнилось мне это имя по реплике, брошенной кем-то из родни:

– Надо же, засобирался в Израиле. Всю жизнь был Петр Львович, и вдруг проснулся и стал Пинхасом Лейбовичем.

А засобирался он в 70-х, как только приоткрылась узкая щель для выезда. Был он уже очень немолодым и совсем не здоровым человеком, его активно отговаривали, но он все же уехал. Здесь, в Израиле, он прожил недолго – до 75 лет. Как писал Галич *«И не то чтобы с чем-то за-сорок, Ровно семьдесят - возраст смертный...»*. Те, кто не поехали, говорили:

— Вот! К чему эти подвиги...

История с бакинской гауптвахтой будет гораздо позже,
это выпускник артиллерийской академии в Самарканде
Иегуда Янкелевич 1943 год

А совсем недавно я узнал, что в молодые годы он со своим братом Давидом входил организацию «Бейтар», и они

решили нелегально перейти границу с Ираном, а уже оттуда – в Палестину. На границе их поймали, посадили, а спасло их видимо то, что власть в Закавказье еще не оформилась, Азербайджан, как самостоятельная республика еще не существовал, а Закавказье еще предстояло как следует «осоветить», разделить и очистить от разных чуждых элементов. Вот они и попали в «междущарствие», и потому уцелели... Дядя Пиня добрался до Израиля позже, чем хотел, но его внучка живет в Хайфе.

А иногда жизнь шла и в жанре фарса. Это произошло в 1945, когда отец еще в форме вернулся на костылях домой (протез сделали позже). Ему почему-то показалось, что матери не выдали положенного довольствия. Разбирательство у коменданта города, откуда он отправился напрямик на гауптвахту, завершилось быстро – комендант почему-то не любил, когда его называли тыловой крысой. Вся многочисленная родня собралась под окнами, кто-то принес домашней еды подкормить несчастного, кто-то просто выразить сочувствие. Брат матери – дядя Гриша, он решил вопрос просто: взял шесть бутылок водки, впрочем, вполне возможно, что это был и спирт, и пошел знакомиться с караулом. Караул рассудил так:

- Да забирай ты его, раз ты такой хороший человек...

И на этой оптимистической ноте, под рефрен – *ты меня уважаешь* – отец отправился домой.

Тем временем его старший брат, дядя Арон, который в то время заведовал всеми подводными работами на Каспии, попросил знакомого из НКВД выручить брата. Тот отправил наряд на гауптвахту.

- Где арестованный Янкелевич? Он нам нужен!

Но на гауптвахте только мирно дремал пьяный караул...

О возвращении отца домой, мама, спустя примерно шестьдесят лет рассказала такую историю. По ее словам с фронта вернулся не тот мальчик, за которого она выходила замуж, но совсем другой человек. Мама не говорила – лучше-хуже, а просто – другой. У нее даже появилась мысль о разводе, но, как выход, она решила, что ребенок все исправит, вот я и появился...

Но вернемся в наш двор. Он был мирным и интернациональным. Жили там семья азербайджанцев, армян, русских, семья татов или, скорее всего, горских евреев. Вообще-то они не были похожи на евреев, то есть на нас, ашкеназов, больше походили на азербайджанцев.

С татами вообще была особая история. Так называли кавказских персов, выходцев из Ирана. Они говорили на своем языке, каком-то иранском наречии. Горские евреи тоже говорили

на татском языке. Они, бесспорно, были евреями, просто их язык был не идиш, а татский, но многовековое кавказское проживание «окавказило» их облик. С начала 50-х в рамках борьбы "борьбы с религиозными и националистическими пережитками" и, естественно, как без этого, — с сионизмом начали переоформлять горских евреев в таты. Но настоящим татам как-то не нравилось, что их стали путать с горскими евреями, и они переквалифицировались в азербайджанцев, и уже к 80-м, если в паспорте было написано «тат», то это означало — горский еврей...

1949 – в нашем дворе

В той семье татов было много детей, а двух младших близнецов звали Азим и Назим, различала их только мама. Пацаны были мелкие, похожие на воробьев зимой, а дружили они с такими же близнецами из соседнего двора, которых звали Шекспир и Шиллер. Сокращенно – Шипо и Шило.

Обычно вычурные имена давали своим детям армяне. Моя соседка по школьной парте была Алкида Бабаян. Что такое «Алкида», скорее всего не знали даже ее родители, но дело прояснилось, когда мы проходили по литературе «Войну и мир». Там есть такие строчки: «...*Наполеон, познав чрез опыты, каков Багратион, не смеет утруждать алкидов русских боле...*» и сноски, что Алкид, это на греческом означает «сын народа». Для отца Алкиды это был бы большой сюрприз. А еще в трамвае можно было услышать: «*Гамлет, ты там билет не брал, я тебе здесь билет брала*». В общем — «*Красота — это страшная сила!*», но уж лучше «Шипо и Шило» чем Вилен или Стален.

Жили мы бесконфликтно. Я помню только один случай, когда на меня напали двое, мне было тогда лет 10, и причины

были мне непонятны. Я их понял гораздо позже – странным образом соседские мальчишки-азербайджанцы так отреагировали на синайскую кампанию 56 года. Выручил меня тогда отец. Он, по-моему, ничего не боялся. То, что в том инциденте родителей-азербайджанцев было около десятка, его как-то не взволновало. С войны отец вернулся, потеряв правую ногу чуть ниже колена, но интересно, что прыгать на ходу с трамвая меня учил именно он. Мы жили на Четвертой параллельной (всего их было восемь – видимо кризис названий), а трамвай останавливался на первой, а потом аж на восьмой. Вот и спрыгивали на ходу. Я тянулся за отцом, но, к моему стыду, не дотягивал. Он крутил «солнце» на турнике, носился по сложному бакинскому рельефу на велосипеде, причем нога, оставшаяся в Венгрии, болела у него всегда, видимо как-то был задет нерв.

Мама. 1946 год. В этот год мама стала моей мамой

Многое осталось недоговоренным, уже тогда, когда было поздно, я написал «Письмо отцу» (<http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer5/VJankelevich1.php>). И хоть ему уже не суждено было прочитать, мне это помогло, стало как-то легче...

Вспомнилась сравнительно недавняя история. Восемь лет назад, еще туристом я приехал в Израиль на похороны матери. Еврейские похороны – это очень щадящая церемония, бережно относящаяся к родственникам. Отсидели шиву, и я должен был улетать в Россию. И вдруг, в аэропорту Бен Гурион, мне стало

плохо, в горле ком, дышать не могу, в общем – накатило. Там, в небольшом закутке, сидел старый хасид. Я подошел к нему, он выглядел очень располагающе, пожаловался, что вот плохо... Хасид сначала предложил мне стаканчик кофе, потом мы посидели, поговорили, и он спрашивает:

- Ты сегодня Кадиш читал?

- Как я мог? Я же рано из дома, да и где я возьму миньян?

- Подожди!

Он пробежался по залу и через несколько минут собрал миньян. Люди пришли очень разные, в большинстве светские, внешне - и сефарды и ашкеназы. Я читал: «**Итгадаль ве-иткадаш шмей раба...**». Кончили читать, сказали – «Амен», – все разошлись по своим делам, а я сидел со стариком и с удивлением чувствовал, как ушло напряжение, как разжалось сердце... Кадиш причина или нет, но это было так.

Но я слишком далеко ушел от бакинского двора. Воду в дом провели примерно в году 54-м. У ворот появился кран, и воду стали брать там. А до этого нудно было ходить за водой в соседний дом и покупать воду там по одной копейке ведро. Если бабушка давала две копейки, то нужно было принести одну копейку сдачи. А ведра были такие тяжелые, я старался расплескать, чтобы было легче, а то, что потом из-за этого придется раньше идти за водой, так это же будет потом, а ведра я тащу сейчас.

И за керосином нужно было идти. Им топили чудо техники под названием керогаз, к которому запрещалось подходить, чтобы не сгорел весь дом. Помнится из детства:

- Рафик, иди кофе пить!!!

- Мама, где кофе?

- Слушай, когда мы кофе пили? Это я для соседей. Бери бидон, иди за керосином!!!

А где-то в 53-54 году у соседей Петровых появился первый телевизор. Передачи шли три раза в неделю по вечерам, в субботу и воскресенье. Телевизор выносили во двор и все со своими стульями шли смотреть, причем смотрели абсолютно все, с самого начала и до конца. Видимо увлекал сам процесс. И примерно в это же время стали появляться холодильники «Саратов-2». Для более обеспеченной публики был "ЗИС-Москва", но мы были менее обеспеченными. А до появления «Саратова» масло хранили в кастрюле с водой. Для моих детей – это такая же древность, как и крестовые походы.

Но в этой «древности» было много интересного. Мой дед Исай был заготовщиком, то есть он шил верх обуви. Он любил

говорить, что нога так же индивидуальна, как лицо, и он шил обувь именно на эту конкретную ногу. Кстати, у меня сохранились мои первые кожаные туфельки, которые он сшил, когда мне исполнилось полгода. Я их больше жевал, чем использовал по назначению, наверно потому они так хорошо сохранились. В доме были колодки для обуви, сделанные из красивого красного и очень прочного дерева, много замысловатого инструмента, всевозможные кожи, ремешки и многое другое, но в памяти сохранилась картинка – дед шьет что-то, а бабушка через приоткрытую дверь смотрит во двор.

Дело в том, что дед иногда брал частные заказы, и когда он шил на своей машинке «Зингер», бабушка нужно было смотреть, не идет ли по двору фининспектор или вообще какой-нибудь милиционер - это была незаконная предпринимательская деятельность. Деду как-то не хотелось иметь контакты с властями по этому поводу. Он мог иметь учеников, передавать им знания и умение, но в тогдашней России это было не нужно. А потому сейчас, если захочется сшить обувь на свою ногу, придется ехать в Англию или в Китай.

В начале двадцатых у деда была своя сапожная мастерская в Симферополе. Кто он был, нэпман или «частник с мотором», я не знаю, но дела у него шли хорошо, пока однажды вечером к нему не зашел приятель и не сообщил, что НЭП кончился, что было не ново, и что «завтра к тебе придут, готовься». Вот это было ново. Но когда пришли, то деда в Крыму уже не было, начался новый период жизни – в бакинском дворике. Не Париж, конечно...

На память о тех временах осталась старинная золотая цепочка, на которой дед носил свой брегет, а сейчас эту цепочку носит моя жена.

В наш дворик периодически заходили старьевщики и громко кричали:

— Старый ве-е-е-щ покупа-а-а-м!!!

Приходили точильщики. У них на плече был станок с большим количеством наждачных кругов. Круги вращались ножным приводом, от ножей летели искры... Как нам хотелось попробовать так же лихо точить ножи, но была еще более увлекательная профессия – кирщик.

Кир – это такая смесь загустевшей нефти или асфальта с песком, которым заливали плоские бакинские крыши для гидроизоляции. Возле дома ставили огромные баки, под которыми горел костер (уже интересно), а в баках кипел, пузырился и булькал этот кир. Один рабочий был на крыше, а второй

зачерпывал ведро кипящего кира и с помощью блока отправлял его наверх, на крышу. Они, эти рабочие, были чумазые, все прокопченные, просмоленные такие шикарно грязные, что притягивали нас, как магнитом. И, естественно, нам к ним не разрешалось подходить и близко – потом отмыть бы нас не удалось, пришлось бы рожать новых. Я сидел на подоконнике и смотрел на этих чумазых и таких лихих кирщиков и очень завидовал. На вопрос — Кем ты хочешь быть? — гордо отвечал: — Кирщиком!!!

Но у родителей были другие планы. В нашем еврейском районе плотность музыкантов была очень высока, и все они частным порядком учили музыке, кто скрипке, кто пианино. Вот трубы – точно не помню. А я рос очень кудрявым, по маминому представлению – Ну вылитый скрипач!

Вот мама и отвела меня к преподавателю. Тот сыграл мне что-то и попросил:

— Мальчик повтори, спой.

Я спел. Утверждать не могу, но семейное предание говорит, что скрипач поседел. Он сказал:

– Мамаша, оставьте ребенка в покое, он не музыкант и никогда им не будет!

Вылитый скрипач, еще и слух бы...

А моей младшей сестре повезло меньше, она спела правильно и лет шесть с отвращением барабанила что-то на

пианино. В 13 лет она твердо сказала – Все, хватит! – и больше никогда к инструменту не подошла.

В нашем дворе жил еще один таинственный человек. Его звали Семен. Он никогда не выходил во двор, но всегда смотрел из окна на нас и молчал. Окно было какое-то темное, лицо его было плохо видно, было в нем что-то непонятное, страшноватое, Мы держались от этого окна подальше. Сейчас эта история мне более понятна. Семен во время войны попал в плен, а из плена прямо в ГУЛАГ. И если из плена он вернулся более-менее целым, то из сталинского лагеря он был отправлен домой без обеих ног. Сактирован, как тогда говорили, то есть отпущен по акту о непригодности к исправительному труду. Но «лучший друг физкультурников» еще правил, вот взрослых и держал от Семена подальше инстинкт самосохранения.

Семен запомнился еще и потому, что к нему, в отличие от всех остальных, так запросто не заходили. Двери во дворе были, что называется, открытыми. Совершенно спокойно соседка могла войти и спросить

— Что это ты готовишь? Ты уверена, что это кисло-сладкое мясо? Ты в самом деле так думаешь?

А потом, попробовав, сказать, что *«в принципе неплохо, лучше, чем у Маруси, но хуже чем на бармицве у Додика»*.

Вот и приходилось хозяйкам хорошо готовить и стремиться превзойти бармицву Додика. Все двери были открыты, только не у Семена.

А потом в 53-м я задал маме вопрос:

– Как же мы будем жить, ведь Сталин умер!!!

Мама сказала, что ничего, проживем. Воспитательница в детском саду, Панна Михайловна плакала, да и вообще плакали многие, но вот через три года, в 56 году, реакция была горячее. К родителям прибежала крайне возбужденная жена маминого брата Адель (сейчас она живет в Яффо) и стала рассказывать о разоблачении культа личности. Я бы наверно, не обратил бы на это внимания, мал еще был, но у нее были такие вытаращенные глаза, примерно вдвое больше нормального размера, так необычен был перехлест эмоций, что я не мог этого не заметить.

Но это было позже. А пока, в 53 году, на меня надели гимнастерку, фуражку, которую я ненавидел, ремень с бляхой, и я углубился в науки. Первой моей отметкой в школе была двойка. Мы тогда писали перьевыми ручками с пером №11, стеклянные чернильницы-непроливайки приносили с собой в специальных мешочках. Их было очень интересно с размаху хлопнуть об стенку по дороге домой. Получался такой взрыв, красивое пятно на стене,

а дома можно было объяснить про то, как поскользнулся, споткнулся или еще что-то, что могло прийти в голову... Позже мы приносили в школу карбид, который на перемене кидали в чернильницы. Чернила начинали кипеть, писать было уже не возможно – скандал и полное блаженство!!! Попытки узнать, чья это работа через отличников или родительский комитет были бесполезны. Далее мы в этом направлении совершенствовались, тут и натирание доски воском, и (просто высший пилотаж при занятиях в третью смену, были и такие занятия) выкрутить лампочку и внутрь патрона вложить мокрую промокашку. Пока она была еще влажная, все было хорошо, но бумага постепенно высыхала, и свет медленно тускнел, тускнел, а потом и вовсе отключался...

А как я ненавидел галоши... Почти шекспировской страстью. *«Лошадь купила четыре калоши. Пару хороших, а пару поплше...»*. Мама четырьмя калошами отделаться не могла, я терял их регулярно, но всегда только одну. А пожилым азербайджанкам галоши нравились. Они в них лихо щеголяли, одевая на босу ногу.

Как-то примерно году так в восьмидесятом, мы с женой были в Баку. У соседнего дома сидела на кошке азербайджанка в галошах и стегала шерсть. Это был такой процесс — шерсть лежала перед ней на кошке, длинным прутом она ударяла по шерсти и, подняв то, что зацепилось, стряхивала. Комки шерсти так понемногу распадались. Вдруг она обратилась к нам на русском, и оказалось, что она с Украины. А получилось это так – она вышла замуж за азербайджанца – солдата, когда тот служил срочную на Украине.

В то время в СССР был принят экстерриториальный принцип формирования войск. То есть азербайджанцы в Азербайджане не служили. Объяснений этому множество, но мне кажется более верным то, что в ситуациях, аналогичных Новочеркасскому расстрелу, у солдат не оказалось бы родственников в разгоняемой толпе. Молодые азербайджанские парни просто теряли голову от украинских красавиц, но дома с молодой женой начиналась правда жизни. Жена никак не могла понять, почему ее муж хочет отправиться с друзьями в шашлычную без нее. Тут пересекались два мира, Закавказье и советская глубинка.

Я помню рассказ, как соседка принимала новых родственников. Примерно полчаса она описывала, какой был накрыт стол, какие были блюда азербайджанской и армянской кухни, короче - как гостей принимали, а потом, как поехали на

родину невестки. Стол был тоже богатый — видов тридцать самогона, вареная картошка и селедка. Ну, может и не совсем так, но смысл такой. Уцелеть брак мог лишь при одном условии, если молодая жена становилась азербайджанкой по образу жизни, мышлению, языку, одежде... Вот такую «новую азербайджанку» мы и встретили, и на ногах у нее были красивые новые галоши...

Так вот про первую оценку - первую двойку. Нужно было что-то красиво писать в тетради, причем особо подчеркивалось – «С нажимом!» Я и старался изо всех сил, нажимал, раз сказано, но перестарался. Нина Васильевна написала – «Грязь», и поставила жирную двойку. Это был шок. Я же шел в школу хорошо учиться, быть отличником, как это я приду домой с двойкой?! Потому она мне и запомнилась. А Нина Васильевна запомнилась линейкой, с которой она ходила между рядами и периодически била по рукам. Кстати, достаточно болезненно, но тогда с «правами ребенка» было попроще, не так, как сегодня.

А сегодня, здесь в Израиле в семье одного моего родственника был трудный сын, лет, помнится, девяти-десяти. Настоящий трудный и малоуправляемый, что его перевели в школу для проблемных детей, в город километрах в десяти от Натани. Мальцу там не понравилось, он перемахнул через забор и пошел пешком домой. В школе его хватились, начали искать, сообщили в полицию, родители организовывали родственников на машинах для поисков, полиция подняла тревогу, создали поисковой штаб... Все бесполезно... Ближе к ночи беглец добрал домой. Взбешенный отец дал ему затрещину, а сын тут же вызвал полицию. Нервный отец провел в тюрьме три месяца. Это, конечно, не 10 лет без права переписки, но достаточно чувствительно.

Во втором классе нас объединили с девочками, и мы сразу начали влюбляться. Мой первый объект обожания звался Света Рубизова, но ее родители переехали и любовь рухнула. Потом мальчишечьи дела закрутили, девочки отошли на второй план, и возникли снова уже в классе седьмом-восьмом. Интересно, что внук (ему четыре года) на вопрос, кто тебе нравится в детском саду, таинственно улыбается и с придыханием говорит – Дана. Я за собой такого не помню, только с первого класса. Акселерация...

Антисемитизма в школе я не помню, скорее всего – его не было. Было другое, вот что. По истории мы проходили много всего, но евреи в истории отсутствовали. Скифы были, сарматы, египтяне, римляне и так далее... были, а евреев – нет, не было. История любит героев. Вот Суворов с героическими русскими солдатами перешел через Альпы, а вот римляне героически разгромили варваров, но мы – евреи, где наш след? А потом на

уроках литературы оказывалось, что нас опять нет... А так хотелось прислониться к великому прошлому...

Да была еще одна мерзкая процедура. В начале учебного года заполняли классный журнал. Там, в конце журнала, кажется на последней странице, был список учеников по национальному составу. Заполнение выглядело так. Учительница говорила — Русские встаньте... — и русские вставали. Она опрашивала их фамилии и записывала в журнал национальность. Таким образом все и шло. В конце звучало — Прочие. Евреи вставали, но как-то не хотелось быть «прочим». Может именно тогда и закрадывалось стремление «стать русским»? У меня оно не появилось, но я знаю многих, прошедших «смену вех», как им тогда казалось, весьма успешно.

Позже эта успешность становилась сомнительной. После 2000 года мне было поручено собрать группу еврейской молодежи на бесплатную образовательную поездку в Израиль по программе «Таглит». Приходит ко мне пожилой человек и просит записать на программу внуку, а на вопрос о документах, подтверждающих еврейство, говорит, что время было такое, вот он и записался русским. Кроме того, при регистрации брака взял фамилию жены. Когда я ответил, что без документов я ничем помочь не могу, он стал плакать, а как выглядит плачущий старик, это описать невозможно. Я сказал ему:

– Хорошо, пусть придет внучка, я посмотрю, что можно сделать.

Но внучка не пришла...

В школьные годы на Йом Кипур я ходил в синагогу к раввину получать разрешение для бабушки не поститься. Кипы в доме не было, мы с братом брали носовые платки и на всех четырех углах завязывали узелки, то, что получалось, и было кипозаменителем. Раввин разрешение давал всегда, но что это за Йом Кипур, я узнал только через 33 года. На Песах перед бакинской синагогой собиралась толпа – это была очередь за мацой. Домой приносили большие коробки на всю неделю, но уманташи в Пурим мне нравились больше.

А еще на каникулах, когда мне не с кем было остаться дома, я ходил с мамой, детским участковым врачом, на вызовы. Запомнился один случай. В квартире, куда мы пришли, лежала больная девочка с высокой температурой. Дома кроме нее никого не было. Развитый социализм еще не строили, но *«жила бы страна родная, и нету других забот»* было главным, вот ее родители и ушли на работу. Мама сделала, что нужно, выписала

лекарства и собралась уходить. Вдруг девочка начала с трудом вставать.

— Ты куда?

— Если мама узнает, что когда Вы у нас были, я Вам даже чаю не налила, да она меня просто приберет...

Еле уложили ее обратно в кровать.

А спустя много лет я сидел возле больной мамы в больнице «Шаарей Цедек» в Иерусалиме. Мама лежала там после операции и плохо себя чувствовала. Вдруг из-за стены раздался вопль. Орал какой-то мужчина. Я вышел посмотреть, что случилось. У дверей соседней палаты собралась небольшая толпа – очень уж громко кричал. В палате лежал мужчина, и у нас произошла такая беседа:

— Что кричишь?

— Мне холодно!!!

— Так укройся, вот же одеяло лежит.

— Я тебя не звал советовать!

И он опять начал орать. Люди стали возмущаться, он же беспокоил больных. Но когда я сказал, что его нужно депортировать назад в Россию, то как-то странно посмотрели на меня и сказали:

— Нельзя же так, человек же все-таки!!!

Вот такой менталитет. Вообще-то с ментальными особенностями мы сталкивались постоянно. В 70-е годы в России врачи еще лечили за зарплату, но Баку в медицине опередил время: там установились своеобразные отношения врача и пациента, утвердилось представление, что лечиться даром просто невозможно. Моей дочери должны были удалить железы, ее с женой положили в больницу в отделение, где заведующей была одноклассница моей мамы по медицинскому институту. В палате детского отделения больницы Семашко примерно на 10-12 коек, возле всех детей сидели мамы и вели беседу:

- Ты сколько дала?

- Столько-то, а ты?

- А я больше, столько-то. А ты?

И так далее, по кругу, пока не дошло до моей жены. Та говорит, что несколько не давала. В палате – немая сцена, а затем общий вердикт:

- Какая же ты мать, если на здоровье собственного ребенка экономишь?

Где-то очень далеко наш старый Баку. Леня живет в Германии, Люда в Сан-Франциско, я в Натании, Зямик в Ашдоде...

Интересно, как я его нашел. Я гостил у брата в Нью-Йорке. Пришел кто-то незнакомый и спрашивает:

- Я слышал, ты отсюда летишь в Израиль?

- Да.

- Брось, пожалуйста, в Израиле письмо в ящик, быстрее дойдет.

Когда я увидел, кому адресовано это письмо, то спросил:

- Этот парень из Баку?

- Конечно.

- Он такой (я описал Зямика)?

- Да, это он!

- Так я с ним в одном классе учился!

Письмо я не стал отправлять, а явился с ним сам. Это было здорово.

Но многих просто не удастся найти. А родители выросли и жили в одном городе, у них собирались школьные и фронтовые друзья, вместе встречали праздники. А потом жизнь разбросала и их...

Не так давно в Нью-Йорке не стало большого друга моих родителей – Леонида Мерлинского. Я еще помню его отца, чем-то похожего на профессора Преображенского из фильма «Собачье сердце». Когда он садился обедать, то стол, накрытый белоснежной скатертью, был сервирован старинным фарфором и серебряными приборами. Клеенки он не признавал. С красивой бородой, в костюме-тройке, он казался существом из другого мира, а другой мир еще жил в памяти родителей, дедушек и бабушек, еще не ушел окончательно.

О жене Леонида Мерлинского, которую я называл тетя Дита, мне напоминает в Натании улица «Усышкин». Она была родственницей лидера еврейского ишува Менахема Усышкина, но когда тот решил переехать в подмандатную Палестину, то ее родители не поехали, остались в Москве, где она стала врачом-психиатром, и не просто врачом, а личным врачом сына Льва Мехлиса, того самого, большого специалиста в поиске и разоблачении «врагов и вредителей». Сын Мехлиса был болен, какая-то психическая болезнь... Все прекратилось в один миг - когда начало раскручиваться дело «врачей вредителей». Она быстро уехала из Москвы и в Баку превратилась из Усышкиной в Мерлинскую. Компьютеров тогда еще не было, и это ей помогло. А там наступил и Пурим 53-го года, стало не до нее.

В начале 60-х Хрущев ввел в школах 11-летку с производственным обучением и взял курс на химизацию. Конечно, Никита Сергеевич не имел таких планов, но он перевернул мою

жизнь. Родители, учитывая мою склонность к электро-электронным конструкциям, отправили меня в школу, где это производственное обучение шло на "заводе телеаппаратуры и приборов автоматики". Я познакомился с деятельностью начальника цеха, должностью, до которой еще нужно дорасти, и пришел в ужас. Этот был идиотский симбиоз снабженца-завхоза с тем, что в армии называлось «старший, куда пошлют». На меня это произвело настолько кошмарное впечатление, что я отказался поступать в Политех. Не туда, а куда?

Критерии были следующие – в институт в центре (Москва, Ленинград) с электронным профилем без вступительного экзамена по химии, с которой у меня были своеобразные отношения. Я никак не мог понять, как это элемент то двухвалентный, то трех, а как понять, когда он какой? Зубрежка вызывала аллергию, вот и пришлось искать ВУЗ без экзамена по химии. Таким ВУЗом оказалось лишь высшее военно-морское училище радиоэлектроники им. А.С. Попова... Вот так повлияло наблюдение за деятельностью "как бы инженера" плюс химизация всей страны.

Наставало время расставаться с Баку. Как невероятно красив был Баку нашей молодости. Говорят, что сейчас он стал намного краше, но меня это не убеждает, это уже другой Баку, много потерявший, изменившийся, растерявший своих детей, армян, евреев, русских... Но он жив, старый Баку. Пожелаем ему счастья.

II. Училище

Я прослужил в ВМФ 27 лет. Мне иногда казалось, что форма приросла ко мне, как кожа, но сейчас спустя двадцать с лишним лет, как я расстался с этим поприщем, у меня такое ощущение, словно всё было не со мной, просто я видел фильм, где действовал человек, внешне на меня очень похожий. Правда, друзья говорят, что годы военной службы все же сказались, не могут десятилетия офицерской службы пройти бесследно. Я и не спорю, все, что было, все формировало мое сегодняшнее мировоззрение, ни от чего, ни от хорошего, ни от плохого я не хотел бы отказаться, переписать заново, как-то иначе...

Конкурс в училище был очень большой – 20 человек на место, но экзамены я сдал очень легко, и мы отправились на Северный флот, на крейсер «Свердлов», проходить морскую практику. С этого начались экзамены посложнее.

Первым делом нужно было попасть на этот крейсер, а это оказалось не просто. Крейсер стоял на рейде, и мы отправились к

нему на большом баркасе. Море очень спокойно, красивая синь, неподвижная, как чай в блюде, но только подойдя к крейсеру мы увидели эту «неподвижность». Океан дышал, как большое животное, вода поднималась и опускалась, раньше это было не так заметно, и только рядом с неподвижной машиной крейсера мы смогли это ощутить в полной мере. На крейсер нужно было пройти по выстрелу. Так называлось бревно, напоминающее гимнастический бум, только гораздо длиннее. Высота выстрела была внушительной – метров 5 или 6, на оконечности его свисал веревочный трап (лестница), по которой нужно было на этот выстрел подняться, а затем легко и изящно пройти по нему на крейсер. Проблемы начались сразу же. Конец этого веревочного трапа то опускался к баркасу, то взлетал метра на три. Только собрался за него ухватиться, а он уже на недосягаемой высоте.

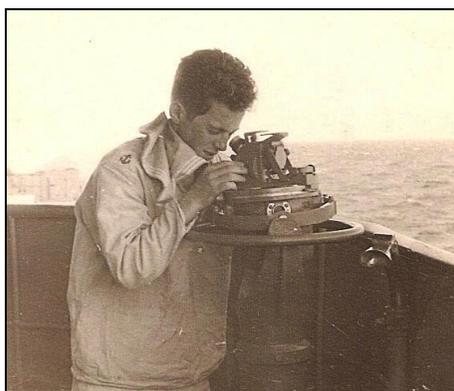
- Все! Как только он будет внизу – хватаю!

Вот он, этот крейсер. На вынесенном фрагменте виден выстрел, готовый к проходу еще одной группы курсантов

Но ухватившись за трап, ты вдруг неожиданно оказываешься в воздухе, болтая ногами. Пока пытаешься понять, что произошло, тебя снизу догоняет баркас и достаточно жестко объясняет, что «ловить ворон» не стоит. Так или иначе, ты поднимаешься к выстрелу, охватываешь его руками и понимаешь, что теперь из-под выстрела нужно залезть на него. Взгляд вниз — и ты с ужасом видишь, что огромный баркас превратился в маленькую лодочку, но если ты сорвешься, то тебя соберут по этому баркасу в кастрюльку и в таком виде отправят маме. (Это именно те мысли, которые приходили мне в голову в тот момент). Если бы он отплыл, тот баркас, тогда еще можно было бы упасть в

море и выплыть, а так... А так буду висеть, пусть этот крейсер идет в Мурманск, а меня отсюда снимут пожарники! Потом я посмотрел в сторону крейсера. У лееров (ограждений) стояли не меньше сотни матросов и с живым интересом наблюдали этот цирк. Им было скучно, а тут такое развлечение... Это и перевесило. Чтобы пройти по выстрелу имелся канат, но он помогает, если толкать его от себя, тогда он натягивается и служит опорой, но стоит чуть сдвинуть его к себе, он тут же вялой веревкой провисает в руке, и ты начинаешь лучше понимать канатоходцев. В общем, на крейсер я попал, и с этого началась моя военно-морская служба.

На крейсере. Беру пеленг впервые. 1964 год

Сложностей было много. Сейчас они кажутся мне смешными, как, к примеру, правило, что по тревоге по правому борту бегут в нос, а по левому в корму. Эта мелочь может дорого обойтись новичку, который по сигналу тревоги бросится бежать не по той стороне. Ему навстречу вылетит здоровенный детина, сшибет, наступит на что придется и побежит дальше. Извиняться в таких случаях не принято.

Или, к примеру, команда «Среднее не гонять!». В башню главного калибра можно было войти через люк, но люк этот располагался в углублении, в которое опускалась казенная часть среднего ствола башни (всего их было три). Углубление очень точно соответствовало размерам этой казенной части, и если, когда ты поднимаешься в башню, кому-то придет в голову поднять ствол среднего орудия, то не успеешь даже пискнуть. Вот и нужно было орать во весь голос «Среднее не гонять!», но мы еще стеснялись командовать, и потому сердце каждый раз уходило

в пятки под тихий писк «Среднее не гонять», который, конечно же, никто не слышал.

А потом начались чудеса – полярные сияния, про которые мы читали только в книжках, команда по корабельной сети «По правому борту стадо китов! Желающие смотреть!». У северных морей, далеких от рек, несущих ил, очень красивый и глубокий цвет, вода прозрачная, зеленая глубина, где время от времени видны огромные разноцветные медузы. Но как хотелось спать... Спать хотелось всегда. Мне казалось, что я мог бы заснуть, уютно устроившись на вертикальной стенке. Время поспать можно было выкроить, но на огромном крейсере, длиной в 200 метров, не было такого уголка, за который кто-либо не отвечал. Попробуй, усни на чьем-то посту. Мы приспособились спать в зенитных автоматах. Они стояли под брезентовыми чехлами, и если залезть под чехол, сесть в кресло наводчика, уткнуться лицом в окуляры прицела, то вполне можно было удобно устроиться и поспать. Но всех превзошел курсант по фамилии Варлыга. Он исчез в районе Фарерских островов. Это между Англией, Исландией и Норвегией. Нет его нигде - исчез. Сыграли боевую тревогу. По трансляции передали: «Осмотреться на предмет наличия курсанта Варлыги!». Пошли доклады: «Пост такой-то осмотрен – Варлыги нет! Пост такой-то осмотрен – Варлыги нет! Боевая часть два осмотрелась – Варлыги нет!». По расписанию я дежурил на ГКП (главный командный пункт). Начальник практики, капитан 1 ранга Усвяцов тогда сказал мне:

- Смотри, Янкелевич, видишь фуражку с дубами (у старших офицеров на козырьке были дубовые листья), больше мне такую не носить, снимут вместе с головой.

Искать матроса упавшего за борт (тем более, что неизвестно когда упавшего), совершенно бесполезно, но к ночи Варлыга появился. За бортом крейсера на блоках висела шлюпка. Она там находилась для экстренного спуска на воду. Между шлюпкой и крейсером натянута сетка, а сама шлюпка накрыта брезентом. Оказалось, что Варлыга по сетке пробрался в висящую за бортом шлюпку, залез под брезент и уснул примерно на восемь часов.

Есть хотелось не меньше, чем спать. Столовых, естественно, не было – вместе с нами, курсантами, на крейсере было примерно полторы тысячи человек, где их собрать? Между койками устанавливались складные столы, за который усаживалось по 12 человек, один по очереди, его называли бачковой, с бачками (кастрюлями) бежал за едой. Это тоже было не просто. В один бачек наливалось первое, сверху поднос, на него

бачек со вторым, сверху поднос с винегретом, и еще на мизинце висел чайник с компотом. Эту пирамиду нужно было принести, что и на земле не просто, но крейсер в море качает – качка градусов 25-30, то есть размах качки – все 50 и более. Ноги циркулем, и вперед.

Сложнее спуститься по трапу (лестнице) в кубрик. Трапы очень крутые, с узкими ступеньками, нужна хорошая координация, иначе вслед за бачками в лужу от борща летит бачковой, но сочувствующих взглядов он не дожидается, под суровыми взглядами 11 голодных, он молча собирается и идет клянчить еду во второй раз.

Как-то за какое-то прегрешение (уже не помню за что) меня в наказание отправили в котел. Вообще-то живость характера в армии наказания просто притягивает — чистить котел считалось очень серьезным взысканием. Огромный котел, их на крейсере шесть, внутри состоял из трубок, в которых циркулировала вода. Внутренний объем котла разделен на четыре части, пол и одна стена прямые из труб, а остальное — четверть окружности котла, тоже сплошные трубы. Так вот эти трубы покрывались сажей, которая начинала выступать, как теплоизолятор, и эффективность котла резко уменьшалась. Охладить его полностью было невозможно, считалось, что 80 градусов вполне терпимая температура. Нужно было залезть внутрь, в котел, и металлическим скребком очищать трубы от сажи. Через минуту мы начинали походить на чертей, только без хвостов, на абсолютно черных физиономиях блестели глаза. Остап сказал бы, что «это не Рио-де-Жанейро, это гораздо хуже». Нас предупредили, что потом мыться нужно под очень холодной водой, тогда поры сжимаются и сажу можно смыть, но мы, естественно, нырнули под горячую воду, законопатили поры сажей и несколько недель ходили своеобразного серо-зеленого оттенка...

Периодически нас тренировали в гребле на 20 весельном баркасе. Это особое развлечение. На каждом весле висело по два курсанта, но даже ухватиться за валец весла мы как следует не могли. Ты с напарником из последних сил тащишь весло на себя, но сзади уже дотащили и дружно двинули его вперед, следует удар в спину и ты слетаешь на дно баркаса. Синхронное движение 20 весел (40 гребцов) требует серьезной тренировки и большой физической силы, но у нас не было ни первого, ни второго. Мы гребли старательно вдоль крейсера в районе его бортового номера – 102. Командир с интересом следил за нашими усилиями и сказал:

— Догребете от единицы до двойки – запущу мотор.

Но он этого не дождался.

Через неделю крейсер стал на якорь у северной оконечности Дании. Вдали виднелся город Фредерихсхавн. Мы высыпали к борту ловить рыбу. На конец лески привязывали гайку и 10-15 крючков. Леска выбрасывалась за борт, дергали, и вытаскивали улов. Рекорд был на 15 крючков – 11 скумбрий одновременно. Потом мы ели эту рыбу всем крейсером дня три. В самый разгар ловли мимо нас проходил датский баркас. Те недоуменно посмотрели на нас, а потом один двумя руками поднял только голову рыбины, больше ему было не под силу, и показал нам. Наверно это был огромный тунец, но нам и скумбрии были внове.

Крейсерские крысы заслуживают отдельного слова. Эти умные твари чувствовали себя на корабле очень комфортно, нередко прыгая на нас, когда мы спали. Нет, они не хотели нас съесть, просто так пролегали их дороги. Они чувствовали себя дома, а мы были для них временной помехой. Почему-то они любили грызть изоляцию в радиоаппаратуре. Борьба крыс с аппаратурой шла с переменным успехом, то они выводили аппаратуру из строя, то погибали в блоках от удара током, и тогда кругом разносился запах жаренной крысы. Они были ростом с приличную кошку, длиннющие хвосты свисали с трубопроводов, да и вообще везде, где только можно. Травить их нельзя — отравишь, она забьется куда-нибудь, где ее не найти, и на корабле станет невозможно находиться. Вот их и ловили всевозможными ловушками. Матросам объявляли за определенное количество отловленных крыс десять суток отпуска с выездом на родину. За это матросы могли отловить кого угодно, но как определить сам факт отлова крысы? Нужно было предъявить ее хвост доктору или старпому - где как. Предъявленный хвост выбрасывался за борт. Так моряки наловчились заранее привязывать эти хвосты леской и вытаскивать их обратно. Когда это раскусили, то поток хвостов не иссяк. Потом оказалось, что моряки стали предъявлять в качестве хвоста — хвост свеклы, что тоже сходило.

Потом мы вернулись в Питер, и пошла учеба.

Есть такой предмет – «Теория электромагнитного поля», описываемая системой дифференциальных уравнений Максвелла. Читали нам этот предмет вероятно очень хорошие преподаватели, вот только ученики у них были плохие. Дело в том, что курс математики отставал от курса теории поля, вот поэтому мы ничего в этих уравнениях не понимали. Преподаватель спросил:

— Какие есть вопросы?

Вопрос был только у меня:

— Товарищ капитан второго ранга, а откуда Вы все это знаете?

— Как все в военно-морском флоте!

— А как все в военно-морском флоте?

— Вызвали утром и приказали знать!

Эту истину «приказали знать» мы быстро научились претворять в жизнь, сложности были в основном с политнауками, но и с этой проблемой мы научились справляться - перед экзаменом в щелях паркета прокладывали провода, подводя их к каждому столу. Взяв билет, садились и подключали малогабаритный наушник, который выходил из рукава форменки. Нужно было сесть, как бы задумавшись над вопросом, голову подпереть левой рукой, из рукава достать наушник, прижать к уху, так задумчиво и сидеть. За дверью начиналась работа. Так как связь была односторонней, то в ответ на вопрос нужно было кивнуть.

- Вопрос Янкелевичу: у тебя билет первый, второй, третий...

Кивок.

— Первый вопрос знаешь? Не знаешь?

Кивок.

— Второй, знаешь? Не знаешь?

Кивок.

— Даю первый вопрос...

И так далее...

Все шло очень неплохо до тех пор, пока я не вышел к экзаменатору и не повернулся лицом к классу. Сидели пятнадцать человек, и все в абсолютно одинаковых позах — опираясь на левую руку. Микронаушник говорит тихо, но когда их пятнадцать, то в классе хорошо слышен странный звук, не очень внятный, но назойливый. Зрелище было настолько странным, что у меня стали застревать слова во рту, я все никак не мог отключиться от этой нелепой картинки... Кое-как экзамен сдал, и тут же забыл все, о чем говорил.

Запомнился преподаватель какой-то политической науки. Я бы никогда его не вспомнил, но... Он рассказывал, какая это мерзость — порнографические журналы, и... глаза! Его глаза так при этом блестели, что я его помню по сей день...

А капитан 1 ранга Кулаков остался в памяти совсем иным. Внешне он выглядел, как эталон морского офицера, стройный, подтянутый, красивый такой мужественной, но слегка голливудской красотой. Как-то раз мы встретили его на Балтийском вокзале с молодой женой. Он сказал:

- Галя, познакомься, мои коллеги!

Это мы-то — коллеги. Рядом с ним мы выглядели совсем желторотыми юнцами, но эти слова, сказанные почти полвека назад, я запомнил, помню так явственно, как будто они были сказаны вчера. А один из его рассказов запомнился тем, что никак не вписывался в официальную историографию.

Он рассказывал, что где-то в 1943 или 44 году они пригнали в США на ремонт эсминец. Старый эсминец, тридцатилетний ветеран, в принципе, отслужил свое. Американцы предложили вместо ремонта дать абсолютно новый корабль, причем за сумму меньше стоимости ремонта. Но Москва настаивала именно на ремонте. Скорее всего, просто страшно было брать на себя ответственность за какие-либо решения, ведь потом можно быть обвиненным в чем угодно, к примеру, что характеристики нового эсминца плохие, а чем это грозило, все знали. И тогда наши моряки по договоренности с американцами устроили аварию – затопили старика прямо у пирса, а вину за аварию американцы взяли на себя и Кулаков возвращался домой уже на новом корабле...

Полковник Виноградов, преподававший нам морскую авиацию, выдал нам зачетные вопросы и ушел на два часа. Мы радостно достали учебники и мелким почерком исписали примерно по три форматных листа. Виноградов вернулся, взял пачку листов в руку, потряс, как бы взвешивая эту макулатуру, и сказал:

- Вы думаете, это вы меня обманули? Нет, это я вас... Я это даже смотреть не буду.

И тут же, не глядя на нашу писанину, всем поставил зачет.

Самым сложным для меня, бакинца, было пробежать 10 на лыжах, я уж и не помню за сколько, кажется за пятьдесят минут. В Баку снега не бывало, и потому ко времени, когда все приходили к финишу, я только добирался до старта. Но двойка за этот кросс такая же двойка, как любая другая, вот и приходилось каждый день я перемахивать через забор училища и стараться пробежать дистанцию... Зачет мне пришлось сдавать многократно, бегая уже практически по траве, но к финишу я прибежал и, что самое важное, с лыжами в руках. Без них зачет не ставили.

Сильно донимали всяческие бирки. На любой одежке курсанта должна была быть бирка три на пять сантиметров, где перечислялись все его данные, пришита она должна была быть строго в определенном месте, ни вправо, ни влево. На постоянных смотрах ходили проверяющие и с линейками замеряли их размещение. У нас еще говорили:

— Что будет, если на училище упадет атомная бомба?

— С неба долго и нудно будут падать беленькие бирки.

Рассказ про бирки напомнил такой случай. Вечером возле пруда в Петродворце нашли курсантскую форму. Следы шли в воду, но обратных следов не было, да и на воде никого не было видно. Вызвали дежурный взвод, начали искать уопленника, а по биркам определили, кто он и откуда – оказался из нашей роты. Назовем его условно – Виктор. Вот мы собрались в кубрике, все толпятся и обсуждают эту трагедию. Вдруг веселый голос:

– Что случилось, о чем спор?

– Тихо, Виктор утонул.

Смотрят, а это сам Виктор и спрашивает. Мы все:

– Как это, что случилось?

– Да пошел искупаться в пруду, а кто-то украл форму. Так я в кустах просидел до темноты, а потом (я же не мог войти училище через КПП, меня бы сразу арестовали) я пристроился за девушками, что шли в училище на танцы, прошел в клуб, оттуда в учебный класс, одел спортивную форму, и вот – пришел!

Я и сейчас улыбаюсь, представив Виктора в семейных трусах, проходящего через клуб в учебный класс. А дело оказалось в том, что он, наплававшись в пруду, вышел на другой его берег и не понял этого. На гауптвахте у него была возможность подумать над этим.

Но все же эти бирки, повседневная рутина, все это так донимало, что сначала один, потом другой, а потом массово, курсанты стали писать рапорты с просьбами отправить их на войну во Вьетнам. Не то, чтобы им хотелось во Вьетнам, а просто куда-нибудь, подальше от этих бирок. Я не писал, но пишущих было так много, это приняло настолько массовый характер, что на специальном общеучилищном построении нам просто приказом запретили писать подобную ахинею...

Сразу, начиная с первого курса, начались свадьбы. После первой свадьбы нас собрал командир роты и сказал:

— Это же позор, когда гардемарин Высшего военно-морского училища не может открыть бутылку шампанского. Масальцев встаньте! Мне за Вас стыдно.

После этого он провел инструктаж, как это делать правильно.

К выпуску холостяков осталось всего двое, я и Слава Афонин, но в открывании шампанского на чужих свадьбах мы получили хорошую тренировку.

В училище нам платили стипендию: 8 руб. 30 коп. на первом курсе, 10 руб. 80 коп. на втором и потом по 15 рублей. На

эти деньги, теоретически, мы должны были покупать зубную пасту, сапожный крем, ну и все, больше не оставалось. Но вокруг был Питер, множество театров и красивых девушек. Главным образом экономили на еде. Меня выручало то, что мой товарищ привел меня в дом к Ральфу Исааковичу Райкину, родному брату Аркадия Райкина. Ральф Исаакович был театральным врачом отоларингологом, что открыло мне дорогу в театральное «ззеркалье». Увиденное иногда шокировало, но увлекало.

Лейтенант – 1969 год

В 1965 нам стали рассказывать о коварстве американцев, открывающих в Питере первую американскую выставку «Архитектура США». Вообще-то американская выставка уже была в Москве, еще при Хрущеве, но в Питере это было впервые. Один из примеров «коварства» особенно запомнился:

— Там они вот что устроили!!! Совершенно бесплатно предлагают ламинировать ваши документы, а сами... — представляете коварство — сами внутри аппарата копируют подлинные советские документы для использования в шпионской деятельности. Вход на выставку строжайше запрещен!

Но мы, само собой, потянулись туда, заблагоразумно переодевшись в штатское. У меня хранился шикарный глянцевоый

буклет невиданного качества. Наяву архитектуру США я увидел через 32 года.

К стыду своему нужно признать, что Шестидневная война прошла незамеченной, и не только она, вторжение в Чехословакию воспринимали, как вынужденную операцию. Только после демобилизации, когда информация стала доступной, я понял, как работала и выполняла свои задачи пропагандистская машина, над которой мы всегда подсмеивались, и сколько «лапши» висело на моих, совсем не оттопыренных ушах...

На пятом курсе я сшил себе фирменную офицерскую фуражку у старого еврея, который жил на ул. Чехова, дом 7, кв. 1. Он мне все говорил:

— Такая фуражка!!! Вы знаете, командир как увидит, так он сразу выпишет Вам командировку в Ленинград, чтобы Вы привезли такую же ему. В ней Вас ждет удача!

Командировку не выписали, но носил я эту, действительно отличную фуражку еще и капитаном третьего ранга. Наверняка давно нет этого старого еврея, но я его хорошо помню...

Но все когда-нибудь заканчивается - мы сидели еще в курсантской форме, но уже с ромбиками и разглядывали новенькое «Удостоверение личности офицера», нас ждали подводные лодки...

Нужно было уезжать. Приезжать в Питер проще, ну — город, ну — дома... А уезжать, каждый дом говорит тебе что-то, вот здесь утопилась Лиза, а вот церковь «Спаса на крови», вот ограждение из турецких пушек, стволами вниз — символ победы над турками... Когда я еще попаду сюда? Как не хочется уезжать...

(продолжение следует)

Алла Цыбульская

Разрушенное очарование декаданса

в постановках Марка Розовского
и Камы Гинкаса

Драматические спектакли на гастроли привозят в Америку последние годы не так уж часто. Тоска по театру погнала меня в Россию. Москва остается театральной Меккой со множеством режиссерских направлений и новым талантливым поколением получивших отличную школу актеров. Залы во всех театрах, где я побывала, постоянно переполнены.

Из Америки кажется, что в России только Путин и Pussy Riots и теперь уже “Закон Димы Яковлева”, а также все кошмарные судебные процессы и тюремные зверства. И протесты. И митинги. Но там как бы в противовес творимым жестокостям продолжается богатая насыщенная разнообразная культурная жизнь, и явление Театра остается серьезным фактом в жизни интеллигенции.

В фокусе моего сознания неожиданно оказались рядом два спектакля, поставленные двумя выдающимися современными режиссерами, противоположными по художественным методам, - Марком Розовским и Камой Гинкасом. Поводом для сопоставления явился выбор темы, в котором они неожиданно совпали. В обеих постановках исследуется стремление к власти одного человека над другим, женщины над мужчиной. И героини обеих спектаклей принадлежат к одной эпохе, к концу 19-го века с идеями феминизма, нищезанятия, модернизма, декаданса. Марк Розовский ставит инсценировку повести И.Бунина “Дело корнета Елагина” и выбирает нежные акварельные краски. Кама Гинкас обращается к пьесе Г.Ибсена “Гедда Габлер” и ввергает ее в пространство шоковой терапии. Героини обеих премьер – женщины с изломанной душевной природой. Что в них

переключается между собой? Как они проецируются в наш несентиментальный век?

Акварель Марка Розовского

В московском театре у Никитских ворот тишина. На сцене и в зале. Она властвует над сценическим пространством не менее чем когда в нем царят привычные бравурные звуки песен и аккомпанемента. Предельное внимание к происходящему на сцене вызывает затаенное внимание публики. Вначале ноября 2012 года играют премьеру: “Дело корнета Елагина”.

Помните, уважаемые читатели, этот рассказ И.Бунина?

Марк Розовский не раз сочинял необычайно выразительные инсценировки. Произведения литературы, не предназначенные для сцены, он одухотворял своими театральными идеями. Так было с мюзиклами “Бедная Лиза” по Н. Карамзину и “Холстомер” по Д.Толстому, с незабвенным спектаклем по роману В. Гроссмана “Жизнь и судьба”... И вот инсценировка рассказа И.Бунина... История страсти корнета и его безумства, нервическая экзальтация его возлюбленной, их мрачные помыслы о смерти, экстастика изломанных отношений, присущих эпохе декаданса, предстает воскрешенной в перебивках между очередными заседаниями суда. Сценами суда как бы прерывается и высвечивается сюжет. Слушается дело об убийстве корнетом Елагиным его возлюбленной - артистки Сосновской. Деле далеком, давнем, забытом. Но неожиданно прихотливые линии эпохи находят эхо в нынешней моде *винтаж*. А гиперболизированные чувства не кажутся архаичными и встречают отклик.

В конце XIX века эпидемия самоубийств молодых людей из-за разочарования в жизни или от несчастной любви, или от пустоты существования охватила Европу и Россию. Сегодня нам трудно понять природу их чувств, отдаленную от наших современников всеобщим ожесточением и тяжелым историческим

опытом. О приближении смерти думала юная русская художница, больная туберкулезом, проживавшая в Париже, талантливо создававшая картины, сумевшая завязать переписку с Ги де Мопассаном, оставившая знаменитый дневник, - рано умершая Мария Башкирцева.

Двойное самоубийство совершили любившие друг друга румынская красавица Мария Вечера и ее возлюбленный – австрийский принц Рудольф - сын Франца Иосифа и королевы Софи... Аналогичная трагедия произошла в русской реальности, вызвав громкий судебный процесс. И.Бунин подхватил тему из уголовной хроники. Прототипами бунинского героя был некто Бартенеv, а героини - Висновская. Защитником в суде выступал знаменитый Ф. Плевако.

Марк Розовский подливает масла в огонь, включая в новую постановку речь Ф.Плевако, оправдывавшего осужденного, чье преступление легло в основу повести И. Бунина. Режиссер-постановщик - он детально вникает в обстоятельства, не доведенного до конца преступления. И создает атмосферу полной враждебности и осуждения героя, которое ему нужно пережить. В

умышленном злодеянии не сомневаются высокий и безапелляционный прокурор - А.Степанов, дотошный следователь - И.Власов, высокопарный свидетель – актер Лисовский - Д.Сарайкин. Все улики ведут к обвинению Елагина. И невысокий человек в белом военном кителе с уже сорванными погонами, двадцатидвухлетний корнет Елагин - С. Шолох глядит на своих мучителей трагическими темными глазами. Высокий лоб его покрыт испариной. Самое страшное, что с ним случилось, это то, что он убил свою возлюбленную, что он больше не офицер. И он не может объяснить, как случилось, что он стрелял в Марию Сосновскую, а после выстрела не смог убить себя, как было задумано, или точнее, ею приказано. Защитник на суде – (Валерий Шейман) - произносит речь, убеждая и наэлектризовывая слушателей, как на сцене, так и в зале. Он верит, что корнет Елагин по требованию или под властью любимой женщины решился убить ее и себя, но не довел задуманное до финала. Увидев ее мертвой, он оказался не в состоянии застрелиться. Как объяснить в таком случае этот поступок? Как доказать, что в нем не было злонамеренности? Все улики против него. Да еще странные предсмертные записки Сосновской... Представители суда неумолимы.

Пафос защитника строился на объяснении того, что Елагин, убив Сосновскую, *утратил хозяина своей души*, толкавшего его на те или иные поступки, и не смог покончить с собой... Он выявил психологические мотивировки, что привели Елагина к жизненной катастрофе и просил к нему снисхождения. В спектакле это выступление стало кульминацией, поиском гуманного объяснения и оправдания. Внимательно, пристально глядявается режиссер в отношения этих влюбленных, в кажущуюся героине безысходность, ее инферальность, в окружающую атмосферу с неперенными вечеринками,

шампанским, постоянное перевозбуждение, в моду на экстравагантное поведение. Художник по костюмам – Е.Шульц предоставила героине – польке Марии Сосновской, артистке городского театра длинные полупрозрачные белое и черное платья, подчеркивая символическими контрастными цветами ее восторженность и иступленность. В роли Сосновской хрупкая В. Соколова пластикой, позированием в профиль, пышными как бы небрежно уложенными волосами, картинными намеренными жестами, чуть танцующей походкой на высоких каблуках запечатлевает свою героиню, словно сошедшей с картинки журнала мод конца XIX века. Недавняя выпускница школы-студии МХАТа – актриса не прибегает к гротеску, рисунок ее роли разработан в традициях школы переживания. Повторю, режиссер М. Розовский воссоздает ушедший мир красками акварели. Но не размытыми, а графически разграниченными. И несут они на себе печать психологического театра. Художник-сценограф С. Морозов для действия выстроил на маленькой сцене два уровня: в глубине на возвышении - будуар – Сосновской с описанным Буниным турецким диваном и туалетным столиком, а ниже на авансцене происходят шумные приемы гостей, сменяемые уединенными нежными свиданиями на брошенных на пол бархатных подушках, огороженных китайской ширмой, и суровые судебные заседания.

В афише и программе под названием стоит заимствованная у автора фраза – *похоже на бульварный роман*. Похоже, но им не является, и расследование ведет театр. Если Елагин - хладнокровный убийца, то почему он оставил как улику против себя записку Сосновской на визитной карточке: “Умираю не по своей воле”... И как было догадаться, что фраза не дописана: “А по Божьей”...

События чередуются иногда вспять, показания Елагина оживают в сценах пирушек, на которых царит “молоденькая женщина редкой красоты”, как ее описывает автор. Успешная актриса городского театра - все свободное время она скучает. И ищет, как сказали бы сегодня, допинг. Ей нравится играть чувствами не на шутку влюбленного в нее корнета. Она то нежна с ним, то сурова, и он не знает, чего ждать от этой кокетливой переменчивой с очаровательным польским акцентом дамы... Истязательная игра крайне взвинчивает его, будоражит, доводит до душевного перенапряжения, до взрыва...

По сути Мария Сосновская вовлекает Елагина в игру со смертью. Эстетизирует ее. Но игра приближает дыхание смерти уже реально. Сосновская отнимает у Елагина револьвер, чтобы он не выстрелил в себя, но вскоре отдает его ему, чтобы он убил их обоих.

Спектакль захватывает неспешным проникновением в глубокую драму, что произошла в 1890 году, и о которой Бунин помнил, и написал в эмиграции в 1925 году. С тех пор минули две мировые войны, неслыханное количество людей поубивало друг друга, произошли реальные, а не надуманные трагедии...

Но история заблудших загубивших себя человеческих душ, представленная в театре у Никитских ворот, возникает как живое воспоминание о романтических чувствах, что вызывают волнение. В эпицентре внимания - ужас исчезнувшей бессмысленно оборванной жизни. Следуя за перипетиями повести М. Розовский раскрывает сложность взаимодействия двух людей, когда власть одного подчиняет другого до потери собственной воли. По сути это и есть тема бунинского рассказа. Показывая, как это происходит, передавая драматизм и отчаяние героя, Театр вступает в свои права.

Конструктивизм Камы Гинкаса

Неожиданно тема перекликается в опередившей ненамного премьере “Гедды Габлер”, осуществленной Камой Гинкасом в петербургском Александринском театре, показанном на московских гастролях. Гинкас уже ставил эту пьесу в театре им. Моссовета с Натальей Теняковой в роли Гедды Габлер, с Сергеем Юрским в роли ее мужа Йоргена Тесмана... Новое прочтение пьесы не только диаметрально отлично, но и ошеломительно. Ибсен истолкован режиссером через призму новейшего потока драматургии, называемого Радикальной, представленной такими авторами, как Эдвард Бонд, Сара Кэйн, Марк Равинхилл... В этой отражающей выхолощенность

современного человека в автоматической реальности нет места катарсису.

Как и нет места идеалам красоты и гордости, доминирующим в натуре демонической ибсеновской Гедды. Понятие положительного и отрицательного героя в потоке этой современной драматургии нет, тут все смешалось, и если, что осталось от прежнего, - это высвечивание безысходности в финале. Если Радикальная драматургия - порождение самой жизни, то на нее у режиссера Гинкаса всегда был поразительный слух. И место действия ибсеновской пьесы, созданной как раз тоже именно в 1890 году, с подробным описанием обстановки, что "выдержана в темных тонах" и платьев Гедды - утренних просторных или более торжественных для вечеров, он при участии художника С. Бархина помещает в некое обезличенное металлическое - пластиковое - хайтековское пространство. От авторского описания в оформлении остается только стеклянная дверь, и не случайно. Стулья, столы кажутся стеклянными, из стекла - подвешенная люстра, которой в финале придется плакать длинными слезами-струйками, в центре гостиной аквариум, рядом какие-то прозрачные кубы, сваленные в кучу, завернутые в целлофан невнятные бюсты - будто вещи, принадлежавшие умершей жене Иоргена Тесмана, которые словно не успели убрать, по краям в простых ведрах (не в вазах) стоят цветы, они видимо были принесены к встрече хозяина дома и его молодой жены Гедды после завершения их свадебного путешествия... Молодые приехали...

Но молода только Гедда, сменившая фамилию отца генерала Габлер, на мужнюю Тесман. И остающейся по сути Геддой Габлер. Иорген - И.Волков – это поживший рыхловатый человек в домашней растянутой кофте и счастливый от

возможности надеть растоптанные утренние домашние туфли. Его род занятий - исследование средневекового кустарного промысла брабантских кружев - не накладывает на него никакого флера романтичности. Известные гумилевские строки, возникающие ассоциативно, "...так, что золото сыплется с кружев, с розоватых брабантских манжет" тени бунта на корабле не вызывает. Бунт изначально в самой Гедде, ставшей открытым вызовом спектакля.

Никаких платьев она не носит. Появляется словно артистка кабаре или манекенщица из витрины в черном лифчике и черных трусиках. На шпильках. Со стрижкой каре на черных как вороново крыло волосах. Или в красном кожаном брючном костюме как клоунесса. В таком виде ведет беседы как с неугодившей прислугой, так и с ненужными визитерами, и с почтенного возраста тетушкой Юлле - Т. Колесниковой. И никто не удивляется ее облику. Понятно, что у Ибсена реплик по этому поводу быть не могло, разве ему могло присниться подобное превращение, но ни взглядом, ни жестом на сцене никто не проявляет недоумения.

Мария Луговая в роли Гедды – это шок! Практически она - голый король, в чем никто не смеет признаться. Но она одновременно и современная девушка-рокер, развращенная, загубленная наркотой, отсутствием смысла жизни, огрубевшая и ожесточенная, насмехающаяся над всеми и глубоко несчастная. Она наглая и циничная как путана, дразнится, показывает язык, хулиганит, глумится, обнаруживает лесбийский опыт, внезапно срывая блузку с институтской товарки фру Эльсвед, говорит полупрезрительно, чеканя слова раздельно, она одержима бешенством... Все не по ней ей в этой жизни. Мужу, только войдя в его дом как жена и хозяйка, она говорит: "Эх, никаких у тебя нет оснований ни для чего!" Это подлинные слова ибсеновской Гедды, не оставленными Гинкасом за бортом. А жестокую природу

героини Гинкас выявляет краткой мизансценой: на словах “Хочу держать в своих руках судьбу человека”, она вылавливает сачком золотистую рыбку из аквариума и предоставляет той возможность задышаться...

Впрочем, более всего истерически задыхается она сама. От старой любви к Эйлерту Левборгу, которого она возненавидела, от презрения к тихой фру Теа Эльсвед - Ю. Марченко с ее пышными светлыми волосами, в которые как фурия она просто вцепляется, от пошлости асессора Брака, сыгранного умно и характерно остро Семеном Сытником, от бездарности своего постылого мужа, от скуки, что ее ждет в браке с ним до конца дней, от явного физиологического к нему отвращения...

Ее ночные кошмары – ползания муравьев, какие-то сморщенные эмбрионы, человеческие соития проецируются на экране как отражения творящегося в ее голове... Мария Луговая –

Гедда – не демоническая инфернальная героиня конца позапрошлого столетия, а современная неврастеничка, нуждающаяся в лечении психиатра. Она вполне переключается с персонажем пьесы Сары Кейн “4.48 Психоз”. И отсюда ее ожесточенность, выхолощенность, ее преступление с сожжением потерянной Левборгом рукописи. Возможно, она бы не стала такой, если бы не потерпела фиаско с первой любовью. Впрочем, уже тогда в ярости она стреляла в Левборга. Увидев Левборга - А.Лушина спустя годы, она ненавидит, не прощает его. Ее идеал поступков - красивая смерть. Смерть она противопоставляет пошлости жизни. Но ведь и это клише? Не правда ли, то же самое полагала Сосновская в бунинской повести? Но не кажется ли сегодня, что эта эстетизация смерти порождена неумением ценить саму жизнь? И не разрушают ли режиссеры обоих спектаклей очарование декаданса, надуманное экзальтированное заблуждение?

Актрисы Гинкаса владеют игрой на скрипке. На скрипке играла Оксана Мысина – Катерина Ивановна в “Монологе К.И.” На скрипке играет Мария Луговая. Играет простенькую но несравненную мелодию бетховенского сурка. По окончании исполнения все ее стройное тело начинает содрогаться.

Тем критикам, что отметили примитивность этого музыкального выбора, отвечу: “Поверьте, если нужна песенка, чтобы выплакаться, лучшей не найдете”. Парадокс: в спектакле “Скрипка Ротшильда” у Гинкаса вообще никаких музыкальных звуков нет, там звучит лишь шуршание пилы...

Признаюсь, Гедду Габлер как героиню я никогда не любила. Не понимала. Подобный тип женщины мне чужд. Но в новом спектакле Гинкаса ее самоубийство вызывает невыносимую к ней жалость. Стреляет в себя она от тоски, от скуки, от пустоты. И в пустоте остается. В пустоте клинической смерти, в пустоте

люющих струй воды, смывающей кровь с обнаженного прекрасного молодого тела, в пустоте прозрачного целлофана, которым оборачивают ее - мертвую, в пустоте повторяемых реплик не столь потрясенных, сколь раздраженных и мужа, и претендента на роль любовника – ассессора Брака: “Так не делают”.
А как?

Им не понравилось, что она потревожила недвижимую ряску столь милого им внешне благопристойного мещанского болотца.

Она не хотела жить навязанной ей жизнью. И свела с ней счеты.

Как много самоубийств совершается по этой же причине сегодня?

Когда я попадала с каким-нибудь воспалительным процессом в больницы Ленинграда и Москвы, всегда в коридоре из-за отсутствия мест в многокочных палатах лежала какая-нибудь искалеченная, но не сумевшая убить себя женщина.

Что творилось в душе, какое отчаяние подталкивало ее содеять такое?

Вопрос поставлен, и в нем общественное значение.

Борис Кушнер

Уроки осени

(Избранные стихи, июль-декабрь 2012)

* * *

брыва жуть за самой бровкой,
Кипят в провале облака.
Спешу с весёлою сноровкой
Мгновенной острой зарисовкой
Запечатлеть, что жив пока.

2 июля 2012 г., Route 22, East

* * *

Коса и натюрморт с часами –
А жизнь склоняется к восьми. –
Пусть стихотворец сам с усами, –
Кому он нужен, чёрт возьми?
Ты бредишь термоядом солнца
И Лорелей Лорелей –
Душа одна хоть отзовётся ль
В сей лотерее лотерей?
И что ещё мы напророчим
Себе всерьёз и наугад,
Что за несчастья? А впрочем,
Сколь сладок сочиненья яд!

3 июля 2012 г., Route 22, West

* * *

Куда ж вы спешите, ровесницы?
Постой, Перевозчик, не смей! –
Радости милые вестницы
Юности давней моей...
Без ваших улыбок жутко –
В дали, уже не земной,
Постойте! Одна минутка...
Хоть миг побудьте со мной...

5 июля 2012 г., Route 22, West

ВАРИАЦИЯ 9-73

Вперёд заре навстречу –
В глаза – лучей пинцет.
Ах, вовсе не картечью –
Бетховена Концерт!

Долой мыслишки куцые,
Сияет высота.
От крови революции
Спасай же, красота!

Сольюсь с зарёю-высью,
Ликуй душа и ум! –
Мне кажется – я мыслю,
А, значит, *ergo sum*.
9 июля 2012 г., Route 22, East

ВАРИАЦИЯ 9-74

Кармен – неистовость страстей.
Джюльетта – лёгкое дыханье.
Полночный пир. Разъезд гостей. –

.....
О как всё пусто с расстоянья...
9 июля 2012 г., Route 22, East

ВАРИАЦИЯ 9-75

Вот так иссякает автор,
Строки – гвоздями в гроб.
И жизнь уже не театр –
Серый свет, гардероб.
А впрочем, какого лешего?
Строк припасено впрок!
Театр кончается вешалкой.
Повеситься что ли пешкою?

.....
Потерял номерок...
9 июля 2012 г., Johnstown

* * *

Благоприятного исхода
Не видно в вечном споре том. –
Тирану сочинялась ода
От страха скорченным умом.
А фигой, спрятанной в кармане,
Ты сам себе вотрёшь очки? –
Страшней, чем пасть на поле брани,

Глядеть в змеиные зрачки.
Не оттого ли речи громки,
И языка бессонен зуд? –

.....

За это гордые потомки
Кем только нас не назовут...
12 июля 2012 г., Route 22, West
* * *

На балконе арфа Эола
Под спутниковой антенной. –
Ветра нежное соло
В гудящей Вселенной.
17 июля 2012 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 9-77

Игорь сбросил иго
Скромности глухой. –
Гению верига,
Как гранит сохой.
Не отелевизен,
Вовсе не забыт.
Школьникам – Фонвизин,
Юношам – пиит.
Власть атлетам бледным,
Жар-огонь пора. –
Им, мотоциклетным,
Крылья-буера.
Он кокетлив, странен,
Будто пьян слегка,
Игорь Северянин,
Гений языка.

18 июля 2012 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 9-78

Был мутен день, и небо в марле. –
Тяня дороги бечеву,
Я размышлял о Черни Карле
И сам не ведал почему.
Ещё не тлел багрец вечерний,
И, мчась в небо-сулему,
Я размышлял о Карле Черни –
Что Черни мне, что я – ему?
Откуда призрак сей Гекубы,
Сие явленье чуда чуд?
Но... «Черни... Карл»... дрожали губы,

А в пальцах вызревал этюд.
Летели мимо скалы-сколы,
Ревел мотор неутомим, –
Ведь я не посещал музшколы,
Так что меня связало с *ним*?
Но отступала дня поблеклость,
И шире становился он,
А в пальцах вызревала беглость,
И улыбался мне Ганон.
Я *Presto* плёл. Бюргмюллер замер.
Я – вальсом в тысячу Мефист!
Привет тебе, суровый Крамер,
Привет, громоподобный Лист!
Карл не причислен к высшей касте.
Пусть серебро его металл. –
Прими поклон, достойный Мастер,
Ты вчерне путь нам начертал!
19 июля 2012 г., Route 22, West
* * *

Облака сегодня перисты,
Как в ушедшие года,
И плывут себе на нересты
В край неведомо-куда.
Над невадами-небрасками
Их полёт бесшумно-тих.
Но рассыпчатыми сказками
Дарят тех, кто слышит их.
23 июля 2012 г., Johnstown
* * *

Год холодный и трудный
Снова в сердце пророс. –
Тот каток Чистопрудный,
Бледноносый мороз.
Непокрашен-замызган
Толстокаменный дом,
Но «Шампанского брызги»
Над искрошенным льдом.
Играм в прятки, да в жмурки
Наступает конец. –
Отскрипели снегурки,
Тает тень в переулке,
Как во рту леденец...
28 июля 2012 г., Pittsburgh

* * *

Золотого пара
Радуги – восток.
Верная гитара –
Музыки исток.
Дальней флейты трели –
Мирною рекой
Весь оркестр Корелли –
Красота, покой...
30 июля 2012 г., Route 22, East

* * *

С. Гильмсон

Рассвета розовые шали,
Улыбка солнцем на устах,
А пальцы Баха воскрешали
По тайным знакам на листах.
Восторг и ужас этих таинств,
Восшествие к мирам иным
Уничтожением неравенств
Между небесным и земным.
Не танцы длинноногих граций,
Не Купидона хитрый лик –
Поток могучих вариаций
Вселенной лишь равновелик.
И даже мне досталась малость –
В рассветной дрожи из окон
Душа немела и вздымалась,
Когда волною шёл канон.
31 июля 2012 г., Johnstown

* * *

Гадать, печалиться не внове
О том, что ждёт нас за межой. –
Но сколь невыразимо в слове,
Что так легко постичь душой.
31 июля 2012 г., Johnstown

* * *

Как полк севильских брадобреев
Наперебой – всегда и впредь.
Ну, как уговорить евреев
Хоть по субботам не галдеть.
Без лавров и не почивая
Нам роль в истории – врача. –
Бурлит натура кочевая,

И кровь пустыни горяча.
31 июля 2012 г., Johnstown
* * *

Это неспроста –
Вдруг латынь в уста –
Вот история! –
Чары августа,
Transit gloria...
1 августа 2012 г., Johnstown
* * *

Покой Священного Писанья –
И безмятежно течь векам
Под ветра нежные касанья
К листве дерев, к моим щекам.
Со мною всё, что было мило –
Перо, соната и сонет. –
Плывут небесные светила,
И смерти – нет.
3 августа 2012 г., Pittsburgh
* * *

Словарь не сладостный родник,
Скорей урановый рудник,
Где горбятся в поту и с кровью
Во смерть здоровью.
Зато снаружи – благодать,
Тюльпаны, дамы-кавалеры...
Гадаю я – не угадать! –
За что же мне сии галеры?

4 августа 2012 г., Pittsburgh

СОНЕТ

Громады мировых вопросов –
Здесь мудрость просто бьёт ключом.–
Сидит и морщит лоб философ
Ученьем «Всё и ни о чём».
Не замечая свежесть рошью,
Орла, Лауру, льва и тлю,
Он обобщающе мощью
Приводит сущее к нулю.
Прости, храни его Создатель,
Пошли весёлых докторов –
Ноль помещая в знаменатель,
Он рушит здания миров.

Вот так простые наши сны
Сквозь блеск ученья не ясны.
5 августа 2012 г., Pittsburgh
* * *

Ну, что за странная идея –
С самим собою: «Где я, где я»? –
Ведь не вернёшься по следам... –
Не зря Начальное Реченье
Возмездием за помраченье:
«Теперь ответь, где ты, Адам»?
7 августа 2012 г., Johnstown
* * *

Опять заря. Надежду холим.
Как Маяковский: «Хорошо!» –
.....
Казалась жизнь бескрайним полем.
Не перейти. Но перешёл.
8 августа 2012 г., Johnstown
* * *

С вершины! В грозовые тучи!
Молчу и губ смиряю дрожь. –
Поскольку прав печальный Тютчев –
«Мысль изреченная есть ложь».
9 августа 2012 г., Route 22, West
* * *

Идти по выщербленным шпалам,
Пытаться соразмерить шаг,
Искать грибы в лесу опалом,
Скользить по склону – круг овраг.
И не болеть пока любовью –
Ещё в писателях – Жюль Верн,
Внимать кукушки многословью –
Она ещё из эры вер.
Мне щедрый век науковала
Колдунья-птица, клюв-печать.
Брести и петь Леонковалло,
И годы шпалами считать.
14 августа 2012 г., Pittsburgh
* * *

Разъярённая тирада
В споре с тяжестью турбин.
Под крылами – Колорадо,
Гнев гранита из перин.

Там внизу под облаками
В скалах города-кроты,
И артритными руками
К небу тянутся хребты.
Зря стараетесь, разини, –
Рёв турбин неукротим.
Мы одни достигли сини
И летим, летим, летим.
16 августа 2012 г., В-737-800, Pittsburgh – San
Francisco

* * *

Здесь рядом высшие умы –
Спинозы вдребезг меркли. –
Направо – Стэнфорда холмы,
Пойдёшь налево – Беркли,
Умов неслыханная мощь –
Вершин, а не предгорий.
Не смеет и последний хвощ
Взрасти без их теорий.
Как примитивны мы порой
В отцовстве-материнстве,
Не видя миллиардный рой
Нюансов в полном свинстве.
17 августа 2012 г., San Francisco

* * *

На рассвете птичьи песни,
Океан за дымкой скрыт –
Возвращение из болезни
В мир, что был почти забыт.
Из болезни хищной печи,
Что расплавит и металл ... –
Как милы простые вещи,
Коиx я не замечал.
19 августа 2012 г., San Francisco

* * *

Ночь – чернотой ставень,
Меркнет закатный свет.
И вот приближается гавань,
И неба за нею нет.
21 августа 2012 г., В-737-800, San Francisco –
Pittsburgh

1 СЕНТЯБРЯ

Осени первый месяц,

Луна в амбразурах лестниц,
Полная, как никогда.
Всё – ерунда.
Жизнь не даётся *gratis* –
Папашам-мамашам-боннам
Свыше голос тромбоном:
«Дети в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно». –

.....
Было во времени оном
Такое кино...
1 сентября 2012 г., Pittsburgh
* * *

Талант – догадка, гений – знание
Своей Симфонии заранее,
Талант катает в горле ком,
А гений слышит целиком.
Он весь – небес прикосновенье,
И лишь одно смущает «но» –
Коль быть Моцартом суждено,
Беда ли в том? Благословенье?
5 сентября 2012 г., Route 22, West
* * *

Сегодня плыли облака
Невиданно торжественно,
Шоссе бетонная река
Была Судьбе тождественна.
Судьба, уверена в себе,
Безмолвна и безжественна,
Но я навзрыд кричал Судьбе,
Что жизнь была божественна.
5 сентября 2012 г., Route 22, West
* * *

Улицы пустые,
Только тьма стеной,
Да деревья стыли
В сырости ночной.
Треск мотоциклета,
Тусклы фонари... –
Лето, лето, лето... –
Вечность до зари.
7 сентября 2012 г., Route 22, East

* * *

Не давнее лихо –
Судьба объявляет «Шах!». –

.....

И стало так тихо,
Что звенело в ушах...
11 сентября 2012 г., Johnstown

* * *

Вот так мы плыли, не тужа,
Политики чужды.
И музыкой жила душа,
Не ведая вражды.
Сегодня всё наоборот, –
Хоть небо голубей,
Чудовище разверзло рот –
Убей его, убей!

Так не слюнявь своей вины,
Прими мой парафраз:
Коль вышел на тропу войны,
Убей врага сто раз!
12 сентября 2012 г., Johnstown

* * *

От красоты сойти с ума
В зелёном океане.
В прекрасном – истина сама
В своём священном сане.
Я озарён и по лицу
Ни маяты, ни боли.
Пусть драма подошла к концу,
Пусть сыграны все роли.
Я возвращаюсь в свой исток,
К волненью, что в начале. –
О сколько даровал мне Б-г
Восторгов и печали!

13 сентября 2012 г., Route 56, East

* * *

Опять бреду, себя не зная,
Благоуханен каждый миг,
И, кажется, тропа лесная
Уводит в сказку напрямик.
Недвижность – колыбель движенья,
Душа Б-жественно жива,
И не поймёшь, где отраженья,

А где из плоти дерева.
И взор острее трубы подзорной,
Одoleвая глубь и высь,
Находит в сини заозёрной
И сводит в фокус смерть и жизнь.
13 сентября 2012 г., Shawnee Lake, PA
5772–5773

Шана това просторам неба,
Шана това, еврейский дом,
Шана това горбушке хлеба,
Шана това всему кругом.
И пусть возрадуется с нами
Морская глубь и вышина, –
Звучи антрактом в вечной драме –
Шана това, това шана!
16 сентября 2012 г., Эллул 29, 5772, Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 9-86

И возвращались постепенно
Минувшей молодости сны. –
Их контрапункт – этюд Шопена
И песня гиблой целины.
И было это как-то сразу –
И океан, и в тине пруд, –
Вот так оборванную фразу
Наполнить смыслом – тяжкий труд.
И романтичен острый вывод –
О том, что Мцыри братом – барс,
И что Шопен не ищет выгод,
И что не ищет выгод Брамс.
По стыкам музыкой колёса,
И надвигался Казахстан,
И степь в жару – миражи плёса,
И о Титове – Левитан.
Светло от звёзд – очей Пространства,
Ты хочешь спать? Не смей! Не спи!
О, каинство и окаянство
Ночных блужданий по степи!
В глазах любви рассвета алость,
Мы сами – почвой и средой,
И так легко соединялось –
Шопен и Соловьёв-Седой.
19 сентября 2012 г., Johnstown
ВАРИАЦИЯ 9-88

Дымят последние поленья,
За всё платить пришла пора. –
За божество, за вдохновенье,
За лёгкость быстрого пера.
За то, что сочинял, играя –
Смотри, перо в руке горит! –
И что взяла земля сырая –
Нет, не меня, но Маргарит.
И вот опять в огне дороги,
Летя в долины изумруд,
Инфарктно подвожу итоги –
Галерный непосильный труд...
21 сентября 2012 г., Route 22, West

КОЛ НИДРЕЙ

Печальной вечности мудрей
В молитве горькой этой,
Тебе внимаю, Кол Нидрей,
Плывущий над планетой.
Под ветра вой, под свист пращи
В любви и в укоризне,
Творец, народу отыщи
Страницу в Книге Жизни.
Пусть он в молитвах не радел
Коленопреклоненный,
Прости и жизнь даруй в удел
Народу, Царь Вселенной.
25 сентября 2012 г., 9 тишрей 5773, Johnstown
* * *

Строго молчали ели, –
Роще они – якорями.
Кроны уже краснели,
Скоро октябрь в храме.
Скоро лягут коврами
Под ноги белкам, людям
Эти пейзажи в раме –
Медь на изумруде.
Скоро и нам в дорогу –
Г-ди, как это быстро! –
Видишь? Лес-недотрога
Тоже роняет листья...
25 сентября 2012 г., Johnstown
* * *

Евреев шумная толпа –

Профессора, не шантрапа.
В ворота упираясь лбами,
Экстазно блеют об Обаме.
Мне жаль, да правда дорога:
Кругом копыта и рога.
27 сентября 2012 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 9-90

Вышло недоразуменье –
Что же, в ближнего камня?
В кандалы, в острог, в барак? –
Это ж ум такой – дурак.
Из египетского мрака
Голосует за Барака.
Как Сахаре в масть бассейн,
Так еврею всласть Хусейн.
Бесконечна наша квота
На еврея-идиота.
28 сентября 2012 г., Route 22, West
* * *

Наваждение тишины,
Тишины не мерянной,
И бесшумно с вышины
Кружат листья в тереме.
Тишины по сердцу дрожь,
Траурные краски.
Но прислушаешься, всё ж
Слышишь шелест сказки...
9 октября 2012 г., Johnstown
* * *

Листья шелестели,
Что ни лист – медаль.
Дарит лёгкость в теле
Золотая даль.
И простые строки –
Не боюсь клише... –
.....

Осени уроки,
Лёгкость на душе.
10 октября 2012 г., Johnstown
* * *

И снова головокруженье,
Как будто закурил кальян. –
Октябрь. Лесов самосожженье. –

Я вновь неясной песней пьян.
Сквозь лужу пробираюсь мелью
И снова в Храме наяву. –
Пусть завтра наступит похмелью,
Зато сегодня я живу.

17 октября 2012 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 9-96

Рощи жёлтые метели,
Доживём ли до весны?
Песни осени – не те ли,
Что тревожат наши сны?
Шарик в небе. Плачут дети.
Поезда. Гремит металл.
А проснёшься на рассвете, –
За ночь лес прозрачным стал.
Род пройдёт. Земля – вовеки.
И жесток столетий дождь. –
Исчезают человеки,
Как учил чекистский вождь.

18 октября 2012 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 9-98

Театр комедии и драмы,
Порою просто водевиль,
Но где же кавалеры-дамы,
Где флирта шарм, где пудры пыль?
Ошибся. Не судите строго.
Затмение свойственно умам. –
Театр трагедии дорога,
И медь разлита по холмам.
В осеннем трауре пространства
Зрочки по-волчьи – фар огни. –
Здесь ноль любви и тьма коварства,
Коней, родимец, не гони!
Куда летишь по узкой тропке
Под веером вороньих стай? –

.....
Суть эклектической похлёбки –
Стать принцем датским не мечтай.

19 октября 2012 г., Route 22, West

* * *

Я битлам Брамса предпочту –
В нём нахожу свою мечту,
Моих гармоний воплощенье,

Полёт орла и писк птенца... –
За то мне века отомщенье –
Усмешка пылкого юнца.
20 октября 2012 г., Pittsburgh
* * *

Чайник шумел,
Да никак не вскипал,
Солнце в тумане –
Тусклый опал.
Ложкою в банку –
Кофе в стакан.
Так спозаранку
День окаян.
24 октября 2012 г., Johnstown
* * *

В роще влажно-тало.
Смерть. Дела плохи.
Тишина шептала
Давние стихи.
И в излом недели
Ледяных костров
В тишину летели
Тайные метели
Жарких юных строф.
24 октября 2012 г., Johnstown
* * *

Дали холодали
Прямо на глазах.
Цвета мокрой стали
Горизонт в лесах.
И, как в сказках конных, –
Честь, пакет, сургуч–
Блеск колонн наклонных –
Солнце между туч.
Невесомость в теле,
Жуть любой версты,
И в лицо летели
Ржавые листы.
Леденели дали,
Времена молитв. –
На стекле медали
Безнадёжных битв...
26 октября 2012 г., Route 22, West

ВАРИАЦИЯ 9-100 (РЕТРО)

Времена нескоромные –
Лишь бы выпал заказ! –
Наши радости скромные –
Электричество, газ.
Для детей, не в сатире
Бил поэт в медный таз –
«Газ у мамы в квартире –
А у вас, а у вас»?
Буржуин, гнусно лыбясь,
Кушал рябчиков впрок,
Да милее нам чибис,
Вечный тенор дорог.
Не указ нам Европа,
От плеча до плеча
Выше всех дядя Стёпа,
Человек-каланча!
И не хлебом единым,
И мечи – в топоры!
Наши флаги по льдинам,
У Магнитной горы.
И в решимости взгляды,
Мы стоим, как один. –
Нам чужого не надо,
Но своё не дадим.
Наши девушки краше
Со снопами в руках,
Мы идём Левым маршем,
Мы летим в облаках.
Да! В решимости взоры,
В блеске домен-зарниц,
И сердцами моторы
Наших пламенных птиц.
Наши нервы из стали,
Мышц из бронзы игра, –
И Керзоны устали
Гавкать из-за бугра.
Вольный ветер на свете,
Весел гор окаём,
Мы смеемся, как дети,
Как Карузо поём.
А над Питером «Встречный»
Сводит души с ума.

Да черней Чёрной речки
Колыма, Колыма.
За колючкой бараки,
В мелких ямах тела,
И концертные фракы –
Наша скрипка взяла!
Эти небыли-были –
В царстве тьмы и плетей
Люди пели-любили
И растили детей...
30 октября 2012 г., Pittsburgh
* * *

Не надивиться белым ризам,
Что пали на поле и лес. –
Нам первый снег всегда сюрпризом,
Печальным чудом из чудес.
31 октября 2012 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 10-4

Ветер в ярости – не шутка,
Разгуляться ноябрю!
Деревя трещат и жутко
Людям, птицам и зверью.
Много дел себе наметил –
Старец, время береги! –
Но остался только ветер,
Ветер и его круги.
1 ноября 2012 г., Johnstown
* * *

Я не берусь судить артиста, –
Он не святой в иконостас. –
Вот так шампанское игристо
И этим опьяняет нас.
Иным – обычные поступки,
Артисту – боль и благодать
Воспламенять собою сутки,
Сжигать себя и нас сжигать.
2 ноября 2012 г., Route 22, West
* * *

И полночь пробили часы,
Часы пробили.
Свеча качала тень косы,
Дугу надкрылий.
И вдруг органная педаль

В моём сознание.
Отозвалась аккордом даль
И дрожью зданье.
И не успел я крикнуть «Брысь!» –
В дыму и в искрах
На винты раскололась высь
Во всех регистрах.
2 ноября 2012 г., Route 22, West
* * *

Экранов рой со всех боков,
И вопли, и овации. –
Не утро – сумерки богов,
Закат цивилизации.
7 ноября 2012 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 10-7

А в толпе ты, как в пустыне, –
Не напиток, не вздохнуть.
И каприсом Паганини
Не разгонишь в сердце муть.
В магазин тянуться цугом,
Улыбаться шантрапе... –
На войне ты рядом с другом,
А в толпе ты, как в толпе.
И каприз тот не капризом –
Полон тайны ля-минор
Чёрных кошек по карнизам,
И луны по кипарисам,
И бряцания кинор.
Здесь не танец красных девиц,
Не Тангейзера хвальба. –
Но смолкает псалмопевец,
И свершается судьба.
8 ноября 2012 г., Johnstown
* * *

Чистейшее из бескорыстиев –
Молчать, брести лесной тропой,
И так светло в лесу без листьев –
Хоть пой!
Пусть я у Стикса на причале,
Не в силах впредь ни взять, ни дать, –
Есть в поздней осени печали
Последних истин благодать.
9 ноября 2012 г., Johnstown

* * *

Стихи до упора,
Лавиной они, –
А если по горло,
Так ворот рвани.
Могучею лапой
Чёртову дрожь! –
Пусть вспыхнет под лампой
Пуговиц дождь.
А если, а если не хватит рубах, –
Устроиться в кресле,
И за полночь – Бах!
Чем вечно словесный
Жевать *déjà vu*,
Я с Бахом небесно
Свой век доживу.

13 ноября 2012 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 10-13

Преодолеть ночной кошмар
Не удавалось долго.
Кружилось всё – планета-шар,
И потолок, и полка.
И, кажется, пришли за мной,
Коль эхом в птичьем гаме
Строка: «Тяжёлый шар земной
Не уплывёт под нашими ногами»...

15 ноября 2012 г., Johnstown

ВАРИАЦИЯ 10-14

Ужасный сон. Не пылкий граф,
Сюзанна, очи долу,
Но контрабас – как старый шкаф,
Что волоком по полу.
Контрабасист! Зачем смычком
Ты разжигашь друга? –
Смотри, оркестр полёг ничком,
Как куры от недуга.
Не Анны нотная тетрадь,
Но в ночь рычит Геката.
Коль ты не можешь не играть,
Играл бы пиццикато!

16 ноября 2012 г., Route 22, West

* * *

Прочесть забытые реченья,

Иероглифы из гробниц –
Мои былые увлечения,
Полёты звёзд и хоры птиц.
И аромат французских булок,
Пирожное-наполеон,
В бензинных лужах переулков,
Сегодня так невзрачен он!
Бульвара липы, ели, грабы,
Дрожит неоновая мгла... –
И вновь уменьшились масштабы –
Доковылять бы до угла...
Что за углом? Я стар, как Евер,
Там угли яростной поры –
Курьерский, насыпь, щебень, клевер –
Его летящие шары.

18 ноября 2012 г., Pittsburgh

* * *

Проснёшься, и в плену кровати
Припомнится тревожный рай,
И вдруг такой тоской окатит, –
Хоть умирай.
И у могильного порога
Себя увидишь наяву. –
Но ждёт казённая дорога,
И, значит, я ещё живу.

19 ноября 2012 г., Route 22, East

* * *

Бывает миг – застынь и стой –
От олимпийцев угощение. –
И небо с чистой высотой,
Дыханье с нужной частотой
И просто кровообращенье.
Умерь же долгих жалоб прыть –
Ведь этого могло не быть.

21 ноября 2012 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-17 (IN VINO VERITAS)

Напиток сладостный богов,
Сосуд огня – бутылка.
Она кругла со всех боков,
Она, как Солнце, пылка.
С тобой смеёмся и поём, –
Ну, подпевайте, братцы! –
Моя судьба на дне твоём,

Но как туда добраться?
Пить из горла не *comme il faut*,
А, впрочем, прочь приличья!
Я – Гулливер, привет, Дефо,
И Данте с Беатриче!
Мне всё равно – мадам Клико,
«Наполеон» иль старка, –
Лечу и вижу далеко –
Лаура и Петрарка!
Бутылок гордые ряды, –
Берёзы, ели, липы. –
Судьба не терпит ерунды,
Интеллигента всхлипы.
Ребята, мощною рукой
Нальём в стаканы водку.
А если в двери стук клюкой –
Возьмём судьбу за глотку.
Восторг – тележка и вагон,
В зобу дыханье спёрло. –
Всех лучше лунный самогон –
В нём *veritas* по горло!
24 ноября 2012 г., Pittsburgh
* * *

А из дверей пахнуло щами,
Теплом обеденных минут
И всеми милыми вещами,
Что попросту зовут – уют.
Хозяйки над плитой сутулость,
И Жучки чистая душа... –
Судьба вздохнула, улыбнулась
И эти двери обошла.
25 ноября 2012 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-19

Что видел ты во сне, Гораций?
Взлетал и падал, как Икар?
Иль цикл серьёзных вариаций
Разрушил, выставив бекар?
Хоть часто этот знак некстати,
Порой ему замены нет –
Бекар Гертруде б над кроватью,
Чтоб дрогнул Клавдий – красный свет!
Но звёзд мерцанье к катастрофе,
И траур – терции челест.

И суммой ложных философий
Над Мендельсоном тяжкий крест.

1 декабря 2012 г., Pittsburgh

СОНЕТ

Без модной ругани на рынке,
Без хрипа в ржавую дуду,
Но лист бумаги по старинке,
Но шёпот в рифму на ходу.
Вкушать вино из древних амфор,
И с Музой перейти на ты,
Когда торжественность метафор
Не разрушает простоты.
Когда прямое выраженьё
Без хитрости обиняков
И миг, и вечности вторженьё,
Дым очагов и дым веков.

Пророка Вечное Перо:

Всё было, новое – старо.

2 декабря 2012 г., Pittsburgh

* * *

Очертанья деревьев чётки

На фоне неба бровей.

Ветер перебирает чётки

Крыш и ветвей.

И чем это только кончится –

Грозою из гроз? –

Вещает с экрана пророчица

Суровый прогноз.

5 декабря 2012 г., Johnstown

* * *

Добыть нам счастье смеха, слёз

И свет из чёрных штолен... –

Творец печалится всерьёз –

Заказчик недоволен.

6 декабря 2012 г., Johnstown

* * *

В любом мгновенье – «или-или»,

Ночные окна в лунной пыли,

Надежды втоптаны в пыли,

А были мы или не были –

Судьбу не спрашивай, не зли.

8 декабря 2012 г., Pittsburgh

* * *

Забросив скучные дела,
Судьбе слагаю Оды.
Меж тем, как крошки со стола,
Людей сметают годы.
И жизнь синицею из рук –
Мы это знаем сами. –
Я начинаю новый круг –
Отцу спасибо, Маме.
10 декабря 2012 г., Pittsburgh

* * *

Мысли недотроги –
Час пришёл такой... –
Дым и гром дороги –
На душе – покой.
11 декабря 2012 г., Route 22, East

* * *

Птицы ни одной,
Воздух ледяной.
Родником глоток.
Синевы платок.
Тучи бахрама,
По холмам зима.
14 декабря 2012 г., Johnstown

* * *

Холмов несвежие ковриги,
Их чёрствость мы с тревогой зрим. –
Контрастом – карнавал Респиги –
Ликует, веселится Рим.
Иль это солнечное зелье
В поток машин-оранжерей? –
Но от тепла и я в веселье –
Приметив птичье новоселье,
Смеюсь, кричу: «Живи, жирей»!
В сплошном миноре правды нет,
Я пью мажор, как дети фанту. –
Да сгинет мрак, да будет свет! –
Банальность нипочём таланту.
14 декабря 2012 г., Rote 22, West

ВАРИАЦИЯ 10-22

Я брежу песнями без слов,
Бессилье слов постыло.
В искусстве – времена ослов,

А, впрочем, так и было.
В стихах я Крезом без казны,
На ловле мин без трала.
Искать под солнцем новизны? –
Заняты для Тантала.
20 декабря 2012 г., Pittsburgh

ВАРИАЦИЯ 10-24

Пиит творил темно-пространно,
Мыслишки в мегатонны слов.
И это привлекало странно
Переучившихся ослов.
Вздыхал залив туманно-зыбкий,
Румянился Авроры грим... –
Всплеснуть, взлететь, запеть в улыбке! –

.....
Но сложное понятней им...

27 декабря 2012 г., Сан-Франциско
* * *

Очнуться в тридесятном царстве.
Рассвет в окне. И всплеском рук –
Неутолимый ветер странствий,
Смирившись, завершает круг.
28 декабря, 2012 г., Сан-Франциско
* * *

Год истекал, как кровь из жил, –
Печально музыка звучала
Тем, кто не дожил, кто дожил.
Иным молчанье, нам – сначала
Вести отсчёт летучих дней
И слёзы удержать стараться...

.....
Тонул меж праздничных огней
Наш год две тысячи двенадцать.
31 декабря 2012 г., Pittsburgh
Составлено 17 февраля 2013 г., Pittsburgh

Елена Аксельрод

Стихи разных лет

СОНЕТ О ГЕОГРАФИИ

т Черной речки в двух шагах Машук.

Елабуга видна с его высот.
Размашистую сеть свою плетет
Российской географии паук.

Повсюду щупальца царевых слуг –
От хищной Персии до Камских вод.
Арбе, что Грибоедова везет,
Сопутствует теплушек скрытный стук.

Палач закатывает рукава.
Ты дома. Это значит – ты в петле.
Впадает в Каму вольная Нева.

Каким же чудом в непроглядной мгле,
Захлебываясь в пыточной смоле,
Все новые всплывают острова?

1984

***

Ветка качалась, качалась, качалась
И от соседок своих отличалась
Тем, что качалась вместе с гнездом,
Тем, что заботиться было о ком
И не к себе ее мучила жалость...
Страхом она и отвагой держалась,
Так как страшилась не за себя.
Ветер грозил ей, надрывно трубя,
Гнул и ломал он послушных соседок,
Ветка качалась без дружеских веток –
Только упрямство, надежда на чудо –
Ни от кого, ни за чем, ниоткуда.

1980

НА ПОСЕЛЕНИИ

Ю. Даниэлю

Задула свечи я. Окно прозрело.
В него ввалилась желтая стена.
И неподвижная звезда горела,
Как я и он, не знающая сна.

Я в этой комнате, прозябшей, белой,
Нечастый гость – не дочь, и не жена.
И снова я, как девочка, робела,
И жизнь моя казалась мне смешна.

Здесь мебель – подоконник, стул да свечи.
Во временном жилье, как на вокзале,
Сидели мы всю ночь. Худые плечи,
Взгляд испытующий и борозды вдоль щек
Который раз о том напоминали,
Чего я не могу и что он смог.
1970

***

Слово толкнулось и замерло,
Будто под сердцем дитя.
Я его переупрямила,
Жизнь подарила шутя.

Знала ли я, каково оно
Будет, явившись на свет?
Туго спеленато, сковано,
Чувства угасшего след.
1978

СОНЕТ ОБ АЛФАВИТЕ

Несчетно слов и смыслов в алфавите.
Хоть Звук и Буква – бытия основа,
Я никогда ни в чьей не буду свите.
И прописью не обернется Слово.

Приму завет и Ветхий я, и Новый,
Да только бить поклоны не зовите.
Везде есть небо, и нигде нет крова,
И неясна мне суть земных событий.

Мне лишь одно доподлинно известно:
Я не желаю сдерживать дыханье,

Даны всему живому вздох и ропот.

Под небом без Вожатого не тесно.
Вздыхаю, слыша листьев колыханье,
И в них ищу и азбуку, и опыт.
1983

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Голые черные ветки –
Загадочная картинка.
Задача: найти твой профиль.
Контур, изогнутый ветром,
Над ним чуть заметный штрих –
И я тебя вижу, а рядом
Другой, непрошенный, профиль,
Я знать его не хотела,
Но тополь меня не шадил.

Загадочная картинка –
Что она означает?
Может в сплетении веток
Та сторона бытия?
Как они изогнутся,
С кем окажусь я рядом –
Так ли все это важно?
Лишь бы стояло дерево
И рисовало загадки
Тонкими карандашами
На ватмане голубом.
1973

ЯЛТА. 1979

Я не хотела приезжать сюда.
Казалось, память с головою захлестнет,
как соль морская. Этих темных вод,
казалось, не увижу никогда.
Вот странность – ровно через десять лет
я здесь проездом. В грузные суда
все так же суматошный порт одет,
лишь тот корабль, что белым был тогда,
теперь чернел, цепляясь за причал,
о чем-то, надрываясь, мне кричал,
как будто требовал меня к ответу
за то, что нет тебя...

Автобус звал гостей нетерпеливо.
А с дальнего холма смотрел ревниво
тот куст миндальный, что десятый год,
десятую весну без нас цветет.
Я больше ничего не узнавала.
Пыхтел автобус, и волна вставала
и отставала...

***

Эвакуация. Коптилка.
Над нею бабушка бормочет.
Разноязыких бед копилка,
Кобылы обреченной очи..

Старик-казах заносит палку,
Чтоб вызволить меня из драки.
На глиняном полу вповалку
В отрешьях каторжных поляки.

Затихли в памяти арыки,
И шепот бабушки все глуше.
Младенца унимаю крики –
Моей раскосенькой Катюши.

О чем, захлебываясь, плачет
Горчайшими слезами детства?
Ужель и перед ней маячит
Неистребимый призрак бегства?
1988

***

Мне хочется сказать о розовых восходах,
о легких небесах, о ветреной любви,
и коль вздохнуть нельзя, ну так хотя бы продых,
хотя б спокойный взгляд... Забудь и не зови.
Теперь не до того... Косматыми лучами
закат кровавит путь, зашарканный тобой.
Как силится луна короткими ночами
пролить свой мирный свет над алчущей толпой,
бессонною враждой, неутолимой жаждой –
не сыщешь родника, отравлена вода...
Как хорошо мечтать, что где-нибудь однажды
увидишь синий свет, тугие невода,
улыбку доброты, просторную дорогу,

под свежую росой ожившую листву...
Тогда, не смяв травы, я подойду к итогу
и бережный закат свободой назову.
1988

НОЧЬЮ

Мягкие крылья мыши летучей
больно бьются о потолок.
Ей со мной боязно,
мне с ней не лучше,
мечется, гонит мой сон за порог.

Там, за порогом, летучие сестры,
тьмой возвеличенные, парят.
Слух, от бессонницы слишком острый,
опережает притупленный взгляд.

Госте моей страшно пола коснуться,
жутко мне с нею, жутко прогнать.
И не заснуть мне, и не очнуться,
ночи не кончиться, глаз не поднять.

Но отчего ж?.. Незлобивые твари!
Кто виноват, что мраком рожден?
Тьма и меня в котле своем варит,
черной шумовкой снимая сон.
1984

***

Жизнь после смерти есть. Я умерла
и вот попала в вечность – город вечный.
Теперь я знаю, что скрывала мгла
последняя и что сказал мне встречный,
последний в жизни той, когда осуждена
была я на Эдем, который не заслужен,
не выстрадан моим безверием досужим –
ни этот грозный зной, ни эта тишина.
А встречный говорил, что соль крута в раю,
где персик да инжир свисают с ветки каждой,
что буду мучиться неутолимой жаждой –
хоть плоть свою сожгла, чем душу напою?
Живу внутри стиха, где между строк – песок,
где юный Яков – рубашка цвета хаки –
с Рахелью обнялся – их караулят маки,

и черный автомат, как пес, лежит у ног.

Зачем я в бестелесности моей,
предвидя и в раю явленье Амалека,
в большую даль гляжу, где больше полувека
жила, не зная, что в раю больней.
1992

***

Там на столе горой тетрадки.
В окне последние лучи.
На темной лестничной площадке
ищу забытые ключи.

От глаз чужих в квартире скроюсь,
друг забредет на огонек.
Но зря в бездонной сумке роюсь –
кефир, очечник, кошелек.

Сижу я, к двери прижимаясь.
Лифтер, храпя, подъезд хранит.
А там, внутри, не унимаясь,
мой телефон по мне звонит.
1993

***

Я не хочу, чтоб меня забывали
Те, кто меня в нетерпении звали,
Те, кому я становлюсь безразличной...
Но, умирая, рождаясь вторично,
Сквозь серпантинную спесь километров,
Сквозь парусинную занавесь ветров,
Переминаясь у края откоса –
Все надрываюсь, кричу безголосо:
Я не хочу, чтобы нас разделяли
Лет моих лишних витки и спирали,
Вас не забуду – пусть вы отдельно,
С вами я буду – ночью и денно,
В душу не вторгнусь, если не звали –
Я не хочу, чтоб меня забывали.
1993

***

Конец не за горами,
додремываю жизнь.

Твержу себе: «Держись
последними дарами».
Поэт сказал: «Не спи»,
в бессоннице покорной
я по квартире черной
брожу, как на цепи.
Трехмесячная жизнь
сопит в кровати внука,
не спит чешуйка лука,
в луче луны дрожит.
А что не за горами –
не видно из-за гор,
как не заметен сор
в ночной оконной раме.
2007

***

Покосы, откосы, плесы –
несло нас, везло, катило.
Домчались – раздето, босо,
лезет в глаза светило.

На безотказном джипе
петляем. Без леса подлески.
С веселым водителем в кипе
бесстрашны, как рыба на леске.
2011

ОЖИДАНИЕ

Рифма повисла на карандаше.
Тихо, мой милый, у нас в шалаше.
Нынче безвыходный день выходной,
сам задыхается зной обложной.
Только бы вечером, ближе к семи,
голос родной услышать за дверьми.
2012

ВДОГОНКУ

И еще один день отжила, отбыла,
дожидаясь полночных снотворных,
правда, день был какой –
ясноликий, морской,
в гребешках и сережках узорных.
Вместе с вами вдоль моря я шла босиком,

приминая остывший песок.
Позади бело-красные стулья вверх дном,
каменистых холмов поясок.

Я смотрела на вас из окна своего,
сквозь ограду темневшего сада,
да, я видела вас, и уже ничего,
ничего, мне казалось, не надо.
Но душистый свекольник бурлил на огне,
клокотал, точно пена морская,
волны веток метались по тесной стене,
в ночь бессонную не отпуская.
2012

ПОСЛЕ ПОЖАРА

Она теряла лицо.
Может быть, это возраст –
штрихов и бороздок хворост?

Колонковые кисти дареные
сохнут приговоренные,
выцветают, плывут акварели
потускнели глаза, присмирели,
выйти в утренний свет, как напиток,
стаяка домиков под черепицей

Оглянулась – дым клочковатый
поднимался над крышей покатою,
над ее пристанищем стелется.
Вот и она – погорелица.

Пусть горит мастерская – не жалко–
холстов ненатянутых свалка.
Все, что было когда-то лицом,
истлело – и дело с концом...

Железной кровати скелет,
приткнуться, накинуть плед,
установиться молча на стены
цвета жженой сиены.
Наваждение, призрак, бред –
стоит, как живой, мольберт,
на нем этюд уцелевший.
Откуда на фоне плешей?
Закрасить, вон тюбики горкой.

А после заняться уборкой.
2013

Павел Нерлер

**Високосные крúги:
Стихи 1970–2012 гг.¹**

Павел Нерлер (Полян) – географ, историк, писатель, литературовед, председатель Мандельштамовского общества, автор многочисленных книг, одна из которых – Слово и «дело» Осипа Мандельштама» (2010) вошла в шорт-лист списка премии НОС («Новая словесность») за 2011 год. Ученик Аркадия Штейнберга, участник группы «Московское время» и студии «Луч».

Его первая книга лирики «Ботанический сад» вышла в 1998 г. и содержала стихи, написанные не позднее 1987 г. Более двадцати лет П. Нерлер «молчал», но в 2009–2012 гг. появились новые стихотворения. Из сочетания «старых» и «новых» стихов и сложилась эта книга. Стихи и избранные переводы расположены в ней хронологически и разбиты на разделы, соответствующие четырехлетним високосным циклам, чем и обусловлено заглавие книги – «Високосные крúги».

Представляя книгу Павла Нерлера читателю, журнал «Семь искусств» публикует его предисловие, его новые стихи - те, что не входили в «Ботанический сад», а также отзывы А. Тарковского, Л. Озерова и С. Липкина о поэзии П. Нерлера.

От автора

С одной стороны, писание стихов – высшее счастье. Как и то, что в молодости их вызывало – любовь, дружба, путешествия.

Именно стихи – свои и чужие, споры и разговоры о них одарили меня дружбой и многолетним общением с такими замечательными собеседниками и людьми, как Аркадий Штейнберг, Семен Липкин и Арсений Тарковский, как Ефим

---

¹ В апреле 2013 года в московском издательстве «Водолей» выходит новая книга стихов Павла Нерлера «Високосные крúги: Стихи 1970–2012 гг.» (ISBN 978–5–91763–153–0).

Эткинд, Надежда Мандельштам и Наталья Штемпель, как Александр Сопровский, Бахыт Кенжеев и другие сотоварищи по «Московскому времени», как Николай Поболь, Андрей Трейвиш и Наум Клейман, как Семен Заславский, Эсфирь Богданова или Женя Пермяков. И многие другие, здесь не упомянутые.

Состояние поэта всегда ощущалось мною как первичное по отношению к любым иным занятиям и ипостасям, не исключая и сугубо профессиональную и публичную деятельность в качестве географа, историка или филолога.

Но само это состояние вовсе не производная от непрерывности процесса стихослагания. Скорее, наоборот.

С годами я пришел к убеждению, что, оставаясь поэтом, стихи писать как раз и не следует: если можешь не писать – не пиши! А если уж пишешь – то тогда и только тогда, когда сила переживания и погудки такова, что не писать не остаётся уже никакой возможности.

Да и занятия Мандельштамом накладывали определенные ограничения и обязательства, формируя вполне определенные и весьма строгие критерии. Применительно к себе они означали безжалостное отсеивание и вычёркивание строк, строф, стихотворений и целых циклов.

Но все-таки поэтическая аскеза ещё не celibat, и главное не в этом. Хотя я строго придерживался сформулированного выше правила, – и после стихотворения на смерть Екатерины Константиновны Лившиц, вдовы Бенедикта Лившица, написанного в ноябре 1987 года, воздерживался от стихослагания почти 25 лет.

Если что-то всё же начинало набарматываться, то, конечно же, записывал. Но, если спустя какое-то время «бормотание» засыпало, – не будил.

И только в конце 2000-х годов смерти друга (Жени Пермякова) и отца переломили этот последовательный стоицизм. С годами источники неудержимости погудки не слишком переменились, но изменилось их соотношение: на первые роли выдвинулись смерть близких людей и вообще человеческое горе, а к «географии» добавилась «история».

Простая временная последовательность всегда казалась естественнейшим и наилучшим способом композиции лирической книги. Но, когда в 1998 году я собирал свой единственный поэтический сборник «Ботанический сад», то не смог прибегнуть к нему, ибо сборник включал в себя остатки сразу нескольких книг, разрушенных строгостью отбора. Поэтому он был перекомпанован

по иным – тематическим – основаниям, и место для хронологизма, и то не строгого, оставалось только внутри разделов.

Название одного из них – «Високосные крúги» – вынесено в заглавие этой книги. Дело в том, что всё происходившее и вызывавшее стихи не только существовало во временной связи, но и обладало определенной цикличностью – четырёхлетней, с кульминациями именно на високосных годах. Отсюда разбиение книги на части, соответствующие таким четырёхлетиям.

Это совершенно иная композиция – одновременно хронологическая и кольцевая.

Состав почти тот же, что и в книге «Ботанический сад», – за вычетом одного перевода из Рильке, но с добавлением нескольких стихотворений, что были написаны в последние годы.

Попавшие в книгу переводы идут наравне с прочими стихотворениями.

Все стихи датированы. Многие писались или правились на протяжении очень долгого времени, но решающей являлась именно первая дата – дата погудки.

31 июля 2012 г.

П. Н.

Посвящается С. Ц.

2008 -2012

СЕНГИЛЕЕВСКИЙ СПУСК

Памяти Жени Пермякова

В тот миг, когда подъём на спуск
Дорога с радостью меняла,
На Сенгилеевский на спуск
Судьба, как на курок, нажала.

Переглянувшись с красотой,
Ты словно бы коня пришпоришь
И вниз рванешь – навстречу той,
с кем не поспоришь!..

Руль вырывается из рук,
небесная тускнеет смальта...
Не защитят ни шлем, ни друг
От равнодушного асфальта.

Не защитят ни друг, ни шлем
от бесшабашности спирали.

А неба нет уже совсем,
лишь крутятся в траве педали.

И руки тянутся назад,
как будто руки виноваты...
И как теперь твой чистый взгляд,
Твой детский, твой подслеповатый,
поймать, – скажи?..
2008-2012

УМАНЬ И БАБИЙ ЯР

Триптих

1

...Гул молитвы, базарная ругань,
помесь святости со шпаной.
Гайдамацкая, гойская Умань –
с Йом-Кипуром, блин, с Рош-Ха-шаной!

Этот гул – он уже не затихнет,
Посмотрите на эту толпу...
«А Вы тоже религии ихней?» –
Полицейский, дающий кипу.

Сколько жизни в могиле зарыто!
Реббе Нахман, давно ли Вы тут?
Двести лет без кола и защиты
пролетели, как двадцать минут.

И свиваются пейсы в колечко
визави фантастических сцен.
На неделю свернулся в местечко
Этот польско-радецкий райцентр...

И хасиды бредут, как в исподнем,
в помраченьи своем новогоднем,
бьют поклоны, качают права!..
С Новым Годом, блин! Шана-товá!

2

...О евреях ни слуху, ни духу.
Тишина, словно кляп, на слуху.
Здесь скосило не только мишпуху,
Но и треснувшую галаху.

Грош цена этой крови из ступки,
раз пристреленный пулемет
двадцать тысяч убитых за сутки
Прошивает навывлет и влёт.

Синагога под небом разрытым,
раскученным, как Бытиё.
Столько смерти в овраге сокрыто,
Что ничто не удержит её!

И на выходе из каверны
Только кости и черепа.
Нет защиты от пульпы и скверны,
гидрография не слепа.

Эксгумированное преданье,
слева кривда и справа ложь...
И беспамятства напластованья
Экскаватором не свернёшь.

3

...Только Умань и в ус не дует,
отбивает молитвенный шаг.
И хасидский трансфер минует,
Не заедет на тот овраг.

Неподвластные укоризне,
Новогодние схлынули дни.
Занесённые в Книгу жизни,
Книгу смерти забыли они.

И в расколоте небе незрячем
нам чужая резня нипочем...
И не молимся мы, и не плачем
между жертвами и палачом.

Одиночество горней меноры,
коры памяти, дыры и норы.
И неяркого яра огни –
Навсегда остаются одни.

От Завета и до Совета
Ни могилки, ни плошки света.
Каркнул ворон своё «Nevermore!..»

Жидомор и историомор.
2009–2012

ПОНАРЫ

(по мотивам чужого подстрочника)
М.Г. Рольникайте

В тот полдень обыденный, солнечный, сочный
Украсилась почва фатою цветочной,
И птицы звенели в небесной купели,
И пыльные камни сквозь травы блестели...

Идет по дороге детей вереница.
Ошпарены страхом прекрасные лица.
А сзади несёт свое грузное тело
Литовский эсэсман на грязное дело.

Кровавое действо уже предвкушая,
Он смотрит в затылки Рахильки и Шая.
Достичь совершенства в искусстве расстрела –
Его, патриота, первейшее дело.

«Куда ты ведёшь нас, лесная дорога?» –
Спросила у ели Рахиль-недотрога.
Ответил, осклабясь, эсэсовец строю:
«Местечко вам бог присмотрел неплохое».

И шуткой своей чрезвычайно довольный,
Затор передёрнул он, двоечник школьный.
Катаются жилы по шее по бычьей –
Счастливый палач со своею добычей.

Куда ты, дорога? – В предместье, в Понары. –
По нары и тачки? – По пули и яры! –
...И дети идут, разобравшись по парам,
Понурой шеренгой навстречу Понарам.

...Кричит им палач: «Жидовня, раздевайтесь!
Мы все здесь свои, сосунки, не стесняйтесь!»
И сняли одежду, и ножки разули –
Чтоб хилые тельца подставить под пули.

А ров уж заполнился наполовину –
Родимые лица, и руки, и спины,

Любимые мамы к обрыву подходят
Хлопок – и их нет, и уж новых подводят.

Вот встала к обрыву и мама Рахили –
краса из красавиц, каких народили.
Одежду сняла и косу распустила,
И с вызовом смотрит в глаза крокодилы.

Убийце не выдержать этого взгляда –
отводит глаза, не отводит приклада.
Услышав «Огонь!», он спускает курок, –
И пот утирает отважный стрелок...

И всё – никого не осталось от группы.
Землёю присыпаны свежие трупы.
Гадюка ползет по кровавой росе.
В Понарах, в Понарах расстреляны все!

О том, что свершилось у них на глазах,
Деревья и птицы шептались в слезах.
Лес негодовал в осквернённой красе:
В Понарах, в Понарах расстреляны все!

И будто бы реквием в небе звучит. –
То ветер по соснам дремучим стучит
И ноты скрипучие сходу берет...
Но кто их услышит? Кто переведёт!?!..
2011

ПОДСОЛНУХ

(Стансы)

1

...Межокеанским окоёмом,
преград не чужа и греха,
стихией мчатся по разломам
по наущению стиха,
по глобусу вслепую шаря,
границы перестав считать,
из западного полушарья
в восточное перелетать...

2

...Всегда манящ и интересен,
но, отрешившись от преград, –

мир стал неудержимо тесен,
и плотоядно грешен взгляд.
Под взмахи полнолуний полных,
под вздохи рук – не потому
ли к солнцу тянется подсолнух,
что солнце тянется к нему?

3

...Ни на какой миллиметровке
ты не прочертишь тот чертёж,
пока по ненадежной бровке
на берег тайный не придёшь.
Там вырываются из щелей,
фонтаны брызг, полулюбя, –
и, в облаке туманных целей,
ты возвращал себе себя.

4

...Чем это было? Наважденьем
двух шелковистых полусфер?...
иль жерл подводных изверженьем?
нагроможденьем скал и шхер?
Чем это было? Синекурой?
Времянкой, снятой на века?
Неправленою партитурой?
Черновиком чистовика?

5

...И ссоры долго не держались,
и притирались берега,
пока к раствору не мешались
подспудной ревности снега.
Как с этой вольницей невольной
ни начинай и ни кончай,
но в той пучине треугольной
мы утопали невзначай.

6

...Мы праздника себе хотели,
и праздник сел у ног на раз.
Мы вместе столько одолели,
но будни одолели нас.
Средь этих бурь, средь сфер покатых
нам просиял и скрылся свет...
И нет у магмы виноватых,
и правых нет... И правды нет.
2011-2012

ВОЛЬНЫЕ СТАНСЫ ОТЦУ

1

Расставлены фигуры на доске,
и пешка проплыла на е4...
Но сколько ни заламывай в тоске
хрустящих рук, не отзовется в мире
уже никто на запоздалый зов:
«Сыграем, батька?»...

Пущенное время

Всё, без остатка, утекает в ров...
Флажок упал, и опустело стремя
того коня...

2

Твоей руки уж не согрею я,
твоей улыбки больше не увижу,
подушку не поправлю,

и земля

всё надвигается – страшной, сплошнее, ближе.
Вся вытекла подземная река,
взялся – ходи, без права на ошибку...
Родимая отцовская улыбка,
любимая отцовская рука...

Уж не согреть...

3

...И в пять утра раздался телефон.
То был не ты, а вестник Азраила.
Был короток и недвусмыслен он,
но весть, как шах и мат, сразила.
Ведь только кажется, что ты всегда готов,
когда ни грянь, – а ты всегда в порядке,
сын старика, чьи стоптанные тапки
уж не зашаркают...

4

И, скрещивая руки на груди,
как будто руки к гробу привыкали,
ты что-то ясно видел впереди
такое – что всю жизнь не примечали.
...А ветер в поредевших волосах
всё треплет пряди космоса родного...
Всё явственней помехи в голосах...
Расставлены фигуры в небесах...

Чей ход?..

2011-2012

***

Профессия Павла Нерлера (он географ) даёт ему возможность увидеть местность новыми глазами, а точное знание ландшафта – проникнуть в первоисточник, в первопричину красоты пейзажа. Отсюда и свежесть словаря Павла Нерлера, живая беглость рисунка, например, Большеземельской тундры, где «берегом смородина бредет, уремный мед с багульником мешая».

В ассоциациях автора есть недостающие звенья, надо вчитаться в стихотворение, чтобы понять, почему автора течение несет «вниз по реке и вверх по букварю»: ведь в родном Подмоскowie, где автор вырос, и так возникают начальные слова детства: заря, букварь. Стих – слово – так воплощается в предмет, что и мартовская пашня кажется вчерне написанной строкой, а кувшин с недопитым вином, как живое существо, то засыпает, то просыпается... Стихотворец понимает, что пространства, им исхоженные, живут во времени...

Семен Липкин

* * *

Я читаю:

Как редко в небо поднимаем
Мы удивлённые глаза...

Это погрёк или предупреждение? И то и другое. Нам уверяют, что от мелочей быта мы должны обратиться к высотам бытия. Одухотворенность – вот что, прежде всего, мне хочется выделить в стихах Павла Нерлера...

У Павла Нерлера жажда жизни сочетается с жаждой познания культуры. «Я с греками дружбу водил, и солнца сияли над нами...» – ему важно проникнуть и в мир грузинского зодчества, и в старину русского Севера...

Лев Озеров

* * *

...Самобытность Нерлера как поэта проявляется главным образом в его «любовных» стихах:

...Твой сон и неглубок, и вязок....
Без слёз, без жестов, без подсказок
Ты правотой меня поишь.

На этом примере заметно, что П. Нерлер строит свою строфу (а строфика – один из признаков его поэзии) непринужденно и легко, очень часто на одном дыхании.

Его поэзия почти всегда – поэзия словесная, филологическая. Он любит поиграть словом, заалитерировать

стих или два-три соседних стиха. Он находит *смежные* ощущения, одно ощущение, влекущее за собой другое...

Арсений Тарковский

Александр Матлин

В доме повешенного говорят о верёвке

к концу 70-х годов XXI века Страна окончательно и бесповоротно встала на рельсы всеобщего процветания. С оппозицией было покончено. Страной успешно управляла ЕПЕП – Единственно Правильная Единая Партия. Вернее, оппозиция, на самом деле существовала, и её существование – конечно, в разумных пределах – одобряла и поддерживала ЕПЕП, которая была оплотом демократии. Президент Страны лично распорядился предусмотреть в бюджете надлежащий фонд на содержание оппозиционной партии.

– Ты, Миша, не скупись – говорил он своему Главному Советнику, католику мусульманского вероисповедания Мохамеду Рабиновичу. – Дай им побольше. Пусть протестуют как следует. И себе тоже отпусти специальный фонд на борьбу с оппозицией.

– Слушаюсь, мистер Президент, – отвечал Советник. – Где взять деньги?

– Где всегда. Возьми займы у Камбоджи или у Берега Моржовой Кости.

– Так ведь уже не хотят давать.

– Тебя что, Миша, дипломатии учить надо? Пригрози. Скажи, что мы введём одиннадцатую стрелковую дивизию и установим у них демократию. Сразу дадут, как миленькие.

Президент заканчивал свой тринадцатый четырёхлетний срок, но не потерял присущую ему остроту ума и понимания политической расстановки сил. Память его была свежа, как в молодости. Он помнил всё, включая те далёкие времена, когда его правительственный дворец, Дом Всех Цветов, носил отвратительное расистское название Белый Дом. Сегодня об этом мало кто знал, да и сам Белый цвет уже давно разрешалось упоминать только как «слово Бэ». Названия всех остальных цветов, кроме зелёного, тоже были давно заменены политически

правильными терминами «слово Че», «слово Жэ» и тому подобными.

Солнце прошло зенит и начинало склоняться к западу. За окнами ДВЦ затихло щебетанье птиц и угомонился рокот демонстрантов, которые то ли осуждали, то ли одобряли единственно правильную политику ЕПЕП. Приближалось время послеполуденных свидений, которое в старые, политически неправильные времена называли мёртвым часом.

– У тебя всё? – спросил Президент, подавляя зевоту.

– Есть важное сообщение, мистер Президент. Сегодня утром лидер оппозиции повесился на осине.

– Сам повесился?

– Выглядит, как сам. Если и нет, то комар носу не подточит.

– Почему на осине? Он на что-то намекал?

– Не знаю. Мы ведём расследование.

– Вырази соболезнование семье покойного и создай специальный фонд на похороны оппозиционеров. И ещё два специальных фонда на спонтанные демонстрации: один в поддержку похорон, другой против.

– Слушаюсь.

– Пресса должна сообщить, что он повесился на пальме. Пальма ассоциируется с роскошью, а оппозиция, как известно, защищает интересы богатых. И ещё... – Президент задумался. – И ещё подумай, какой кризис можно создать из этого самоубийства и какая всенародная компания последует за этим кризисом.

– Я уже подумал, мистер Президент, – сказал Советник, гордясь своей сообразительностью. – Есть два варианта. Первый – компания против осин или, как вы указали, против пальм. Или

вообще против деревьев: чтобы их вырубить под корень, и тогда нашим честным гражданам не на чем будет вешаться. Против этого могут возразить защитники лесов. Поэтому второй вариант мне кажется более плодотворным. Это – компания против верёвок. Если наложить полный запрет на изготовление и продажу верёвок, тогда нашим честным гражданам нечем будет вешаться. Так как мы давно уже запретили огнестрельное оружие и ядовитые вещества, то самоповешение остаётся практически единственно доступным способом самоубийства. Знаете старую поговорку – в доме повешенного не говорят о верёвке? Эта реакционная поговорка досталась нам в наследство от предыдущей администрации. Сегодня мы должны говорить о верёвках во весь голос. Как только мы их запретим, с самоубийствами в нашей стране будет покончено раз и навсегда.

– Правильно мыслишь, – сказал Президент. – Заходи ко мне, когда я досмотрю свои послеполуночные сновидения. Обсудим детали...

...Похороны лидера оппозиции проходили в воскресенье и вылились в массовую, хорошо организованную спонтанную демонстрацию. Демонстранты несли чучела мужчин и женщин, повешенных на пальмах, и плакаты с изображением верёвок в виде ядовитых змей со свастикой на лбу. Опытные ораторы зажигали толпу пламенными призывами к полному и окончательному прекращению самоубийств, тяжкого наследия предыдущей администрации. Они настаивали на поголовной проверке населения с целью выявления возможных самоубийц. Для этих потенциально антипатриотических граждан они требовали самого сурового наказания, вплоть до казни на электрическом стуле или в газовой камере, чтобы предотвратить

их позорное само-повешение. Средства массовой информации широко освещали демонстрацию.

В понедельник Президент выступил на пресс-конференции, где он отвечал на вопросы журналистов. Собственно, был задан только один вопрос, и никто не помнил, какой это был вопрос и кто его задал. Президент отвечал на этот вопрос полтора часа, после чего пресс-конференция закончилась. Все полтора часа Президент посвятил самой актуальной проблеме, волнующей граждан, – верёвкам, количество которых в Стране за последние годы выросло до угрожающих размеров.

– Позвольте мне быть предельно ясным, – сказал Президент. – Как вам известно, я большой поклонник и защитник нашей Конституции. Я стою на страже Конституции день и ночь. И в ней ничего не сказано насчёт права граждан на верёвки. Благодаря поправкам, которые мы внесли за последние сорок лет, наши граждане имеют право на бесплатное питание, бесплатное лечение, бесплатные дома и квартиры, бесплатное образование, бесплатный транспорт, бесплатное кино, бесплатную марихуану и бесплатные противозачаточные средства. Но нигде в Конституции не сказано, что у граждан есть право на покупку и хранение верёвок. Значит, верёвки, которые нам достались в наследство от предыдущей администрации, по своей сути антиконституционны. Мы должны начать их планомерное искоренение.

Речь Президента девяносто три раза прерывалась аплодисментами. Девяносто два раза все вставали. Пресс-конференция транслировалась по всем телевизионным каналам Страны, включая специализированные каналы – спортивные, исторические, географические, медицинские и порнографические. Газеты и журналы на первых страницах печатали фотографии

Президента на трибуне, отвечающего на вопросы журналистов. Вокруг головы Президента сиял нимб.

Во вторник Президент издал своё первое постановление о борьбе с верёвками. Это был указ о запрещении пеньковых верёвок и канатов. Для претворения указа в жизнь создавался специальный отдел и предусматривался бюджет. В страну запрещалось ввозить пеньку, а заодно – мёд и воск. Предприятия по производству пеньковых верёвок закрывались; рабочим этих предприятий, состоявшим в профсоюзе, пожизненно сохранялись зарплата и медицинские страховки. Президент подписал это историческое постановление под аплодисменты членов Палаты представителей и Сената. Справа и слева от Президента стояли дети различных рас и вероисповеданий, у которых повесились родители.

В среду Президент издал постановление о запрещении стальных тросов.

В четверг были запрещены полипропиленовые верёвки и канаты.

В пятницу – шнурки для ботинок и резинки для трусов.

Для исполнения постановлений, каждого в отдельности, создавались специальные фонды, комиссии и отделы. Как всё, за что брался Президент, компания была поставлена на широкую ногу, с привлечением прессы, телевидения и общественных организаций.

В субботу, нарушая слепополуденные сновидения Президента, к нему постучался Главный Советник. Такое разрешалось только в случае чрезвычайных обстоятельств.

– Мистер Президент, – сказал ГС. – У меня экстренное сообщение. Мне сказали, что без верёвок и канатов наши корабли не могут швартоваться. Их надо привязывать к причалу. Министерство торгового флота и отдел военно-морского флота в панике. Корабли, как неприкаянные, болтаются в море. У них кончилось горючее, провиант и пресная вода. В своих зашифрованных посланиях к вам капитаны просят сделать для них исключение и разрешить пользоваться верёвками для швартовки судов. Что делать?

Президент задумался, закрыл глаза и продолжал думать, пока не досмотрел последнее сновидение.

– Сложная ситуация, – наконец сказал он. – Если мы разрешим им пользоваться канатами, наши враги и оппозиционеры могут расценить это как проявление слабости и использовать в своей пропаганде. А если не разрешим, то они

могут обвинить нас в бессердечности и, опять же, использовать это в своей пропаганде. Какое решение ты предлагаешь?

– Я уже подумал, мистер Президент, – сказал ГС, снова гордясь своей сообразительностью. – Нужно построить специальный флот, который будет доставлять горючее, провиант и пресную воду на корабли в море, чтобы им не надо было швартоваться.

– Хорошая мысль, – одобрил Президент. – А этим специальным кораблям разве не надо швартоваться?

– Нет. Горючее, провиант и пресная вода будут загружены в них при строительстве.

– А как загрузить их второй раз?

– В этом не будет необходимости, – сказал ГС. – Они останутся в море. А для доставки горючего и всего остального мы будем продолжать строить новые корабли. Наша судостроительная промышленность стремительно вырастет, в результате чего мы создадим двадцать миллионов новых профсоюзных рабочих мест.

– А что делать с кораблями в море?

– Это мы решим позже.

– Правильно, – сказал Президент. – Пусть пока плавают – до моих выборов. А там будет видно. После выборов я смогу позволить себе быть более гибким.

Средства массовой информации широко освещали новую инициативу Президента. С верёвками было уже покончено, и теперь пресса с алчностью принялась за корабли. С авианосцев, эсминцев и гражданских танкеров велись репортажи, в которых матросы рассказывали о своей сытой, счастливой жизни в море и благодарили Президента за его отеческую заботу о светлом будущем Страны и её моряков.

Наступила осень, приближались очередные единоголосные выборы Президента. Это была горячая пора. Президент выступал перед своими любящими избирателями по пять-шесть раз в день. В специальном отделе при министерстве обороны восемьсот талантливых литераторов с утра до ночи писали спонтанные речи Президента, включая вопросы и ответы. Задачей Главного Советника было обеспечить ему правильный телепромттер с правильной речью, соответствующей характеру аудитории.

– Смотри, Миша, не ошибись, – наставлял Президент своего ГС. – А то вчера мне подсунули явно не тот телепромттер, когда я выступал перед нашими мусульманскими гражданами. И я сказал им, что Израиль – наш друг. Стыдно.

– Да, вам по ошибке поставили завтрашнее выступление перед евреями. Виновные наказаны. Но вы не беспокойтесь, мистер Президент. Опрос показал, что процент мусульман, голосующих за вас, не уменьшился. Они понимают, что вы пошутили.

– Ну ладно, – сказал Президент. – А в моём завтрашнем выступлении перед евреями ты подчеркнул, что Израиль в целях сохранения мира должен уйти в границы тысяча девятьсот сорок седьмого года?

– Шестьдесят седьмого. Вы это сказали вчера. Опрос показал, что после этого количество евреев, голосующих за вас, уменьшилось на полтора процента, с девяносто шести до девяносто четырёх с половиной.

– А что плохого, если Израиль уйдёт в границы сорок седьмого года?

– Тогда ещё не было Израйля.

– Вот именно, – сказал Президент. – Значит, не было проблем, а был всеобщий мир и дружба. Правильно? Почему ты молчишь?

– Что с вами, мистер Президент? – прошептал ГС. – Вы поблбднели.

– Дурак ты, Миша, – сказал Президент, повалился набок и умер от инфаркта. Ему было девяносто девять лет.

Первые три дня Страна скорбела в связи с безвременной кончиной Президента. Следующие три дня Страна праздновала инаугурацию нового президента, которым был единогласно избран бывший Главный Советник Мохамед Рабинович. Ликованию прессы не было границ, поскольку новый Президент был первым в истории президентом-мусульманином и при этом первым в истории президентом-евреем. Позже выяснилось, что он был также первым в истории президентом-гомосексуалистом. Таким образом, это был трижды исторический президент. Истекая слюной от восторга, вся Страна, от мала до велика, с утра до вечера маршировала и пела «Рабинович – наша слава боевая».

На своей первой пресс-конференции Президент Рабинович сказал:

– Нам с вами предстоит большая и трудная работа. Мы унаследовали самый тяжелый в истории Страны кризис, в который нас ввергла предыдущая администрация. Чтобы отвлечь население от истинных проблем, в Стране была затеяна дорогостоящая и бессмысленная кампания против верёвок, канатов и тросов. Народу объявили, что в результате этой кампании было полностью покончено с самоубийствами. Но это неправда. Не далее, как вчера,

лидер оппозиции покончил с собой, выбросившись в окно с двадцать второго этажа. Как видите, дело не в верёвках.

– Мистер Президент, какие меры вы собираетесь принимать? – задал вопрос корреспондент одного из популярных телеканалов.

– Мы работаем над этим, – сказал Президент. – Самой логичной мерой было бы запретить в Стране двадцать вторые этажи. Но есть опасение, что безответственные самоубийцы будут выбрасываться с других этажей. Мы не можем ликвидировать все многоэтажные дома; это слишком дорого и займёт много времени. Поэтому единственной реальной мерой будет запретить земное тяготение. Есть вопросы?

– Мистер Президент, – краснея, сказал молодой корреспондент одной малотиражной газеты, которую подозревали в симпатиях к оппозиции, – я слышал, что земное тяготение – это физический закон.

– Законы в этой стране издаю я, – сказал Президент. – Если мы можем изменить климат планеты, то мы сумеем преодолеть любое тяготение. Я уже распорядился выделить на борьбу с тяготением неограниченный бюджет. А с теми, кто не понимает наших высоких устремлений, будет отдельный разговор. Так что, цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!

Речь Президента была встречена бурными овациями. Все встали. Корреспонденты наиболее прогрессивных газет и телестанций выкрикивали «Долой земное тяготение!» и «Рабинович акбар!». Простые граждане Страны тоже разразились овациями и встали перед своими телевизорами. Говорят, что все они стоят и аплодируют до сих пор. За исключением тех, которые сели.

Январь 2013 г.

Наум Брод

Описания пространств Наума Брода, сделанные им самим

От автора

Все вещи в моей прозе названы «НАУМ БРОД» (некоторые с подзаголовком). Не вдаваясь в подробное теоретизирование, приведу здесь два объяснения, почему это так.

Первое. Всё, написанное любым автором, в той или иной степени является плодом его воображения, которое рождает некие пространства, и автор делится с читателем его содержанием. Если произведение увлекло читателя, он, включив свое собственное воображение, начинает верить этому иллюзорному пространству, как реальному. По сути дела отношения «автор-читатель» строятся на обмане (самообмане). Так как художественное есть помимо прочего акт «само выражения» автора, то, чтобы быть честным перед читателем, всё, написанное автором, следовало бы сопровождать оговорками «я так вижу», «так мне представляется» и в таком духе. Поэтому я сразу обозначаю то, о чем и без меня может догадаться взыскательный читатель - пространство автора.

Второе. Не всё, написанное автором, может быть названо его именем. Научную статью так не назовешь, даже если речь в ней пойдет о состоянии психики автора. И автобиографию так не назовешь: в художественном пространстве автора факты уступают место «картинкам». Сами «картинки», конечно же, есть следствие каких-то событий, происходивших в жизни автора, но время и его воображение произвели работу (отбор), в результате чего что-то осело настолько прочно, что чуть ли не сопровождает его по жизни. Конечно, это всегда что-то эмоциональное. Поэтому еще один аргумент в пользу такого отбора: автор делится только тем, что не просто когда-то задело его за живое, но и сохраняется в нем. Оказывается, таких моментов в жизни автора не так много, зато он может быть

уверен, что они встречаются в жизни любого нормального человека.

Наум Брод (Бетти)

Широченная двуспальная кровать. Она занимает почти всю комнату - по крайней мере, так кажется, хотя комната по нынешним меркам не маленькая. Здесь еще четырех створчатый шкаф (похожий на само слово "четырёх створчатый"), таких я теперь и не вижу, из красного дерева. Шкаф и кровать здесь явно не по размерам, ближний угол кровати почти достает до шкафа, и к окну мы проходим боком. Кровать стоит вдоль окна, почти вплотную к нему, их разделяет пространство шириной в ночной столик. Кровать, кстати, тоже из красного дерева. (Так все говорили. Или из ореха, но отделана красным деревом.)

Значит, в этой тесноте: кровать; шкаф - почти до потолка, на нем пылятся пустые коробки, какое-то забытое тряпье; два ночных столика по обеим сторонам кровати; круглый столик с гнутыми ножками (но не "ампир" - ножки широкие, плоские, сходятся в круглом основании; столик тоже из "красного дерева") из какой-то прошлой жизни... все остальное тоже оттуда; два кресла с не виданной нигде после атласной обивкой; и в самом углу, слева от двери, - небольшая печь на тонких ножках, которую никогда не топили (один раз в холод попробовали и бросили). Печь осталась от совсем недавней роскоши в этой квартире, еще до нас и раньше; в ней когда-то жили бывшие хозяева дома.

Саму комнату я вспоминаю часто. И тихую - зимой с замороженными окнами, кровать аккуратно застелена... светлый час полированной мебели. И летом с открытыми окнами. И весной с грязными окнами и без занавесов - когда их снимали стирать, потом долго не вешали. В этой комнате было тепло (под окном радиатор, отгороженный деревянной решеткой) и тесно, а бывало светло и просторно, когда вдруг открывалось неожиданно большое пространство до кровати: деревянный крашенный пол и лист железа у основания печки - как правило, это случалось, когда открывали настежь окна, а пол только что вымыли...

Но это - уже поздний вечер. В комнате горят только ночные лампы, и то, кажется, только с той стороны, ближе к окну, но когда горит один ночник, я не вижу ни себя, ни того, кто лежит на второй половине. А когда мы появляемся, освещение странным образом меняется: все светлеет - зато обстановка как бы мимикрирует, отступая как несущественное.

На кровати я и Бетти. (Да, вот такое "не наше" имя. Но Бетти еврейка, "из России", как говорили прибалтийские евреи, из Ленинграда; и все равно странно, что ленинградские евреи в конце

тридцатых годов называют свою дочь БЕТТИ - странно, что так подчеркнуто продолжают *свое*.) Бетти немного старше меня, ей скоро будет тринадцать, а мне только исполнилось двенадцать.

Взрослые куда-то ушли, оставили нас. Когда они придут - неизвестно - поздно. Бетти лежит на половине, ближней к окну, по левую руку от меня. Она в этой квартире впервые, мы и сами недавно здесь, втиснулись со своей громоздкой спальней (остальные комнаты попустее и со случайной мебелью).

До этого мы не виделись с Бетти несколько лет и были приятно удивлены, что стали такими уже нужными друг другу.

Ее лицо повернуто на наблюдателя, на нем лукавая улыбка. Верхняя половина тела почти поперек кровати, одеяло туго натянуто до подбородка - Бетти как в коконе. А себя я вижу только темной тенью слева: затылок, угадывается еще неразвитое лицо. Тогда и возникает это непонятное освещение, назойливо - зеленоватого цвета по всей комнате. Но такого у нас не могло быть. Такое освещение требует специального к нему внимания; его планируют, думают о нем, долго вынашивают, а потом торжественно водворяют, я преувеличиваю насчет торжественности, но то, что в подкорке должно просигнализировать "значительность достигнутого", - в этом я убежден, иначе зачем все это! А в нашей семье что повесят, то и повесят. Во всяком случае ("at any gate" - единственная идиома, которую я запомнил, все время выскакивает) после Межапарка, когда мы покатались вниз. Но это отдельный разговор...

А гореть могли ночники и мог проникать свет из соседней столовой - в двери вставка из хрусталя непрозрачная, но свет пропускает. Наверно, если доискиваться до истины, то было так верхнего света не было, горели только ночники, окно было темным, и все было, как должно быть в таких случаях желтые колпачки ночников и так далее, свет в столовой, конечно же, включен. На темных полированных боках шкафа вертикальные желтые блики. А вся комната погружена в красно-коричневый сумрак. Но стоит мне увидеть себя и рядом Бетти - она под своим одеялом, я под своим - и все пространство заполняется тихим зеленоватым светом, в основном ровным, только место, где Бетти, высвечено побольше.

В какой-то момент случится, что я выпростаю из своего кокона руку и протяну под краешек ее одеяла, которое неожиданно легко поддается моей руке и она коснется ее горячей голый руки.

Надо сказать, что чувство было таким непохожим на другие, что еще долго, много лет после, оно легко возникало во

мне, и, даже став взрослым - ну, каким взрослым 9 лет двадцать-двадцать один, до армии, - я еще хотел найти Бетти и нашел.

Они опять жили в Ленинграде. Как раз когда Бетти у нас ночевала, они переезжали. В огромной мрачной квартире, коммуналка или не коммуналка, но впечатление, что коммуналка большая семья, какие-то разлохмаченные родственники с некрасивыми лицами, но цепкие, комнаты заставлены чем-то плоским темно-коричневым - диванами, креслами - оглушающе безразличными к тому, как они выглядят. Я сидел в *большой* комнате - может, ее даже называли "гостиная", хотя слово "гостиная" прибранней и светлей, посредине стоял круглый стол с широким бортом, тяжелый, темный, как и все в этой квартире. Напротив меня сидела *бабушка* - седая, морщинистая, но еще достаточно агрессивная. Сзади меня обдували две тихие плоти - две сестры Бетти, старшая и младшая. Обе они в детстве были тихими старшая рано стала послушной помощницей, а младшая была болезненной. Весь жизненный ток забрала Бетти... ее улыбка на мягком лице, горячая рука под одеялом. Старшая вначале радостно удивилась моему приходу, произнесла что-то независимое, в полный голос, *свое*, но только я задал вопрос: "А где Бетти?" - как она затихла и уже до конца, пока не пришла Бетти, чтобы не дай бог не взять от чужой радости.

Бетти пришла, а я уже уходил, встретились с ней чуть ли не в темном коридоре, чуть ли не на ощупь - пока разбирались, кто, что, пока вышли на свет, мне уже в самом деле надо было уходить на поезд.

Вернулись на короткое время в большую комнату. Бетти уже знала, что я здесь, сюрприза не получилось, она готовилась к встрече. Стоим возле круглого стола, друг против друга, *бабушка* все так же прямо на том же месте, младшая исчезла, а старшая еще нервно шевелится возле черного буфета доставать чашки или нет. Первые улыбки сошли, лица расслабились. То, что мне уезжать, как нельзя, кстати сразу появилась общая цель - мне нельзя опаздывать и меня надо проводить. Я отказываюсь, хотя почему бы и нет, а у Бетти к тому же *встреча* взрослые люди! Сошлись на попутной дороге. Я всем покивал... такой светлый молодой человек в светло-сером костюме, рубашка белая, пиджачок нараспашку, улыбка открытая, но смущенная и выпятился чуть ли не задом из квартиры на лестницу, на площадке хоть и не уютнее, но гулко, есть куда двигаться, пространство - его преодолеть и уже улица. Здесь Бетти меня сразу подхватывает под руку... освобожденная женщина.... Косметика... глаза... губы, а я

принимаю эту игру, прижимаю за плечи к себе, тискаю туда-сюда тоже знаю, как это делается.

А у Бетти свидание. Она уже успела побыть женой, без последствий или соврала, что женой, - одним словом, чего там ясное дело Бетти смотрит на меня снизу вверх: оказывается, небольшого роста не маленькая, но и задница, прямо скажем широкая, низкая, а морда лукавая. Блядская морда. Хочется отмыть и покрыть свежей косметикой

О том, о сем, но как-то быстро стали клонить к *этому* - то ли дорога короткая, то ли то, что среди нас сразу возник третий - ясно кто, а может, *наше* напомнило о себе.

А игривая улыбка с лица не сходит.

Я не выдерживаю: нужна какая-то точка, я должен ответить. Я начинаю *настаивать*, что глупо, потому что... ну куда теперь? И не хочется; она мне совсем не нравится, не вызывает у меня никаких... И вижу: дура. Но что нужно - знает. Слов немного, возможности не ахти какие, зато улыбка... глаза... зубы белые... губы ничего... видимо, и *вкус* уже знает. И нюх есть: я ей ни к черту не нужен, сразу поняла. Так что, если повезет, свое схватит.

Шли по Невскому. Время под вечер, солнышко выглянуло. Все повеселело, покатилося полегче, звонче, ее лицо посветлело, мелькнул блик - и вдруг щека увиделась холодной. Неподатливой. И сразу оборвалось. Но не внешне. Хотя обычно видно, когда я скисаю.

Она остановилась. Я не понял, ей туда, что ли? - но уточнять не стал. Наверно, туда, а мне еще прямо, к вокзалу.

Она протягивает руку...

Спустя двадцать лет осталась такая сцена: я стою спиной к ее переулку... улице, она протягивает руку, роста совсем небольшого, к тому же сутулая (кажется, тогда было модным чуть подымать плечи с локтями), а взгляд мимо меня, далеко, вдоль Невского, куда мне уходить. Ей уже скучно, хотя еще улыбается и отвечает, а во мне зашевелилась досада, что я вечно суюсь первым, не обидеть бы, а я ей сто лет не нужен. Вероятно, мы еще поцеловались, скорее всего без этого как же, похулиганили язычками... "Ну-ну-ну!" - то есть и *так* показали себя друг другу, но это, правда, не осталось в памяти. Зато осталось, как она посмотрела на меня последний раз: по-свойски, без всякого. Теперь я даже думаю, что тот, к кому она шла на свидание, был значительно старше меня, мужчина... а все эти поцелуйчики, тисканья, разговорчики со мной... я как-то сразу обезоружился, и моя лживая настойчивость мгновенно улетучилась

Получается так комната с широкой кроватью и странным тихим освещением, светло-зеленым, появляется дважды: в начале и в конце, а между - мрачная квартира с высокими потолками, хлам, потертая кожа... и людный проспект, освещенный вечерним солнцем; на проспекте свежо и все видится резко, в отдельности - люди, дома, транспорт...

В комнате с широкой кроватью я испытал чувство, которое вспоминал после этого - и само по себе как желаемое, и в сравнении - вплоть до встречи в той мрачной квартире, хотя к моменту встречи оставалось только любопытство, а после встречи чувство уже больше никогда не появлялось. Может, оно давало как-то о себе знать, но я его уже давно в себе не ношу, во всяком случае, оно никак не тревожит меня - не останавливает, не заставляет грустить, не будоражит воображение.

А комната осталась. Этот свет... при нем даже шкаф не давит, растворенная в нем мебель, слева от двери с печкой на тонких железных ножках. Но в какие-то моменты свет меняется на нормальный, от горящих ночных ламп на столиках и темно-красной полированной мебели - тогда появляется ученическая тетрадь.

Кажется, это предложила сама Бетти, когда моя рука легла на ее горячую руку под одеялом... выше локтя (я почти коснулся подмышки, но не хватило духа). Из той тетради не осталось ни слова. Какое-то время я ее хранил, мог всегда наткнуться на нее и со мной делалось так же хорошо, как тогда, когда она переходила от меня к Бетти и обратно. И когда мы писали друг другу что-то *вплотную* к тому, отчего ломило в затылке - как от мысли, что можно дотронуться до подмышки. (А рядом всегда шлейка от маечки).

Я что-то писал в тетради и передавал налево и ждал (лицо, правда, вижу, как улыбается, читая, и, не меняя улыбки, отвечает, - значит, я могу быть спокойным. И точно).

Потом она писала, иногда отворачивалась к ночнику, и передавала мне, но перед этим забиралась глубже под одеяло, почти по глаза. И не сводила с меня глаз, пока я писал.

Они остаются игривыми, но теперь в них мелькает тревога.

*

НАУМ БРОД (как умирал СИМА ДИМЕНШТЕЙН)

Стоп-кадр: Сима сидит возле кровати, на которой мой отец. Отец болен – очередной инфаркт. Но до конца еще далеко.

Сима сидит левым боком к кровати (за спиной окно), ему явно неудобна такая поза, тем более что время от времени он вынужден наклоняться, чтобы поухаживать за больным в какой-то

мелочи: то что-то поправить, то что-то подать. Но пока в его позе не накопилось усталости и раздражения от нее, а скорее читается уверенность в том, что эта попытка не надолго, зато свои моральные обязательства он выполнит.

Отца я не вижу – только Сима, чуть наклоненный вперед: видимо, память зафиксировала как раз момент, когда он что-то передавал отцу, а я в этот момент вошел в спальню и посмотрел на Симу. Поэтому меня в этом стоп-кадре тоже нет.

Сейчас тело Симы должно будет отклониться назад, но этого уже НИКОГДА не произойдет.

Сима значительно моложе отца, но они общаются на равных, особого пиетета к возрасту не ощущается. Два приятеля. Сима называл отца по имени-отчеству, перемежая «вы» с «ты», как будто пытаюсь завоевать пространство отца: то ступит на его территорию, то отступает к себе.

Оба одинаково увлечены собиранием книг, тогда это считалось престижным, как сейчас отдохнуть в Куршавеле. Но отец библиофилом был чуть ли не с детства, а Сима стал собирать недавно, когда появились возможности. Книги товар дефицитный, особенно – подписные издания, так что собирание книг свидетельствует не только о любви к литературе, но и о принадлежности к элите, приближенной к этому дефициту. Как, впрочем, и любому другому. Но если купить Сима может, то разбирается в книгах не очень, чтобы не сказать – совсем не разбирается, по сравнению с отцом, поэтому он всегда консультируется с ним. В свою очередь отец может одолжиться у Симы на какую-нибудь приглянувшуюся книжку. Одалживать не очень приятно, приходится преодолевать порог смущения, но на книги – святое дело, Сима даже не станет напоминать отцу о затаенушемся долге.

Еще Симу связывает с нашей семьей то, что он начальник у моей матери. Мать работает продавцом в магазине, где Сима директор.

Магазин: всегда темноватое помещение на первом этаже жилого дома; два прилавка буквой Г, мать я могу застать и за тем, и за другим, в зависимости от товара, на который ее «бросил» директор. Тесно. Толпится народ. Фигура матери почти теряется на фоне всего пространства, но я ее различаю – выделяется светлое пятно лица. Выражение такое, как будто ее застали за не очень приличным занятием: видимо, в глубине души она смущалась своей работы. Хотя когда Сима позвал ее, была довольна – в семье стали появляться «лишние деньги».

Конец пятидесятых - начало шестидесятых, быть директором «промтоварного» магазина – серьезное место. Мы это сразу почувствовали, как только мать туда устроилась. До этого мы жили на пенсию отца, которую по каким-то непонятным мне причинам, все время урезали. Он вышел по инвалидности, и по пенсии складывалось впечатление, что с возрастом он становился все здоровее и здоровее. Хотя вот, пожалуйста: очередной инфаркт.

Мать несколько раз входит в комнату, но она тоже «за кадром». Я слышу ее голос, но не разберу, что именно она говорит. Скорее всего, предлагает Симе чай с бутербродами. Это в нашем доме обязательная норма приема любых гостей. Сима отказывается. Отец должен был упрекнуть мать: что ты ему предлагаешь ерунду – может, человек хочет обедать. На что мать обязательно ответит с легкой обидой в голосе: я ему сразу предлагала, но он отказался. Сима, может все-таки пообедаете?

По лицу Симы мелькнуло выражение одновременно и благодарности и недовольства: обедать – это засиживаться надолго, что не входит в его планы.

Еще, кажется, время от времени он морщится, меняет позу, как будто никак не может найти удобную.

К нам он заскочил проведать отца и заодно отдать какие-то распоряжения матери. Или наоборот: дать распоряжения и проведать отца, что вероятнее. Дело в том, что Сима сейчас на бюллетене. Матери он доверяет – среди продавцов она самый близкий ему человек. Они «общаются домами». Не знаю, были ли мои хоть раз дома у Симы, но у нас Сима одно время бывал часто.

К тому же из всего персонала магазина моя мать единственная еврейка – это гарантирует взаимную доверительность и притяжение субъектов в пространстве отдельно взятого магазина.

Я о Симе услышал еще будучи на первом курсе института. За старшей сестрой моего однокурсника ухаживал некий Сима, а потом выяснилось, что это тот самый, у кого работает моя мать. К тому времени Сима сестру моего однокурсника бросил, о чем я тоже узнал от моих родителей. В их представлении сестра моего однокурсника для Симы считалась рядовым эпизодом мужчины с репутацией ходока. По этому поводу в адрес Симы подпускались разные безобидные скабрёзности. В частности намекалось на прыткость его детородного органа, которому он не давал отдыху. С чего становилось понятным, почему отвергнутая женщина устраивала ему сцены ревности.

Магазин, где работала мать, находился примерно в том же районе, где жила сестра однокурсника, так что связь могла возникнуть и на такой основе. Двойная близость для бывших любовников, расставаться еще тяжелей.

Магазин с улицы.

Не очень опрятная улица в одном из отдаленных районов Риги, трамвайная линия делает здесь поворот, слева – дом однокурсника: неприветливый, кирпичный, то ли старой постройки, то ли уже при советской власти, но уже давно потерявший привлекательность домашнего жилья, а производящий впечатление казенного здания... Улица уходит далеко влево от магазина и скрывается за каким-то небольшим возвышением (видимо, так ведет себя дорожное полотно), а там вливается в пересечение нескольких улиц, куда более шумных – кажется, и трамваи там бегают повеселей.

Этот отрезок улицы обязательно сопровождает в моем воображении сцену «Сима Дименштейн сидит возле постели моего отца».

К тому времени, когда память зафиксировала это стоп-кадром, Сима уже был женат на не очень красивой девице с красивым именем Кармелла. Я был с ней знаком до того, как на ней женился Сима. И до того, как сам Сима стал появляться в нашем доме. Мать Кармеллы и мои тетки были как-то связаны. Подружки. Одно время в воздухе витало не оглашаемое при мне ожидание, что подружки с нашей помощью породнятся. Кармелла была чуть постарше меня, но считалась девицей, хотя лично у меня на этот счет были большие сомнения. Среди еврейских тетушек, окружавших нас, Кармелла считалась красавицей, но мне она совсем не нравилась. Густые черные волосы, полноватая, невысокая. Объективно, может быть, и ничего, но мне такие никогда не нравились. И в поведении: слишком явная готовность принадлежать данному мужчине. В глазах легко читаемое выражение-призыв: «Ну же!..» Вот-вот взорвется. Там и темперамент подпирал, и, наверно, со всех сторон уже задолбали бедную девочку, что пора замуж; теперь и она подгоняла события.

Моя тетка Полина возмущалась: «Как можно не замечать, что она красавица?».

Мне она не нравилась еще и... как бы это сказать... случается такое не формулируемое ощущение, что человек не твой. И никогда не станет твоим, даже если будет очень стараться. Потому что в нем нет нужных рецепторов, отвечающих за

реакцию на определенные стороны жизни. Например, мне важны те, которые реагируют на смешное. Не потому, что я такой шутник – смешное в любом событии придает ему объем. По-настоящему, в жизни нет ничего – абсолютно ничего! – чтобы в какой-то момент не показаться смешным. И фокус здесь в том, что природа не знает ни серьезного, ни смешного – в ней всего намешано без уточнения меры. Поэтому когда мы во что-то погружаемся слишком серьезно, на свежий воздух нас выталкивает чувство смешного. Для большего соответствия природе. Слишком правильное и слишком серьезное поработают личность.

Сима женился на Кармелле не без участия моих родителей. Они познакомили их года два назад и свадьба не заставила себя долго ждать. Сима женился охотно: и возраст уже – хорошо за сорок, а еще ни разу не был женат, и девушка ему понравилась. Я был на его свадьбе. Сам факт и подробности я опускаю, но интересна фотография оттуда. На ней три пары: я со своей первой женой, Сима с Кармеллой, и Миша Таль с женой. Тот самый, гениальный шахматист. Таль жил в одном квартале от нас. Я с ним лично знаком не был, но его имя в нашей семье возникало довольно часто, и не только потому, что он был чемпионом мира, а задолго до этого. Мои родители были немного знакомы с его старшим братом врачом, который «сидел» (так говорили), и с их родителями, которые, вроде бы, были в каком-то близком родстве между собой. Откуда, мол, такая гениальность у потомства.

Когда Сима стал появляться у нас, выяснилось, что он дружит с Талем.

На обратной стороне фотографии рукой отца выведено «Три брака – все три брака». Запись сделана значительно позже, когда действительно все три брака развалились. Каламбур не сказать, чтобы выдающийся, но сам факт, что отец выводит такой язвительный комментарий на фотографии, свидетельствует о том, что он еще полон сил, и до его нынешней беспомощности далеко. Поэтому иногда я специально достаю эту фотографию, смотрю на запись отца, и опять окунаюсь в то время. Иллюзия обратимости полная!

Я разошелся первым, потом начались какие-то проблемы у Миши, потом – у Симы. В момент стоп-кадра у Симы уже все было плохо, Сима не раз жаловался моим.

Кармелла Симу не любила, это было заметно. Мне кажется, что и сам Сима знал, что там особой любви нет. При упоминании Кармеллы (МАТЬ: «Как дела у Кармеллы?»); как будто кого-то из нас интересует Кармелла, а не семейный

конфликт), Сима отвечает неопределенным покачиванием головы. На такое обычно отвечают не более определенным «Ясно», но вопросов больше не задают. У меня есть более серьезные основания утверждать, что Кармелла не любила Симу. Она мне сама об этом говорила, ну и вообще... Незадолго перед тем, как они поженились и уже пошли разговоры о предстоящей свадьбе, Кармелла была у меня. В квартире у меня была маленькая комната, так называемая девичья, в которой помещалась тахта, секретер и стул. Я лежал на тахте, читал, вошла Кармелла, с порога упала на меня. Близости у нас не было. До этого могла случиться спонтанно, но что-то не сложилось, а потом я старался ее избегать.

Кармелла говорила, смотрела глаза в глаза, почти вплотную приблизив лицо к моему, и мы оба понимали, что она свой выбор сделала, готова на что угодно, теперь очередь за мной, и она ждет. А я увиливал от прямого отказа ей. Девушка себя предлагает, а ты ну ни в какую не хочешь отвечать ей взаимностью – неудобно.

У Симы с Кармеллой с самого начала была проблема в разнице возрастов. В те годы мезальянсы были редкостью. По крайней мере, не афишировались, как сейчас. Старались скрыть. Женитьба мужчины в возрасте на юнице сейчас говорит о достоинствах и возможностях мужчины – еще может выбирать, а тогда – считалось ущербностью девицы. Сорок лет для мужчины не так уж и много, но Сима выглядел не очень. Может, из-за болезни. И еще фактура такая: узкое лицо, чем-то напоминающее Шарля Азнавура, но без его одухотворенности, попроще. Зато не такое жесткое. Азнавур по сравнению с Симой мне кажется несъедобным, даже не надкусить, в глазах беспощадная целеустремленность, а у Симы – удивление человека, постоянно вынужденного изворачиваться. Хотя о Симе тоже нельзя было сказать, что он легко податлив, но в нем читалось больше снисходительности. Легкий налет, с примесью удивления – как раз то, что нравится женщинам. Мол, говори-говори, делай, что хочешь, но меня этим не потрясешь.

Комплекцией, кстати, они тоже были примерно одинаковой.

Отец о Симе был невысокого мнения, считал его простоватым, но ценил его за деловые качества, которые для него самого оставались за порогом его интересов. У офицера советской армии, хотя и бывшего, образ заведующего магазином невольно мешался с персонажами «Крокодила». То, что магазин нам давал кусок хлеба, могло только усугублять неприязнь к этой сфере. Но

к Симе отец относился хорошо, какие-то общие темы у них всегда находились.

Отец собирал книги, а Сима у него консультировался, как бы для того, чтобы интеллектуально подтянуться. Отец охотно включался в просветительство Симы, но после его визита мог отпустить в его адрес какую-нибудь язвительную реплику или просто выдать такое выражение лица, что интеллектуальное развитие Симы можно было считать безнадежным.

Сима собирается уходить.

Перед этим он уже делал несколько попыток уйти, но приличия удерживали его. А тут в движениях появилась неумеренная суетливость – чтобы развеять вот эти самые приличия, которые держат его возле постели больного. И надо идти по своим делам.

Мать проводила Симу. Они еще немного потолкались в прихожей на производственные темы, потом входная дверь хлопнула и мать вошла в спальню. (Меня нет, я куда-то ушел. Может, в свою девичью).

МАТЬ. Как ты?

Хорошо, должен ответить отец. Даже если ему действительно лучше, слово «хорошо» он произнесет с трагической ноткой. Но мы уже на это не обращаем внимание.

А ты знаешь, что Сима болен? – спрашивает мать, отлично зная, что отец знает. Знаю, буркает отец. Мне сказала, говорит мать... не помню, кто мне сказал. Кто-то из наших.

«Кто-то из наших» - это кто-то из продавщиц.

Болен и болен, отвечает отец. Я забыла, что у него, говорит мать. Какая разница? – говорит отец. Он явно не расположен к беседе: в руке газета, к которой он никак не может приступить, на глазах – очки, поверх которых он вынужден смотреть, чтобы с кем-то разговаривать. Что-то с почками, настаивает мать. Уремия, уточняет отец. Уремия? – ужасается мать, как будто хорошо знает трагические последствия этой болезни. Уремия, уремия, говорит отец. Но это же лечится, говорит мать. Не знаю, говорит отец. И погружается в чтение. Но я слышала, что у него это совсем запущено. У него уже... это самое... Мать никак не может подобрать эвфемизм к тому, что взрослый мужчина мочиться в штаны и в постель. ...С кровью. От кого ты могла это слышать? Кто-то сказал. К сожалению, это так, говорит отец и погружается в чтение. Ты тоже слышал?

ОТЕЦ (не отрываясь от чтения) Тоже.

МАТЬ. Ужас!

Отец не отвечает.

Стоп-кадр: место, которое только что занимал Сима, опустело; чуть левее – отец на высокой подушке. Лицо землистое, осунувшееся. Но спокойное.

Через пару месяцев Сима умер от уремии.

Лорина Дымова

Жизнь прожить – не поле перейти

изнь Геннадий Анатольевич воспринимал трагически, и это мешало ему радоваться шашлычку на углях, холодному пиву и новым дорогим кроссовкам, купленным по оказии за полцены, – словом, тем незатейливым пустякам, которыми время от времени жизнь балует всех без исключения, – разница лишь в величине преподносимых подарков да частоте, с которой они делаются. "Ну что кроссовки, – горько размышлял он, – это сейчас они хрустят и сияют. А через год превратятся в сморщенные галоши. И если бы только кроссовки!.. А мы сами!.." И он безнадежно махал рукой.

Друзей у Геннадия Анатольевича не было. А откуда им было взяться? Когда к нему кто-нибудь звонил и спрашивал: "Слушай, Геша, какие планы на вечер, что делаешь?" "Геннадий, – укоризненно поправлял он приятеля, а потом отвечал: "Ну, как тебе сказать, что я делаю? Трагически воспринимаю жизнь". Было непонятно, то ли он шутит, то ли нет, и приятель на всякий случай вешал трубку, потому что если не шутит, то зачем мешать человеку в столь серьезном занятии. Тем более что сам-то этот приятель воспринимал жизнь спокойно и без затей, а в данный момент просто-напросто искал товарища, чтобы пойти вечером на футбол.

Как и следовало ожидать, телефон у Геннадия Анатольевича постепенно замолчал и бездействовал неделями, поэтому, когда строители случайно перерубили телефонный кабель и весь подъезд на несколько дней лишился связи с внешним миром, Геннадий Анатольевич был единственным, кто этого не заметил. "Ну что – телефон? – печально сказал он, когда сосед заглянул к нему в надежде, что может быть, хоть у него телефон работает. – На том свете телефона тоже не будет. Нужно привыкать".

Довольно скоро соседи вообще перестали заходить к Геннадию Анатольевичу, и упрекать их за это было невозможно. Ну, кому же охота, пропуская рюмочку, вместо нормальной беседы о вчерашнем футболе слушать долгие монологи о быстротечности и несовершенстве человеческой жизни?

Если вам на вашем жизненном пути встречался хоть когда-нибудь такой вот Геннадий Анатольевич, вы помните, конечно, как вам хотелось избавиться от его общества, оторваться, отлепиться и поскорее окунуться в простецкую и жизнерадостную толпу – орущую, жующую и жаждущую удовольствий. Иначе, казалось вам, вас тоже засосет эта трясина тоски и мрака. То же самое ощущали те, кто волей случая оказывался соседом, сослуживцем или даже просто попутчиком Геннадия Анатольевича. Не раз случалось, что молодой белозубый человек, только и ожидавший, над чем бы расхохотаться или в какую сторону стрельнуть глазом, оказавшись в одном купе с Геннадием Анатольевичем, ехавшим в командировку, выходил в пункте назначения совсем другим человеком: постаревшим лет на пятнадцать, сутулым, сотрясаемым мощным тиком. "Петенька! – радостно кричала жена, встречающая его на перроне. – Наконец-то! Я уже не могла дожждаться!" – и протягивала букет гвоздик по рублю за штуку. "А вот это напрасно! – говорил Петенька, тыча указательным пальцем в букет. – Цветы должны расти на клумбе и улучшать экологическую ситуацию". Он аккуратно отодвигал жену и шел по перрону, бормоча непонятные слова. "Человечество обезумело... катастрофа неминуема... все равно все помрем..." – слышала жена, семенящая вслед за ним и пытающаяся всунуть букет мужу под мышку, поскольку руки у него были заняты чемоданами. "Выброси цветы! – отрывисто бросал муж и бодал головой воздух. – И прекрати курить! Камикадзе!" "А ты?" – жена резко останавливалась, изумленная. "Не курю!" – цедил сквозь зубы муж, ничего не объясняя. Конечно, когда они приходили домой и гипноз спадал, все возвращалось на свои места: цветы бережно ставились в вазу, Петенька сладко затягивался заграничной сигаретой, привезенной из командировки, а спутник по купе и безумная ночь превращались в странное и немного тревожащее воспоминание. И все-таки, пережить такое!..

Почти все вечера Геннадий Анатольевич проводил у телевизора. Он скорбно смотрел на участников всевозможных викторин и конкурсов и жалел этих пустых, никчемных людей, мечтающих выиграть миллион, в то время как планета, на которой они живут, катится к экологической катастрофе. В полное недоумение привел его однажды диспут на тему, можно ли

прощать супружескую измену. "Изменяй, не изменяй – все кончится одинаково... – бормотал он себе под нос. – Все помрем... И жениться незачем".

Один раз он все-таки женился, было дело. Зинаида покорила его печалью – всеобъемлющей и непреходящей, он сразу почувствовал в ней родственную душу. Работала она на почте недалеко от его института, и познакомились они слякотным вечером, разумеется, в ноябре, потому что нет худшего месяца, чем ноябрь: все вокруг черно и мокро, снег с дождем лупит в лицо, и любое дело, требующее дополнительного зигзага по непогоде, портит настроение, и без того не лучезарное. А тем более если у тебя в руках еще и объемистый сверток, который ты утром захватил на работу, чтобы вечером, не заходя домой, отправить двоюродной тете в Рыбинск – есть такой город. Как назло, минут за десять до окончания рабочего дня Геннадия вызвал начальник группы и чуть ли не час допытывался, каким образом он выбирал параметры заглушки, поэтому, когда Геннадий ткнулся в дверь почты, она оказалась уже закрытой. По ту сторону стеклянной двери стояла непреклонная женщина. Поставлена она была для того, чтобы выпускать на волю счастливых, успевших вскочить на почту за несколько минут до закрытия, и ни в коем случае не выпускать раззяв и растяп, не умеющих рассчитать свое время.

Геннадий легонышко постучался в дверь. Женщина вопросительно посмотрела на него через стекло.

– Не пустите? – печально спросил Геннадий, предчувствуя ответ.

– Что? – сказала женщина и приоткрыла дверь. – Не слышу! Что?

– Не пустите? – повторил Геннадий, глядя церберше прямо в глаза и удивляясь застывшему в них страданию.

– А что у вас? – неожиданно заинтересовалась женщина и показала на сверток.

– Стеганое одеяло, – признался Геннадий и виновато пояснил: – Тете. В Рыбинск. Мерзнет старушка.

– Проходите, – покорно сказала почтовичка и посторонилась, чтобы он мог войти.

– Но ведь вы уже закрылись, – напомнил Геннадий. – Я опоздал.

– Проходите, раз уж пришли, – вздохнула женщина и стала еще печальнее.

Она долго паковала одеяло, Геннадий помогал ей, и когда они закончили, на почте уже никого не оставалось. Они вместе

вышли на улицу, заперли дверь, предварительно включив сигнализацию, и направились к метро, уклоняясь от ветра и обходя огромные черные лужи.

По дороге выяснилось, что женщину зовут Зинаида, что живет она рядом со стадионом "Радуга", в однокомнатной квартире, совершенно одна, если не считать кошки Зинки.

– Как же это вы кошку назвали человеческим именем и к тому же как себя, – упрекнул ее Геннадий. – Есть и другие имена. Опция, например. Или Василиса Сокращенно – Васька.

– На другое имя она не откликается, – вздохнула Зинаида. – Я пробовала.

И погрузилась в печаль.

"А, вообще-то, какая разница, как зовут кошку, – подумал Геннадий. – Все равно подойдет..."

На свадьбу к ним приехала тетя из Рыбинска. Она оказалась вовсе не старушкой, а женщиной хоть куда, и привезла молодоженам подарок – стеганое одеяло, но не то зеленое, благодаря которому они нашли друг друга, а голубое в синенький цветочек, чем порадовала невесту и растрогала жениха. Оказалось, в Рыбинске одеяла тоже иногда бывают, нужно только на них попасть. Но такая удача бывает, может быть, раз в жизни.

Развелись они через полтора года, после того, как Зинаиде сделали операцию и у нее перестало болеть ухо. Кто бы мог подумать, что страдание, застывшее на ее лице и пленившее некогда Геннадия, объяснялось всего лишь хроническим воспалением среднего уха. После же операции Зинаиду как подменили: она стала просто хохотушкой, трещала без умолку и даже начала подкрашивать глаза. А кошка Зинка стала откликаться и на Василису (сокращенно – Васька), и на Опцию. Короче, все пошло кувырком. Вдобавок ко всему Зинаида уволилась с почты и устроилась билетершей в кинотеатр "Радость", в связи с чем начала за ужином пересказывать содержание фильмов про любовь, которые смотрела теперь в невероятном количестве. И Геннадий не выдержал.

Канули в Лету и уже никогда не вернутся те дождливые ноябрьские вечера, когда они, ужиная на кухне и глядя друг другу в глаза, горевали о том, что безрассудное человечество каждым своим шагом толкает их беззащитную планету к пропасти. Что не думают люди о стремительно надвигающейся на них экологической катастрофе, что игнорируют моральные ценности. Нет, теперь Зинаиде на все это было наплевать! Она, словно какая-нибудь сопливая девчонка, покупала на каждом углу мороженое "Мокко", мурлыкала себе под нос "Не надо печалиться, вся жизнь

впереди" и мечтала о туфлях кремового цвета с двойной перепонкой.

Ну, скажите, что Геннадию оставалось делать?

Он аккуратно собрал чемодан, вынул из портфеля неоплаченный счет за электричество, который собирался оплатить после работы на той самой почте, и возвратился в свою комнату в коммунальной квартире, оставив у Зинаиды голубое стеганое одеяло и надежду на возможное в этой жизни счастье.

– Хочешь, я пришло к тебе Нюру, дочку соседки? – спрашивала по телефону тетя из Рыбинска, затаившая зло на преобразившуюся Зинаиду и втайне сожалеющая об одеяле. – Она тебе понравится: солидная и любит поплакать.

– Тетя, – с упреком говорил Геннадий, – не нужна мне никакая Нюра.

– А что тебе нужно? – риторически восклицала тетя.

– Чтобы человечество одумалось и перестало загрязнять окружающую среду, – отрезал Геннадий. – Хотя теперь уже это вряд ли поможет...

– Ладно, – вздохнув, соглашалась тетя. – Тогда пришли стиральный порошок.

И Геннадий Анатольевич шел после работы по магазинам искать стиральный порошок, а потом на почту – отправлять его тете, причем ни в коем случае не вступал в разговоры ни с продавщицами, ни, тем более, с почтовыми работниками, памятуя о том, как неудачно отправил однажды одеяло и как обманулся!

Ведь это только дураки не учатся на собственных ошибках, а умные люди учатся даже на чужих.

Александр Богданов

История с траекторией

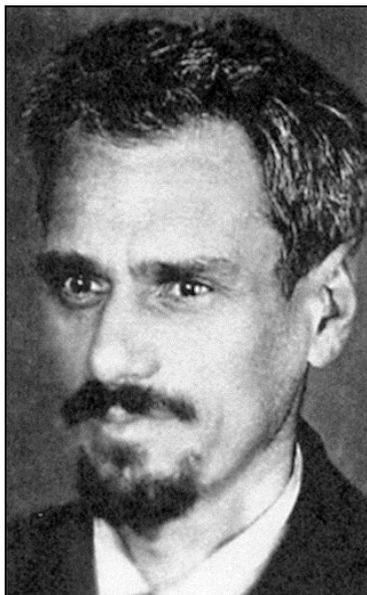
транная все-таки наука – история. Казалось бы: что кардинально нового может она преподнести? И все же, выкидывает иногда коленца! Приоткрывает завесу - нате мол, владейте! Участником одного из подобных ее откровений, когда пребывавшее в тени вдруг ярко высвечивается, случилось и мне недавно стать.

I

Два имени прочно связаны с космонавтикой. Константина Эдуардовича Циолковского российская история в мое время иначе, как основоположником и теоретиком практической космонавтики не называла. Чуть менее знаменит Юрий Васильевич Кондратюк: его называли украинским родоначальником космонавтики. «Трасса Кондратюка» для полета на Луну – термин в науке устоявшийся. Именно по ней летали американцы. После триумфального завершения экспедиции «Аполлон а-11» руководитель этого проекта доктор Лоу раскрыл некоторые подробности решения грандиозной задачи. В одном из интервью он признался: «Мы разыскали маленькую неприметную книжечку, изданную в России сразу после революции. Автор ее обосновал и рассчитал энергетическую выгодность посадки на Луну по схеме: полет на орбиту Луны — старт на Луну с орбиты — возвращение на орбиту и стыковка с основным кораблем — полет на Землю». Это имя можно прочесть в Аламагордо, в зале славы Космического музея НАСА...

Личность Юрия Кондратюка малоизвестна даже на родине. Фактически, только начиная с 1997 года, года 100-летия со дня рождения, о нем активно заговорили. Несмотря на то, что: его имя носит Полтавский национальный технический университет; памятник ему установлен возле музея авиации и космонавтики; на здании Полтавского педуниверситета - мемориальная доска; в Камне-на-Оби на набережной - гранитный памятник; в Москве, Новосибирске, Полтаве, Санкт-Петербурге на домах, где он жил и работал, открыты мемориальные доски; этим именем названы

улицы и площади; памятник создателю «Спирали Кондратюка» установлен на мысе Канаверал, - факты биографии его скудны и противоречивы. За что же отмечен он? За строками биографии – множество загадок.

Начнем с того, что настоящий Георгий (Юрий) Васильевич Кондратюк не имел никакого отношения ни к космосу, ни к технике вообще. Он родился в Луцке 8 сентября 1900 года. В Киев, в коллегия Павла Галагана на Фундуклеевской, Юру привезли с Волыни. Здесь способных молодых людей, не имевших средств, готовили к поступлению в университет святого Владимира. В 1919 году Кондратюк туда и поступит на юрфак. Однако к занятиям не приступит - заразится туберкулезом и 1 марта 1921 года умрет от чахотки. Чьи же заслуги в области космонавтики (и не только!) отмечает которое уже поколение современников?

II

Дата рождения «второго Кондратюка» известна точно: 15 августа 1921 года. В июне 1922 он получает свой продовольственный паек (сушит сухари, делает яичный порошок), укладывает пожитки в котомку и уходит на север, в Киев, чтобы продолжить образование. «Пойду, подучусь года два, побываю на родине матери и вернусь вновь», такая была задумка. Однако

через четыре месяца, больной тифом, он возвращается в исходный пункт - Малую Виску. Чем он там занимался?

После выздоровления до осени 1925 работал рабочим по ремонту дизеля, помощником машиниста, помощником механика, механиком на сахарном заводе. Предложил способ очистки труб паровых котлов от накипи. И одновременно заканчивал работу над третьим вариантом своей рукописи, которая позже получила название «О межпланетных путешествиях». Только в последний момент он наконец-то знакомится с частью работы К.Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Тогда же отправляет свою рукопись в Москву, в Главнауку, откуда она попадает на рецензию к ученику Н.Е. Жуковского В.П.Ветчинкину.

В мае 1926 наконец-то получает долгожданный официальный отзыв на свою работу. В своем отзыве В.П.Ветчинкин писал: «В предисловии автор статьи указывает, что ему так и не удалось ознакомиться с достижениями иностранных ученых в этой области, не удалось даже достать основных трудов Циолковского. Но это не помешало автору получить результаты, достигнутые всеми исследователями межпланетных путешествий в совокупности, что следует считать очень важной его заслугой. В то же время, совершенно оригинальный язык автора и необычные для ученых выражения и обозначения дают основание полагать, что автор является самоучкой, изучившим дома основы математики, механики, физики и химии... Такие крупные таланты-самородки чрезвычайно редки и оставление их без внимания с точки зрения Государства было бы проявлением высшей расточительности. ...Ради сохранения приоритета СССР не следует откладывать печатания готового труда». По совету Ветчинкина Кондратюк несколько изменил систему обозначений и терминологию, включил в статью не приводившийся ранее вывод основной формулы полета ракеты и дополнил ее четвертой главой «Процесс сгорания, конструкция камеры сгорания и извергающей трубы». Осенью 1926 Ю.В. Кондратюк завершает переработку и дополнение своей рукописи. Этот вариант (№4), уходит в Москву уже под названием «Завоевание межпланетных пространств». Главнаука решила отпустить на издание работы необходимые средства, но обещание так и не выполнила.

В апреле 1927 года его переводят работать в Западную Сибирь на строительство зерновых элеваторов. По пути он заезжает в Москву и встречается с профессором Ветчинкиным, обсуждает с ним рукопись, а затем едет в Киев навестить родных.

Потом возвращается в Москву и пишет два письма профессору Ветчинкину: одно от 18 апреля и другое перед самым отъездом в Новосибирск. Перед вторым приездом в Москву, 13 апреля 1927 года ГИЗ (Государственное издательство) официально поручает редактирование книги Ю.В.Кондратюка профессору В.П.Ветчинкину. В предисловии редактор пишет: «Предлагаемая книжка Ю.В. Кондратюка, несомненно, представляет наиболее полное исследование по межпланетным сообщениям из всех писавшихся в русской и иностранной литературе до последнего времени. Все исследования проделаны автором совершенно самостоятельно, на основании единственного полученного им сведения, что на ракете можно вылететь не только за пределы атмосферы, но и за пределы земного тяготения. В книжке освещены с исчерпывающей полнотой все вопросы, затронутые и в других сочинениях, и, кроме того, разрешен ряд вопросов первостепенной важности, о которых другие авторы не упоминают, к числу которых относятся: предложение использовать озон вместо кислорода; металлическое горючее; формула, доказывающая, что ракета, не сбрасывающая баков или не сжигающая их, вылететь за пределы земного тяготения не сможет; автор предложил крылатую ракету для использования крыльев при отлете и при посадке на Землю, обстоятельно исследовал проблему создания межпланетной промежуточной базы и ее ракетно-артиллерийского снабжения, вывел формулу летающей лаборатории и многое другое». В заключение В.П.Ветчинкин подчеркивает: «Предлагаемая книжка будет служить настольным справочником для всех, занимающихся вопросами ракетного дела».

В январе 1929 книга «Завоевание межпланетных пространств» вышла в свет тиражом 2000 экземпляров за счет автора, под редакцией и с предисловием профессора В. П. Ветчинкина и с двумя авторскими предисловиями. Она включала в себя 73 страницы текста и 6 листов схем и чертежей. Уже в июле 1929 года зарубежные ученые заметили выход книги. Немецкий ученый Р.Ладеман публикует рецензию в берлинском журнале «Журнал полетной техники и моторного воздухоплавания». Отечественная печать отметила выход книги только в октябре 1929 в № 41 ленинградского журнала «Наука и техника». Автору бы двигаться дальше по этому пути, но...

III

В это время наш герой занят совсем другими делами: специализируется совсем в другой области. В 1925 году было принято решение о сооружении нескольких крупных элеваторов

на Северном Кавказе - он решает стать механиком на строительстве элеватора на станции Крыловская. По пути на Северный Кавказ заезжает в Москву за получением направления, навещает родных в Киеве. На строительстве крыловского элеватора «Кондратюк» (позже станет понятно, почему имя взято в кавычки) работает механиком до октября 1927. В декабре 1925 года получает первую премию за усовершенствование элеваторного оборудования, а 21 апреля 1926 года подает первые заявки на изобретения: «Приспособление для нагрузки зерна в вагоны» и «Счетчик к автоматическим весам на элеваторах».

1 января 1930 года он назначается заведующим проектно-монтажным подотделом западносибирской конторы «Хлебстрой», а уже 9 января 1930 - помощником районного инженера по механической части при этой конторе. В этот период он разрабатывает проекты элеваторов сибирского типа: бревенчатых, цельнорубленых, без единого гвоздя. Классическим образцом стал амбар-зернохранилище на 10000 пудов в городе Камень-на-Оби, названного за свой необычный внешний вид «мастодонтом». Летом 1930, после пуска в эксплуатацию, его действующая модель демонстрировалась на выставке и получила всеобщее одобрение. Но уже 31 июля 1930 года по доносу Ю.В.Кондратюк вместе с другими работниками конторы был арестован ОГПУ и обвинен во вредительстве. Обвинение: амбар специально построен без единого гвоздя, дабы он скорее развалился. (А этот «мастодонт» стоял бы и работал по сей день, не уничтожь его пожар в середине 90-х!). Через несколько месяцев предварительного заключения, без предъявления обвинительного заключения и без суда Кондратюк был приговорен к трем годам заключения. Позже лагеря были заменены ссылкой в Западную Сибирь.

IV

После выхода на свободу, с июня 1931 года, он (самоучка!) работал инженером-конструктором по железобетону в проектно бюро № 14 при «Кузбасстрое» в Новосибирске. Несмотря на травму, связанную с ложным наветом и осуждением, творит и здесь. Уже 8 сентября 1931 года в соавторстве подает заявку на изобретение «Башенный железобетонный копер» и в № 11 «Горного журнала» за 1931 публикует две статьи: «Применение бетона высокого давления в постоянной крепи шахтных стволов» и «Железобетонный копер башенного типа, выполненный в подвижной опалубке». А в февральском номере этого же журнала за 1932 год публикует статью «Проходка шахт с механизацией опалубной, бетонной и пороодо-уборочных работ». А как же космос?

V

Ракетной техникой в этот период занимались Газодинамическая лаборатория (ГДЛ) в Ленинграде и Группа изучения ракетного движения (ГИРД) в Москве. Имя Кондратюка специалистам известно. Но на предложение образовать Новосибирский ГИРД, направленное на домашний адрес в феврале 1932, адресат не отвечает. Он и не мог ответить. По причинам, от него не зависящим, описанным выше. Только 28 апреля 1932, по представлению Наркомата тяжелой промышленности и не без содействия самого Орджоникидзе Кондратюк был освобожден из ссылки. Освобожден, но не реабилитирован.

VI

Но... Снова крутой поворот судьбы и смена направления. В 1932 году ему из Главэнерго ВСНХ СССР пришло предложение участвовать в конкурсе проектов мощной крымской ветроэлектростанции. Проектное задание, предполагавшее мощность 3-4 МВт эскизным проектом Кондратюка было значительно перекрыто: 24 МВт! Такой результат был получен за счет принятия несколько большего диаметра ветроколеса (100 м. вместо минимально обусловленных 80 м.), а главное, за счет удачного решения башни большой высоты (150 м. вместо лимитированных минимальных 65 м.). Башня по эскизному проекту предусматривалась монолитной железобетонной. Интересно, что здесь приложил руку еще один гений: Николай Васильевич Никитин, будущий автор останкинской телебашни. В ходе работы, 13 декабря 1932 года была подана еще одна заявка (в соавторстве) на изобретение «Трубчатая железобетонная башня с оттяжками для ветряных двигателей» и две личные заявки на изобретение «Приспособление к вертикальному ветряному двигателю для передачи лобового давления на ветряк от ветра на верхний венец башни для поворота его на ветер» и на изобретение «Передача от ветрового двигателя к генератору».

VII

В конце 1932 и в начале 1933 года по «электрическим» делам он несколько раз приезжает в Москву. При втором приезде весной 1933 года ему было предложено перейти работать в МосГИРД, финансируемый тогда Управлением военных изобретений РККА. Он любезно поблагодарил за оказанную честь, но отказался принять это предложение. При содействии профессора В.П.Ветчинкина и по личному приглашению начальника ГИРДа С.П.Королева Кондратюк посетит лабораторию ГИРДа на Садовой-Спасской, дом 19. Во время посещения он был

вкратце ознакомлен с лабораторией и работами, которые в ней велись. Ему вновь было предложено перейти на работу в ГИРД, но он опять любезно отказался от лестного предложения (даже в качестве консультанта). Надо сказать, что переход в ГИРД был особенно желателен для ГИРДовцев: совсем недавно они лишились своего первого руководителя Ф.А.Цандера, скончавшегося в марте 1933 года. Да и работы, которые там велись, должны были весьма интересовать Кондратюка, но он не только отказался работать над интересующим его направлением, но и вообще отошел от всякой деятельности в области ракетной техники и межпланетных сообщений. После отказа работать в ГИРДе в 1933 году он сознательно ушел в тень (хотя все это время работал вместе с В.П.Ветчинкиным). Что же произошло? Почему он отказался от мечты всей его жизни? Очевидно потому, что при переходе в систему РККА и связанными с этим проверками личности неизбежно вскрылось бы, что...

VIII

На самом деле, при рождении он получил и до августа 1921 года носил имя Александра Игнатьевича Шаргея. Именно Шаргей, вынужденно принявший чужое имя, независимо от Циолковского рассчитал основное уравнение полета ракеты, выведенное оригинальным методом, рассчитал энергетически выгодные траектории космических полетов, разработал теорию создания промежуточных ракетных баз - спутников планет, рассчитал экономичную посадку ракет, использующую торможение атмосферой. А еще предложил «тактику бега на длинную дистанцию» - тактику полета к Луне и планетам с выходом на орбиту их искусственных спутников и многое другое, в несвязанных между собой областях знаний и практики. Как и самое главное, почему прожил он свою короткую, в общем-то, жизнь под чужим именем? И почему его жизнь, постепенно выходящая из тени, нам интересна?

IX

Невостребованный при жизни гений родился в Полтаве во флигеле дома № 4 по Сретенской улице в день летнего солнцестояния 21 июня 1897 года. Фамилия досталась ему от отца, Игнатия Бенедиктовича Шаргея, а тому - от его отца, Бенедикта (Бендыта) Срулевича Шаргея (Шарген). В иврите фамилия Шаргей имеет аналог в имени Меир, что в переводе означает «светоч». Игнатий Бенедиктович Шаргей происходил из семьи бердичевских евреев и был «вечным студентом»: учился в Киевском и Петербургском университетах, в Германии, в Высшей школе технических наук Дармштадта. А по матери наш герой –

фон Шлиппенбах - потомок того самого генерала Шлиппенбаха, участника Полтавской битвы, описанного А.С.Пушкиным в поэме «Полтава»: «...уходит Розен сквозь теснины, сдается пылкий Шлиппенбах».

Пожились родители в 1896 году, но вскоре разошлись. В 1910 году отец и мать умерли, и мальчик остался со второй женой отца – Еленой Петровной и маленькой сводной сестрой Ниной. Именно эти женщины впоследствии сыграли решающую роль в его судьбе - первая спасла ему жизнь, достав новые документы, а вторая раскрыла эту тайну, вернув брату настоящее имя.

Х

Воспитанием ребёнка занимались бабушка и дедушка – Елена Кирилловна Шаргей (в девичестве Розенфельд) и её второй муж - земский врач Аким Никитич Даценко. Они научили его немецкому, началам арифметики и естествознания, а потом определили 13-летнего Сашу сразу в третий класс 2-й Полтавской мужской гимназии с уклоном в изучение точных наук. Семнадцатилетним, в старших классах гимназии, он придумал ставшую позже классической принципиальную схему отделения, а после посещения Луны стыковки посадочно-взлетного модуля с кораблем-маткой. Через несколько лет, к осени 1919, закончил вторую рукопись, которую озаглавил многозначительно и призывно: «Тем, кто будет читать, чтобы строить». Эта, более многоплановая работа, датированная 1918-1919 гг., имеет 144 страницы рукописного текста, написанного черными чернилами, 6 страниц предисловия и оглавления. В ней есть ряд существенных дополнений, сделанных позже.

Рукопись до сих пор не опубликована, за исключением отдельных фрагментов. В ней автор установил возможность преодоления земного притяжения ракетой на жидком топливе (водород + кислород), сбрасывая поэтапно отработанные топливные баки, привел схему четырёхступенчатой ракеты, камеры сгорания двигателя с шахматным и другим расположением форсунок и многое другое. Предлагал: использовать противовес атмосферы для торможения ракеты при спуске, а для посадки-высадки человека использовать небольшой корабль. В рукописи выводилась основная формула движения ракеты, т. е. формула Циолковского, но выведенная иным методом; исследовались траектории вылета с Земли и траектории полета к Луне и другим планетам Солнечной системы. Высказывались: идея стабилизирующего полета с помощью гироскопа; предложения об использовании солнечного тепла, и легких, разворачиваемых в

космосе зеркал «для беспроводного телеграфа», т.е. сегодняшним языком, направленных антенн; предлагалось использование шлюза для сообщения с открытым космосом и высказывалась идея космического скафандра; предлагалось размещение космонавтов в ложементх перпендикулярно направлению движения. Все эти предложения Александра Шаргея очень пригодились и использованы, но значительно позже.

XI

Гимназию Саша закончил с серебряной медалью и поступил в политехнический институт в Петрограде, но не закончил даже первого курса: в ноябре 1916 года был призван в действующую армию. Как студенту, ему была положена отсрочка от мобилизации до окончания учебы, но решение об отсрочке опоздало всего на несколько дней. В армию он взял с собой четыре школьные тетрадки, 104 «космические» страницы.

После краткосрочного обучения, в звании прапорщика недолго служил на территории Турции, командиром пулеметного взвода на Кавказском фронте. Службу прерывает революция. Прапорщика Шаргея демобилизуют. Но, по дороге домой, мобилизуют вновь, к генералу Корнилову, в офицерский полк. Позже в Киеве мобилизуют вторично. К Деникину. И тоже насильно. Оба раза Шаргей бежит. Но для новой власти он все равно - классовый враг. Он скрывается. До конца 1920 — начала 1921 года подрабатывает на самых черных работах - смазчиком и сцепщиком вагонов на станциях, пилит дрова, разгружает вагоны. Кто станет в чумазом котельщике искать их благородие? Но путь к высшему образованию в стране большевиков белому офицеру закрыт. И он решает нелегально перейти границу, чтобы продолжить образование в Германии. Беспаспортного бродягу задержат у самой польской границы. Порывшись в нищенской суме, махнут рукой и отправят по этапу в Киев.

В Киеве с хлеба на воду перебивались очень любившие его мачеха и сестра. Молодой, здоровый, он не мог позволить себе обременять их, более того, считал первым своим долгом помогать им. Так «еще Шаргей» оказался в небольшом местечке Малая Виска Херсонской губернии. Здесь он находит пристанище и работу: сначала на мельнице и маслобойне, а позже на сахарном заводе. Отсюда шлет с оказией продовольственные посылки родственникам в Киев.

XII

Именно мачеха, опасаясь за дальнейшую судьбу пасынка, дважды (хотя и вынужденно) побывавшего в белой армии и бежавшего из нее, решила обезопасить жизнь бывшего царского

прапорщика, во время революции и гражданской войны занимавшегося какими-то межпланетными путешествиями. Она просила В.Г.Тучапскую-Крыжановскую, помнившую талантливого юношу еще по встречам в Полтаве о помощи. Собственно, та и достала документы умершего Юрия у его старшего брата, учителя Владимира Васильевича Кондратюка. Что странно: в этой же школе, в классе, в котором преподавали В.Г.Тучапская-Крыжановская и В.В.Кондратюк, училась и Нина Шаргей.

XIII

Александр Шаргей не устоял перед настойчивыми просьбами и логикой мачехи. Правда, он тяготился чужим именем. Позже он говорил: «Ну зачем она всучила мне эти чужие документы!» Так Шаргей начал свою вторую жизнь под именем Ю.В. Кондратюка, 1900 года рождения, уроженца города Луцка Волынской губернии. О части ее уже рассказано. Продолжим.

XIV

С юности он придумывал и изобретал подчас уже изобретенное. Эти занятия развивали его смекалку, повышали интерес к предметам, которые он, по совету учителей осваивал самостоятельно. Позже он писал: «Мною были «изобретены»: водяная турбина, ...гусеничный автомобиль... беспружинные центробежные рессоры, автомобиль для езды по неровной поверхности, вакуум-насос особой конструкции... и многое другое, вещи частью технически совершенно непрактичные, частью уже известные, частью и новые, заслуживающие дальнейшей разработки и осуществления...». С годами страсть стала потребностью. Чем бы ни занимался, везде он ищет и находит что-то новое: 9 ноября 1936 года (в соавторстве) подает заявку на изобретение «Золотник для последовательного включения регулятором нескольких секций насоса»; 5 июля 1938 - заявку на изобретение «Инерционный ходоуменьшитель поршневого насоса для соединения его с ветряным двигателем», а 25 августа того же года (в соавторстве) — на изобретение «Ветроколесо ветродвигателя, не передающего на вал изгибающих моментов». Наконец, 10 сентября того же года (в соавторстве) — на изобретение «Двухлопастное ветроколесо». Удивительная разносторонность!

XV

В 1935 году профессор В.П.Ветчинкин и еще один ученый, имя которого пока неизвестно, представили Кондратюка к званию доктора технических наук по совокупности работ без защиты диссертации. Но ВАК отказала ему в присвоении ученой степени.

Его противники (у какого гения их нет?) писали: «Мы не знаем никаких его научных заслуг, заслуживающих присвоения такой высокой ученой степени!» Присвоение ученой степени доктора технических наук могло бы предотвратить его уход на фронт, но официального признания не последовало...

XVI

В январе 1934 года разработка технического проекта мощной Крым ВЭС была закончена, проект получил положительную оценку. В Москве была создана контора по строительству, а Кондратюк стал начальником ее технического отдела. В связи с консервацией строительства мощной Крым ВЭС в 1938 году Кондратюк разрабатывает проектное предложение по сооружению гидроаккумулятора на Южном берегу Крыма, в районе Балаклавы, а 15 сентября 1939 становится начальником проектного отдела конторы, объединившей все существующие конторы ВЭС. Как вспоминает Б.Н. Романенко, работавший под его началом, «я никогда и ничего не слышал о Ю.В.Кондратюке, хотя его книга «Завоевание межпланетных пространств» уже с 1930 года была моей настольной книгой». При этом, у него не было даже... квартиры! Еще 20 ноября 1934 на специальном совещании по Крым ВЭС было принято решение обеспечить Ю.В.Кондратюка в течение двух месяцев однокомнатной квартирой. Но он ее так и не получил. Скитался по углам, ночевал на столах в редакции газеты «Комсомольская правда». Потом жил в Даевом переулке, 6, затем на Большой Почтовой, 18/22, а с 1938 снимал комнату в квартире № 9 по Скатертному переулку, 30, оттуда ушел добровольцем на очередной в своей жизни фронт.

XVII

Остается вопрос: неужели после выхода в 1929 году книги «Завоевание межпланетных пространств» автор больше не занимался проблемой межпланетных сообщений? Да нет, один из коллег говорил, что Кондратюк написал новую работу, но боится ее опубликовать, дабы его не посчитали за безумца, другой вспоминал: «У Юрия Васильевича был большой складной портфель, в котором на скоросшивателе была подшита его книга «Завоевание межпланетных пространств», какие-то бумаги и важные документы». Эти рукописи до сих пор не найдены. Напомним, что во втором предисловии к своей книге Кондратюк писал: «В 1921 году я пришел к весьма неожиданному решению вопроса об оборудовании линии сообщения с Земли в пространство и обратно. ...Указанные главы не вошли в настоящую книгу; они слишком близки уже к рабочему проекту овладения мировыми пространствами, слишком близки для того,

чтобы их можно было опубликовать, не зная заранее, кто и как этими данными воспользуется».

XVIII

Была ли «тайна личности» секретом для лиц заинтересованных? Вероятно, нет. Во всяком случае, С.П. Королёв в 1950 году запросил из архивов рукопись А. Шаргея «Тем, кто будет читать, чтобы строить», а в 1947 книга «Завоевание межпланетных пространств» была переиздана. Для специалиста идентичность идей в обеих работах очевидна. Александр Чижевский в изданном в начале шестидесятых «Новосибирском апокрифе» обвинил Кондратюка в плагиате. Была создана специальная комиссия, произведена почерковедческая экспертиза, которая показала, что обе рукописи написаны одним и тем же человеком. Но до сих пор имя Александр Шаргей стоит вторым под фамилией Юрия Кондратюка.

XIX

К лету 1941 последний прижизненный проект Кондратюка-Шаргея начал принимать конкретные очертания: на экспериментальной базе у поселка «Дружба» были построены подсобные помещения, фундамент, в июне была установлена несущая 60-метровая железная решетчатая башня для ветроэлектростанции, но... Грянула война, начались налеты на столицу, и башню велели положить, как лишний ориентир для фашистской авиации. Утром 6 июля Ю.В.Кондратюк ушел в народное ополчение...

Данные о месте и времени его гибели сильно разнятся. По одним данным, Кондратюк (или, как теперь известно, А.И Шаргей) погиб 3 октября 1941 года. Во время одного из боев была повреждена телефонная связь со штабом полка. Он пошел отыскивать место обрыва телефонного провода... В Калужской области на воинском кладбище, на памятнике над братской могилой высечено и имя Юрия Васильевича Кондратюка - красноармейца роты связи...

Но, как показали дальнейшие изыскания, эта дата была ошибочной. Найдены ведомости на довольствие за январь 1942, подписанные его рукой, последнее письмо, датированное 4.01.1942. По другим данным, он похоронен на Кривцовском мемориале Орловской области, где среди погибших шестым по списку числится Юрий Васильевич Кондратюк – рядовой взвода связи, погибший 22 февраля... 1942 года. В полученном в 1993 году извещении Минобороны местом гибели указан тот же Кривцовский плацдарм, но день - совсем другой - между 23 и 25

февраля того же 1942 года. И ещё существенная приписка: «место захоронения не указано».

XX

Даже смерть его окутана тайной. Он жаловался знакомым, что его до сих пор тяготит чужое имя, даже хотел пойти с повинной в ОГПУ! Но раздумал. Поймут ли? Это была его последняя попытка вернуть себе имя (а может, попытка вернуться в ракетную технику и космонавтику?). На упреки друзей о нескладной жизни отвечал: «Я чувствую, что не жилец на этом свете, мое место на небе!» Частично так и произошло. Почему частично? Потому, что именем Ю.В. Кондратюка названа малая планета и кратер на обратной стороне Луны. Имени А.И. Шаргея там до сих пор нет.

Литература:

1. <http://malamat.livejournal.com/182046.html>
2. <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-6702/>
3. http://zn.ua/SOCIETY/pod_chuzhim_imenem-27354.html
4. <http://epizodsspace.airbase.ru/bibl/znan/1988/8/kond.html>
5. <http://www.astronaut.ru/bookcase/books/romanenko/text/05.htm>
6. <http://www.pseudology.org/Rappoport/Kondratuk/03.htm>
7. <http://www.nitpa.org/kondratyuk-yurij-shargej-aleksandr-chast-2/>
8. http://dt.ua/SOCIETY/mesto_na_zemle-7104.html
9. <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/10/>
10. <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:712977>

Надежда Кожевникова

Быть в одиночестве – красиво

е знаю, нужно ли, возможно ли пытаться определить менталитет своих соотечественников, да и как его вычислять, по месту ли проживания, по принадлежности к тому или другому поколению, или же по вкусам, интересам, профессиональным навыкам? Тут больше вопросов, чем ответов. А если всего важнее гены, порода, как, скажем, у собак?

Признаться, я лучше понимаю собак. Да и они, кстати, тоже хорошо меня понимают. Тогда выскажу по опыту общения с собаками, сделанное мною, возможно, кого-то шокирующее открытие. Это неправда, что дворняжки умнее, смышленнее породистых. Отнюдь. Знаменитый рассказ Чехова «Каштанка», как всё у этого автора, имеет скрытый, глубинный смысл, и вряд ли тот, что воспринимается с полным доверием большинством читателей. Что, кто есть персонаж по имени Каштанка? Народный характер в Каштанке замечательно воплощен, тут нет сомнений. Но в чем же его суть? Каштанка – символ преданности не столько своему хозяину, которого, несмотря на побои, унижения, она всем предпочитает, сколько привязчивости к той среде обитания, где она чувствует себя наиболее комфортно.

Чехов эту среду отлично знал и без всяких прикрас живописал, никаких иллюзий не испытывая ни в отношении народа, ни интеллигенции, что руководствуясь наилучшими побуждениями, самих себя не щадя, преждее вознамерилась разрушить, а вот что на тех руинах построить – об этом с удивительным легкомыслием не задумывалась.

То, что, новый, добрый, сердобольный хозяин Каштанки работал в цирке клоуном, тоже весьма символично. Чехов в каждой детали своих сочинений обнаруживал как снайперскую точность, так и дар предвидения. Поэтому, при кристальной ясности стиля, не допуская никакой зауми, он был и остался одним их самых загадочных писателей. Куда проще оказалось понять

романы Достоевского, Толстого, с их воспарениями в философские высоты, религиозные изыскания, психологические дебри-бездны, чем короткие рассказы Чехова, где всегда ставится беспощадный диагноз, как на приеме у опытного врача, которому пациенты предпочитают не верить.

Разве что по явному недоразумению Чехов проник в ряды классиков, одобряемых советской властью, и его крамольные сочинения включались в школьные программы. Хотя та же «Каштанка» совсем не подружка тургеневской «Му-Му» с надсадной жалостливостью благородного барина Ивана Сергеевича, изредка наезжавшего в Россию из Парижа, но оттуда, издалека, очень любившего и своих, и своей матери крепостных, и вообще – именно вообще – народ-страдалец.

«Страдалец», когда шанс представился, жестоко отомстил, и плохим, и хорошим барам. И не барам тоже, священникам, например, топимых в прорубях, убиваемых на пороге церквей, оскверненных, разграбленных, распиная, насилуя монахинь у алтаря.

Чехов, слава богу, до этого не дожил. Богоборчеством, в отличие от кумиров общепризнанных демократической интеллигенции, Достоевского, Толстого, не увлекался, а на служителей православной веры имел весьма трезвый, без тени обольщения, взгляд, сфокусированный на человеческой природе в широчайшем социальном диапазоне, где ни происхождение, ни воспитание, ни образовательный ценз не являлись главным, определяющим. А что же?

Расхожая фраза, что якобы Антон Павлович Чехов только тем и был занят, что выдавливал из себя по капле раба, изначально не верна. Чехов рабом не был никогда. И в своей семье с молодости, при отторжении всех там правил, стал кормильцем родственников, никчемных дармоедов. Родителей, братьев, племянников. Как писателю свойственно, сделал их тоже объектом своих наблюдений, материалом для разоблачительного анализа, включив как персонажей в панораму тех российских реалий, ну уж совсем неутешительных. Ни один образ у Чехова положительным счесть нельзя, все препарированы им как скальпелем патологоанатома. И всегда угадываются прототипы, что его современниками воспринималось, разумеется, без восторга.

Хотя это никакая новость, все писатели употребляли в свои тексты им хорошо известный материал, где так или иначе просвечивалось их собственное Я. А вот у Чехова очень редко. Его перевоплощение в других по артистичности не имеет, пожалуй, равных. Он был всем, архиереем, человеком в футляре, дамой с

собачкой, душечкой. И клоуном, и Каштанкой. Но до своей поездки на Сахалин, никогда самим собой. Там Чехов стал другим, и к себе прежнему уже не вернулся.

Но нелепо полагать, будто у Чехова был безмятежный, удачливый период остроумного забавника Антоши Чехонте, который сменился этапом мрачной меланхолии. Абсолютно нет, достаточно ознакомиться с томами его писем. Но что шел процесс накопления, в итоге приведший к тотальному разочарованию во всем, и в людях прежде всего, это – да.

Проницательность – опасное свойство, оружие, ранящее и свои жертвы, и того, кто этим оружием виртуозно владеет. Вот поэтому нет трагичней фигуры в российской словесности, чем Антон Павлович Чехов. Он был до такой степени беспристрастен, что не только никого не любил – он и себя самого не любил. Знал, понимал и ничего и себе не прощал.

Если сравнивать Чехова с Буниным, написавшим о Чехове замечательно, восторженно, то вряд ли Иван Алексеевич мог бы дожидаться подобного от Антона Павловича. Бунин, перворазрядный писатель, исключительно внимательный ко всему, что увидел, пережил – сам говорил, о своем зверском чутье на запахи, краски – нежно берег личное, индивидуально окрашенное, с только ему присущим особенным ракурсом.

Тут они с Чеховым полные антиподы. Бунин в старости захотел и сумел воскресить свои прежние любовные увлечения, с поразительным в его возрасте зарядом эротики, что есть свидетельство о крепкой и физически, и душевно натуре. Ностальгия по прошлому Бунина не разрушала, а укрепляла. И в прошлом он любил себя, за что его упрекать нельзя. Ностальгия – лекарство для таланта того рода, каким, скажем, обладал стихийно Марсель Пруст, ставший лауреатом Нобелевской премии за свою эпопею «В поисках утраченного времени», что я постоянно вожделенно перечитываю.

Но и Чехова тоже, каждый раз испытывая боль, пронзающую как жало. Зачем, почему? Видимо, к Чехову притягивает, как магнитом, несравнимое ни с кем мужество оставаться и как писатель, и как человек чуждый всем, не пускаясь ни в какие тут разъяснения. В этом подвиге упорного одиночества его не с кем сопоставить.

И у Пушкина были, держали его как каркас, светские связи, классовый, дворянский статус. Он изнемогал, но вырваться из своего круга не мог – не хотел. Сплетни в его кругу и стали причиной его гибели. Он оказался жертвой своего окружения. Стремление к свободе закончилось бессмысленной дуэлью. И это

правда, что Дантес ни в чем не виноват. Пушкин дуэль спровоцировал, будучи плоть от плоти того общества, с которым был связан пуповинно, как раб, невольник, зависящий от мнений, сплетен, ради которых он принес в жертву и собственную жизнь, и жену, и семью, оставленную в долгах. Экая доблесть.

Дворянство со своими антимониями под натиском прагматизма было, конечно, обречено. Но в нашей стране, если вековые дубы не плодоносят полезным, яблоками, грушами, их вырубают под корень.

У Чехова аристократических корней не имелось, и он знал, что вишневые сады в дворянских усадьбах обречены на уничтожение, но всё же реплику – человека забыли – исторг в своей пьесе он. И пьеса его «Чайка» об уничтожение искреннего, наивного, невинного, дает намеки, что циник Чехов не забыл и не простил то, что ему пришлось в душе своей утратить, и о чем, видимо, сожалел.

Набоков в некоторой степени схожий с Чеховым по небрежению к какому-либо окружению, с аристократической гордыней давал постоянно понять, что его одиночество мотивированно конкретными причинами. Он, обладая миллионным состоянием по материнской линии, знатным родом по отцу, нищенство в эмиграции смог выдержать с гордо поднятой если не головой, то породистым подбородком, чеканным профилем.

А Чехов? Он ничем не гордился, ни в себе, ни в своих предках. Если допустить, что он дожил бы до прихода власти большевиков, по возрасту мог бы, то он бы остался или уехал?

Мне кажется, уехал. Если нет, там бы погиб. А уехав уж во всяком случае «Лолиту» не написал бы. А в эмиграции какая бы участь его ждала? Он всех тех персонажей досконально знал, изучил. Его же дар питала страна, только та, никакая другая.

Он знал немецкий, умер в Германии, последние его слова: Ich sterbe. И поехал трупом в гробу, обложенном льдом, в вагоне с товаром из устриц, на родину.

Гениальное предвидение: пошлость, что он обличал, над ним восторжествовала. Висящее на стене ружье выстрелило, и всё это обрело знамение как в античной драме. Но не как катарсис, а коллапс.

Каков же результат? Проза Чехова переводам не передается, а пьесы сандалятся на всех театральных подмостках мира. Их переиначивают, кто во что горазд. Дочка в Лондоне недавно посмотрела «Три сестры», где актеры-австралийцы шпарили текст с простецки-вульгарным акцентом, никак не

соотносимым с происходящим на сцене. Зрители терпели: ведь Чехов, как никак...

Но Чехов писал не для них, и, увы, не для нас, своих теперешних соплеменников, тоже его понимающих не лучше. Впрочем, его и современники не понимали. А кого понимали? Шекспира, Уайльда, Сократа?

А ведь все они писали о том же, о своей стране, о своей нации, пытаясь разгадать менталитет своего народа. Да нет такого – фикция. Есть отдельные индивидуумы штучной выделки и толпа, массовое, стандартное восприятие. Что им и чеховские архиереи, томящиеся предсмертно от сознания собственного безверия, на глазах у старушки матери, сокрушенной горем при прощании с сыном. И кем бы он не был, для матери, прежде всего, он её сын.

Антон Павлович достиг огромных высот, начиная вроде бы с развлекательно-веселого, но где тоже всегда присутствовал второй план. Как вот в «Каштанке», где и собака, и прежний, и новый её хозяин, созданы автором без умиления. Умиление привнесено читательским восприятием, за что автор ответственности никакой не несет.

Любой писательский взгляд на животных подразумевает сближение их с человеческой породой, что абсолютно справедливо. Животные, как и люди, обладают широчайшим диапазоном различий в своей природе, натуре, характерах. Одни рабски терпеливы, другие, возможно, инстинктивно, больше чем харчи, ценят собственное достоинство. И если унижают, несправедливо обижают, срываются цепи и рушит свою конуру – сиречь страну.

Так происходит везде. Вот в нашем американском околотке постоянно вывешиваются объявления: исчезла собака, обещано вознаграждение. Так как же вы с ней обращались, если она убежала? Собака всегда знает, как вернуться домой, если хочет. А если не хочет, никто её не заставит.

У Чехова главный вздох – его концовки. К примеру, в «Черном монахе»: « Он звал Таню, звал большой сад с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость, звал жизнь, которая была так прекрасна.»... Или простецкое: Мисюсь, где ты? Запомнила с юности навсегда. И когда перечитываю, каждый раз в горле ком сострадания застревает. К нему, автору.

Чехов – поэт, одухотворенный мечтатель о несбывшемся и несбыточном, тщательно, скрывающий своё ранимое нутро. Для

него одиночество – единственно надежная защита, еще в Библии скорбно провозглашенная: во многих мудрости много печали.

Всё прочее – досужая выдумка: народ, его менталитет. Есть толпа, на вкусы, воззрения которой ориентироваться нельзя. Никогда, ни в какой стране и ни при каком режиме.

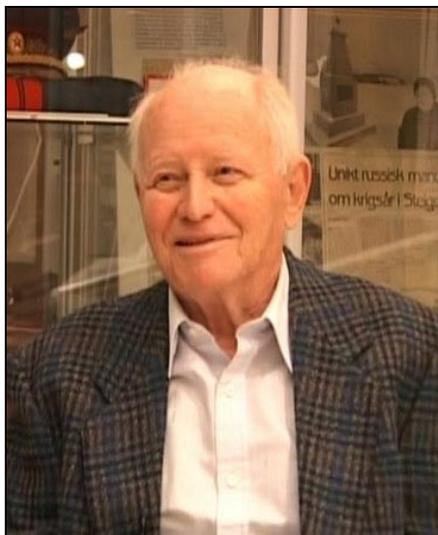
Некогда Борис Пастернак выбил чеканную фразу: быть знаменитым некрасиво. Притворство. Он сам стремился стать именно знаменитым, опубликовав свой роман «Доктор Живаго» со скандалом, вовсе не лучшее, что написал. Но без скандала не было бы и славы. А вот быть одиноким – красиво. Антон Павлович Чехов этот девиз и всей своей жизнью, и творчеством подтвердил.

Светлана Богданова
Яков Аронович Костюковский
23.08.1921-11.04.2011

дин из виднейших писателей-сатириков и кинодраматургов. В соавторстве с Владленом Ефимовичем Бахновым писал сатирические стихи и юморески, отличавшиеся высоким литературным уровнем, остротой, свежестью содержания.

Авторы сотрудничали с виднейшими артистами эстрады, готовили для них целевые программы, злободневные, остро ставившие актуальные вопросы: для дуэта конференсье Ю.Т. Тимошенко и Е.И. Березина (известны под псевдонимами Штепсель и Тарапунька), для парного конференса Л.Б. Мирова и Е.П. Дарского (а позднее М.В. Новицкого), для артистов А.И. Шурова и Н.Н. Рыкунина. Многие годы они печатались в журнале "Крокодил". Дуэт Костюковского и Бахнова

просуществовал до 1963 года. Их последняя совместная работа – сценарий к кинофильму режиссера В.Д. Дормана «Штрафной удар» (1963). В этой ленте дебютировал как киноактер В.С. Высоцкий.

С 1963 года Яков Аронович объединяет свои творческие усилия с поэтом и драматургом М.Р. Слободским. И.А. Пырьев, кинорежиссер, народный артист СССР, любивший их эстрадные интермедии, рекомендует авторов кинорежиссеру Л.И. Гайдаю. Этот творческий триумвират подарил кинематографу три лучшие кинокомедии советского времени: «Операция “ЪГ”» и другие приключения Шурика» (1965), «Кавказская пленница» (1967), «Бриллиантовая рука» (1969).

- Здравствуйте, Яков Аронович. Скажите, пожалуйста, в каком году вы родились.

- Я родился 23 августа 1921 года. Я так шутил: «Через 8 дней после рождения мне отрезали путь в аспирантуру, поскольку, через 8 дней мне сделали обрезание, я стал евреем».

- Где вы родились?

- Родился я в замечательном городке, называется он Золотоноша. С моей точки зрения, он замечателен тем, что при мне и без меня оставался городом еврейской интеллигенции. В нем не было царства евреев - торговцев, и даже евреев – ремесленников, хотя и те и другие там были, но в Золотоноше были ремесленники высочайшего класса, которые блестяще делали свое дело. Город все время менял административное подчинение: он был и в Киевской области, и в Полтавской, и в Черкасской, но неизменно оставался прекрасным.

- Это было еврейское местечко?

- Золотоноша не была чисто еврейским местечком ни по составу, ни по роду занятий. Может быть, потому что я был слишком молод, мне казалось, что была не просто доброжелательность, а родство украинцев, которые там жили с евреями. Дедушка мой Слепаков Гиля, мамин отец, владел там очень не очень большой мельницей и прославился тем, что окрестным украинским селянам в долг молот, они его очень любили. Например, был такой ритуал: обычно собиралось у деда большое количество детей, внуков, и когда из ближайших деревень возили арбузы, дыни или другие фрукты, то вначале заворачивали все подводы к деду Гиле, и это было очень трогательно.

- Какие у вас сохранились еще воспоминания о Золотоноше?

- Я отличался от других детей не только мальчишескими шалостями и забавами, но и цветом волос. Сейчас трудно поверить, глядя на мою лысину, что я был огненно рыжий, что мне, кстати, жизнь спасло. Потому что, когда я был совсем маленьким, нянька моя Ульяна не уследила за мной, и меня увели с собой цыгане. Мне было с ними интересно, у них были лошади такие красивые, красивые цыганки, дети. Я с ними и пошел. Уже на другом конце города один наш родственник увидел в цыганском таборе огненно-рыжего мальчика, заинтересовался, подошел и увидел, что это я - Яша Костюковский. С огромным трудом то ли выкупил, то ли с силой отнял меня у цыган и вернул домой. Я до сих пор об этом жалею, потому что мне кажется, если бы я был с цыганами, то сейчас был бы цыганский барон, а теперь вот так - рядовой еврей.

- Какова судьба евреев Золотоноши во время войны?

- Меня моя дочь уговорила поехать отмечать мой юбилей на родине, где я не был 78 лет. Я вернулся даже не в молодость, не в юность, а в детство и многое узнал, хотя, конечно, город изменился. Меня очень хорошо там принимали.

Золотоноша был в одном смысле несчастный город. Он несколько раз переходил из рук в руки во время гражданской войны. Все грабили, пытали и убивали евреев. Не грабили только в том случае, когда уже все было разграблено. В 37 году НКВД, потом КГБ тоже повторили пытки и убийства, и не только евреев. В один из дней, когда я гостил в Золотоноше, меня привезли, на то место, где расстреливали евреев и в гражданскую войну, и в Великую Отечественную войну. Это были те же места и те же здания, где раньше пытали и убивали. Какое-то проклятое место, пропитанное кровью. Менялась власть, а истязания и убийства народа не прекращались.

- Где вы еще жили?

- Потом, когда на Украине, в особенности в маленьких городках, стало трудней жить, работы не было, папу пригласили в Харьков, и я уехал вместе с семьей. В Харькове я уже поступил в школу, и в Харькове я еще дальше был, к сожалению, от еврейской жизни и об этом я жалею всегда.

- У вас были братья и сестры?

- Я один в семье, у меня была сестричка, которая рано очень умерла, в честь которой названа моя дочь Инна. Мое детство и юность прошли в этом смысле в одиночестве.

- Расскажите о ваших родителях.

- Отец мой, Костюковский Арон Яковлевич, был весьма почитаемым человеком, в городке его многие знали. Он с честью прошел Первую мировую войну. Достаточно сказать, что он

получил Георгиевский крест. Вы сами понимаете, для еврея получить Георгиевский крест было чрезвычайно сложно.

- Кто он был по специальности?

- По специальности он был бухгалтер. Георгиевский крест давал право на поступление в высшее учебное заведение в «не процентной норме». И отец вместо того, чтобы самому воспользоваться этим правом, передал его своему двоюродному брату, который интересовался медициной, и ему все сулили блестящее будущее. Такая возможность предусматривалась. Брат поступил, действительно по папиному праву, и стал известным врачом, и папа об этом не жалел, как и о многих вещах, которые он делал для людей.

Моя мама, в девичестве была Слепакова, с одной стороны, а с другой стороны - Коган. Я тоже коэн с двух сторон, потому что бабушка моя Бася Ковалевская тоже была из семьи коэнов. Так что, я - «дважды коэн Советского Союза». Мама моя, Софья Ильинична, или как тогда говорили Софья Гилеевна Слепакова была труженицей. Тяжелая доля ей досталась, потому что она была старшей в семье, где было 9 братьев и сестер, а ее мама, баба Хая, болела, и вся эта огромная семья была на моей маме. Мама не роптала, не жаловалась, но, конечно, это во многом помешало ее образованию. Природный ум у нее был потрясающий. Она мало говорила, больше слушала, но когда говорила, - это, как говорится, было - дело. Когда обсуждались всякие политические дела: о сталинских репрессиях, о посадках, о голоде на Украине, мама всегда говорила одну фразу: «бедные мы, бедные!». Мне трудно передать эту интонацию, я действительно ощущал это. И когда я слушаю наших современных руководителей, которые нам врут, обещают небо в алмазах, а получаем мы совсем другое, я часто слышу мамин голос, который бы нам сказал: «бедные мы, бедные!».

- Ваши родители были религиозные?

- Нет, не очень религиозные. Дело заключается в том, что папа, выросший без рано умершего отца, помогал своей маме растить 11 малолетних братьев и сестер. Не хватало на религию времени. Хотя традиции в семье соблюдались. Соблюдалась Суббота, ходили в синагогу по праздникам, и праздники отмечались в доме, но это не была фанатично религиозная семья. Главным образом, мне запомнилась дружба папы с раввином Сандлером, хасидским раввином, который был человеком особым в Золотоноше. Папа с ним поддерживал отношения потом и в Харькове, когда мы туда переехали. Он не был главой общины в Золотоноше или в Харькове, он преподавал в ешивах. Человек был

критических взглядов на жизнь, честнейший человек. Я хорошо помню, хотя прошло больше 80 лет, как они с папой любили по рюмочке выпить. Однажды я услышал, как реб Сандлер произнес тост: «Арончик, будь здоров, очень надо!» Судьба его печальна, он во время войны поехал вывозить из Херсона свою сестру больную, которая сама двигаться не могла. Он не успел не только ее вывезти, но и сам остался там. Евреев Херсона немцы расстреливали на месте, он там погиб, как погибли и многие мои родственники, расстрелянные в Бабьем Яру.

- *Много у вас осталось там родственников?*

- Да.

- *Расскажите о ваших друзьях по Харькову.*

- Я хорошо был знаком с Ландау. Вы сами понимаете, что я с гением не мог говорить о физике, но в тех редких случаях, когда мы встречались, мы говорили о Харькове. Лев Давыдович провел в Харькове самых счастливых 10 лет своей жизни. Я не сравниваюсь, и я не ставлю себя рядом, я очень осторожен, когда говорю о великих людях, которые мне попадались. Харьков дал столько знаменитостей! Я их называю «мои знаменитые знакомцы», но есть там среди них и друзья. С Марком Бернесом я дружил, это ближе мне было по времени и по делу, он тоже из Харькова. Великий режиссер Анатолий Эфрос, которого звали почему-то Анатолий Васильевич, хотя он был Исаевич, тогда было такое время. Он тоже из Харькова. Он был фанат, собирал знаменитых харьковчан и каждый раз радовался, когда он кого-нибудь обнаруживал. Он был влюблен в Харьков, считал, что лучше Харькова в мире нет города, и правильно, и я так считаю. Когда я ему сообщал, что вот еще знаменитый харьковчанин, то он радовался, как ребенок. А разговоры у нас велись в очень странном доме. Дело в том, что Эфрос был женат на Наталье Крымовой. Поскольку ее фамилия была на букву «К», и Костюковский тоже на «К», нас вместе отправили получать продовольственные заказы в одном гастрономе. Он за Наташу получал их, мы встречались в очереди отдела заказов, где главным нашим занятием было вспоминать харьковчан, ради этого он и ходил туда. Ходил туда еще с нами Юрий Никулин, он нам очень мешал, ужасно ревновал, все время вмешивался и кричал: «Яша, есть свежий анекдот!». Он их собирал. Эфрос был жутко недоволен, поскольку приходил собирать харьковчан, а не анекдоты.

Я никогда бы Харьков не бросил, если бы не институт, который меня привлекал, Московский институт истории, философии и литературы (ИФЛИ).

- Вы поступили учиться в ИФЛИ?

- Дело в том, что Сталин очень не любил ИФЛИ, презрительно называл его «лыщей» и считал его рассадником вольнодумства. Как только началась война, он его разогнал. Этот «лыщей» дал мне много друзей, а самым главным образом он мне дал жену. Моя жена Эсфирь еврейка, училась на историческом факультете в ИФЛИ. Когда меня спрашивают, что бы я изменил в своей жизни (часто задают такой вопрос), говорю, что многое изменил бы, потому что с годами выяснилось, что не всегда дружил с теми, кто достоин был, и, может, не всегда был благороден по отношению к людям, которые заслуживали. Но, что я не изменил бы никогда, это то, что я бы обязательно поступил в ИФЛИ, женился бы на Фире и обязательно родил бы дочку Инну, да и еще бы нашел Гайдая и делал бы с ним фильмы.

- На какой факультет вы поступили?

- Я учился на филологическом факультете. Но Лучший друг советских физкультурников товарищ Сталин решил, что без меня и моих одногодков освободить западную Украину и западную Белоруссию нельзя, поэтому прямо сразу со студенческой скамьи нас забрили в армию. Мы только, только начали учиться, остались лишь из нашей группы известные поэты Семен Гудзенко и Юра Левитанский, поскольку они были 1922 года рождения. А потом выяснилось, что незаконно призвали, и

нас вернули. Я начал опять учиться и быстренько прошел то, что потерял, но после этого выяснилось, что начинается война (тогда я был на втором курсе). Опять же выяснилось, что как-то без меня обойтись не могут, я был призывного возраста. Единственное, что сделали студентам, когда призвали, это то, что их распределили по военной печати, вот и меня направили в газету «За Отечество». У меня был какой-то опыт, я во время учебы подрабатывал в газете «Студенческая правда».

- Кому подчинялась газета?

- Она подчинялась Московскому фронтовому округу. Потом я работал в «Комсомольской Правде», во фронтовом отделе. Я часто выезжал на фронт, многое видел, многое слышал, хотя считать себя фронтовиком, как вы понимаете, я не мог, поскольку фронтовик тот, кто был в окопах. Но жизнью рисковал я дважды: один раз попал под бомбежку, второй раз под мину попала наша редакционная группа. Мы были очень близко к передовой, Западный фронт приблизился к нам.

- Между командировками на передовую вы были в Москве?

- И в Москве, и во фронтовой газете был. Редакция фронтовой газеты «Красноармейская Правда» Западного фронта, который защищал Москву, находилась на улице Станкевича, где я жил. Это была замечательная газета, в которой работал Александр Твардовский, мой будущий соавтор Морис Романович Слободской, прекрасный человек, с которым мы делали фильмы Гайдая «Кавказская пленница», «Операция Ы» и «Бриллиантовая рука». А редакция газеты «Красная Звезда» находилась на улице Правды. Сталин, почему то счел нужным во время войны почти все редакции собрать в одном месте. Если бы туда упала бомба, страна осталась бы без печати не только фронтовой, но и любой. Прекрасная была газета, мы часто виделись с ее сотрудниками. Там были замечательные корреспонденты: Илья Эренбург, Василий Гроссман, Константин Симонов, с которым мы позднее работали вместе. И когда я приезжал на фронт, (на передовые линии нас не пускали потому, что было очень опасно) с гордостью наблюдал, что в первую очередь бойцы брали читать «Красную Звезду», потом «Комсомольскую Правду». Мы были на втором почетном месте. А потом все то, что можно было на раскурку брать, все остальные газеты. А еще, самое удивительное, я до сих пор поражаю своих друзей, которые пришли к нам на смену, что нас в редакции тогда было всего 9 человек. И 9 человек, включая редактора, делали ежедневную газету на четыре полосы, а всех остальных отправили тогда в Куйбышев. Были еще фронтовые

корреспонденты, но в аппарате редакции было всего 9 человек. И когда я рассказал это заведующей отделом кадров, одной милой женщине, она спросила:

- Вас действительно было 9 человек?

- Да, 9 человек!

- И 9 человек делали ежедневную газету?

- Да!

Она вздохнула и сказала:

- Сейчас у нас 300, и говорят, что не хватает.

- **Расскажите о ярких эпизодах из военной жизни.**

- Были эпизоды! Страшные, тяжелые истории были, занимались часто не своим журналистским делом. Зима 1941 -1942 годов была страшная, и когда мы приехали на передовую за материалом большой группой журналистов, нам было приказано вместо того, чтобы брать интервью - вынимать документы у погибших солдат. Замерзшие тела, я никогда этого не забуду. Или были страшные заградотряды, поставленные маршалом Жуковым. Они расстреливали наших солдат, бегущих с передовой. У меня особое отношение к нему. Я, например, высочайшим образом оцениваю танкового генерала Катукова Михаила Ефимовича, поскольку он, в отличие от Жукова, берег каждого солдата. Он меня выделил потому, что я впервые написал о нем не только как о великольном стратеге и замечательном генерале, а об отце солдат. Он еще придумал такую вещь, решил, что очень дорого и долго возить даже в Москву ремонтировать танки (хотя до Москвы тогда было 30 - 40 километров), и поэтому устроил ремонтный танковый завод на фронте. Нашли специалистов. Я об этом написал, и генерал Катукоев был мне очень благодарен. Совинформбюро тогда было военной цензурой. Оно не пропустило мой материал в «Комсомольскую Правду», но мне удалось это напечатать в газете «Труд». Катукоев сказал, что это даже лучше, это для «работяг». Очень разные были военачальники. Были военачальники во главе с Жуковым, которые считали: «Цель оправдывает средства», а были и те, которые не считали, что для достижения цели все средства хороши. Вот таким был Катукоев, и нельзя сказать, что Михаил Ефимович был единственный. Такими были Рокоссовский и Конев.

Был еще такой случай. Дело в том, что зима была холодная и отчасти голодная, и грелись мы во фронтовых условиях, естественно, водкой. Однажды в дзоте собралась группа журналистов, мы грелись, перегрелись и уснули. Началось немецкое наступление, и мы, конечно, все бы попали к немцам тепленькими в прямом и переносном смысле, но нас неожиданно

Миша Фишман выручил. Был такой знаменитый фронтовой фотокорреспондент в «Комсомольской правде». Миша уже знал, что началось немецкое контрнаступление, долго нас искал, разыскал и разбудил. Мы совершенно были пьяные, если бы не Миша Фишман, вряд ли я вам сегодня давал интервью.

- Вы знали с начала войны, что целью немцев было уничтожение всех евреев?

- Да, знал с самого начала. Дело заключается в том, что я был в армии перед войной. Когда мы с немцами подписали договор, я переезжал через границу к немцам по реке Буг. Первое, что я увидел надпись «Юдн ферботен», потом я был в составе делегации, которая демаркировала границу. Я слышал об издевательствах и уничтожении немцами евреев. Мне, пользуясь тем, что немцы не проверяли наши вагоны, удалось вывезти достаточно много евреев. Не только Ленин возвращался в запломбированном вагоне. Поэтому я прекрасно понимал, что немцы несут евреям.

- Какое отношение было к евреям у тех, с кем вы работали в редакции?

- Вы знаете, в редакциях, я могу говорить только о «Комсомольской Правде», о газете «Труд» и, отчасти, о газете «Известия», так в них никакого антисемитизма не было, хотя пытались насаждать. А вот в «Правде», центральной газете «Правде», в любимой центральной газете нашей партии антисемитизм насаждался. С моей точки зрения начавшийся войну антисемитизм до сих пор, до сегодняшнего дня не кончился, он никогда и не кончался, он просто приобрел другую форму. Менялись формы, он носил бытовой характер, государственный характер, идеологический характер, мужской, женский, детский даже характер, когда распускали еврейский детский хор. Чудный хор был ликвидирован только потому, что это был еврейский хор и руководил им еврей, так что до сих пор, до сегодняшнего дня это не прекратилось. Когда-то гениальную фразу сказал Альберт Эйнштейн: «Антисемитизм - это тень еврея» Пока существует еврей, существует и его тень антисемитизм, антисемитизм - это неизбежно.

- Вы воевали до конца войны, до победы?

- Да, я был до конца (если это можно назвать условно, что я воевал, хотя я и выезжал на фронт), потом меня перевели в Москву. Мне важно было избежать офицерского звания, чтобы скорее меня демобилизовали. Я мечтал вернуться к молодой жене. Мне очень трудно пришлось, меня выцарапали общими усилиями после войны две газеты: «Московский комсомолец», в котором

работал до войны и «Комсомольская правда», но работа там длилась не долго потому, что начались новые гонения. Сначала идеологическое «Ждановское» гонение, потом космополитизм. Сначала я был «агентом» Джойнта, потом я стал «безродным космополитом». Меня тут же выгнали из редакции «Московского Комсомольца». Мы очень бедствовали, была уже маленькая дочка. Впоследствии выяснилось, что выгнали к счастью, потому что я пошел работать на эстраду, в цирк, чтобы что-то заработать. Меня приглубили эти люди, я писал репертуары, для того же Никулина, для эстрады, для Тарапуньки и Штепселя. Харьков мне подарил соавтора - писателя Владлена Ефимовича Бахнова. Была такая пара Бахнов и Костюковский, половинку вы видите сейчас, но Владика, к сожалению уже нет, а первый репертуар мы с ним написали в пионерском лагере под Полтавой. С тех пор мы были вместе. Когда мы объединились, стали работать на эстраду и в «Крокодиле».

- Вы тогда жили уже в Москве? А где были ваши родители?

- Да, мы жили в Москве, я в Москве живу с 39 года, только с перерывами. Мои родители оставались в Харькове, чудом бежали в последнюю минуту от немцев, сначала в Казахстан, затем в Казань и приехали только после окончания войны ко мне в Москву. Харьков мне дорог еще моим первым соавтором. Когда мы стали работать вместе, не очень-то на нас обращали внимание, но на нас почему-то, обратил внимание Александр Фадеев. Ни я, ни Владик Бахнов не писали заявления о приеме нас в Союз писателей. Нас приняли на Секретариате без заявления. Говорят, что Александр Александрович Фадеев на этом секретариате был как всегда. О нем говорили: « Очень хорошо, если Александр Александрович розового цвета, это значит, он принял «первый секретариат». Он был розового цвета, и он сказал: «Ну кого вы принимаете? Я не знаю. Вот я читал, что талантливые есть ребята Бахнов и Костюковский, давайте, их примем!» Гладков, был такой знаменитый писатель, говорит: «Да, да, это мои студенты», хотя я вовсе его студентом не был, это был только Владик Бахнов, но нас приняли. Потом, якобы, друг наш, которого не приняли из-за нас, бегал по коридору и кричал: «жидов всяких принимают!». Чтобы унижить, кричал: «мало того, что это Янкель Аронович, да еще вот Владлен Хаимович!», а Владик - Владлен был в честь Ленина назван. «Ефимович» его не устраивало, так что мы все это хлебнули. Этот тип был другом главного антисемита Анатолия Сафронова.

- Антисемитизм и тогда был?

- Антисемитизм он и сейчас есть. Союз писателей разделился на семь союзов, не в каждом, конечно, есть, но тогда вожди наши были антисемиты - Бубеннов такой был Михаил, автор повести «Белая береза».

- Фадеев этим не страдал?

- Фадеев скорее не палач, а жертва, хотя он и подписывал приговоры о расстреле. У него близкий друг был Либединский - еврей, что очень показательно, и многие другие друзья, и, кстати, это одна из причин, по которой он пустил себе пулю в лоб. Можно сказать, что это был благородный поступок, он себе этого не простил, в отличие от других, упоминаемых в прощальном письме, которое в архивах КГБ. Не думаю, что кто-нибудь прочтет это.

- Говорят, что Суркову плохо стало, когда он прочитал это письмо на месте гибели Фадеева.

- Может быть. Сурков, кстати, не был антисемитом, Он, скорее всего, был приспособленец. Самый смешной документ подписал Сурков для меня. Постановление секретариата Союза писателей при ликвидации Секции сатиры и юмора начиналось так: «в целях развития сатиры и юмора» и кончалось фразой «Секцию сатиры и юмора распустить». Это безумно смешно.

- Расскажите о вашем творчестве в кино.

- Это еще до Гайдая, когда мы работали с Владленом Бахновым, к нам обратился наш приятель кинорежиссёр Вениамин Дорман, который хотел сделать спортивную комедию. Он обратился к нам как к юмористам, сатирикам. Он знал, что я очень спортом интересуюсь, то есть писал о спорте, возглавлял в газете Отдел информации о спорте. Мы придумали историю, построенную на том, что люди занимают не свои места. У нас когда-то с Владиком Бахновым была такая книжка «Занимайте ваши места». У нас снялись Михаил Пуговкин и Владимир Высоцкий. Первая роль Владимира Высоцкого в кино была как раз у нас в фильме «Штрафной удар». Он идет до сих пор по телевидению. Фильм этот неожиданно имел огромный успех. Причем, это определяется не моей оценкой, я как раз критически отношусь к этому фильму, а просто количеством зрителей. У нас очень мало людей, которые умеют делать юмористические фильмы и пьесы: и сценаристов, и режиссеров и драматургов в театрах. Это, действительно, штучный товар, и то, что Дорман потом ушел и перестал делать комедии, а стал делать знаменитые фильмы про шпионов, про разведчиков, очень меня огорчило.

Конечно, Гайдай отличается от всех режиссеров, даже от тех, которые занимаются комедией, скажем, Эльдар Рязанов, или Георгий Данелия. Все равно человек, который так был верен

комедии, как Леонид Гайдай, просто никогда больше не появится. Мне кажется, что никто не может делать своего рода комедию, как это делает Рязанов, музыкальные, тонкие, лирические вещи, или как Данелия делает, но я убежден в одном - в эксцентрической комедии, такого режиссера как Гайдай нет.

- *А ему еще на артистов повезло.*

- Да, артисты эти существовали до него, но никто так их не снял, как это сделал Гайдай.

- **С чего началось ваше совместное творчество с Гайдаем?**

- Нас свел, спасибо ему, Иван Пырьев. О нем много говорят и хорошее, и плохое, но что касается нас, то я и покойный Морис Слободской очень благодарны ему. Дело в том, что еще до работы с Гайдаем, мы в комедийной мастерской, которую возглавлял Иван Пырьев, сделали несколько короткометражных комедий, поставили себе цель создать обаятельного, положительного героя. Тогда шел разговор в литературе, в театре, в кино, в живописи, что надо создать образ положительного героя. Создавался правильный положительный герой, но это был очень скучный герой. Мы поставили себе цель в этих маленьких короткометражках - взять очкарика-студента, который умеет постоять за себя. Он делает положительные вещи, и его полюбит зритель. Создали и угадали, причем еще до Гайдая. Гайдай тем временем готовился к блестящим двум работам - «Пес Барбос и необычный кросс», и «Самогонщики». И вот Пырьев сказал Гайдаю:

«Леня, это Костюковский и Слободской, это твои сценаристы, Б-гом данные тебе».

А нам он сказал: «Это ваш режиссер».

И вот он нас соединил на три фильма.

- **С какого фильма началась ваша совместная работа?**

- Сначала мы делали «Операцию Ы и другие приключения Шурика», который состоял из 3 новелл, одна из которых была, как раз «Операция Ы». Тогда мы настояли, чтобы Гайдай взял в фильм тройку - Вицина, Никулина и Моргунова. Он не хотел, чтобы их снимали, мы еле его уговорили: «Давайте попробуем, это уже будет другая тройка, у вас тройка была без текста, на трюках, а у нас тройка заговорит!»

Гайдай сказал:

«Ну ладно, давайте попробуем, но в последний раз».

Когда вышел фильм и имел успех, я Гайдаю говорю:

- Леня, что же резать курицу, которая несет золотые яйца!

- Все, мы эту тройку больше не будем снимать. Мы уже договорились.

К этому присоединилась его личная неприязнь к Моргунову. Когда мы написали сценарий «Кавказская пленница», то сказали, что все равно должны быть какие-то противники, «прохиндеи», которые будут противостоять Шурику и Нине - комсомолке, красавице, спортсменке. Я предложил попробовать снять эту тройку, Гайдай возразил:

- Нет, мы уже договорились, что уж эту комедию будем снимать без тройки!

- Как без тройки? Как здесь без этой тройки!? Давайте в последний раз. Очень хорош здесь Шурик, Нина хороша, замечателен Этуш - мой друг, но без этой тройки не то. Потом мы выполнили свое обещание, третью комедию «Бриллиантовая рука», мы писали специально для Никулина, заранее мы знали, что никакой тройки не будет. Я очень страдал, что в фильме не будет сниматься мой любимый артист Георгий Вицин. Я люблю очень Демьяненко, который сыграл Шурика, люблю Алексея Макаровича Смирнова, который верзилу сыграл, я им очень благодарен, я понимаю, что многие фразы пошли после нашего фильма благодаря этим артистам. Но моим любимым артистом при всем притом был Вицин, и я очень сожалел, что Вицин не снимался.

- Удалось вам потом снять Вицина?

Потом мы в компенсацию написали специально сценарий для Вицина. Этот фильм до сих пор идет по телевидению. Он называется «Неисправимый лгун». Его очень хорошо снял замечательный режиссер Азаров. Неожиданно мы получили приглашение от двух выдающихся французов - режиссера Жака Деми, который сделал «Шербургские зонтики» и «Красавицы из Рошфора» и его композитора, еще более известного - Мишеля Леграна. Они предлагали сделать совместный фильм. Они настояли, чтобы именно мы работали с ними, и приехали в нашу страну. Мы по наивности считали, что они видели фильмы Гайдая, и им понравилось. Считалось, что вся Европа их видела. Выяснилось, что они ни одного фильма Гайдая не видели. Единственный фильм, который они видели - «Неисправимый лгун». Они влюбились в Вицина, влюбились в фильм, влюбились в сценарий, запросили сценарий, чтобы прочитать, и сказали, что только с нами - создателями этого фильма и с Вициным хотят сделать новый фильм. Фильм «Неисправимый лгун» они называли по своему, «Маленький парикмахер». Мы поездили по стране вместе с ними, причем потратили много денег, в Средней Азии

были, придумали очень интересный замысел музыкально-комедийного сценария для Вицина, Вицину он нравился. Когда уже дело дошло до подписания всяких документов, вдруг вмешался Секретарь по идеологии Михаил Андреевич Суслов, и он на нашей заявке написал резолюцию: «не будем развращать молодежь». Это был еще только замысел – он даже не знал, что это будет за фильм. Он нам уже не верил, наши фильмы с Гайдаем выходили всегда вопреки воле Сулова. В случае с «Кавказской пленницей» нас спас Брежнев. Сулов говорил: «Если сценарий написали Костюковский и Слободской, смотрите через микроскоп – там обязательно найдете антисоветчину».

У меня был друг, ныне покойный, Александр Гомельский – знаменитый баскетбольный тренер. Он отмечал свой день рождения. Почему-то ему Управление делами президента предоставило дачу Сулова. Показали мне тот зал, где все фильмы наши запрещались. Потом повели меня по лестнице, по которой Сулов – аскет (он был примером аскетизма и скромности) спускался в купальню. Вели меня по лестнице, и с золочеными ступенями.

- Сулова тогда уже не было в живых?

- Нет, конечно, Сулов умер в славе, похоронили с почестями, его оплакивали все реакционеры, антисемиты.

Когда потом Саша у меня спросил:

- Ну как?

Я сказал:

- Замечательный день рождения, но он мне больше бы понравился, если мы сидели бы в другом месте.

И больше он там никогда ничего не отмечал.

- **Расскажите об истории, связанной с синагогой на Большой Бронной.**

- История эта такова. Когда-то, с моей точки зрения, легкомысленной, Союз писателей назначил меня редактором альманаха «Смех – дело серьезное». Я сказал тогда:

- Господи, зачем вы это сделали? Поймите, что я при публикациях не буду соблюдать нормы о евреях-писателях, о сатириках, репрессированных или не репрессированных, которые сейчас в издательствах существуют.

- Именно поэтому.

- Большое спасибо, но учтите, я по другому не смогу.

Потом мы выпустили два альманаха. Там были свои сложности. У нас была замечательная пьеса, которая была уже набрана, а Сергей Михалков своей властью сбросил и поставил свою, так что мы свои потери несли. Главное, на этой базе

организовался устный выпуск альманаха «Смех – дело серьезное», Я по традиции был редактором. Мы выступали в Ленинграде и в разных городах. Можно было читать не подцензурные вещи, в смысле лексики, потому что это был устный выпуск, но мы не позволяли себе ничего. Однажды, мы получили приглашение выступить в Доме народного творчества имени Крупской, который находился вот здесь, в этом помещении, где мы с вами беседуем – в синагоге на Большой Бронной. Вдруг, мне звонит замечательный писатель Абрам Маркович Гольденберг, он более известен, как переводчик и поэт-сатирик Арго. Это был его псевдоним. Он мне говорит:

- Яшенька, что вы делаете, зачем вы дали согласие выступать на еврейских трупах?

- Господи, какие трупы, о чем разговор?

- Дело заключается в том, что я в отличие от вас, все знаю, все помню. На этом месте была знаменитая синагога Полякова, одна из первых как и Хоральная. Там был подземный ход для спасения евреев. В случае погромов, там можно было спрятаться. Когда пришли эти (он так и говорил – эти) они расстреляли раввина синагоги, и не только раввина. И вы на этом месте будете плясать? Мало того, что это выступление, это еще сатирическое, юмористическое.

- Абрам Маркович, извините, спасибо, что нас предупредили, я ничего не знал, я должен всем своим друзьям сказать об этом. И должен вам сказать, что все до единого, отказались, и не только евреи, но и русские. Отказался честный и чистый человек, который с нами выступал, знаменитый поэт, Роберт Рождественский, отказался Ян Сашин, отказалась замечательная русская юмористка писатель Варвара Карбовская. Они говорили: « Как они смели подумать, что мы будем тут выступать, русский интеллигент не может себе позволить такое!» В это время Министром культуры был Попов, который сказал, что нас всех исключат из Союза писателей, за сионистские штучки. Это был 1959 год. Сталина не было, но наследники были, в особенности по этой линии. Тем не менее, мы решили: «Пусть исключают!» За нас как- то неожиданно тогда заступилась Фурцева, за что я ей очень благодарен. Она сказала: «Минуточку, за что вы хотите их наказывать? Они ведь отказались от выступления, за которое должны были получить гонорар, значит, они отказались от гонорара. И вы еще хотите их наказывать?»

Она была интересным, но противоречивым человеком, и в кино она нас в свое время спасла и потом помогала. Попов – этот министр долго не успокаивался, вроде бы просили не исключать и

все прочее, но он продолжал свои доносы на меня, как на еврея, и, в особенности, на русских на Карбовскую, на Рождественского: « Ну эти жиды – это понятно, но как вы? И вы туда же!»

- Вы сейчас считаете себя религиозным человеком?

- Нет, я не могу сказать, что я человек близкий к религии, это было бы нечестно. Когда-то, кто-то сказал гениально в Талмуде, или в каких-то комментариях, что чем еврей становится старше, тем он больше себя ощущает евреем. Вот с некоторых пор, становясь старше, я стал больше себя ощущать евреем. Не потому, что это были детские воспоминания, моя семья не была фанатично верующей. Но я вдруг понял, что я должен, не становясь религиозным, учить Тору. Я долго выбирал себе раввина, пришел в Синагогу на Большой Бронной, убедился, что выбрал точно. Я трижды в жизни не ошибался: я выбрал хорошо себе жену Фиру, я выбрал себе дочку Инну, и я выбрал себе раввина Исаака Абрамовича Когана. Я сказал ему: «Я хочу учить Тору у вас. Это великое литературное, философское, филологическое и историческое произведение. Я не знаю иврита, и я счастлив что, вы читаете свои лекции и комментарии по-русски, я все понимаю, я счастлив, что занятия проходят в атмосфере не навязывания истин, как это бывает в других религиях, а в обстановке дискуссий, где можно возразить, даже раввину.

Коган окончил Ленинградский электротехнический институт и был специалистом по атомным подводным лодкам, а потом стал раввином, но юмор и светскость он не оставил. Вот я приведу один пример: я как то пропустил урок, хотя обычно не пропускаю - я очень прилежный ученик, и он это ценит.

Он сказал:

«Реб Яков, если бы даже вы пришли один, я вам и одному читал бы лекции».

Я, может, даже не заслужил этого. Потом я пропустил несколько занятий, реб Изя меня спрашивает:

- Реб Яков, почему вы не были на занятиях?

- Я не был в Москве.

- А где вы были?

- Я был за границей.

- А где вы были за границей?

- Я был в Исландии.

- Где, где, в Исландии?

Он минуточку подумал и говорит:

- Не слабо!

Представляете! Или вот сейчас я был в Израиле, и у него спросили, почему меня нет на занятиях, где я. Он говорит, что я в Израиле.

- Ну как он там?

- Он там ловит кайф.

Вот это невозможно придумать! Причем он глубоко религиозный человек, не просто религиозный, он человек верующий, страдающий за евреев. Он пережил как личное горе расстрел в Индии еврейской четы, он специально летал на похороны в Израиль. Их хоронили на Масличной горе. Поэтому сочетание в нем этой глубины веры, знаний и в тоже время юмора мне лично напоминает папиного друга реб Сандлера. Однажды у реб Сандлера, который позволял себе, критически выражаться, коллега спросил:

- Реб Сандлер, вы такие вещи говорите, можно подумать, что вы в Б-га не верите!

- Нет, почему же, я в процессе.

Гениальная фраза! Может, и я в процессе, конечно, я ближе стал, я уверен только, что если Б-г есть, то это еврейский Б-г, не смотря на все страдания еврейского народа, потому что когда реб Сандлеру говорили, что евреи избранный народ, он говорил:

«Да, избранный народ, да, избран для страдания».

Я как-то сказал:

«Какое счастье, что евреев по пустыне 40 лет водил Моисей, а не Иван Сусанин».

Зоя Мастер

Людмила Улицкая: «Последнее равенство – небытие»

а днях Людмиле Улицкой исполнилось 70 лет. За последние три года мне удалось дважды побеседовать с Людмилой Евгеньевной, и сегодня я хотела бы предложить читателям журнала вопросы и ответы из этих двух интервью, объединённые в один текст.

Людмила Улицкая – писатель, драматург, лауреат Русского Букера, премии Большая Книга, зарубежных премий Медичи и Пенне, автор, чьи новые книги никогда не проходят незамеченными. Они могут вызывать споры, хотя вовсе не ставят своей целью определение истины в последней инстанции. Несомненно одно – вольно или невольно они заставляют задуматься, взглянуть на мир и на себя другими глазами, засомневаться в привычном восприятии того, что до прочтения воспринималось как данность. Вот об этом и о многом другом – предлагаемое интервью.

- Людмила Евгеньевна, Вы начали печататься в довольно зрелом возрасте. Может, поэтому, путь в «толстые» журналы и российские издательства не был лёгким. Что тогда, в самом начале профессиональной писательской карьеры, придавало Вам уверенность в своих силах, таланте и профессионализме?

- Путь в журналы был не столько тяжёлым, сколько долгим. А никакой уверенности у меня и не было. И сейчас нет. Всегда – по тонкому льду. Карьеры я писательской не строила, никогда – всерьёз. Всегда – чувство игры.

Жизнь моя так сложилась, что ни в чем я не чувствую себя профессионалом, всюду – что бы я ни делала – не покидает чувство, что я пробую что-то новое и неизвестное. Мой муж, замечательный художник, всегда про себя говорит: «Я - начинающий художник». И я очень хорошо понимаю, что он имеет в виду.

Я профессионалов очень люблю, восхищаюсь, когда человек делает свое дело на высшем уровне, вне зависимости от того, что именно он делает: двор метет или еду готовит. А уж если он врач, то восхищению моему вообще нет предела... Что касается писателей, то есть совершенно формальное определение профессии: если вы кормитесь от Ваших трудов, то ваш труд может считаться профессиональным. Но в нем совершенно не заложено определения качества этого труда. И, к сожалению, мы довольно часто сталкиваемся с профессионалами, которые плохо владеют своей профессией.

Людмила Улицкая

- А что, на Ваш взгляд, отличает профессионализм от дилетантства?

- При всем моем восхищении перед профессионализмом, я очень ценю дилетантов, которые иногда вкладывают больше любви и души в дело, которым занимаются. Не будем их ссорить между собой.

- Вы как-то посетовали, что в России всё меньше людей, приученных и любящих читать, и что эта тенденция развивается не в лучшую сторону. Возникают два вечных вопроса: кто виноват и что делать?

- Не знаю, чем это объяснить. Движение цивилизации. Кажется, Умберто Эко ввел этот термин - «новое средневековье». Бывают времена подъема культуры и времена упадка. Сегодня та часть человечества, которую принято называть цивилизованной, переживает колоссальное «переформатирование» - сама культура меняет свои характеристики, свои качества, свои границы. В этом никто не виноват – такова эволюция человека, и уж тем более никто не скажет, что делать. Предполагаю, что надо совершать индивидуальные усилия, чтобы сохранить в себе больше человеческого.

- Здесь в Америке, религия – вопрос, который не рекомендуется обсуждать во имя избежания конфликтов между коллегами, родственниками и друзьями. Но мне бы хотелось на время забыть о политкорректности и поговорить на эту неудобную тему. Начну с Вашей самой известной и в то же время, самой противоречивой книги – романе «Даниэль Штайн – переводчик». Вам, наверное, известно, что среди русско-еврейской эмиграции, и, по понятным причинам, особенно в Израиле, она вызвала резкое неприятие из-за несколько «туристического» взгляда на самую острую проблему этой страны – проблему мирного сосуществования конфессий, одна из которых веками проявляла отсутствие толерантности и полное отсутствие желания пойти хоть на какой-то компромисс.

Что, по-вашему, означает толерантность и чем оправдать, когда одна сторона её цивилизованно проявляет, а другая расценивает как слабость и приглашение к агрессии?

- В своем вопросе вы уже полностью определили свою собственную позицию: что имеются две стороны, одна цивилизованно проявляет толерантность, а другая расценивает проявление толерантности как слабость и приглашение к агрессии. И мне не надо задавать вам дополнительных вопросов, чтобы уточнить, кто проявляет толерантность, а кто расценивать толерантность как приглашение к агрессии. Сделаю только один шаг, чтобы такую расстановку увидеть как смешную: евреи проявляют толерантность, а арабы расценивают толерантность как приглашение к агрессии? С моей точки зрения, обе стороны проявляют агрессию, и агрессия не только «нехорошее» стремление, но еще и способ выживания. Агрессивность присуща и животным, это глубоко биологическая характеристика всего живого. И в каком-то смысле – это не хорошо и не плохо. Это – так.

Вы предъявили точку зрения, которую я принять не могу. Это одна из позиций, и их множество. Мне кажется, что

положение и сложнее, и интереснее. «Туристическая» позиция и есть та самая, которую мне и хотелось бы занимать (хотя я ее нигде так не называю) – позиция беспристрастия, невовлеченного взгляда, возможной объективности. Признаюсь, я действительно ощущаю себя путешественником, причем с каждым годом и даже днем ясно осознаю, что путешествие скоро закончится. Я очень бы хотела быть по возможности свободной от идеологических схем, от навязываемых культурой, воспитанием и происхождением шаблонов и клише. Я бы не хотела, чтобы моя, как это теперь называется «идентичность» на сто процентов от всего этого зависела. Мне не обязательно кому-то нравиться. И в данном случае я заранее знала, что «правильные» евреи будут раздражены, как и «правильные» христиане.

- Что касается «правильных» евреев, то их раздражение понятно. Одним из раздражителей является нарушение евреем Даниэлем, по их понятиям, Заповеди – «...Да не будет у тебя других богов перед лицом моим». Но вот христиан-то что не устраивает?

- Для многих христиан Даниэль, как и его прототип Даниэль Руфайзен, тоже неприемлемая фигура, – он отрицает догмат Троицы, ставит под сомнение широко принятое в христианской традиции обожествление Девы Марии, высказывает множество точек зрения, идущих вразрез с традиционными представлениями и западных, и восточных христиан. В некотором смысле, он революционер. Да и сама идея иудеохристианства у многих представителей церковной иерархии, и в особенности, у малообразованной массы верующих, вызывает раздражение. Если следовать логике Даниэля, христианин просто не имеет права быть антисемитом, а народная вера – увы! – пронизана антисемитизмом. Даниэль вообще слишком радикален и для тех, и для других, как человек, находящийся в поиске истины, а не в утверждении её. Потому он неприемлем для любого человека, который уверен, что истина – одна, и что она находится у него в кармане.

.А что такое толерантность? – Не делай другому того, чего ты не хочешь для себя. Гиллель сказал, но это говорили и до него, и после разные умные люди.

– Переводчик – не только профессия, но и предназначение главного героя. И в этом плане мне показалось, что, помимо желания и умения объединять разноязыких людей разных вероисповеданий, его основной целью была попытка перевести христианство на иврит. Попытка оказалась тщетной, потому что нельзя совместить несовместимое. Так кем же был Даниэль – мучеником, который, крестившись, по сути дела, предал своих

предков, или праведником-мечтателем, чья упорная вера во всеобщую любовь, и дело, созданное и работавшее при его жизни, «ушли вместе с ним», именно в силу своей обречённости?

- Христианство не надо переводить на иврит. Оно вышло из еврейской утробы. Брат Даниэль, как и Даниэль Штайн, хотел, чтобы в мир вернулось то первоначальное христианство, которое не порвало связи с иудаизмом, как это было в первом поколении христиан. Идея мученичества – христианская идея, совершенно не свойственна иудаизму. Более того, массовое вынужденное обращение евреев в христианство в Испании было именно с тем связано, что еврейская традиция, считая жизнь самой высшей ценностью, допускала это насильственное принятие христианства «для спасения жизни». В логике христианской отречься от Христа совершенно невозможно ни при каких обстоятельствах: лучше расстаться с жизнью, которая не представляется сама по себе конечной ценностью. Отсюда огромное количество святых мучеников, многие из которых не просто претерпевали страдания, но и добровольно шли на них. Отсюда и христианская концепция «полезности» страдания. Кошмарная довольно концепция....

Что касается моего литературного героя, то крестился он добровольно, это был его личный выбор, и притом очень острый, И не надо путать два события его жизни – его побег из Литвы в Белоруссию, когда он понимает, что может спастись, только перестав быть евреем в глазах окружающих, и другого события, его обращения после расстрела евреев Мирского гетто.

Это был момент, когда он отвергает того Бога, который допустил истребление избранного народа, таким образом, из его отрицания «еврейского» Бога следует и принятие Бога страдающего, распинаемого, убиваемого. Это и есть христианство. Современный синагогальный иудаизм для меня так же мало приемлем как и институцированное христианство, и поиск личного Бога – честнейший поиск духовного пути. Никакого предательства я в поиске не вижу. Даниэль любит свой народ, любит свою страну и работает на идею любви и уважения людей друг другом вне зависимости от их вероисповедания. Что в этом плохого, кроме того, что это очень трудно реализовать?

- Вы не раз объясняли, что цель этого необычного романа – не отвечать на вопросы, а задуматься над ними. Но мне показалось, что и в книге, и сейчас, Вы дали ясный ответ на вопрос о причинах принятия Даниэлем христианства. Одна – желание выжить, и другая – разочарование в том «еврейском» Б-ге, допустившем истребление своего народа. Но ведь и вне тех обстоятельств, в обычной жизни, страх насмешек, унижений,

обвинений во всех грехах, продолжает порождать желание быть как все, то есть неевреем. Вы считаете, смена религии избавляет от впитанного за века гонений, страха и чувства принадлежности к тем, с кем ты «одной крови»?

- Ни от чего не избавляет. Он остается евреем. Верующие евреи не оставляют своим соплеменникам даже возможности считать себя евреями, если они не принадлежат иудаизму, если они агностики или атеисты. В этом большая ограниченность. Мои соплеменники могут меня вычеркнуть из списка евреев, но я для всего остального мира не перестану быть еврейкой. Я же не вижу в еврействе ни преимущества, ни недостатка. Это факт.

- Фактом является и то, что жизнь нескольких поколений советских людей была запрограммирована государством. А в сегодняшней России, в этом плане что-либо изменилось?

- Да, нечто изменилось, но весьма трудноопределимое. Сняты идеологические каноны. Вместо них предложены негласно «правила поведения», прежние ценности отменены, новые государством не предложены. И за это ему спасибо. Нам дана свобода самоопределяться. Самостоятельно. Но это – труд, и не все на него готовы.

- В своей переписке с Михаилом Борисовичем Ходорковским, Вы задали вопрос: «Как сохранить своё достоинство, свои ценности при неизбежном давлении общества?» Как бы Вы сами на него ответили?

- Это – способ жизни. Сумма твоих личных решений, личных поступков. У каждого своё представление о собственном достоинстве и собственные границы. Опять – личное решение.

- За эту переписку Вам и Ходорковскому была присуждена премия журнала «Знамя» в разделе публицистики. Скажите, какую цель Вы преследовали, отдавая текст в печать? Вы всерьёз надеялись достучаться до совести конкретных людей, владеющих рычагами власти и способных прекратить это издевательство над здравым смыслом?

- Цель моя была – дать возможность Ходорковскому высказаться. И он это сделал, ответив на мои вопросы, связанные с его пониманием достоинства, государственности, отношения личности и власти. У меня совершенно не было иллюзий относительно того, что инициаторы процесса прочитают переписку и извинятся перед Михаилом Борисовичем. У меня была скорее надежда на то, что наше сонное и ленивое общество поймёт, какого масштаба лжи этот процесс, увидят степень абсурда происходящего.

- Ваша пьеса «Вишнёвое варенье» - парафраз чеховского «Вишнёвого сада». Обе пьесы – об интеллигенции, её неумении приспособиться к предлагаемым историей обстоятельствам. А какой Вы видите современную интеллигенцию? Судя по пьесе, мне показалось, отношение у Вас к ней не самое благожелательное...

- Интеллигенция – созидательница и хранительница культурного потенциала нации. У нее нет задачи приспособиваться к предлагаемым обстоятельствам. В этом её сила, в этом ее слабость. Как бы я к ней не относилась, она лучше, что есть у нации. Не футболисты, не шоумены всех видов, не бизнесмены, и уж тем более не политики. Интеллигенция, даже в ее русском своеобразном варианте – это врачи и учителя, ученые, это библиотекари и работники музеев, это вообще все люди с интеллектуальными запросами. Особенно это заметно в провинции. Я довольно много езжу по российской провинции, и могу свидетельствовать, что, во-первых, она есть, и, во-вторых – она лучше, что есть. Пройдет поколение, и возможно, она совсем выродится, совсем обнищает и перестанет быть сама собой. Профессор Преображенский уже не живет на Пречистенке в Калабуховском доме, его давно выселили на окраину, в Бибирево или в Марьино, лишили кабинета, прислуги, достойной оплаты, но он пока еще жив. А на Пречистенке живёт новая буржуазия, которая ничего не знает и не умеет, кроме как деньги делать. Так что ошибка – я интеллигенцию люблю, и если позволяю себе над ней посмеиваться, то лишь по той причине, что и сама к ней принадлежу.

- Ваш новый роман «Зелёный шатёр» - как раз об интеллигентах. Мне показалось, что по своей драматургии, эта книга - калейдоскоп рассказов из жизни российских интеллигентов. Прочитав её, приходишь к неутешительному выводу, что интеллигенция, по своей сути, - сословие одиноких людей, которым одинаково некомфортно как в опасной близости с властью, так и в толпе. В свою очередь, и власть, и толпа их тоже не жалует и относится, в зависимости от ситуации, в худшем случае – враждебно, в лучшем – с издевкой и насмешкой. Чем отличается сегодняшнее поколение интеллигентов от поколения их родителей?

- Нет такого поколения – интеллигентов. Всегда были отдельные люди, малоспособные к групповому объединению. Их так мало, что недавно мы с приятелем обсуждали – один вагон или один состав понадобится, чтобы всех интеллигентов выслать в

Магадан или куда там власть решит. Я считала, что вагон, а он полагал, что состав. Так что о поколении речи быть не может.

- Вы сказали, что для сохранения в себе человека, необходимо совершать индивидуальные усилия. Герои Вашей книги именно это и пытаются делать. Но почему Вы не позволили никому из них выжить? Следует ли это понимать, как невозможность оставаться свободным и порядочным человеком в несвободном обществе?

- А вам когда-нибудь в жизни встречалась такая ситуация, чтобы все выжили?

- Мы же говорим не о семейной саге, а о повествовании, уместившемся в отрезок времени длиной в сорок три года – со дня смерти Сталина до дня смерти Бродского. Тем более, я имею в виду не всех персонажей, а трех главных героев – Миху, Илью и Саню.

- Даже те из моих героев, смерть которых не описана, умрут; умрет и автор, и сегодняшние читатели. Более того, уйдут и порядочные люди, и негодяи, и даже нет никакой уверенности в том, что добрые и прекрасные умрут легкой смертью, а убийцы и негодяи будут долго мучиться. «Зеленый шатер» - место, где все встречаются вне зависимости от их личных качеств и деяний. Это последнее равенство – небытие. Вне зависимости от режима, места действия и эпохи. Но ваше прочтение – тоже вполне возможно.

В советские годы существовало диссидентство – демократическое движение, противостоящее власти. По сути, это была борьба не столько за свободу совести, слова, личности, сколько за сохранение собственного человеческого достоинства. Нужно, и есть ли движение, подобное диссидентскому, в современной России? В чем это противостояние проявляется?

- Сегодня иначе: стоит большая очередь из людей, стремящихся за недорогую плату продать это самое чувство человеческого достоинства. Ничего, живут без него и даже не замечают потери.

- И всё же, почему в России исторически не любят умников, но почитают мучеников и юродивых?

- Да каких таких мучеников в России почитают, когда любимый народный святой - Александр Невский? Прочитайте его житие и поймете, кого почитает народ! Юродивых еще в 18-году власть кого поубивала, кого пересадила. Я этот материал специально исследовала, даже пьесу написала «Семеро святых из деревни Брюхо» - на документальном материале, между прочим. Власть почитает только жестокую и бессмысленную силу, ее герои Дзержинский, Жуков. Не говоря о преступных отцах-основателях

советского государства. Не мученики власти нужны, а идеологические иконы, а с этим товаром довольно сложно – в наше время ни Павликом Морозовым, ни Александром Матросовым не обойдешься. Вот и нет у нашей власти ни героя нашего времени, ни национальной идеи – никак не высасывается из пальца.

– Что Вы ощущаете, наблюдая превращение Ваших книжных героев – в экранные? Довольны ли киноверсиями «Весёлых похорон» и «Казуса Кукоцкого»? Присутствовали ли на съёмках, участвовали в подборе актёров?

- В лучшем случае (Казус Кукоцкого Юрия Грымова) я могу это принять, в худшем (Веселые похороны) могу не смотреть. Избегаю экранизаций. Меня долго надо уговаривать. Хотя я много написала в своей жизни и сценариев, и пьес, могу сказать, что, безусловно, предпочитаю одинокую работу писателя командной работе драматурга.

- Наверное, большинство читателей узнали и полюбили Вас как автора рассказов, (мне лично запомнились и до сих пор одни из любимых – «Генеле-сумочница», «Детство сорок девять» и «Кошка большой красоты»). Вы не жалеете о том, что «изменили» этому жанру, занявшись написанием романов?

- А я с этим жанром и не расстаюсь. Его любят читатели и не любят издатели. Сегодня многие издатели считают, что рассказы хуже продаются. Но книги вообще продаются всё хуже и хуже. Проблемы маркетинга меня не занимают. Хотя все писатели зависят от рынка, но я никогда не бежала ему навстречу.

- Вас, в принципе, задевают негативные отклики?

- Иногда бывает очень интересно. Иногда злит непонимание или злобный тон, но вообще я с интересом отношусь к критике.

- Умеете ли Вы по-настоящему отдыхать, отодвигая все проблемы, незаконченные дела, суету – на второй план? Где Вам отдыхается лучше всего?

- Много лет назад мы с мужем отдыхали в Хорватии. Один раз была в Шерм-эль-Шейхе. Тоска и уныние современного отдыха, его искусственность, дешёвая роскошь, многолюдство - не для меня. Пару раз была в Болгарии, где внуки отдыхали, чтобы с ними пообщаться – всегда с работой. Это рабство, от которого я не могу освободиться. Рабство добровольное, но от этого оно не перестаёт таковым быть.

К сожалению, жизнь человека, не ограниченного рабочим днем и формальным отдыхом, в моем случае не предполагает перерыва. У меня много поездок, они деловые, но иногда удаётся

«вырвать» для себя пару дней. Отдыхала я в молодости, когда дети были маленькие - вывозила их в Крым и жила там месяца полтора-два. Назвать это отдыхом смешно – на рынок с рюкзаком, с коляской и малышом за руку, готовка на баллонном газу или на керогазе, стирка в корыте, конечно, без няни. Но было все равно замечательно, и я вспоминаю об этом времени как о прекрасном куске жизни. Живу на бегу и не умею остановиться. Может, научусь еще. Может, не успею.

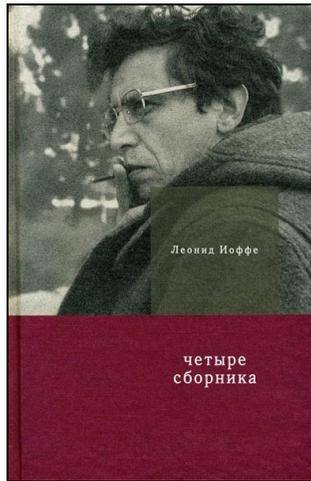

Михаил Юдсон

Кузов звуков. Леонид Иоффе.
Четыре сборника*

авным-давно, начну тягуче и издалека, в Поднебесной империи, где, как известно, все жители китайцы и сам император китаец – существовало заветное место, запретный пригород, куда сгоняли всех тружеников кисти и пера – художников, писателей, поэтов – этакая первошарашка для кистепёрых! – и там, в затворе и тиши, они творили. И тушечница была полна, и кисточка пушиста, и бумага рисинка к рисинке. А называлось это место – Лес Карандашей.

Сегодня мы окружены невероятным количеством текстов, вокруг нас выросли настоящие книжные джунгли, бумажно-электронные чащобы, вавилонский бор Борхеса со множеством

---

* М.: Новое издательство, 2009

разбегающихся тропок и шестигранных галерей. И мы, усталые странники страниц, со стертým узловатым посохом указательного пальца – вынуждены пробираться сквозь густой валежник, прорубаться через цепкое лианозово с кузовком для прилежного собирательства, тихой охоты.

Порой бредешь себе подслеповато среди мшистых стволов томов, отмахиваясь от звонкого назойливого гнуса, вдруг – чу! – зов звука чистый и прозрачный, и устремляешься, спотыкаясь и теряя тапки, и натыкаешься на чудо.

Книга Леонида Иоффе – такая нечаянная радость. Фио – Иоффе, Леонид Моисеевич. Родился в 1943 году в Самарканде, в эвакуации, жил в Москве, окончил мехмат МГУ, потом одолел и аспирантуру при кафедре функционального анализа, при этом неустанно писал стихи в самиздате, мечтал сменить советскую Самаркандию на сионистскую Самарию – и в году 1972 взошел в Землю обетованную, обитал в Иерусалиме, умер в 2003 году после долгой тяжелой болезни. А стихи остались и, благодаря добрым разумным людям, составили данную книгу.

«А матовая чешуя,
Кольчужно и не осыпаючись,
Одела дни певцов с их ячеством
И безголосцев, воля чья.
Лишь века мыкательный ветер
Над купною красой дерев
Летит, и мирятся, и терпят
Под ним и стог, и снег, и птица,
И стол, и сталь во стане вер».

Корпус строф Иоффе, его поэтический портрет, обрамлен в книге короткой прозой Михаила Айзенберга (он же редактор «Четырех сборников») и Зиновия Зиника. Айзенберг в своем эссе зорким оком исследователя текста и слогом дарителя радости замечает: «Стихи говорили о привычных, часто будничных вещах, но в самих стихах не оставалось ничего будничного, любое слово там шло как на праздник, как на парад... Иоффе – поэт крайних языковых переживаний, почти эротически ощущающий слово... Слова, сдвинутые с привычных позиций, начинают искать новые места и новые связи... Смысл идет вслед за звуком, уходит вслед за звуком в какие-то неведомые области. И сердечный такт повторяет за ними все их движения. Многое уходит, но звук остается: открытый звук, - небывалый и незабываемый».

Закрыв замечательное благовещенье от Айзенберга, обратимся к стихам:

«Повязало сторонних становье,
Стало местом на двор и на дом.
Виноградное солнце сквозное
Разномастных вязало родством».

Что сказать, поистине «прозванный» (для меня, ленивца нелюбопытного) поэт. Но пройдя пространство книги от Айзенберга до Зиника, прокатившись по воздушному зимнику Иоффе – аз неразумный осознал! «Точный узор слов, однажды обозначенный поэтической мыслью, никуда не девается. Стихотворение может принимать в разные периоды разные обличья – интерпретации в чужих глазах – по ходу географических и идеологических блужданий поэта. Но в конце концов слово обретает свою независимость от того, как и кто интерпретирует и биографию, и взгляды автора. Поэт России не обязательно возвращается в Россию. Но он возвращается в русскую литературу», - возвещает на прощанье Зиник.

«Все вышло правильно
Любуемся холмами
Вживаемся в отвагу муравьев
Мы сами выбрали
Мы выбрали не сами
Наш самый свой из не своих домов».

Занимательно (имманентно?), что у Иоффе, треть века прожившего в Иерусалиме, на трехстах страницах лишь раз встречается еврей: «Закон евреев для житья не принял он вполне». Поэт живет в языке, именно его вкусовыми пупырышками определяется жара-мерзлота, свой-чужой.

«Стать побратимами
По месту и по дротику,
Знать, где чужбина
И опять не знать, где родина».

Зато Иоффе прекрасно знает прекрасную половину мира, он близко знаком с иным, женским измерением, и воспевает его с хорошо поставленной нежностью:

«Девушка – сумрак чистый.
Руки в нем, лицо и шея.
Закупоренный, душистый
Флакон – для того, кто с нею.

Флакон с женским настоем, -
Его, где власть надо многими,
Но и над нею самою,
Несут надменные ноги.

Вышагивает на свидание
Или еще куда, -
Видом чередования
Ног своих горда.

И при ходьбе колени
Выплескивает вперед
Девушка, - открытые
Того, кто ее ждет».

Цитировать можно верстами – подряд или отщипывая кусочки, отщепляя дольки: «Грибоед, награжденный арбой», «Сгинь, идол тутошнего срока... Любуясь глиняным овалом, китаец, с виду одинокий, над чашей риса фехтовал», «Тех глазомер подвел, тех прыткость довела. Где равновесие? Полжизни за опору. Все упирается в тоску по разговору. Каурка выдохся, продолжим на волах», «Мы все глядим, а куст горит, а мы – малы», «Как сажены над преисподней, мы продержались и сегодня», «И получилось ровно то, чем вряд ли следует гордиться, - не след бурлящий за винтом, а мертвой гавани водица.. И я не выйду никогда в счастливое по морю плаванье, - у выхода из мертвой гавани я затопил свои года». Значительна и некрупная проза поэта – эссе «Искусство – для жизни?!», «Послесловие», «Речь на вручении премии имени Р.Н. Эттингер». Здесь размышления о людях и годах, жизни и судьбе неизменно оборачиваются молитвенным возвращением к стихии звуков, к традиции «обоожествления поэзии и речи и поклонения им».

Напослед настоятельно советую всякому просвещенному читателю, сотоварищу по пиитическим скитаньям, насельнику книжного бора – отринуть безмолвие белого, назваться груздем, раздобыть «Четыре сборника» Леонида Иоффе (пусть и не в благородной патине обложки, а в паутине интернета) – и с наслаждением погрузиться в кузов звуков.

Игорь Ефимов

Приглашение на карнавал

О книгах Петра Вайля

*В Японии искал маску по себе. В театре «Но»
есть маска удовлетворённости и жизнерадостности
– отафуку; посмотрел: цвет бледный, выражение постное.
В основе такого дикого, на наш взгляд, парадокса – правило
эмоции – твоё личное дело, не выноси на обозрение. Больше
подошла маска кукольного театра Бунраку – тярикуби: роза
круглая
нос картошкой, со всеми в ладах, рот полуоткрыт от
любопытства и готовности всё попробовать.
Пётр Вайль. «Гений места»¹*

Пётр Вайль эмигрировал из СССР в 1977 году. За тридцать лет жизни на Западе он опубликовал дюжину книг, сотни статей, а его радиопередачи, ушедшие в эфир через микрофоны станции «Свобода», должны исчисляться тысячами. В предисловии к книге «Стихи про меня»² он писал: «по вторгшимся в тебя стихам можно выстроить свою жизнь – нагляднее, чем по событиям биографии» (СПМ-13).

Хотя в этой книге читатель найдёт много исповедальных моментов, отнести её к разряду «автобиографических» всё же не получается. Её уникальный – автором специально придуманный – жанр точнее всего было бы определить как «Сборник объяснений в любви». В любви к стихам и к поэтам, их сочинившим. Причём, именно не «признаний в любви» – признания могут быть короткими, как тост, – а «объяснений», с подробными и далёкими отступлениями в историю отношений, в собственную судьбу, в судьбу объекта любви – то есть в историю написания полубившегося стихотворения. Память Вайля хранила бездонные клады цитат, хронологических сведений, исторических анекдотов, впечатлений мемуаристов, и он щедро украшал ими свой рассказ,

как бы бросая лучи разноцветных прожекторов на стихотворение, вынесенное к рампе. Поистине, счастлив должен быть поэт, которому удалось задеть сердце столь чуткого, отзывчивого и благодарного читателя.

Петр Вайль

Уже в книге «Гений места», вышедшей в 1999 году, Вайль продемонстрировал свой уникальный дар – наслаждаться сокровищами мировой культуры. Как щедрый распорядитель карнавала ведёт он своего читателя по обоим полушариям, из города в город, устраивая в каждом настоящее пиршество для души, заражая нас своей способностью впитывать музыку слов, краски картин, свет и тени соборов, раскаты оперных арий, кадры кинофильмов, даже шедевры кулинарии и гастрономии. Найденный там приём построения глав – «один город – один художник» – в какой-то мере использован и в книге «Стихи про меня»: мы попадаем в Марбург вместе с Пастернаком, в Петербург – с Мандельштамом, в Прагу – с Цветаевой, в Нью-Йорк – с Маяковским, в Рим – с Бродским. Но принцип «одно стихотворение – одна глава» соблюдается не строго: стихотворение скорее включается как развёрнутый эпиграф, а тема главы может свернуть в совершенно неожиданную сторону, что вносит даже некоторый детективный элемент в повествование.

Ещё мудрец Экклезиаст, три тысячи лет назад, пришёл к выводу, что нет для человека «ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей... как наслаждаться... делами своими»

(Эк. 3:12, 22). Представляется парадоксальным, что Пётр Вайль, всю жизнь страстно выступавший против всякого учительства и проповедничества, одну за другой выпустил книги, по которым люди пытаются научиться у него этому восторженному – и завидному – приятию мира культуры, приятию, способному наполнить любую жизнь радостью и смыслом. В мировой литературе так много книг, талантливо и ярко описывающих путь автора в бездну отчаяния. Не лучше ли взглядеться наконец в путь, приведший человека к миру душевному, к умению наслаждаться не деньгами, успехом, важным постом или властью, а сокровищами искусства, доступными – казалось бы – всем и каждому?

Литературная «реконкиста»

Этим трудным словом в учебниках истории обозначается долгая – в полтысячелетия – война (10-15 века), которую испанцы вели против мусульман, отбивая у них обратно свою родину – Пиренейский полуостров. Уже в ранней молодости Пётр Вайль и его друг и соавтор, Александр Генис, поняли – через вспышки пережитых словесных наслаждений ощутили – чутьём осознали, – что их родина – российская словесность. И одновременно с этим увидели, что эта родина оккупирована захватчиками, чуждым племенем по имени «советская идеология». Смело и весело вышли они на битву с могучим врагом и повели свою войну за отвоевание родных книжных просторов.

Их первая книга, посвящённая этой теме, называлась «Современная русская проза». ³ Опустив в названии просившееся слово «неподцензурная» авторы как бы с самого начала давали понять, что на другую прозу не надо обращать внимания, что именно взбунтовавшихся писателей они считают главными участниками российского литературного процесса. Имена Алешковского, Владимирова, Войновича, Довлатова, Венедикта Ерофеева, Зиновьева, Искандера, Синявского, Солженицына, Шаламова маркировали линию боёв – победных восстаний – против мертвящего идеологического гнёта. Однако оставались ещё огромные территории русской классики, казалось бы, навсегда захваченные коммунистической пропагандой и погружённые навеки в формальдегид «классовых истолкований». И восемь лет спустя Вайль и Генис, продолжая свою реконкисту, выпускают сборник статей «Родная речь» ⁴, построенный как зеркальная альтернатива учебнику литературы средней школы. Главный пафос этой книги – порвать цепи, которыми советская власть приковала к своей идеологической галереи Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Чехова и других,

перечитать их заново свежим – а порой и хулигански-парадоксальным – взором, вывести к читателю во всём их своеобразии и непредсказуемости.

Не следует забывать, что коммунисты не первые стали требовать от искусства *правильности и полезности*. Эту узду пытался накинуть на Пегаса ещё Платон в своём проекте идеального государства. Писарев, с его «сапогами, которые выше Пушкина», жил всегда и будет жить вечно. Человек, обделённый способностью эстетического восприятия, всегда будет выкрикивать своё возмущённое «зачем?» и не успокоится, пока ему не придумают какое-нибудь рациональное истолкование чуда искусства. С точки зрения государства, искусство всегда будет представлять собой разрушительный соблазн, поэтому оно должно быть либо совсем запрещено (как у древних иудеев или сегодняшних саудовцев), либо приставлено крутить пропагандистские жернова.

Правление коммунистов во всех странах приняло на вооружение второй вариант. Оно узурпировало все высокие слова, на которые способно откликаться человеческое сердце, – совесть, родина, честность, мужество, бескорыстие, сострадание, самоотверженность, патриотизм, разум, долг, свобода, искренность – и объявило себя главным носителем и защитником этих понятий. Позднее Вайль напишет: «Компартия официально именовалась “ум, честь и совесть” нашей эпохи, и ни в чём неповинные существительные “ум, честь и совесть” стало невозможно без стыда или насмешки применить ни к чему иному».⁵ Естественно, всякий, кто посмел бы поднять голос против коммунистической идеологии, выглядел бы противником разума, чести, совести.

Вайль и Генис не могли не видеть этой западни, но решили не обходить её, а ринуться напролом. Вы говорите нам, что величие Пушкина, Толстого, Чехова состояло в том, что они воспевали русский народ, назревавшую революцию и торжество разума? А мы докажем – покажем, что дороже всего им был отдельный человек, его частная жизнь и торжество абсурда в мировой истории. Не Простаковы и Скотинины в комедии Фонвизина «Недоросль» заслуживают насмешки и осуждения, а все эти умствующие тираны – Стародум, Правдин, Милон, – которые вторглись в жизнь простых и славных людей и разрушили её (РР-16-22). Не «Полтава», «Борис Годунов», «Медный всадник», «Капитанская дочка», даже не «Евгений Онегин» лежат в фундаменте мировой славы и значения Пушкина, а сборник его лирических стихотворений, где разговоры о «вольности святой» –

лишь дань светской моде. Вы заставляете нас в школе учить наизусть «На смерть поэта», «Думу», «Бородино»? А мы вам убедительно объясним, что весьма слабый поэт Лермонтов всю свою короткую жизнь вырывался из тисков стихотворной строки, из всех этих «а вы, надменные потомки» – на простор холодной и циничной прозы «Героя нашего времени» (РР-66-81). И уж конечно художественной вершиной восьмитомной эпопеи Льва Толстого является та сцена, где Наташа входит и произносит бессмысленное слово «Мадагаскар», приобщая своего создателя к светлой когорте писателей-абсурдистов. (РР-149)

На войне – как на войне. Там часто «своя своих не познаша», там гибнут невинные мирные жители, там «артиллерия бьёт по своим», там не щадят сады и соборы, там слово, произнесённое на языке врага, может оказаться достаточным поводом для расстрела. Мусульмане и язычники сделали ежедневные омовения чуть ли не религиозной обязанностью? Так мы, христиане, объявим отказ от мытья подвигом аскетизма и будем превозносить монахов и монахинь, которые не моются годами. (Запах – стерпим.) Коммунисты восхваляют трезвость? Так мы восславим пьянство, объявим его формой священной борьбы с всеильной идеологией. «Пьяный образ жизни – достойный уже потому, что частный, выведенный из-под государства... По книге [Венедикта Ерофеева] “Москва–Петушки” можно жить, много ли таких книг на свете?» (СПМ-207).

Военные шрамы, военные привычки остаются на всю жизнь. Не будем забывать, что книги Петра Вайля написаны ветераном той долгой войны, той литературной реконксты, в которой он участвовал почти два десятилетия.

Стихи слетаются

Поэзия не есть способ выражения эмоций. Она – способ избегания эмоций.

Томас Элиот

В книге «Стихи про меня» – 55 главок, в них «расселены» 25 русских поэтов 20-го века. Заданы хронологические рамки: с 1901 по 2001 год. Кому-то досталось по одной главке, кому-то – по три-четыре. (Долой уравниловку – выбором правит любовь.) Больше всего внимания уделено, конечно, Бродскому – 72 страницы из 680. Александру Володину – всего пять строк. Несколько видных поэтов обойдены вниманием автора: Ахматова, Вознесенский, Горбаневская, Горбовский, Евтушенко, Кушнер, Мартынов, Слуцкий.

Вайль не пытается *объяснять* достоинства приводимых стихов, перечислять доказательства их превосходства над другими. Он как будто листает вместе с нами семейный фотоальбом или альбом с фотографиями волнующих путешествий и встреч, с любовью поясняет судьбу персонажей. Вот, например, как произошла первая встреча с поэзией Мандельштама. Девушка, рядом с которой он заснул накануне (нет, ещё не в постели, но на клавишном концерте в филармонии, приняв дозу портвейна), читает ему наизусть «Бессоница. Гомер. Тугие паруса...» на берегу осенней Балтики. «Она читала так, будто написала сама. Точнее, как будто это я написал. Мы стояли на самой кромке берега, аккомпанемент был не только слышен, но и виден. Строчки ударялись в меня и возвращались в море. Я заставил девушку прочесть ещё раз, чтобы запомнить, убедился, что запомнил, и устремился в прибрежный шалман.» (СПМ-135)

А вот о «Марбурге» Пастернака:

«Как наглядно и убедительно вписывает Пастернак тончайшие чувства в марбургскую ведуту! [Ведута – городской пейзаж, итал. – *Словарь*] Они – не детали декорации, а драматические исполнители – все эти остроконечные крыши, булыжные мостовые... Не просто одушевление города, но и его соучастие в твоих интимных делах, его переживания вместе с тобой – совпадающие даже по внешним признакам... Через двенадцать лет после стихов Пастернак в прозе рассказывает о том, как Марбург перенёс его любовный крах: он отсутствовал всего сутки, уезжал в Берлин, но город успел отреагировать... “исхудал и почернел”.» (СПМ-146)

Правда, тут у внимательного – въедливого – читателя-педанта может мелькнуть сомнение: да правильно ли Вайль прочитал «Марбург»? Там уже в первой строфе – с редкой для Пастернака ясностью – описана суть происшествия: он со страхом сделал предложение возлюбленной – получил отказ – и не просто вздохнул с облегчением, но «стал святого блаженной!» И в следующей строфе подтверждение: «...Я мог быть сочтён / вторично родившимся». Конечно, есть и тоска, потому что кончилось то волшебство, когда можно было *мечтать* о любимой – «...всю тебя, от гребёнок до ног, / Как трагик в провинции драму Шекспирову, / Носил я с собою и знал назубок, / Шатался по городу и репетировал». Но ведь это волшебство кончилось бы ещё вернее, если бы предложение было принято. Жену-то уж точно было бы невозможно обожать так театрально издалека, со стороны. (Заметим ироничное сравнение себя с провинциальным трагиком.)

Однако Вайлю важнее в стихотворении другое. «Восхитило дерзкое внедрение, пусть и в некороткую строку четырёхстопного амфибрахия, небывало длинного, из двадцати букв, слова: *кровоостанавливающей*». (СПМ-147)

Такое же взглядывание в слова – в обход реальных чувств – и поиск именно в подборе слов волнующей *правды* мы находим в главке о стихотворении Сергея Гандлевского «Когда я жил на этом свете...»: «Болезненно трогают языковые проявления – фонетика, морфология, синтаксис, да и вообще всё то, что бессмысленно проходили в школе, не подозревая, что это и есть гамма жизни, сама жизнь... Лексикон Гандлевского – первого порядка, без поиска экзотики. Но выбор слов и словосочетаний таков, что ощущение новизны – непреходяще... В этом стихотворении ощущение *настоящести, истины* (курсив мой – И. Е.) возникает в первую очередь от безукоризненного подбора глаголов действия-состояния... Ещё – от искусно выстроенного косноязычия, простонародного лепета, интонации неуверенности, в которой только и выступает правда». (СПМ-680)

При такой страсти к «ощущению новизны» не приходится удивляться тому, что глубочайшее впечатление на Вайля произвели – с юности и до зрелости – стихи Маяковского. Ему в книге Вайля отведено 44 страницы, из них 20 – прямое цитирование («Порт», «Бруклинский мост», «Во весь голос»). «Впервые Маяковского я по-настоящему прочёл после Вознесенского... Восемь строчек “Порта” запомнил мгновенно, как проглотил... От напора бросало в жар... От живой яркости картинки делалось весело» (СПМ-97). Тонко и убедительно Вайль прослеживает сходство поэтики Маяковского с мелодикой – и эффектом воздействия – джаза. Он выделяет «Бруклинский мост» как шедевр, вкрапленный в «плоскую публицистику» цикла «Стихи об Америке». С увлечением перечисляет образы из «Во весь голос», разлетевшиеся – проникшие в русский язык – чуть ли не в виде афоризмов: «бронзы многопудье», «очки-велосипед», «доходней оно и прелестней» (СПМ-279).

В то же время автор не даёт юношеской увлеченности ослеплять себя – зрелого. «При чтении всего Маяковского возникало ощущение, что в последние годы громкими эффектными лозунгами он оглушал не столько читателя и слушателя (выдающийся эстражник), сколько себя» (СПМ-276). И горькому приговору Ходасевича в книге дано место. Ходасевич «отказывает Маяковскому даже в том, что, казалось бы, общепризнанно, в звании “поэта революции”»: “Ложь! Его истинный пафос – пафос погрома, то есть насилия и

надругательства над всем, что слабо и беззащитно, будь то немецкая колбасная в Москве или схваченный за горло буржуй. Он пристал к Октябрю именно потому, что расслышал в нём рёв погрома”». (СПМ-101)

Не все поэты и не все стихи принимались легко и сразу находили – завоевывали – своё место в «альбоме» Петра Вайля. Он сознаётся, что, например, сближение со стихами Цветаевой было трудным и что многое в её поэзии осталось чуждым. Её стихи «напугали надрывом (“невозвратно, неостановимо, невосстановимо хлещет стих”) и оттолкнули. Понадобилось время, чтобы привыкнуть (хотя и сейчас – не вполне)» (СПМ-105). Тем не менее, не исключено, что именно пример смелости Цветаевой, продемонстрированной ею в эссе «Мой Пушкин», вдохновил Вайля построить рассказ о самом важном для него поэте в том же ключе – «Мой Бродский».

«Пушкину я обязана своей страстью к мятежникам, как бы они ни назывались и ни одевались... страстью к *преступившему* – чётко указывает Цветаева. – Ко всякому предприятию – лишь бы было обречено». Пушкина-историографа, написавшего «Историю Пугачёвского бунта», она решительно отвергает.⁶

В отличие от неё, Вайль пытается изобразить Бродского полностью приемлемым для себя, превращает рассказ о нём в панегирик. Главные черты поэта в этом портрете – мужество и жизнелюбие. Вот о стихотворении «Пьяцца Маттеи»: «Как бесстрашно Бродский повторяет на разные лады слово “свобода”, изжёванное всеми идеологиями... Как радостно присоединяешься к этому чувству. “Пьяцца Маттеи” – может быть, лучший пример того, что настоящий поэт, о чём бы ни заговаривал, всегда говорит то, что хочет и должен сказать» (СПМ-628-29).

В последней фразе Вайль, поддаваясь эмоциональному порыву, выдаёт два секрета, которые в других рассказах умело и тактично скрывает: а) что он знает, какой поэт *настоящий*, а какой – нет, и б) ему известно, что именно поэт *должен* сказать.

Все мы, конечно, имеем право на «своего Пушкина», «своего Бродского», «свою Цветаеву». Было бы нелепо, если бы одни читатели начали обвинять других в создании «неправильных» образов любимых поэтов. (Хотя миллионы разговоров на российских кухнях были переполнены именно такими обвинениями.) Понятно, что душевный и поэтический мир Бродского так неохватен, что любой портрет его требует как минимум монографии. И всё же, в изображении Вайля, Бродский предстаёт хотя и узнаваемым, но лишённым какого-то важнейшего свойства, самой главной черты. Как если бы нам нарисовали слона

– всё правильно, четыре плотные ноги, огромный размер и вес, хвост, рот, глаза – но забыли бы нарисовать хобот и бивни. Или орла (ястреба?) – без клюва и крыльев. Или меч-рыбу – с обломанным мечом. У Бродского на портрете кисти Вайля отнято именно то свойство, которым он превосходит всех русских поэтов 20-го века: способность *трагического* восприятия Бытия, способность стоять лицом к лицу с Небытием и не впасть при этом в отчаяние.

Наткнувшись на это явное искажение знакомого облика, начинаешь припоминать, что и образы других поэтов в этой книге были лишены каких-то важных черт и штрихов. Будто кто-то прошёлся по фотоальбому ножницами и бритвочкой, там и тут удаляя «ненужное». Увлечённый чтением пёстрого и талантливового текста, ты проскакивал эти лакуны, но они накапливались в памяти, тревожили, манили взглянуться: что же такое автор так умело и старательно пытается спрятать от нас?

Поэтика умолчаний

Но гибчайшею русскою речью

Что-то главное он огибал...

Лев Лосев

В книге есть такой эпизод: журналисту Вайлю Нью-Йоркская газета «Новое русское слово» поручила описать похороны дочери Толстого, Александры Львовны. Главный редактор прочёл заметку и спросил: «Но почему вы не вставили самую красочную деталь? О том, что в могилу Александры Львовны положили ветку черёмухи из Ясной Поляны?..» Вайль ответил: «Не вставил потому, что это показалось мне ужасной пошлостью» (СПМ-416).

«Хороший вкус» – в поступках, в выборе слов, в одежде, в любовных эскападах – часто выступает в книге как верховный арбитр в оценке человеческого поведения. Какое, например, безвкусие сказать о себе «я кушал» или «я блистал» (СПМ-397)! Автор рассказывает, как он истреблял «личное местоимение первого лица в своих писаниях, за ним гоняясь и изгоняя даже в ущерб стилю и грамматике...» (СПМ-217). (Тем не менее написал целую книгу исключительно про себя.) Всё, что не попадает под определение «хорошего вкуса», рискует остаться за бортом, не будет даже упомянуто. (Хотя тот же Бродский однажды обронил в разговоре: «Хороший вкус необходим портным».) Понятно, что, коли любимый поэт допускал явную безвкусицу, Вайль считал своим долгом обойти этот печальный факт молчанием. Даже если

«безвкусица» представляла собой какое-то чувство, в стихах – по представлениям Вайля – неуместное.

Советская идеология, обрабатывая образы классиков русской литературы, старательно убирала все черты и свойства, которые могли иметь негативный – с её точки зрения – оттенок. Не следовало упоминать, что кто-то из наших несравненных гениев проигрывал большие суммы в карты или на рулетке, имел любовниц и незаконных детей, ревновал, завидовал, лгал, интриговал, проявлял трусость и подбострастие, принадлежал к «эксплуаторским классам» или – не дай Бог! – верил в Бога. Страстный борец с коммунистической идеологией Пётр Вайль с неменьшей старательностью ретуширует портреты полюбившихся поэтов – но совершенно в другом направлении. От каких же «грехов», от какой безкусной «черёмухи» пытается очистить – оградить – обелить – освободить своих любимцев автор книги «Стихи про меня»?

Лишь постепенно, лишь припоминая *другие* стихи, поэмы, строчки включённых в сборник поэтов, начинаешь догадываться, какие чувства и черты попадали под цензорские ножницы. Главным образом удалялись – отодвигались на задний план – игнорировались – чувства негативные, болезненные, чреватые угрозой для любой жизнерадостности: стыд, страх, сострадание, гнев, возмущение. А также – в неожиданной солидарности с идеологией коммунистов – убиралась в тень вся сфера религиозных переживаний и исканий наших стихотворцев.

И действительно – что может быть более безкусным, чем призыв «глаголом жечь сердца людей!»?

Забудем строчки Блока «Мы – дети страшных лет России – / забыть не в силах ничего».

Ошибся Есенин, обещая «новый нож в сапоге» (СПМ-195), никакой нож не объявился. (Если, конечно, не считать террор 1937-го года.)

Ахматову, с её «...кидалась в ноги палачу», просто опустим.

Цветаева, конечно, грешила надрывностью, когда описывала, как «вскрыла жилы...» и кровь хлынула вперемешку со стихами (СПМ-105).

И правильно объяснял Пастернак Мандельштаму, что стихи «Мы живём, под собою не чуя страны...» не имеют отношения к поэзии, а являются просто попыткой самоубийства.

Но и сам Пастернак, наверное, изменял хорошему вкусу, когда оплакивал друзей строчками: «Душа моя, печальница, / о

всех в кругу моём. / Ты стала усыпальницей / замученных живьём».

Бродский мог где-то обронить «Неверье – слепота, а чаще – свинство» или «только с горем я чувствую солидарность», а также сотню-другую подобных безответственных заявлений, но мы его ценим не за это.

Когда осознаёшь целеустремлённость и упорство этого вычёркивания, невольно задаёшься вопросом: зачем? Ради какой цели человек, так умеющий наслаждаться стихами, отбрасывает – лишает себя – таких огромных поэтических просторов и пластов? Не может ли оказаться, что он всё ещё чувствует себя участником литературной реконкисты и, как партизан из анекдота, продолжает пускать поезда под откос и пятнадцать лет спустя после изгнания врага? Или – что более вероятно: он разглядел, что война, в которой ему довелось участвовать в молодости, не в 20-ом веке началась и не в 21-ом кончится? Что коммунизм был лишь временным обличьем вечных врагов прекрасного? И речь здесь идёт не о тех простых врагах – безобразное, примитивное, безвкусное, убогое, – с которыми художник справится и сам – на то он и художник. Нет, имеются в виду враги посерьёзнее, те, что много раз уже вторгались в метафизическое царство Прекрасного, неся над головой развевающиеся знамёна Разумного (Гегель, Маркс, Жданов), Доброго (Руссо, Толстой, Владимир Соловьёв), Высокого (Савонарола, Кальвин, аятолла Хомейни). И вот с ними-то, с их вечными попытками распространить свою власть на художника и ведёт свою борьбу автор книги «Стихи про меня».

Защитим поэтов от самих себя

Да, то, что любишь, и тех, кого любишь, положено защищать. Даже если это сведётся к «защищать от самих себя».

Тоска по родине, разоблачённая – отвергнутая – Цветаевой, вовсе не единственная **«морoka»**, снедающая душу стихотворца. Как неосторожный ребёнок, он снова и снова тоскует по Разумному, тянется к «бессмертному солнцу ума» (Пушкин). Нужно снова и снова объяснять ему, что миром правят абсурд и хаос, что разумное начало в нём – иллюзия, мираж, игрушка рационалистов. Этот тезис всплывает в книге снова и снова, иллюстрируется десятками примеров.

«Поведение Пушкина в истории последней его дуэли нелепо с позиции разума и довольно сомнительно с точки зрения этики». (СПМ-113)

«Сильное переживание, помню, испытал, прочитав показания секундантов Лермонтова и Мартынова. Через неделю

после дуэли четверо вменяемых мужчин, четыре человека чести, вовсе не думая обманывать, рассказали совершенно разное о простейших обстоятельствах события, ведомые чем-то загадочным своим.» (СПМ-354)

А вот о стихийности эмиграции после революции 1917 года: «Уехавшие, ещё за несколько дней до отъезда, могли не подозревать о своём предстоящем шаге. Пугается простодушная правда и сознательная ложь... Знакомая уговаривает Тэффи пойти в парикмахерскую: “Ну да, все бегут. Так ведь всё равно не побежите же вы непричёсанная?!..” И Тэффи, совершенно не собиравшаяся покинуть Россию, неожиданно обнаруживает себя на пароходе в Константинополь.» (СПМ-371)

И призвание поэзии – восхвалять и воссоздавать этот хаос. Как, например, это делает поэт Алексей Цветков в стихотворении «Уже и год и город под вопросом...»: «Эта обыденная мишура приобретает... ценность символа. Правильная – единственно правильная! – жизненная мешанина.» (СПМ-560) (Не переименовать ли книгу в «Единственно правильные стихи»? А в войне цитат снова просится из Бродского: «Выше ль глава день ото дня с перечня комнат?»⁷)

Вывод Вайля: «Забывчивости нет. Случайных ошибок нет. Слух исправен. Глаз остёр. Маразм за горами. Но – никто не понимает никого: не понимает убеждённо, взволнованно, вдохновенно... Непонимание – наше шестое чувство». (СПМ-355)

Зануда-разум тут может начать испускать обычные пiski протеста.

Помилуйте, после исследований Щёголева и других историков, описавших бессильную ярость Пушкина против царя, что же нелепого вы видите в его поведении? Царя нельзя было вызвать на дуэль – вот он и спровоцировал дуэль с царским военнослужащим. Это было ясно всем современникам, от императрицы (признала посланный Пушкину пасквиль-диплом «отчасти верным») до Лермонтова (написал не только «На смерть поэта», но и «Песню про купца Калашникова» – явно на ту же тему). Только прекраснодушный Жуковский недоумевал, но и он прозрел к концу жизни, сознался в этом сыну Пушкина.⁸

А секунданты Лермонтова и Мартынова? Им всем за участие в дуэли грозило, в лучшем случае, разжалование в рядовые, в худшем – по букве закона – повешение. Как же можно утверждать, что на следствии «они не думали обманывать», что их разноголосица предопределялась чем-то «загадочным»?

То же самое про эмиграцию – посреди военного коммунизма люди метались то в одну сторону, то в другую: днём

одолевал ужас перед большевиками, вечером – перед судьбой нищего изгнанника, и никто не мог предсказать, с каким решением душа вынырнет наутро.

Но от всех этих возражений воин Вайль отмахнётся как от «вражеской пропаганды». Особенно ненавидит он генералов неприятельской армии Разума, всех этих философов, которым непременно надо залезть со своими препарирующими скальпелями и в живую тайну искусства. Любимец Гандлевский получает мягкий выговор за то, что вставил в стихотворение имена Кьеркегора и Бубера. Порой начинает казаться, что, была бы его воля, Вайль, по примеру Ленина в 1922 году, посадил бы всех философов на Корабль умников и отправил куда-нибудь подальше. Во всяком случае, их имён почти нет в книге, если не считать процитированных разок-другой Шопенгауэра и Кьеркегора, да Канта и Гуссерля, помянутых в одном ряду с Аттилой (СПМ-560).

Другая опасная «морочка» – тоска поэтов по Доброму и Справедливому. Конечно, Цветаева уже дала мощную отповедь и этому соблазну, написала два страстных эссе: «Искусство при свете совести» и «О благодарности».

«Ем ваш хлеб и поношу. – Да. – Только корысть – благодарна... Только детская слепость, глядящая в руку, утверждает: “Он дал мне сахару, он хороший”... Меня не купишь. В этом вся суть. Меня можно купить только сущностью... Купить меня можно – только всем небом в себе! Небом, в котором мне, может быть, даже не будет места».⁹

Цветаева, Маяковский, Есенин – важные союзники, нездоровое чувство стыда, всякие там угрызения совести им либо совсем незнакомы, либо они оставлены за гранью стихов (заметим: все трое – будущие самоубийцы). Остальные поэты то и дело дают сострадательную слабину. То Блок уронит слезу на девушку во рву некошеном, на всю нищую страну Россию, на плачущую жену. То Мандельштам призовет «прославить власти сумрачное время» и революционный «скрипучий поворот руля». То Пастернак хочет подниматься и падать вместе с пятилеткой, а потом умирает от стыда за то, что уцелел в годы террора.¹⁰ То Бродский роняет там и тут слово «родина», «отчизна», говорит о каком-то долге перед эпохой, призывает «не топтать грань между добром и злом».¹¹

Со всем этим нужно вести решительную борьбу. Лучше всего – путём умалчивания. Пусть ригористы морали вроде Карабчиевского и Ваксберга¹² помнят, что талантливейший Маяковский верой и правдой служил кровавому НКВД, дружил с

палачом Аграновым и разъезжал по всему свету на деньги, конфискованные у репрессированных и расстрелянных. Неважно, что Есенину хотелось «здрав штаны бежать за комсомолом». Главное – великолепие его деепричастий в таких, например, строчках: «Радуюсь, свирепствуя и мучась, / хорошо живётся на Руси» (СПМ-179). Когда Пастернаковский «дурак, герой, интеллигент» красиво удалился с исторической сцены, уступил власть «тёмной силе» и начался террор, мы не станем мучить себя и наших поэтов вопросами: почему? Как это могло случиться? Кто виноват? Разве не ясно, что и здесь показали свою искажённую рожу главные правители мировой истории – абсурд и хаос? Как ни старайтесь, умники, философы и моралисты, не получится у вас никакой «схемы – только хаотический навал ужаса» (СПМ-359).

Конечно, сегодня объяснять всё хаосом гораздо труднее, чем во времена Пастернака. Из миллионных списков «замученных живьём» всё упорнее выступает простая истина: никчёмные убивали энергичных, близорукие – дальноруких, худшие – лучших. Лучших крестьян, лучших инженеров, лучших учёных, лучших командиров, лучших композиторов, лучших писателей и даже – самоубийственно! – лучших врачей. Вайль и сам приводит слова провидца Мандельштама, сказанные им жене посреди террора: «Уничтожают у нас людей в основном правильно – по чутью, за то, что они не совсем обезумели» (СПМ-187). Но потом возвращается на свою абсурдистскую стезю и настаивает на том, что «логика репрессий ставит в тупик» (СПМ-358).

Вся эстетика рождается из возгласа «Как ты красив, проклятый!» Вся этика – из стога «Как тебя жалко, бедный!». Импульс сострадания к измученному, голодному, тёмному народу пронизывает всю русскую культуру – от Радищева до Бродского. Миллионы российских интеллигентов рвались помочь, спасти, просветить, облегчить участь простого человека – как умели, как могли. Но нередко болезненный укол иглы сострадания пытались просто анестезировать морфием любви.

«Россия, нищая Россия, / мне избы серые твои, / твои мне песни ветровые – как слёзы первые любви!» (Блок).

«Сквозь... годы войн и нищеты / я молча узнавал России / неповторимые черты. / Превозмогая обожанье, / я наблюдал боготворя...» (Пастернак).

«Не стыдись, страна Россия, / ангелы всегда босые...» (Цветаева).

Классикам вторит Гандлевский: «Раз тебе, недобитку, внушают такую любовь / это гиблое время и Богом забытое место...». (Эти строчки Вайль приводит после великолепной – в

стиле «малых голландцев» – зарисовки «Барахолка на станции Марк», СПМ-647.)

Но если мы отбросим привычные критерии доброты, честности, справедливости, сострадания, долга, чем же тогда будет определяться ценность человека? А вот чем: достоинством. Достоинством, с которым человек принимает своё неизбежное одиночество и неизбежную скуку существования. О стихах Гандлевского: «За этой интонацией – без гнева и пристрастия – правда, потому что речь о себе, о своей ответственности за судьбу. Твоей ответственности за твою судьбу». (СПМ-606) А вот о себе: «К позиции – всё сам, никто не поможет – пришёл самостоятельно [ещё до чтения стихов Георгия Иванова]. Жизнь привела». (СПМ-391)

(Неугомонный зануда: «Значит ли это, что Клюев, Шаламов, Заболоцкий, Олейников, Мандельштам просто безответственно обошлись со своей судьбой, легкомысленно загремели в лагерь? А “всё сам, никто не поможет” – это написано кем? охотником за пушниной? нырлящиком за жемчугом? золотоискателем с Клондайка? Или человеком, всё же всю жизнь существовавшим на зарплату?»)

Наконец, третья **морoka** – тоска человеческой души по Высокому. Размышляя о Бродском, Вайль пишет: «Нечто необычное происходило в мальчике, который на уроке в восьмом классе встал из-за парты и вышел из класса – чтобы никогда больше не возвращаться в школу. Нечто побудило молодого человека произнести в советском суде слова о Боге и Божественном предназначении». (СПМ-487)

Суть этого «нечто» не уточняется, не анализируется. Пожалуй, это единственное место в книге, где порыв человеческой души к Высокому (в терминологии Бродского – «взять нотой выше») описан как некая реальность, заслуживающая уважения. Гораздо чаще он изображён как фальш, поза, срезан насмешкой, принижающим эпитетом, пародией.

Высокая тайна любви-влюблённости, «тёмная вуаль», «упругие шелка», «древние поверья», «в кольцах узкая рука»? А вот Вайль уже в молодости догадался, что Блоковская Незнакомка – это просто блядь, зашедшая в ресторан. (СПМ-57)

Девушки из сборочного цеха реагируют на стихи Северянина хохотом и репликой тоже в рифму: «Ни хуя себе струя!». (СПМ-91)

И не потому ли так полюбилось автору стихотворение Бродского «Пьяцца Маттеи», что там счастливый соперник не

просто уводит отбитую у поэта возлюбленную погулять, но «ставит Микелину раком»? (СПМ-610)

Ради эффектного бурлеска не грех и раздвинуть границы строгой документальности. В какой это «юности» Довлатову и Бродскому довелось выпивать вместе, да ещё с продавщицами из гастронома? (СПМ-59) донжуанский список Бродского может оказаться – при вскрытии через пятьдесят лет – подлиннее Пушкинского, но вкуса к продавщицам никто за ним не замечал. (Вайль сам сознаётся, что Довлатовские байки – не самый надёжный источник информации.) «По признанию Блока, у него таких женщин было 100-200-300» (СПМ-59). И кто из читателей вспомнит, что в подлинной дневниковой записи у Блока перед этими цифрами стоит «не»: «У меня женщин не 100-200-300 (или больше?), а всего две: одна – [жена] Люба, другая – все остальные».¹³

Но главное – обойти молчанием порыв поэтов к запредельно высокому, к Непостижимому и Грозному, к Творящему и Разрушающему. То есть к Богу.

Воплем Иова история русской поэзии прострочена от начала до конца.

Пушкин: «Дар напрасный, дар случайный...»

Лермонтов: «Лишь сделай так, чтобы Тебя отныне / недолго я уже благодарил...»

Блок: «Но над младенцем, над блаженным / скорбеть я буду без Тебя...»

Цветаева: «Пора – пора – пора / Творцу вернуть билет...»

Бродский: «Твой дар я возвращаю...»

Но есть, конечно, и прямые молитвы, и упования, и просьбы о просветлении, и благодарность, и восхваления. (Вспомнить только весь цикл стихов того же Бродского, писавшихся к каждому Рождеству.) Однако для Вайля весь этот огромный пласт духовной жизни – досадная аберрация. Он сознаётся, что в свои 57 лет «молиться ещё не научился» (СПМ-21). Ему гораздо ближе те поэты и писатели, которые – проявляя отменный вкус – обходят молчанием священное «нечто». Например, Чехов. Напрасно акмеисты так набрасывались на него. Зря Ахматова говорила, что «его герои лишены мужества» (СПМ-485). И Мандельштам просто впадал в поэтические преувеличения, когда писал про пьесу «Дядя Ваня»: «невывразительная и тусклая головоломка», «мелко-паспортная галиматья» (СПМ-483). «Почему Бродский холодно, если не неприязненно, относится к Чехову? Дело, вероятно, в акмеистической традиции... Но Бродский – совершенно иное. Его мужество – как раз чеховское.

“Надо жить, дядя Ваня”. Обратим внимание: не как-то по особенному, а просто – жить. Это очень трудно. Ещё труднее – понять это. Ещё труднее – высказать» (СПМ-483, 485).

Ещё труднее – добавим от себя – втиснуть знак равенства между грустно- бытовым мужеством Чехова («зоркость к вещам тупика» – Бродский) и трагическо-экзистенциальным мужеством Бродского, никогда не боявшегося стать с Небытием лицом к лицу. Но чего не сделаешь ради любимого поэта, чтобы удержать его от опасного полёта во всякие там гибельные ястребиные выси.

Поэты, не сорьтесь!

То, что сам Вайль не стал поэтом, – недоразумение, ошибка судьбы. Задумываясь над этим, он справедливо указывает на главные причины: «недоставало амбиций и самомнения» и «слишком любил чужие слова» (СПМ-128). Главными свойствами поэта – отталкиванием от всего предсказуемого и однозначного, способностью одновременно обитать во всех четырёх метафизических духовных царствах и легко преодолевать границы между ними – он, безусловно, обладает. Неважно, что в царства Разума, Справедливости, Веры он врывается, как правило, на своей эстетической тачанке или, по крайней мере, с хорошим запасом дымовых шашек. Не были бы они для него реальностью – не было бы на что нападать, от чего защищаться. А уж требование Цветаевой – «страсть к преступившему» – он выполнил троекратно: сам «преступил» – разрушил – привычные для нас ценностные шкалы – разумного-глупого, доброго-злого, высокого-низкого. Да, он верный подданный царства Красивого-Талантливого и будет до конца отражать все нападения на его границы – подлинные и мнимые. Но как было бы славно, если бы это царство не сотрясали раздоры изнутри, если хотя бы шкала талантливое-бездарное обладала какой-то прочностью. Главная же опасность для этой шкалы – ссоры между самими художниками, в которых они сплошь и рядом отказывают друг другу даже в таланте, превращая тем самым эту шкалу в труху (если сами художники не могут отличить талантливое от бездарного, кому же тогда можно это поручить?).

Из советского учебника литературы мы могли узнать разве что о ссоре Белинского с Гоголем. (Белинский – прав, Гоголь – поддался религиозному дурману.) Детей не следовало тревожить рассказами о том, что Лев Толстой называл Чернышевского «этот клоповоняющий господин». Или о том, что Герцен резко осуждал Некрасова. Или о том, что Достоевский вплетал в свои повести и романы карикатуры на Гоголя («Село Степанчиково»), Тургенева

(«Бесы»), да и роману, в котором главного героя зовут Лев Николаевич, дал название «Идиот».

Вайль в своей книге не доходит до таких крутых цензурных мер. Иногда он приподнимает завесу и признаёт, что были досадные разногласия между дорогими его сердцу поэтами. Сообщает, например, что дружба между Северянином и футуристами длилась недолго и что он на прощанье выдал лозунг: «Не Лермонтова – с парохода, а Бурлюков – на Сахалин» (СПМ-89). Не скрывает от нас и отталкивание Ходасевича от Хлебниковской зауми: «Кретин и хам получили право кликушествовать там, где некогда пророчествовали люди, которых самые имена не могу назвать рядом с этими именами» (СПМ-657).

Но он обходит молчанием тот очевидный факт, что художественное творчество, по самой сути своей, не может сопровождаться дружбой и единомыслием творцов. Каждый из них – одинокий Магеллан, и всё, что открыто в океане Поэзии другими, мгновенно утрачивает для него главное: надежду на *первооткрывательство*. Хорошо если они только будут «встречать другого надменной улыбкой» (Блок). При его фантастической эрудиции, Вайль не может не знать бесконечных историй о взаимной вражде и полном неприятии поэтами друг друга – но в книгу это не попало.

Нет, например, упоминаний о том, что Бродский терпеть не мог стихи Блока, а Бунин этого поэта называл «лакей с лютней» и исчирикал первый том собрания его стихов непристойными ругательствами (Берберова).¹⁴ Блок, в свою очередь, отвергал Гумилёва, считал его поэзию «искусственной, теорию акмеизма ложной, дорогую Гумилёву работу с молодыми поэтами в литературных студиях вредной. Гумилёв, как поэт и человек, вызывал в Блоке отталкивание, глухое раздражение».¹⁵

Георгий Иванов, которому Вайль уделяет много тёплых слов и кого обильно цитирует, писал про Маяковского и Есенина: «Оба поддерживали большевиков не за страх, а за совесть – поэтому им и разрешалось всё... Оба как бы соперничали друг с другом в издевательствах над совестью и моралью, верой и патриотизмом, в оплевании всех русских и общечеловеческих святынь...»¹⁶

Цветаева ценила и прославляла Пастернака лишь до тех пор, пока у неё оставалась надежда письмами и стихами зачаровать его, полностью подчинить своему имперскому характеру, как она пыталась это сделать со всеми людьми, которыми увлекалась. Когда же убедилась, что это невозможно, написала большую статью, в которой объясняла, что Пастернак

принадлежит не человечеству, а природе – как дерево, – что он был создан не в Седьмой день, но раньше, а то, что родился человеком – чистое недоразумение, ошибка природы, «счастливая для нас и роковая – для него»¹⁷.

В советскую эпоху террор и цензурный гнёт отодвинули на задний план – сделали несущественной – вечную – изначальную – несовместимость поэтических миров. Но сегодня волны литературных мемуаров начинают проносить перед нашим взором красочные обломки былых дружб и союзов в таком количестве, что догадываешься: поэты обречены жить в своём квартале «на почве болотной и зыбкой» и «надменная улыбка» – это наименьшее зло, которое они могут причинить друг другу. Ныне живущие не уступят в горделивой уверенности в собственной исключительности прежним поколениям. Мне довелось слышать своими ушами, как поэт Алексей Цветков объяснял американским студентам в Мичигане, что русская культура – это миф, и что до него и Бродского на русском языке не было написано ничего заслуживающего внимания.

Однако от всех этих раздоров и взаимных обвинений можно заслониться простой формулой: «Литературное простодушие – всегда маска. Как и литературная желчь, и литературная ярость, и литературное безразличие» (СПМ-471).

Всё вышесказанное возвращает нас к загадке Петра Вайля. Мы убедились, что этот мореплаватель разбил все прежние компасы, которые испокон века помогали людям прокладывать жизненный путь. Что компас, сооружённый – выбранный – им самим – талантливое-бездарное, прекрасное-безобразное – ведёт себя не лучше, чем компас пятнадцатилетнего капитана Дика Сэнда, под который разбойник Негоро подложил топор. Спрашивается: откуда же этот литературный мореплаватель черпает такую уверенность своих суждений и оценок? Из каких душевных кладовых он достаёт – вот уже тридцать лет! – бесконечные запасы оптимизма, свой жизнеутверждающий задор, солёный юмор, блеск стиля, «легкомысленную тягу к жизненной пёстроте»? (СПМ-554)

Чтобы ответить на этот вопрос, нам придётся вернуться к книге «Гений места» и перечитать её в свете тех откровений, которыми пересыпаны «Стихи про меня».

Приглашение к путешествию

Что обычно обещает туристическая контора, заманивающая нас в океанский круиз? Прекрасные каюты, вкусные рестораны, посещение экзотических островов,

великолепный джаз по вечерам, магазины с сувенирами, бассейны, первоклассное обслуживание. И главное – никаких тревожных или неприятных впечатлений. Полное расслабление.

Пётр Вайль, приглашая своего читателя в плавание по океану Мировой культуры, по праву мог бы повторить все пункты рекламной брошюры пятизвёздного лайнера.

С каким вниманием, с какой заботой отобраны места для посещения и фигуры гениев, которых нам предстоит встретить там!

Из тридцати шести имён – ни одного философа; а ведь они-то всегда могут подпортить настроение неосторожному путешественнику своими вечными рассуждениями о жизни и смерти.

Среди писателей, поэтов, драматургов проверка – прочистка – отбор на предмет негативных эмоций проведены с предельной добросовестностью.

Например, Древняя Греция была явно перенаселена трагиками; поэтому, отправляясь в Афины, мы забудем на время всех этих Эсхилов, Софоклов, Эврипидов, с их катарсисами, и нанесём визит милейшему комедиографу Аристофану.

То же самое в Древнем Риме: зачем вспоминать про Горация, Вергилия (любил шататься по Аду), Овидия (безответственно позволил отправить себя в ссылку) – то ли дело Петроний с его забавным «Сатириконом».

В Париже встретимся с искромётным Дюма.

В Праге – конечно же не с отчаявшимся Кафкой, даже не с печально-ироничным Чапеком, но с безотказно смешным Гашеком-Швейком.

В Копенгагене? Не бойтесь, дорогие путешественники, Кьеркегор, чьё сердце «с юности пронзила стрела скорби», исключается; приветливый сказочник Андерсен откроет нам свои объятия.

Нью-Йорк переполненный десятками печальных теней? Нет, приготовьте улыбку и встречайте знакомого с детства О'Генри.

В опасном Лос-Анджелесе вас позабавит уморительный Чарли Чаплин, в непредсказуемом – хотя бы по землетрясениям – Сан-Франциско – мастер приключенческого жанра Джек Лондон.

И национальная кухня в каждом городе – это само собой разумеется.

Были, конечно, литераторы, за которыми утвердилась мрачноватая слава. Мы представим и их в новом свете. Обещаем: читая главу о Шекспире и о знаменитых юных любовниках,

живших – и погибших – в Вероне, вы обхохочетесь. То же самое: глава о Севилье и обитавшей там испанской красавице Кармен, сочинённой – и потом зарезанной – двумя французами: Мериме и Бизе. Также будут приложены все усилия, чтобы драма мадам Бовари не испортила вам нормандский обед в Руане: «с омлетом высотой в ладонь, с замечательной уткой в сидре... с обязательным камамбером и яблочным пирогом... Не пугайтесь обилия сливок и масла, промывайте руанскую утку или каэнский рубец положенным вином, опрокидывая вовремя кальвадос, ни в коем случае не отказывайтесь от сыра, завершайте всё чашкой кофе – и, может быть, сумеете дойти до постели». (ГМ-111)

Искусство преобразования трагического – и героического – персонажа в карнавальную фигуру можно проследить – и оценить! – на примере Никколо Макиавелли, с которым нас ждёт встреча во Флоренции.

Перед нами предстаёт так называемый Человек Возрождения, прославленный на весь мир политическим трактатом «Принц» (или «Государь», 1513). Эта книга объявлена символом – апофеозом – всего циничного и безжалостного, что только может быть в политике. Мы также узнаём, что он написал презабавнейшую комедию «Мандрагора» (1518), где соблазнение замужней женщины представлено без всякой оглядки на разрушенные и опрокинутые по ходу действия моральные запреты. Похоже, Макиавелли вообще был большой ценитель плотских утех: его огромная переписка переполнена пикантными описаниями сексуальных приключений, а о жене – матери его пяти детей – ни слова. И его правдивость тоже оказывается под вопросом. В одном из писем он сознаётся другу, что «уже давно я не говорю того, что думаю, и никогда не думаю того, что говорю, а если мне случается иной раз сказать правду, я прячу её под таким количеством лжи, что трудно бывает до неё доискаться». (ГМ-245) Нужно будет только простить этому автору один серьёзный недостаток: в своей «Истории Флоренции» он не упомянул ни одного художника из длиннейшей плеяды гениев, прославивших этот город. Но эту промашку Вайль легко исправляет. Высыпав два десятка славных имён, он спрашивает: «Нанизывать ли дальше?.. Любое из перечисленных имён составило бы славу любого города на земле, и значит – гордость любого историка. Кроме Макиавелли.» (ГМ-241)

Читателю не сообщается, что у Макиавелли были десятки современников, бравших на себя задачу описания и восхваления художников – Альберти, Вазари, Бенвенуто Челлини среди них. Верный подданный царства Художественного выдаёт здесь своё

глубочайшее убеждение в том, что любая книга по истории должна быть прежде всего – а, может быть, и только! – книгой по истории искусства. О чём же ещё писать? Страны и народы, обделённые художественными достижениями, не заслуживают даже упоминания. Задаваться же вопросом, почему у одних народов искусство расцветает, а у других – чахнет, запрещено, потому что это уже умничанье и философия. Что там делали безвестные флорентинцы в своих тречентах и кватрочентах, чтобы в их республике могли созреть и творить Джотто, Данте, Донателло, Брунеллески, чтобы город покрывался соборами и статуями, нас не касается. Тем более не будем спрашивать, что должно было произойти, чтобы в той же прекрасной Флоренции мог воцариться фанатичный монах Савонарола, заставлявший художников сжигать свои картины, – подобные вопросы могут испортить любой праздник.

Не исключено, что сам Макиавелли, ознакомившись с этим портретом, ничуть не огорчился бы. Возможно, он даже принял бы предложенную ему маску и присоединился бы – ради отдыха и веселья – к карнавальному плаванью. Сегодня он может себе это позволить. За прошедшие полтысячелетия дорогие его сердцу идеалы и методы республиканского правления, исследованные – отражённые – проиллюстрированные им в его двух главных трудах – «Комментариях к Титу Ливию» и «Истории Флоренции», произвели такое влияние на умы и сердца поколений, реализовались в политическом устройстве таких прославленных государств (Швейцарии, Америки, Англии, всех Скандинавских стран), что горечь разочарования ему не грозит. И даже репутация политического циника живёт лишь в умах, питающихся расфасованными мифами истории. Люди, читавшие Макиавелли непредвзято, своими глазами, легко разглядят, что его «Государь» – вовсе не инструкция безжалостному правителю, а сатира на тиранию, которой подошёл бы подзаголовок «Похвала деспотизму» – по аналогии с вышедшей в те же годы «Похвалой глупости» Эразма Роттердамского.

Однако, если мы снимем с Макиавелли маскарадный наряд, что обнаружится под ним? Политик и дипломат, верно и страстно служивший Флорентийской республике. Командир, водивший созданные им самим батальоны на битву с врагами. Автор политико-философских трактатов, сохраняющих своё значение и в наши дни. Борец с деспотизмом, поплатившийся за свои принципы тюрьмой и пыточной камерой. Судите сами, годится ли такой персонаж для весёлого плаванья?

Половина выбранных для книги гениев принадлежит XX веку. Естественно, среди них представлены и четверо художников, работавших в новейшем жанре – кино. И два режиссёра, чьё творчество окрашено трагическими чертами, составляли определённую трудность для автора. Но он проявил свою обычную изобретательность и элегантно обошёл очередное препятствие.

Создатель знаменитых кинотрагедий, Лукино Висконти («Рокко и его братья», «Смерть в Венеции», «Гибель богов») представлен как эстет, умеющий наслаждаться даже мрачными поворотами в судьбах героев. Разве он сам не сказал про свою профессию: «Мы, режиссёры, все – шарлатаны. Мы вкладываем иллюзии в головы матерей и маленьких девочек... Мы продаём любовный напиток, который на деле вовсе не волшебный эликсир» (ГМ-404). Самый страшный фильм о приходе к власти нацистов в Германии – «Гибель богов» – описан просто как история распада одной немецкой семьи. «Висконти – специалист по распаду. Он любит трупными пятнами, вдыхает аромат гниения, вслушивается в предсмертные всхлипы. Всё это – в великолепии интерьера» (ГМ-407).

Вообще, тема Второй мировой войны затрагивается в книге крайне редко, вскользь. Упоминается, например, фильм Спилберга «Список Шиндлера», в котором герой спасает – выкупает у немцев – обречённых на смерть евреев. «Шиндлер выкупает евреев не потому, что так правильно... а потому, что так проще и безопаснее. Деньги выступают разменной монетой здравомыслия. И возможно, будь у Шиндлера столько денег, сколько у Спилберга, Холокоста бы не было» (ГМ-420).

Знаменитые трагикомедии Федерико Феллини – «Дорога», «Ночи Кабирии», «Сладкая жизнь», «Восемь с половиной» – отодвинуты на задний план. На переднем снова «Сатирикон» – теперь уже Феллиниевский. И ещё «Казанова». Потому что важно представить Феллини прежде всего цирковым режиссёрам. Ведь главные герои у него – всегда клоуны. Он сам определил духовный кругозор своих персонажей как «озабоченность гастро-сексуальными вопросами». «В этой шутке – программная установка на всю полноту бытия. Полноту как хаос, как действие разнонаправленных сил, из которых более всего интересны неизученные и непредсказуемые: оттого он так держится за карнавал... за клоунов, за музыку Нино Рота, от первых тактов которой начинали приплясывать цирковые лошади» (ГМ-417).

Бедные недобитки, скорее всего, опять поднимут бубнёж. О чём? О том, что у них – за неимением копыт – от музыки Нино

Рота старомодно и примитивно сжимается сердце? Но не довольно ли жалоб, брюзжания, сетований, упрёков устроителю такого замечательного карнавала?

Смотрите – корабль готов к отплытию.

Он сияет огнями, как в фильме «Амаркорд».

Волшебные впечатления ждут тысячи туристов, собравшихся на палубе.

Они могут быть уверены, что перед ними откроются пальмы и пляжи сказочной красоты, соборы потрясут величием, знаменитые художники, поэты, писатели озарят блеском своего таланта, комики в барах развеселят своими шутками. Цветы и фрукты будут переливаться всеми красками, нью-орлеанские устрицы порадуют свежестью, а креветки по-каджунски опалят небо и гортань. Всё-всё будет подлинным, и только звери и ящеры человеческих страстей окажутся резиновыми и надувными. Как в Диснейленде – можно без опаски брать с собой детей.

Нам же, топчущимся на причале, лишённому – самим себя лишившим! – радостей карнавала, остаётся только махать платками и подавлять завистливые вздохи. Если удастся разглядеть на мостике седобородого капитана с развевающейся шевелюрой, мы можем крикнуть ему вслед – повторить слова прибалтийской девушки, глядевшей в спину своему другу, убегавшему в шалман с только что заученными строчками Мандельштама на устах: «Как в тебе всё это сочетается?!» (СПМ-135).

Но не спешите расходиться, недобитки.

«Я в родной свой город поеду...»

...Осенью себя знаком креста –
и с размаху – в родные места!

Лев Лосев

Да, не спешите расходиться. Вам тоже приготовлен сюрприз. Прямо у причала, для таких, как вы, – то есть не ждущих от царства Культуры сплошного праздника – приготовлен туристский автобус – поскромнее, но тоже весьма добротный. Под его дымчатыми окнами светится надпись «Карта родины». Под ней – буквами помельче: «Веселье не гарантируем».

А кто же за рулём?

Да, всё он же – Пётр Вайль. Переделал в штатское, натянул кепку, снял португюю. Маску *тярикуби* заменил маской *отафуку*: «цвет лица бледный, выражение постное» (ГМ-327). Оглавление обещает, что извилистый маршрут пройдёт через Сибирь и Дальний Восток, Кавказ и Соловецкие острова, Балтику

и Среднюю Азию. Будут даже встречи с философами – Кантом, Леонтьевым. И с политическими деятелями: Лениным (убивал зайцев прикладом ружья), Сталиным (был непрочь пошутить). Будет даже заезд в зону настоящих боевых действий – в Чечню. Кровь, трупы, развалины... Какой уж тут праздник!

Обещаны и встречи с писателями, поэтами, художниками. Так как веселье не включено в программу поездки, они предстанут без ретуши – часто с горестными чертами. Андрей Платонов – с его страшным «Котлованом». Дом-музей Николая Островского – с букетом резиновых роз. Максим Горький – восхваляющий истребительно-трудовые лагеря на Соловках. Василий Шукшин – и как он горько переживал недовольство односельчан, осуждавших его фильмы и рассказы. Кинорежиссёр Алексей Герман – и его чёрный-чёрный фильм «Хрусталёв, машину!» (здесь всё же не обошлось без смешного – рассказано, как по-разному пукают трупы).

В биографическом и географическом плане Россия оказалась для Вайля заграницей: рос в Латвии, жил в Америке и Чехии. Может быть, поэтому в его книге чувствуются традиции жанра «Иноземцы о Московии»: Герберштейн, Флетчер, Олеарий, Кюстин, Фейхтвангер, Хедрик Смит, Роберт Кайзер. Традиции «Путешествия из Петербурга в Москву», «Путешествия в Арзурум», «На остров Сахалин» гораздо слабее – ведь те авторы не мыслили своей жизни без России. Вся русская история представлена как «испытание на вшивость» (КР-92). Очевидно – проваленное. Всё же в последних строчках книги – несколько вымученное – не признание, но – допущение – чувства любви: «Родину уважать очень трудно, не получается. Любовь – другое дело, она даётся без усилий. Она просто есть» (КР-413).

Одно из достоинств Вайля-писателя особенно проявилось в этой книге: полное отсутствие интеллектуального высокомерия. В книге «Карта родины» есть глава «Работы», в которой описано, как хорошо автор чувствовал себя с коллегами по пожарной охране, газетной редакции, мойке окон. Так же естественно и на равных ощущает он себя со встречными шофёрами, проводниками, киномеханиками, продавщицами. Гораздо скорее в нём вызовут неприязнь те, кто пытается внести в жизнь окружающих какие-то рациональные начала. «Люди, строящие жизнь, вызывают недоверие: за ними кроется неуверенность и неправда. И ещё наглость: попытка взять на себя больше, чем человеку дано» (КР-9).

Война со всем разумным продолжается и проходит через всю книгу, постепенно превращаясь в то самое, с чем изначально

должна была покончить: в назойливую двухмерную пропаганду. К ней привлечён даже такой поклонник разума, как Достоевский: «В формуле Достоевского “красота спасёт мир” речь как раз о том, что красота спасёт мир от разума. Внедрённые в практику попытки устроить жизнь по логике и уму неизменно приводят в тупик в лучшем случае; в худшем – к магаданам, освенцимам, хиросимама, чернобылям на массовом или личном уровне» (КР-10). Вопрос о том, каким образом всех перечисленных ужасов избежали англичане, американцы, швейцарцы, голландцы, датчане, шведы и прочие цивилизованные народы по-прежнему запрещён. Наверное, следовали инструкциям Венедикта Ерофеева и хлестали свой джин или пиво с утра до вечера – как же иначе?

Английская писательница Айрис Мёрдок где-то написала про Льва Толстого: «Он знал, что русские генералы некомпетентны, и вообразил, что *все* генералы, всегда и всюду, некомпетентны».

Вайлю выпало расти под властью людей, которые довели принципы разумного до уродливой карикатуры – и он возненавидел эти принципы на всю оставшуюся жизнь. (Наши враги проводят полжизни в банях и бассейнах? Так мы же не станем мыться вообще!) Возможно, доведись ему расти под властью эстета Нерона, он возненавидел бы пение и театральные представления.

Для того чтобы сохранить счастливое мироощущение, человеку абсолютно необходима прочная защита от летящих со всех сторон горестных впечатлений, сведений, новостей. Игла сострадания достигает чувствительного сердца, и далеко не всегда эту боль удаётся анестезировать любовью. Гораздо надёжнее – гнев на тех, кто виноват в несчастьях мира. Пётр Вайль выбрал на роль вечно виноватого человеческий разум. Чем это хуже еретиков, неверных, жидов, эксплуататоров, шпионов-диверсантов? 21-ый век, похоже, доставит некоторые затруднения: не очень легко будет обвинить разум в гибели сотрудников Мирового торгового центра в Нью-Йорке, в судьбе пассажиров, взорванных в лондонском и парижском метро, в испанских поездах, в израильских автобусах. Но с помощью мировой либеральной прессы эту трудность можно преодолеть. (Виноваты жестокие генералы и бездушные политики, не откликнувшиеся вовремя на страдания угнетённых народов!)

И всё же у недобитков, продолжавших ценить Разумное, Справедливое, Высокое, оставалась надежда заслужить – нет не любовь, но хотя бы снисхождение Петра Вайля, – и вот каким образом.

Однажды мне довелось видеть его абсолютно – без маски! – счастливым. Кто-то (может быть, я сам) рассказал, что по телевизору показали документальную передачу про немногочисленную секту людей, верящих, что Земля – плоская. Они печатают «правильные» карты и атласы, пишут статьи, съезжаются на конференции и терпеливо ждут, когда мир отстанет от своего шарообразного заблуждения. Восторгу Вайля не было границ. Он хлопал себя по коленям, смеялся, ликовал. Нет, он не собирался вступать в эту секту. Ему вовсе не нужен был сплюснутый глобус. Но ему было абсолютно необходимо, чтобы на круглом – после Коперника, Кеплера, Колумба – земном шаре оставалось место для людей, верящих, что Земля – плоская.

Поэтому единственный путь для «недобитков» был – стать редкостью, исключением, чем-то неожиданно-непредсказуемым. Именно так: если бы люди, верящие, что поэзия без чувств – пуста, что без Разумного, Справедливого, Высокого жизнь на круглой или плоской Земле теряет смысл, превратились бы в маленькую гонимую секту, Пётр Вайль протянул бы им ветку мира. Не раньше. Другой вопрос: не означала бы данная ситуация, что вокруг воцарилась очередная инквизиция, якобинство, раскулачивание, Четвёртый Рейх, Культурная революция, талибы, ваххабы?

Ну что ж – даже протянутая из одного угла камеры в другой – с одной барачной койки на другую – ветка мира оставалась бы всё же веткой мира.

Примечания

1. Пётр Вайль. *Гений места* (Москва: Изд. «Независимая газета», 1999), стр. 377. Далее в тексте: ГМ и номер страницы.
2. Пётр Вайль. *Стихи про меня* (Москва: Изд. «Независимая газета», 2006), стр. 13. Далее в тексте: СПМ и номер страницы.
3. Пётр Вайль, Александр Генис. *Современная русская проза*. Энн Арбор, США: Эрмитаж, 1982.
4. Пётр Вайль, Александр Генис. *Родная речь*. Тенафлай, США: Эрмитаж, 1990. Далее в тексте: РР и номер страницы.
5. Пётр Вайль. *Карта родины* (Москва: Изд. «Независимая газета», 2003), стр. 401. Далее в тексте: КР и номер страницы.
6. Марина Цветаева. «Пушкин и Пугачёв». *Избранная проза в двух томах* (New York: Russica, 1979), т. 2, стр. 290-91, 300.
7. Иосиф Бродский. «На объективность». *Сочинения Иосифа Бродского в 5 томах* (Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1992), т. 2, стр. 8.

8. Подробнее об этом: Игорь Ефимов, «Дуэль с царём». Журнал «Звезда», №9-2000.
9. Марина Цветаева. «О благодарности», *Избр. проза в двух томах* (New York: Russica, 1979), т. 1, стр. 102.
10. Исая Берлин. «Встречи с русскими писателями». В сборнике *История свободы* (Москва: Новое литературное обозрение, 2001), стр. 459.
11. Иосиф Бродский, ук. соч., стр. 7.
12. Аркадий Ваксберг, *Лиля Брик. Жизнь и судьба*. Москва: Олимп, 1998. Юрий Карабчиевский, *Воскресение Маяковского*. Мюнхен: Страна и мир, 1985.
13. Нина Берберова, *Александр Блок и его время* (Москва: Новая газета, 1999), стр. 199.
14. Нина Берберова, *Курсив мой* (Москва: Согласие, 1996), стр. 296.
15. Георгий Иванов, «Блок и Гумилёв». В сборнике *Третий Рим* (Тенафлай, США: Эрмитаж, 1987), стр. 280.
16. Георгий Иванов, «Литература и жизнь», ук. соч., стр. 288.
17. Марина Цветаева, «Поэты с историей и поэты без истории». В альманахе *Глагол-3* (Энн Арбор, США: Ардис, 1980), стр. 234.

Лина Маркова

Пещера Авраама (Ибрагим) в городе Урфа, Турция

(Путевые заметки)

*Знаю, многие уже сдались, многие
пали, а сдадутся и падут еще тысячи
и тысячи. Но все равно: останутся
и такие, что не сдадутся никогда.*

*И пребудут в верности заповедям
Синайским и Галилейским...*

ИА. Бунин, речь «Миссия эмигрантов», 1924 г.

Когда-то в раннем детстве, мне приснилось сказочное сооружение из голубого камня и золота. Оно было круглое и кончалось центральным заостренным куполом, окруженным башенками. Долгое время я старалась вспоминать этот сон, чтобы снова испытать пережитое в нем потрясение. Впоследствии я обнаружила, что сооружение было похоже на мечеть, к тому же и ярко-голубая бирюза, «turquoise — тур`киз», указывала на восток.

Я вспоминала об этом сне, покупая камешки бирюзы с золотыми прожилками, но с особой яркостью я вспомнила его дважды: первый раз в 1998 году перед путешествием по библейским местам в Сирии, тогда научным руководителем группы был библеист и шумеролог Захария Сичин (ныне покойный, незабвенный учитель), и второй раз в июне этого года во время путешествия в Турцию по городам древних цивилизаций — греко-римской и византийской. На этот раз научным руководителем был профессор Бостонского университета д-р Роберт М. Шох — геолог, историк и антрополог, согласно своим степеням, научным трудам и преподавательской работе. Оба раза я путешествовала с группой американцев, интересующихся древностью.

Итак, в начале июня моя группа встретила в Стамбуле («Истанбул» в турецком произношении). Стамбул — интереснейший исторический город, основанный в 660-е годы до н. э., столица четырех империй: Римской, Византийской, Латинской и Османской. К сожалению, мы останавливались в Стамбуле всего на один день. Перед нами был план путешествия по многим другим древнейшим городам на побережьях трех (из четырех) морей — Мраморного, Эгейского и Средиземного, омывающих полуостров Малая Азия, на котором расположена Турция.

В Стамбуле мы провели первый день, посетив район старого города, называемый Султанахметом, куда входят дворцы султанов, начиная с VII века н.э., музеи Османской империи, Мечеть Султана, или Голубая мечеть, и Айя-София.

Район старого города, Султанахмет, выходит к Мраморному морю и Босфорскому проливу. Босфор отделяет Фракию, европейскую часть от азиатской, Анатолии. Через пролив имеется мост, который соединяет эти части. Пролив изумительно красив и днем, и ночью, иллюминированный множеством огней на воде и на набережных.

Вид на Босфорский пролив из дворца Султана Ахмеда

После дворца и его музеев, группа посетила Голубую мечеть султана и церковь-мечеть, а ныне музей Айя-София

Голубая мечеть оказалась совсем не голубой, как бирюза из моего сна, а из серого камня. (Во время всего путешествия я надеялась увидеть хотя бы издали, хотя бы мелькнувшую за поворотом голубую мечеть, но в Турции этого не произошло. Я мимолетно видела маленькую голубую мечеть в Сирии, почти на

границе с Ираком. Все-таки где-то есть мечеть голубого цвета, сны реальны.)

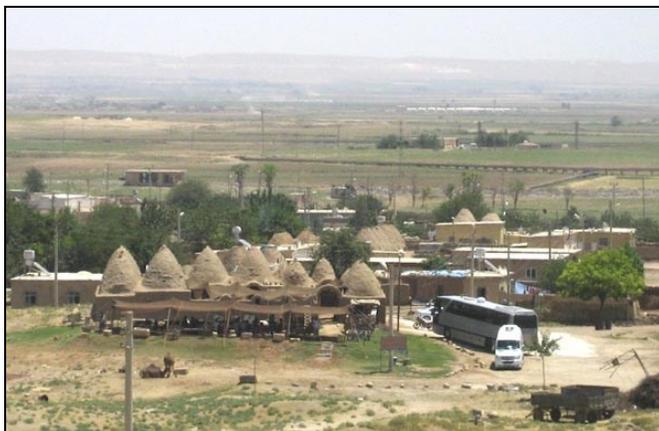
Голубая (хоть и серая) мечеть Стамбула очень красива. Мое фото Голубой мечети, по-моему удалось, потому что на нем она как бы висит в воздухе над седыми головами членов нашей группы. А фотографии Айя-Софии не удалось, не буду соперничать ни с интернетом, ни с проспектами.

Голубая мечеть

Турция на побережьях всех своих морей покрыта туристическими маршрутами. Проезжая по этим маршрутам, вы видите благополучную, большую, красивую, разнообразную по природе страну. К туристам отношение дружеское, гостеприимное. Кухня прекрасная. Курорты мирового стандарта благоустроены, красивы и пока еще более доступны по ценам. Мы видели их проездом. Нашими объектами были древние города.

Первым была древняя Троя, в которую мы прибыли на пароме через пролив Дарданеллы. Затем мы посетили великолепные древние города Бергаму (Пергамон) и Эфес, Перге с величественным театром Аспендос, на сцене которого в наше время идут оперы под открытым небом, и изумительные природные достопримечательности Турции — Памуккале и Каппадокию. Все эти объекты произвели ожидаемый эффект встречи с древним миром греков и римлян, но без особо острых мыслей и ощущений.

Таким мы увидели Харран по приезду

Потрясение настигло меня на месте древнего Харрана.

Харран находится в юго-восточной Анатолии, в 45 км на юго-восток от города Шанлыурфа (или Урфа) и в 20 км от границы с Сирией. Харран — маленький городок, известный памятниками древнего прошлого и необычной архитектурой. Расположенные в жилой части города домики из необожженной глины с конусообразными крышами напоминают пчелиные ульи. Эти крыши спасают от жары в летние месяцы.

Нашим археологическим объектом в Харране были, главным образом, руины первого исламского университета VIII-IX веков н. э., который был центром по переводу научных трудов по астрономии, философии, естественным наукам и медицине с греческого на сирийский, а затем и на арабский.

Более древняя история города связана с жизнью праотца Авраама, почитаемого иудеями, христианами и мусульманами. Отец Авраама Фарра, жрец храма Сина, бога луны, жил в шумерском городе Ур, где родились Авраам и его братья. В какой-то момент Фарра решил перебраться в Харран, где был большой храм Сина, взяв с собой сыновей — Авраама с женой Саррой и Нахора с сыном Лотом. Фарра умер в Харране, и здесь есть место, почитаемое как его захоронение. Авраам прожил в Харране несколько лет и после смерти Фарры получил призыв от Бога покинуть город, чтобы идти в землю Ханаанскую. Авраам покинул Харран в возрасте 75 лет. В Харране до сих пор сохранился дом, в котором, по преданию, жили Авраам и его жена Сарра. С Харраном связана и судьба внука Авраама, Иакова, также

праотца израилева, но в этом путешествии мои мысли были обращены к Аврааму.

Руины первого исламского университета VIII-IX вв. н. э.

Архитектура стоящего вблизи развалин византийской крепости «дома Авраама» такая же, как и у современных харранских домов: над ним тоже высятся несколько куполов правильной конической формы.

В день нашего приезда в Харран была жара 41° Ц., и хотя я страдала от жары на протяжении всего путешествия, я прошла 4 км, включая периметр археологического объекта и разные места внутри города, как говорится, на одном дыхании, как будто сама земля помогала идти. Такая помощь подталкивает к самоопределению: «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?»

Что известные нам по источникам цивилизации развивались на основе какой-либо духовной культуры — исторический факт. Так же, как человеческое тело мертво без духа, так и цивилизация погибает, если ее духовная основа претерпевает распад.

Начну этот «пассаж» с вывода: на пути мусульман к господству в нынешнем иудео-христианском мире евреи являются единственной серьезной преградой. Это объясняется тем, что острая память и самосознание тысячелетиями поддерживались их заветами, и стали отличительными признаками евреев как исторического явления; эти признаки лежат в основе их существования. Библия говорит, что Господь предупреждал

Моисея о жестокостью этого народа (Исход, 32: 9-14), т.е. его упорстве, упорстве быть собой.

Те же, кто подвержен забывчивости, легко поддаются под любые активные духовные веяния, которыми забывчивые (или бездумные) заполняют вакуум, возникший на месте утративших силу *принципов*. Итак, если евреи — пусть хоть на время — будут разбиты или ослаблены, нынешний иудео-христианский мир станет мусульманским. Так в середине прошлого века надеялся переписать историю и происхождение христианства Гитлер, путем уничтожения евреев и других народов и племен, наделенных силой памяти.

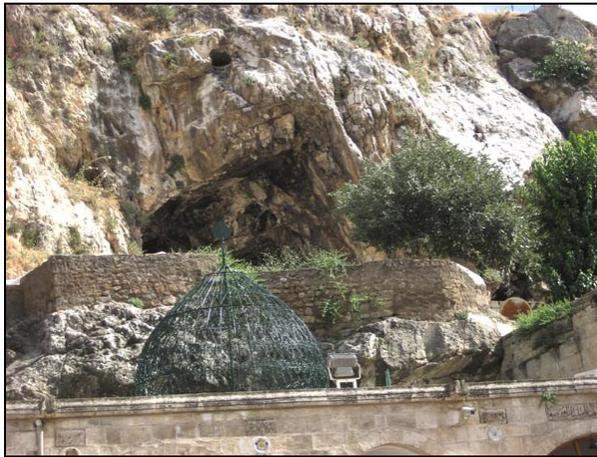

Харран: стены древней крепости и дома-ульи

Примером забывчивости может служить группа американских туристов, с которой я путешествовала в Турции. К концу путешествия мы прибыли в город Урфу на юго-востоке Турции. В этом районе находится и Харран, и археологический объект, который был квинтэссенцией нашего путешествия: сравнительно недавно открытый храмовый комплекс Гобекли-Тепе, которому, согласно углеродному датированию, от 10 до 12 тысяч лет. Этот комплекс — новая соблазнительная область научных амбиций нашего руководителя, д-ра Роберта М. Шоха.

Согласно с Кораном или с легендами Ислама, Авраам (мусульманский Ибрагим) родился в горной пещере, которая находится в городе Урфа. В своей вступительной лекции к нашему путешествию д-р Шох именно так и представил группе этот город. Наш гид из Турции, симпатичный Суат, также не преминул

упомянуть эту достопримечательность города Урфа, тем самым достойного нашего внимания и посещения. Группа приняла это с интересом, даже с энтузиазмом. В группе были образованные люди — врачи, педагоги, физики, инженеры... На многих были крестики. Вероятно, многие посещали воскресные школы. Вопросов по поводу происхождения Авраама не было.

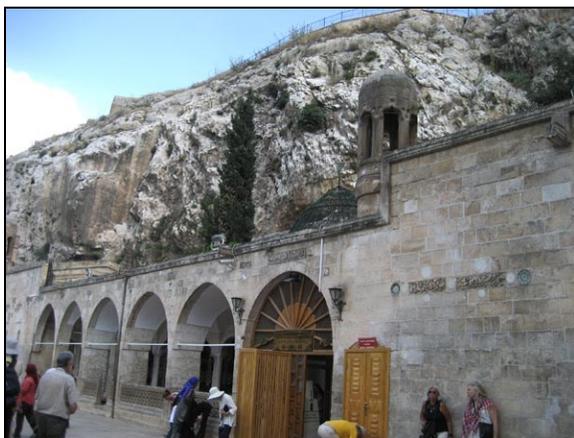
Пещера Ибрагима

Но Книга Бытия, главы 11-15, говорят, что Авраам родился в Шумере, городе Ур. Забыто? Не важно? Однако ведь это Тора, на которой зиждется та цивилизация, в недрах которой получили свои дипломы и почтеннейший д-р Шох, и образованные члены группы, которые отправились в это путешествие явно не для развлечения, а для пополнения своего интеллектуального багажа. Тем не менее новая версия жизни Авраама была принята как “something new and interesting”. Я говорила с несколькими людьми из группы, к которым чувствовала доверие — к моей реакции они отнеслись сочувственно, но к предмету — какая-мол разница? Вот пещера, овеянная легендой, а под ней великолепный храм, Мечеть пещеры Ибрагима. Enjoy!

Ибрагим — личность, родившаяся из этой легенды, отличная от Авраама, но его первый сын, Измаил, все тот же. Различие в исходной точке или точке исхода. Однако и профессор истории, наш научный руководитель, и вся группа с энтузиазмом принимают, что Ибрагим Корана и Библейский Авраам — это

одно и то же. Наш турецкий гид в своих объяснениях на английском языке говорил «Abraham», а не «Ibrahim».

К храмовому комплексу Мечети пещеры Ибрагима примыкает красивый тенистый парк с прудами Ибрагима-Авраама, заполненными рыбой — символом умножения его рода, — мостиками, кафе и детскими площадками. Праздник духа и тела.

Часть храма Мечети Пещеры Ибрагима под самой пещерой

Посещение пещеры Ибрагима-Авраама в Урфе преподало некий урок: дух жив и присутствует, когда его сознательно поддерживают. Я видела лица людей, выполняющих ритуалы омовения перед входением в храм, а также лица людей, выходящих из храма. Было *много* просветленных лиц.

Поистине, единственное препятствие на пути ислама к мировому господству — это иудеи, и не одними лишь молитвами своими, а жестокостью. Молящихся иудеев не так много, да евреев и вообще, как известно, не так много, но их суммарное упорство — великое противостояние наступлению на цивилизацию, которая дорога многим, включая и некоторых мусульман.

По-моему, я была единственной представительницей народа Библии в этой группе. Я не стала спорить ни с д-ром Шохом, ни с нашим гидом Суатом. Неловко было нарушать уважение и энтузиазм группы по отношению к лидерам нашего Grand Tour. Люди, заплатившие за свое удовольствие видеть новое и участвовать в исторических открытиях, и ради знаний, претерпевающие немислимую жару и прочие тяготы путешествия, не склонны задумываться над трудными вопросами. Жара отняла у

меня много сил, я не в состоянии была «смущать веселость их», приняла позицию *social grace* и оставила свои раздумья при себе до сего времени.

А в промежутке, чтобы отвести душу, решила «поговорить» с поэтами, убаюкать себя на короткое время в привычном мире, взглянуть на все из поэтического далека. Вот начну с русскоговорящих поэтов иудейских - Мандельштама, Бродского и Пастернака.

«Пронзенному» поэзией Мандельштама трудно сказать что-либо об Айя-Софии после него, и я пережила ощущение истории и эстетики, сформулированное им:

Прекрасен храм, купающийся в мире,
И сорок окон – света торжество.
На парусах, под куполом, четьре
Архангела – прекраснее всего.

Последовавшие раздумья снова оказались с ним в согласии:

Но что же думал твой строитель щедрый,
Когда, душой и помыслом высок,
Расположил апсиды и экседры,
Им указав на *запад и восток?* (курсив мой, ЛМ)
...а также с одним из его «Восьмистиший»:
Бывают мечети живые,
И я догадался сейчас:
Быть может, мы - Айя-София
С бесчисленным множеством глаз.

Вслед за Осипом (Мандельштамом) вспомнилось, что говорит о западе и востоке, о том, что «все перепуталось — Россия, Лета...», Иосиф (Бродский) в своем очерке «Путешествие в Стамбул».

«Стамбульские же мечети — это Ислам торжествующий. ... И если перо не поднимается упрекнуть их безымянных правоверных создателей в эстетической тупости, то это потому, что тон этим донным, жабо- и крабообразным сооружениям задан был Айя-Софией — сооружением в высшей степени христианским. ... Снаружи отличить ее от мечетей невозможно, ибо судьба сыграла над Айя-Софией злую (злую ли?) шутку. При не помню уж каком султানে, да это и не важно — была Айя-София превращена в мечеть.

Превращение это больших усилий не потребовало: просто с обеих сторон возвели мусульмане четыре минарета. И стало Айя-Софию не отличить от мечети. ...и сама-то она была сооружением не римским, но именно восточным, точнее — сасанидским. Как и нельзя упрекать того, неважно-как-его-зовут, султана за превращение христианского храма в мечеть: в этой трансформации сказалось то, что можно, не подумав, принять за глубокое равнодушие Востока к проблемам метафизического порядка. На самом же деле за этим стояло и стоит, как сама Айя-София с ее минаретами и христианско-мусульманским декором внутри, историей и арабской вязью внушенное ощущение, что *все в этой жизни переплетается* (курсив мой, ЛМ), что все, в сущности, есть узор ковра. Попираемого стопой»/

У Бродского «все переплетается» — слово более «историческое», нежели эмоциональное «перепуталось», и Бродский не разделяет эстетических переживаний Мандельштама от Айя Софии, он пишет о том, что для него главнее. Он поэт другой эпохи и видит уже другие горизонты: «Идея, что все переплетается, что все лишь узор ковра, стопой попираемого, сколь бы захватывающей (и буквально тоже) она ни была, все же сильно уступает идее, что *все остается позади* (курсив мой, ЛМ), ковер и попирающую его стопу — даже свою собственную — включая»/

Бродский видит по-библейски: «все проходит, и *это* тоже пройдет», согласно Соломонову кольцу. Но *жить* во время «*этого*», во время «роковых минут», когда все перепутывается или переплетается, попираемое *проходящей* стопой — отнюдь не пир, Федор Иванович (Тютчев). Это спустя тысячелетия после казни Сократа можно с упоением читать, что собеседники собрались на пир.

«Жизнь прожить — не поле перейти», говорит проживший эту пословицу на своей шкуре Гамлет-Живаго-Пастернак*, а также и Он, который по-человечески просит пронести мимо эту чашу *прохождения*, т.е. чашу *passion*. Но ...«все тонет в фарисействе». Конец пути — неотвратим ли он? Вероятно, Европа (да и Америка) тоже приняла позицию *social grace*, а точнее позицию носорога, «воспетую» в пророческой пьесе Э. Йонеско:

---

* Б. Пастернак, «Гамлет»: «...Если только можешь, Авва, Отче, / Чашу эту мимо пронеси. ... Но продуман распорядок действий, / И неотвратим конец пути. / Я один, все тонет в фарисействе. / Жизнь прожить – не поле перейти»/

«(Снова оглушительный рев, топот, пыль столбом.)

Беранже Не хочу их слышать. Заткну себе уши ватой. ... А такого рода мутации... они обратимы?»

Июнь-сентябрь 2012 г., Калифорния

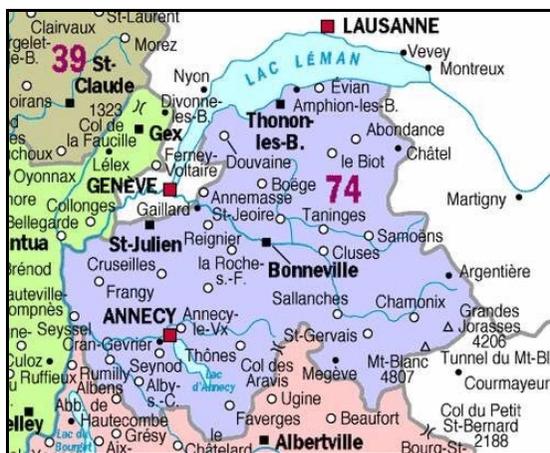

Маргарита Бурьянова

Путешествие в Альпы

Мой рассказ об Альпах начинается с Женевы. Мы прилетели туда, мой брат Андрей из Москвы, а я из Канады, потому что это самый близкий аэропорт к Аннеси и Шамони, французским городкам в Верхней Савойе, куда мы с Андреем собрались поехать и откуда Монблан ближе всего. Поэтому сначала Женева.

Я здесь не первый раз, но впервые увидела вот такие скульптуры в человеческий рост. Идёшь по улице, а тебе навстречу не идёт, а стоит девушка. На трамвайной остановке натыкаешься на неподвижную мадам.

***

В маленький городок Ньон, который стоит на берегу Женевского озера, мы поехали, вернее, поплыли на парходике из Женевы на один день. Он всего лишь в 40-50 км от Женевы. Ньон основан Юлием Цезарем, там сохранилось много зданий раннего средневековья. В Ньоне устраивают разные фестивали, там же почему-то находится штаб-квартира международной футбольной организации УЕФА.

Улочки спускаются к озеру, а на холме стоит Белый замок XIII века, сильно перестроенный с тех пор

***

А это уже Франция. Курортный городок Аннеси (его иногда произносят Анси) на берегу озера Аннеси. Он у самых Альп, на юго-востоке в Верхней Савойе. Основан тоже римлянами. Маленькая речка и узкие каналы, воды много, отражений тоже. Центр весь XIV-XVI веков. На островке стоит совсем маленький замок XII века, в котором теперь музей. Здание сильно впечатляет стариной. Городок невероятно живописный, уютный и оживлённый зимой и летом.

Серое здание справа и есть замок XII века – «Островной дворец»

Очень старые дома, как в Венеции, стоящие в воде

***

Аннеси в натуре и глазами Поля Сезанна

В городок Таллуар, который стоит на этом же озере, мы поехали, потому что какое-то время там жил Поль Сезанн в Аббатстве Таллуар (сейчас это шикарная гостиница) и написал там картину «Озеро Аннеси». Буквально через несколько месяцев я увидела эту картину в одном из музеев Лондона. Городок буквально утопает в цветах.

Это мэрия Таллуара, которой несколько сот лет. Неожиданно увидели памятник Бертолле, который «бертолетова соль».

Оказалось, он родился в этом Таллуаре

***

И, наконец, французские Альпы. Альпийские луга... Красиво всё вокруг, куда ни глянь. Дали, цепи гор вокруг, запахи и необыкновенный воздух, который даже на фотографиях чувствуется. И вершины, в том числе и снежные, до некоторых, кажется, рукой подать.

Альпийские луга – это ещё и коровы и перезвон ботало, больших тяжёлых колокольчиков на коровьих шеях. Среди

особенной горной тишины этот звук ботало создаёт дополнительный фон, ещё более успокаивающий. Оказалось, что и ламы тоже встречаются на этих лугах. А ещё маленькие фермы-сыроварни, где тут же недорого продают свежий савойский сыр, очень вкусный.

***

После Аннеси мы поехали в городок Шамони. Это известный горнолыжный курорт в узкой долине между горных цепей. Летом он не менее многолюден и хорош, чем зимой, а нам кажется, что даже более. Он весь состоит из множества гостиниц, магазинов и ресторанов, подъёмников и туристов. В городе узкая бурлящая горная речка, масса цветов, памятников, уютных уголков.

И группа альпинистов с инструктором перед подъёмником

Именно из Шамони поднимаются специальные кабинки в горы на разные вершины, откуда расходятся тропы и подъёмы разной степени трудности. Кабинки эти почему-то называются "гондолы" и вмещают человек 15-18. Гондола, идущая к Монблану,

делает остановку, многие выходят и поднимаются дальше сами пешком до второй остановки или, наоборот, спускаются пешком в Шамони. Там и вокруг есть где походить и чем полюбоваться.

Подъёмник, который «гондола».
Видно на самом верху, куда он доходит

Остановка на полпути. На скамеечке сидят дети и смотрят на Монблан – пологая вершина слева от острей в центре кадра

Ослик в центре кадра, за ним Монблан,
а прямо над ним облако

Канатная дорога идёт выше. Самая высокая точка подъёма на гондole – «Южный пик». Это 3842 метра. Оттуда можно на лифте за отдельную плату подняться ещё на 40 метров, что мы и сделали. Выше праздным туристам не подняться. Дальше, к Монблану, идут уже всерьёз весьма подготовленные люди, альпинисты.

Я сняла Андрея, парящего в высоте, как орёл молодой.
А внизу видна площадка, откуда мы поднялись на лифте,
т.е. на 40 метров ниже

Мы с Андреем ликующие на высоте 3842, это запечатлен момент восторга. Слева написано «Южный пик» и его высота

При этом все ещё беспрерывно звонят по мобильникам домой в разные страны и докладываются, откуда именно они звонят или шлют СМС. Для пущего адреналина. Андрей, конечно, тоже позвонил прямо на дачу под Москвой, где летом собирается вся его семья с детьми и внуками. Отчитался. Монблан прямо над нами, рукой подать. Воздух очень чистый и холодно, притом что внизу больше 30 градусов жары. Но у меня голова слегка закружилась от высоты. Лучше всего человек чувствует себя на высоте от двух до трёх тысяч. Там полный кайф.

***

Недалеко от Шамони находится самый длинный в Альпах ледник, семикилометровый язык, постепенно тающий, особенно летом. Мы поехали туда из Шамони на допотопном поезде, состоящем из 4-х старых вагончиков. Поезд медленно, трясясь, идёт вдоль обрыва, вокруг красота.

Вот Андрей стоит и всё мне объясняет с географической и геологической точки зрения. Хотели там погулять и ехать так же на этом поезде обратно, но нас подбили одни старики пойти

траверсом до смотровой площадки на Монблан. («Траверсом» значит «двигаться вдоль склона хребта», т.е. вдоль гор, посерединке, без особых подъёмов или спусков). Мне очень понравилось это слово. И мы пошли, неправильно одетые, т.к. не предполагали никакого восхождения и пр.

Вот эта пожилая пара нас всё время обгоняла (причём, у него что-то с ногой, он хромает). А потом, уже наверху, именно они сказали нам, что пойдут дальше по тропе вдоль гор. А мы чем хуже?

Это мы над ледником ещё до принятия решения не возвращаться, а идти дальше. За нами ледник. Шли не торопясь часа 3 и радовались, что не вернулись в Шамони, потому что всюду открывались всё новые, захватывающие дух виды и множество пиков, у каждого из которых есть название. В результате оказались на одной из остановок той гандолы, на которой накануне поднимались к Монблану.

Вот так идут траверсом. Народу полно. И все друг другу улыбаются, уступают дорогу. Идут и старики, и семьи с детьми, идут люди из самых разных стран, говорят на разных языках, но здороваются все непременно по-французски.

***

Из Шамони мы снова на один день поехали в Швейцарию, в город Мартиньи. Сумасшедшая дорога над какими-то бесконечными пропастями. В окно поезда страшно было смотреть. Но и оторваться невозможно. А поехали мы туда, потому что в Мартиньи была выставка импрессионистов и по всей Верхней Савоие были развешаны рекламные щиты этой выставки.

Проходила она в выставочном зале Фонда Пьера Джанадды. В нём есть и небольшой концертный зал, висели афиши предстоящего концерта Чечилии Бартоле.

В ландшафтном парке этого Фонда, кроме скульптур (например, Генриха Мура), стоит небольшая беседка, расписанная Шагалом специально для Фонда Джанадды.

***

В Шамони мы провели 5 дней и оттуда поднимались пешком и на подъёмниках в разные горы к разным вершинам. В узкой долине, кроме Шамони, есть ещё несколько живописных деревень. Одна из них – Аржантьер, которую нам захотелось посмотреть, потому что чуть более 100 лет назад именно там жила девочкой Цветаева. Вот мы и поехали на автобусе по живописной дороге. Езды минут двадцать.

Всё осталось нетронутым, или же можно допустить, что дома перестраивались в том же стиле, что и раньше. Но нет, дома совсем старые. В котором именно жила Цветаева с сестрой и мамой, узнать не удалось. Жители не знают (я спрашивала), мемориальной доски нет. Известно, что жили они в маленькой гостинице.

Вот снимала пару улиц, да там их всего две-три и есть. Дома в основном тёмные, деревянные. Здесь видно, как задерживают бревном снег наверху над крыльцом, а под самой крышей складывают дрова.

Правая фотография сделана у въезда в эту деревушку, куда ведёт мост над горной речкой.

***

И снова в горы, по тропам, расходящимся из Шамони. Потому что ради гор мы и приехали сюда.

Андрей возле указателей маршрутов задумался, как витязь на распутье

По другую сторону долины Шамони возвышаются другие вершины, куда можно подняться на гондоле. Что я и сделала, а Андрей пошёл, не в лоб, конечно, а по боковой тропе. Наверху мы встретились, и по фотографии никто не догадается, кто из нас двоих по праву стоит с победоносным видом.

От этой красоты, простора, воздуха замирает сердце. Навязчиво хотелось произносить, что «лучше гор могут быть только горы, на которых ещё не бывал...».

Конечно, неоригинально, но в горы хочется ещё и ещё.

Об авторах

Марк Цайгер – геолог-нефтяник.

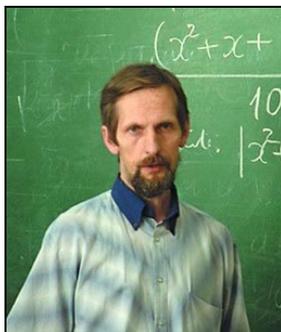

Моисей Каганов – профессор, доктор физико-математических наук.

Оскар Шейнин – историк математики, почетный член лондонского Королевского статистического общества.

Александр Чупров (1874-1926) – русский статистик

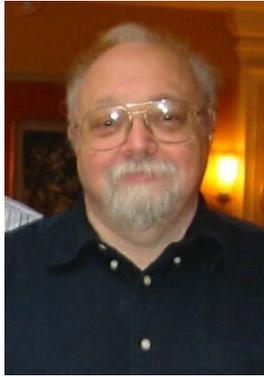
Игорь Чубаров – доцент кафедры высшей алгебры механико-математического факультета МГУ.

Сергей Сапожников – композитор, публицист

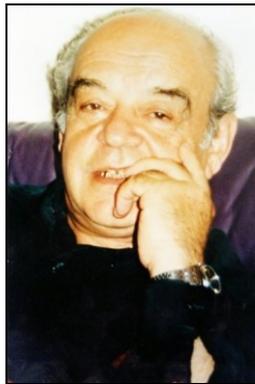
Артур Штильман – скрипач, автор книг о музыкантах.

Борис Тененбаум – автор исторических очерков и книг.

Евгений Брейдо – математик, программист и филолог.

Семен Талейсник – врач, литератор.

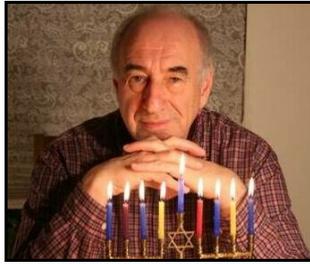
Михаил Цаленко – математик, правозащитник.

Владимир Янкелевич – морской офицер в отставке, публицист.

Алла Цыбульская – театровед, журналист.

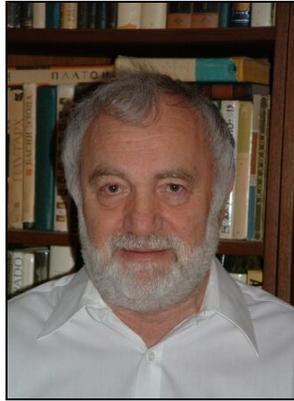
Борис Кушнер – профессор математики Питтсбургского университета, поэт, публицист.

Елена Аксельрод – поэт.

Павел Нерлер – историк, географ, литератор

Александр Матлин – инженер-строитель, печатается в периодической прессе

Наум Брод – драматург, писатель.

Лорина Дымова – поэт, прозаик, переводчица.

Александр Богданов – журналист.

Надежда Кожевникова – писатель.

Светлана Богданова - журналист.

Зоя Мастер – музыкант, литератор

Михаил Юдсон – писатель, литературный критик.

Игорь Ефимов – писатель, философ, издатель.

Лина Маркова – преподаватель, журналист

Маргарита Бурьянова – экскурсовод, преподаватель.

Журнал «Семь искусств», март 2013

ред.-сост. Евгений Беркович

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование

Изабеллы Побединой

446 стр. 16,0 а. л.

ISBN 978-1-291-39455-9

Общество любителей еврейской старины

Ганновер 2013